

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2016

№ 4 (42)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-29498 от 27 сентября 2007 г.

Международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-8613).

Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацисен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузинин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекабай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, председатель научной редакции, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Румянцев Петр Петрович**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, доцент; **Кулемзин Владислав Михайлович**, д-р ист. наук, проф.; **Ларьков Николай Семёнович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории и документоведения; **Румянцев Владимир Петрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений; **Тимошенко Алексей Георгиевич**, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой мировой политики; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Черняк Эдуард Исаакович**, д-р ист. наук, проф., директор института искусств и культуры ТГУ; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф.; **Шевелев Дмитрий Николаевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, проф.; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НОМЕРА

Беляев Леонид Андреевич, д-р ист. наук, проф., зав. отделом Института археологии РАН, гл. ред. журнала «Российская археология» (г. Москва); **Бобров Владимир Васильевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой Кемеровского государственного университета; **Молодин Вячеслав Иванович**, академик РАН, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск); **Ольшевски Войцех**, д-р ист. наук, проф. Университета Николая Коперника (г. Торунь, Польша); **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, проф. ТГУ; **Савинов Дмитрий Глебович**, д-р ист. наук, проф. Санкт-Петербургского государственного университета; **Чёрная Мария Петровна**, д-р ист. наук, проф. ТГУ (отв. ред.); **Чёрная Людмила Викторовна**, лаборант ТГУ (тех. секретарь); **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф. ТГУ; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, проф. ТГУ

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**ACADEMIC EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Chairman of the Academic Editorial Board, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Rumyantsev Peter P.**, Executive Editor, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Kulemzin Vladislav M.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Larkov Nikolay S.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of History and Documentation Studies; **Rumyantsev Vladimir P.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History and International Relations; **Timoshenko Aleksey G.**, PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of World Politics; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Chernyak Eduard I.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Museum Studies, Cultural and Natural Heritage, Director of the Institute of Art and Culture; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Shevelyov Dmitry N.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ancient and Medieval History and Methodology of History; **Sherstova Lyudmila I.**, Dr. of History, Professor; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE OF THE JOURNAL

Belyaev Leonid A. Dr. of History, Professor, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Bobrov Vladimir V.**, Dr. of History, Professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia); **Molodin Vyacheslav I.**, Academic of RAS, Dr. of History, Professor, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russia); **Olszewski Wojciech**, Dr. Hab., Professor, Nicolaus Copernicus University in Toruń (Toruń, Poland); **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor, TSU; **Savinov Dmitry G.**, Dr. of History, Professor, Sankt-Peterburg State University (Sankt-Peterburg, Russia); **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor, TSU (Executive Editor); **Chernaya Lyudmila V.**, TSU (Technical editor); **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor, TSU; **Sherstova Lyudmila I.**, Dr. of History, Professor, TSU

*Номер подготовлен при финансовой поддержке Томского государственного университета
и частичной финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда*

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ XVII МЕЖДУНАРОДНОЙ
ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ВОСТОК И ЗАПАД: ПРОБЛЕМЫ
СИНХРОНИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ»

Пленарные доклады

Китова Л.Ю., Чиндина Л.А. В.Н. Чернецов: путь в науку и методолого-методическое наследие	5
Герасимова М.М., Великанова М.С. Основные вехи жизненного и творческого пути Г.Ф. Дебеца	12
Крюкова Е.А. Лингвистическая школа А.П. Дульзона: от описательной лингвистики к междисциплинарным исследованиям	18
Молодин В.И. Направления миграционных потоков в эпоху ранней – развитой бронзы. Барабинская лесостепь (по данным археологии, антропологии и палеогенетики)	22
Савинов Д.Г. Археологические формы «тюркизации» населения Западной Сибири в историческом контексте	27
Бобров В.В. Тенденция историко-культурных процессов в лесостепи Западной Сибири	32
Яблонский Л.Т. Что такое скифский мир?	37
Беляев Л.А. Средневековые вестернизации и ориентальный вектор развития Руси: археологические версии	39
Чёрная М.П. Европейский компонент в этнокультурном диалоге сибирского сообщества: археолого-исторический контекст	46
Баранова С.И. К вопросу о генезисе московского средневекового изразца	53
Головнёв А.В. Этнокультурный потенциал и полиэтничность (российский ракурс)	61
Шерстова Л.И. Значение этнонимов в структурировании «кочевых империй» Евразии	68
Октябрьская И.В., Самушкина Е.В. Этнокультурный ренессанс в современной Сибири: общая характеристика и региональный опыт (на примере Республики Алтай и Республики Хакасия)	73
Ольшевски В. Историко-культурный контекст отношения поляков к жителям Сибири	80
Багашев А.Н. Межгрупповая изменчивость краниологических особенностей северных самодийцев и кетов	86

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ
В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКИХ ТРАДИЦИЙ.
НЕОЛИТ – РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Макаров Н.П. Красноярско-Канская лесостепь в диалоге культур неолита и бронзового века Западной и Восточной Сибири	94
Васильев Е.А. Транскультурные традиции Северо-Западной Сибири в эпохи неолита и раннего металла	98
Ковтун И.В. Клинковое оружие сейминско-турбинских группировок	103
Бобров В.В., Марочкин А.Г. Крохалевская культура ранней бронзы на территории Кузнецкой котловины (специфика материального комплекса и хронология)	108

CONTENTS

PAPERS OF THE XVIIITH INTERNATIONAL
WESTERN SIBERIAN ARCHAEOLOGICAL
AND ETHNOGRAPHIC CONFERENCE“THE EAST
AND THE WEST: THE PROBLEMS OF ETHNIC
AND CULTURAL INTERACTIONS’
SYNCHRONIZATION”

Plenary reports

Kitova L.Yu., Chindina L.A. V.N. Chernetsov: the Way to Science and Methodological and Methodical Heritage	5
Gerasimova M.M., Velikanova M.S. The main stages of life and creativity of George Debets	12
Kryukova E.A. Linguistic school by A.P. Dulzon: from descriptive linguistics to interdisciplinary studies	18
Molodin V.I. The directions of migration flows during an era early and the developed bronze. Baraba forest-steppe (according to archeology, anthropology and paleogenetics)	22
Savinov D.G. Archaeological forms of ‘turbization’ of Western Siberia’s population in a historical context	27
Bobrov V.V. Historical and Cultural Processes Trend in Forest-Steppe of Western Siberia	32
Yablonskiy L.T. What is the Scythian World?	37
Belyaev L.A. Medieval Westernizations in Russia and the Oriental factor: an archaeological approach	39
Chernaya M.P. The European Component in the Ethnic and Cultural Dialog of Siberian Society: The Archaeological and Historical Context	46
Baranova S.I. Study on the Genesis of the Moscow Medieval Ceramic Tiles	53
Golovnev A.V. Ethno-cultural potential and multi-ethnicity (Russian dimension)	61
Sherstova L.I. The significance of ethnonyms in the structuring of Eurasian ‘nomadic empires’	68
Oktyabrskaya I.V., Samushkina E.V. Ethnic-Cultural Renaissance in Siberia Nowadays: General Description and Regional Specificities (On the Materials from Altai and Khakassia Republics)	73
Olszewski W. Historical and cultural contexts of Poles’ attitudes towards the inhabitants of Siberia	80
Bagashev A.N. Intergroup variability of cranial special features of the Northern Samoyeds and Kets	86

ETHNIC AND CULTURAL INTERACTIONS OF
WESTERN SIBERIA’ AND NEIGHBOURING
TERRITORIES’ POPULATION IN THE CONTEXT
OF THE EUROASIAN TRADITIONS. THE
NEOLITHIC – THE EARLY IRON AGE

Makarov N.P. The Krasnoyarsk and Kansk forest steppe and its place in the cultural dialogue of Neolithic Period and Bronze Age in Western and Eastern Siberia	94
Vasilev E.A. Transcultural traditions of North-West Siberia in Neolithic and Early Bronze Age	98
Kovtun I.V. Bladed Weapon of Seymino-Turbino Groups	103
Bobrov V.V., Marochkin A.G. Early Bronze Age Krokhalievo Culture on the Territory on Kuznetsk Depression (Material Complex and Chronology Specifics)	108

Коробейников И.Н. Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла Нижнего Приобья	113
Тишкин А.А. Новые находки «оленных» камней в Монголии с изображением панциря и меча	117
Тишкин А.А., Фролов Я.В. Проушные металлические топоры Обь-Иртышского междуречья: тенденции изменений форм в конце эпохи бронзы и начале раннего железного века	124
Герман П.В. Тагарский склеп с изделиями из золотой фольги в Мариинской лесостепи (материалы раскопок 1969 г.)	129
Бородовский А.П. К вопросу о поздне римском «импорте» и его репликах на территории Верхней Оби	134
Матвеева Н.П., Алиева Т.А. Башни в фортификационном строительстве раннего железного века (саргатская культура)	141
Плетнёва Л.М. Бронзовые «скифские» котлы из с. Дзержинское (Томская область)	144
Панкратова Л.В. Ажурная орнитоморфная металлопластика Кулайского и Саровского святилищ: к проблеме генезиса кулайского стиля	150
Рыбаков Д.Ю. Статистический анализ керамического комплекса городища Тимирязево III и его культурно-хронологический контекст	157

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Иерусалимская С.Ю., Иерусалимский Ю.Ю. Рецензия: Сысоева Е.К. Школа в России. XVIII – начало XX вв.: власть и общество. М.: Новый хронограф, 2015. 512 с.	162
Родигина Н.Н. Рецензия: Человек в меняющемся мире. проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: сб. науч. ст. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. 296 с.	164
Чиндина Л.А., Молодин В.И., Рыкун М.П., Чёрная М.П. «Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены...». Памяти Леонида Теодоровича Яблонского (1950–2016)	167
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	173

Korobeynikov I.N. Chronology and cultural association of archaeological sites in early metal age of the Lower Ob	113
Tishkin A.A. New Findings of “Deer” Stones in Mongolia Depicting an Armor and a Sword	117
Tishkin A.A., Frolov Ya.V. Eyed Axes of the Ob-Irtysh Interfluvium: Trends of Changing Forms of the Late Bronze Age and Early Iron Age	124
German P.V. Tagar Burial Vault with Objects of Golden Foil in Mariinsk Forest-Steppe (materials from excavations of 1969)	129
Borodovskiy A.P. On the Late Roman "Import" and Its Replicas on the Territory of the Upper Ob Region	134
Matveeva N.P., Allilyeva T.A. The Watch-Towers of the Defensive Structures in Early Iron Age (Culture of Sargatka)	141
Pletneva L.M. Bronze “Scythian” Cauldrons from the Village of Dzerzhinskoye (Tomsk Region)	144
Pankratova L.V. Openwork ornithomorphic repoussage of Kulai and Sarovka Sacred Sites: problem of the genesis of Kulai style	150
Rybakov D.Yu. Statistical analysis of Timiryazovo III hillfort’s pottery complex and its cultural and chronological context	157

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

Ierusalimskaya S.Ju., Ierusalimskij Ju.Ju. Review: Sysoeva E.K. School in Russia. XVIII – early XX centuries: governance and society. M., 2015. 512 p.	162
Rodigina N.N. Review: Man in a Changing World. Identity and Social Adaptation in History and Modernity: Methodology, Methods and Practices of Research: collection of scientific articles. Tomsk: Tomsk University Press, 2015, 296 p.	164
Chindina L.A., Molodin V.I., Rykun M.P., Chernaya M.P. "To all our meetings of separation, alas, suzhdena ...". Leonid Teodorovich Yablonskiy's Memories (1950–2016)	167
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	173

МАТЕРИАЛЫ XVII МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВОСТОК И ЗАПАД: ПРОБЛЕМЫ СИНХРОНИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ»

Пленарные доклады

УДК 902 (075.8) (571.1/5)
DOI: 10.17223/19988613/42/1

Л.Ю. Китова, Л.А. Чиндина

В.Н. ЧЕРНЕЦОВ: ПУТЬ В НАУКУ И МЕТОДОЛОГО-МЕТОДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (№ 33.1175.2014/К).

Анализируются методологические подходы и методы, используемые в археологии известным исследователем Сибири В.Н. Чернецовым. Его мировоззрение было палеоэтнологического направления. В археологических исследованиях он использовал комплексный подход и широкие этнографические параллели в решении вопросов происхождения археологических культур, а также рассматривал археологию, этнографию, лингвистику и антропологию как неразрывно связанные дисциплины, которые в синтезе должны помочь в решении проблем этногенеза сибирских народов. Впервые вводятся в научный оборот некоторые неизвестные факты жизни и деятельности исследователя.

Ключевые слова: история сибирской археологии; методология; культура; В.Н. Чернецов.

Современное состояние отечественной археологии таково, что теоретико-методологические вопросы не воспринимаются научным сообществом как актуальные. Длительное существование отечественной науки в изоляции от мировой, а также следование марксизму как единственно верному философскому направлению привели в постперестроечную эпоху к плюрализму идей. На сегодняшний день в истории науки отмечается эклектичность использования подходов, принципов и методов, проникших в археологию из различных философских течений [1. С. 11–20; 2. С. 40–41]. С накоплением источников серьёзно пересматриваются старые схемы, что естественно. Однако подчас неоправданно активно предлагаются ревизия и некорректная критика фундаментальных понятий (археологическая культура, культурно-историческая общность, этничность), надёжно отработанных методов, особенно важнейшего в археологии, приводящего источники в систему – сравнительно-типологического метода как одну из форм сравнительно-исторического.

На наш взгляд, возвращение на новом уровне к разработке теоретико-методологических проблем археологии возможно после скрупулезного изучения опыта наших предшественников по наиболее важным вопросам теории и методологии науки. И в данном случае полезно обратиться к корифеям отечественной археологии, занимавшимся изучением археологических памятников Западной Сибири.

1950-е гг. ознаменовались выходом в свет крупнейших обобщающих работ по древней и раннесредневековой истории Сибири целой плеяды классиков оте-

чественной науки. Среди них достойное место занимают труды Валерия Николаевича Чернецова. Его исследования поражают мощностью территориально-хронологического (бассейн крупнейших рек Сибири – Оби и Иртыша и сопредельных территорий, от неолита до XIII в. н.э.) и культурологического размаха, глубиной, логикой и многообразием творческой мысли учёного, умевшего убеждать читателя и собеседника в значимости поднятых проблем. Причём, что очень ценно для историка, его исследования свободны от каких-либо воздействий и полностью самостоятельны.

С 1980-х гг. стало хорошей традицией в юбилейные даты Учёного и Учителя посвящать Западносибирские археолого-этнографические конференции его памяти. Прежде всего потому, что методолого-методические подходы по культурно-этнической истории в работах В.Н. Чернецова не утратили своей актуальности, несмотря на пересмотр ряда конкретно-исторических гипотез в свете новых источников и научных открытий. Способность концептуально мыслить, глубокое видение этничности, как неотъемлемого свойства любого народа, и интуиция большого ученого, умение рассмотреть за археологическими остатками культуру и создавший ее этнос позволили Валерию Николаевичу при крайне ограниченной источниковой базе того времени обозначить стратегические направления исследований по истории древнего населения Урало-Сибирского региона.

В.Н. Чернецов (1905–1970) не сразу пришел в гуманитарную науку, его интерес к археологии и этнографии был обусловлен путем, который он проделал в

сложное и бурное время политических и социально-экономических перемен первой трети XX в. в России.

Валерий Николаевич происходил из семьи потомственного почетного гражданина, известного московского архитектора, окончившего Московское училище живописи, ваяния и зодчества Николая Николаевича Чернецова (1874–1944) [3. Л. 3]. Как гласит семейная традиция, Николай Николаевич от своего отца, промотавшего в карты все, что было, унаследовал одни долги. Из гордости он отказался от банкротства и годами платил по его счетам. Н.Н. Чернецов был женат на Марье Ивановне из старого семейства полтавских купцов и промышленников Барбашевых. Супруги Чернецовы воспитывали троих детей: старших дочерей – Милицью, Галину, и сына – Валерия, которого дома все звали Вале́й. В Москве у семьи Чернецовых были собственный большой доходный дом на Басманной, который после революции 1905 г. был продан, и приобретено несколько квартир, сдававшихся и обеспечивающих «не столько доход, сколько выплату всех налогов» [4]. В столице до сих пор сохранился ряд доходных домов и зданий, построенных по проектам Н.Н. Чернецова. Заработав себе потомственное почетное гражданство, Николай Николаевич мечтал отправиться на Амазонку. В его библиотеке находилось громадное множество карт, словарей, и он самостоятельно, хотя и пассивно, освоил восемь языков. После Октябрьской революции Н.Н. Чернецов отказался строить для новой системы, оставил проектную деятельность и зарабатывал на жизнь сначала в Управлении городских железных дорог, а затем преподаванием ландшафтной архитектуры в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. У матери В.Н. Чернецова Марии Ивановны несколько помутился рассудок вследствие политических передраг и потери имущества. «До последнего своего дня, а она умерла уже в 1947 г., <...> бедная старушка таскала на поясе здоровенную связку ключей от давно уже чужих дверей», – вспоминал ее внук, известный российский ученый и общественный деятель, профессор Московского архитектурного института В.Л. Глазычев [Там же].

Валерий Николаевич Чернецов до четвертого класса учился в Московской практической академии коммерческих наук. Это было среднее учебное заведение для подготовки коммерсантов в Российской империи, единственное в Москве, где изучались английский, немецкий и французский языки. В.Н. Чернецов хорошо овладел английским и слабее – немецким и французским. После революции 1917 г. академия пришла в упадок, и Чернецов продолжал среднее образование сначала в трудовой школе, а в 1920 г. поступил на биологическое отделение Пречистенского рабочего факультета, который в 1921 г. был преобразован в институт. Летом 1921 г. Валерий Николаевич прошел практику на биологической станции под Москвой, однако уже зимой 1922 г. перевелся в Московский электротехнический институт, в котором учился до лета 1923 г., а

затем уехал в экспедицию на Северный Урал в качестве радиотехника [3. Л. 4, 11].

Племянник Валерия Николаевича В.Л. Глазычев вспоминал: «В 18-м он (В.Н. Чернецов. – Л.К., Л.Ч.), в гимназической форме, произносил страстные речи во дворе клуба анархистов (где нынче театр Ленком), но за две недели до ареста и истребления большинства завсегдатаев этого места родители уговорили дяденьку поступить на курсы радистов. Дядя Валя курсы окончил и был направлен к самоедам в Арктику, на метеостанцию» [4]. Видимо, даты в семейной традиции стерлись. В 1918 г. Чернецову было 13 лет и в период Гражданской войны была проблематична организация экспедиции из столицы. А вот резкая смена деятельности Чернецовым в 1923 г. давно нас наводила на размышления о её причинах. Возможно, Валерий Николаевич и испытывал юношеские симпатии к анархистам и в 1921–1923 гг. участвовал в каких-то мероприятиях, организованных ими. Например, анархо-синдикалисты готовили объединительные акции, в том числе в июне 1923 г. съезд в Москве [5]. Большевики в свою очередь проводили систематические чистки от любых оппозиционеров и, возможно, по этой причине родители В.Н. Чернецова уговорили его уехать подальше от Москвы. С 1923 по 1925 г. он работал радиотехником в экспедиции, организованной Высшим геодезическим управлением на Северном Урале, в Ивдельском районе [3. Л. 5]. Именно эта экспедиция определила судьбу В.Н. Чернецова. Он долго жил среди обских угров, выучил мансийский язык и собрал великолепный материал по фольклору манси. Поездка на Урал содействовала формированию его научных интересов [6. С. 194].

В 1925 г. В.Н. Чернецов поступает на второй курс этнографического факультета Ленинградского географического института, который вскоре был объединен с географическим факультетом Ленинградского университета. Валерий Николаевич специализируется по этнографии. Его университетскими учителями были известные российские этнографы В.Г. Богораз-Тан и Л.Я. Штернберг [7. С. 6]. Он слушал лекции С.И. Руденко и С.А. Теплоухова, преподававших на географическом факультете и являвшихся сторонниками палеоэтнологического подхода. Кроме того, во второй половине 1920-х гг. этнография в России традиционно развивалась в контексте естественнонаучных дисциплин и была тесно переплетена с географией и антропологией. В.Н. Чернецов своим обучением был подготовлен к комплексным исследованиям по этнографии, археологии, лингвистике. За годы учебы (1925–1930) в ЛГУ он несколько раз, в 1925 и 1926–1927 гг., выезжал в долговременные экспедиции в районы расселения хантов и манси (обских угров), собирал этнографический материал и провел первые археологические разведки по рекам Северной Сосьве и Конде. Летом 1927 г. по заданию Музея антропологии и этнографии АН СССР В.Н. Чернецов изучал наскальные изображения р. Тагила.

Особое значение для формирования археологического интереса у В.Н. Чернецова имела Ямальская экспедиция 1928–1929 гг., организованная Уральским комитетом Севера для обследования населения и хозяйства тайги и тундры во главе с В.П. Евладовым [8]. Исследователем проведены раскопки и сборы на р. Пяседай, мысу Хаэн-Сале и Тиулей-Сале и была поставлена задача сравнить современную культуру ямальских ненцев с культурой древних жителей полуострова [9]. В 1933–1935 гг. В.Н. Чернецовым были проведены разведки в Нижнем Приобье по левому берегу р. Северной Сосьвы между селом Сартынья и устьем р. Сартынья, а также в окрестностях села Саранпаул на р. Ляпин [10].

В ленинградский период деятельности (1925–1940) ученого много времени занимали полевые исследования, сбор разнообразнейших материалов по этнографии, фольклору, лингвистике, верованиям, искусству народов Обского Севера [11]. К началу 1940-х гг. он успел совершить десять тяжелейших экспедиций и полевых экскурсов длительностью от трех месяцев до двух лет [7. С. 7]. Поступив по окончании Ленинградского университета (1930) на работу в Институт народов Севера, В.Н. Чернецов работает над созданием мансийской письменности. Итогом работы станет издание мансийского букваря, мансийско-русского словаря и грамматики мансийского языка [12–15]. Обращение В.Н. Чернецова к лингвистике не случайно, он полагал, что изучение современного этноса, его языка позволит исследовать историю народа от современности вглубь веков.

В 1940 г. Валерий Николаевич переводится в Москву и становится сотрудником ГАИМК. В московский период его деятельности (1940–1970) археологические исследования выходят на первый план. В 1942 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Основные этапы истории Приобья с древнейших времен до X в. н.э.» [7. С. 8]. В 1945 г. В.Н. Чернецов возглавил Северобарбинскую экспедицию, перед которой стояла цель провести разведки по р. Иртышу от г. Омска до г. Тары [16]. В 1946 г. он руководил Мангазейской экспедицией, в задачи которой входило обследование городища XVII в. Мангазея, а также были раскопаны ряд поселений, в том числе Салехард I, эпохи бронзы, Зеленая горка раннего железного века [17, 18].

В 1948–1952 и 1955–1956 гг. В.Н. Чернецов – начальник Западносибирской экспедиции, которая проводит обширные археологические исследования по правому берегу р. Оби. Были раскопаны городище Сузгун, датированное XIV в., жертвенное место Сузгун II и городище Потчеваш близ Тобольска, многослойное поселение Большой лог близ Омска, городище Жилье и Андрюшкин городок на Андреевском озере и др. [19–22].

Итогом археологических исследований В.Н. Чернецова стали труды «Древняя история Нижнего Приобья» и «Нижнее Приобье в I тыс. н.э.», в которых впервые были систематизированы древности региона, выделен ряд археологических культур и дана периодизация

культурно-исторического развития от неолита до XIII в. Кроме того, в этих работах Валерий Николаевич углублял разработку приаральской гипотезы формирования финно-угорских народностей [21, 22], выдвинутую им впервые в «Очерке этногенеза обских югров» [23], освещенную также в докладе на совещании по методологии этногенетических исследований [24].

При разработке проблемы о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы В.Н. Чернецов высказал принципиальное соображение о роли орнамента для установления этнической общности [Там же. С. 24–25]. В своих изысканиях он большое место отводил самому массовому материалу, керамике, которая позволяла проследить общее и особенное в орнаменте на соседних территориях, его развитие и изменение. Он исходил из того, что существование и изменение орнамента тесно связаны с сохранением и изменением его семантики, определяемой мировоззрением общества [Там же. С. 25]. Этнографические параллели давали возможность составить основу доказательств. Так, например, В.Н. Чернецов находил полное тождество между штампованными узорами на керамике зеленогорского времени и на берестяной посуде хантов и манси и считал, что оба орнамента «были изображениями следов, заменивших собой животных – тотемных апотропеев» [25. С. 69]. В целом исследователь пришел к выводу, что «территория распространения различных групп гребенчатой керамики соответствует распространению финно-угорских языков и в носителях культур гребенчатой керамики можно видеть финно-угорские племена в различных фазах их развития» [24. С. 25].

В начале 1950-х гг. В.Н. Чернецовым была выдвинута идея единой урало-сибирской культурно-этнической общности в эпоху неолита. В пределах этой общности он выделил четыре провинции со специфическими чертами в гребенчатом орнаменте: прикамскую, уральскую, западносибирскую и нижнеобскую [Там же. С. 26–27]. В «Древней истории» В.Н. Чернецов развивает эту идею и в состав культурно-этнической общности включает не только Урал и Западную Сибирь, но и Казахстан [25. С. 56–59]. К началу 1970-х гг. он теоретически обосновывает выделение трех этнокультурных ареалов в лесной и субарктической зонах Евразии: урало-сибирский, байкало-ленский и даурский. Важнейшим культурно- и этноопределяющим признаком Чернецов считал керамику [26. С. 10–17]. Местом формирования урало-сибирской общности он определил Приаралье, подтверждение этому находил в сходстве материальной культуры и орнаментации керамики урало-сибирских провинций с памятниками кельтеминарской культуры Приаралья. Причину движения племен из Приаралья исследователь связывал с развитием хозяйства, технологий и ростом численности населения. В.Н. Чернецов полагал, что движение племен шло двумя основными потоками по обе стороны Уральского хребта, послужив «одним

из оснований к разделению первичной общности на две группы и выделению из прото-финно-угорского языка – основы двух ветвей, в дальнейшем давших угорские (к востоку от Урала) и финские (к западу от Урала) языки» [24. С. 27–28].

В.Н. Чернецов отмечал, что в эпоху бронзы лесные районы Зауралья и Приобья испытывали более сильное влияние с юга, со стороны носителей андроновской культуры [25. С. 58]. В памятниках раннего железного века им было выявлено сочетание двух компонентов – арктического северного и южного степного. Сходство с южными культурами проявилось, по его мнению, в распространении оружия скифо-сарматских форм, в господствующей форме усть-полуйской керамики, имитирующей скифский бронзовый котел на поддоне, в орнаменте. Также в усть-полуйской культуре (IV в. до н.э. – I в. н.э.) исследователь обнаружил черты, близкие как к древним, так и современным культурам северо-востока Азии. Он наблюдал сходство не только в формах хозяйства, уровне технологий, но и «в чертах и деталях, которые могут явиться лишь следствием этнического общения», относя к таковым «единообразие в конструкции собачьей упряжи, сходство уздечки для оленя-манщика с подобными уздечками у тунгусов и чукотской ездовой уздечкой, сходство в деталях конструкции жилищ с некоторыми протоэскимскими» и др. [27. С. 235–236].

Валерий Николаевич разработал гипотезу происхождения и расселения хантов и манси, обратив внимание на их взаимоотношения с самодцами. Он считал, что угорские племена в районе Томско-Нарымской Оби были в Средневековье ассимилированы самодийцами. В.Н. Чернецов пришел к выводу, что «около I тыс. до н.э. степные и лесостепные территории, лежащие к югу от тогдашней тайги, были населены древнеугорскими племенами, переходившими в то время от пастушеского скотоводства к кочевому коневодству. Вся территория лесной полосы и далее на север до арктического побережья представляла область расселения смешанных племен, пришедших сюда еще в неолите с юга и востока» [Там же. С. 237–238].

Таким образом, появление усть-полуйской и родственных ей лесных культур, например потчевашской, исследователь связывал с приходом на север угорских племен. Более того, по его мнению, потчевашская культура стала исходной при формировании усть-полуйской, а средневековая нижеобская (II–XIV вв.), пережившая несколько этапов, продолжала угорские традиции и фиксировала формирование манси и хантов. С севера и юго-запада они контактировали с палеоазиатами и самодийцами (селькупам) [22. С. 238–241].

В 1957–1960 гг. В.Н. Чернецов продолжил изучение наскальных изображений Урала. К 1970 г. он обобщил накопленные данные в докторской диссертации, защитить которую он не успел [28], но материалы были изданы [29]. В ней учёный рассмотрел специфику уральской символики и иконографию наскальных изображе-

ний, а также их особое место в ряду других групп – ангарской, томской, норвежской. Он интерпретировал их как источник для реконструкции этносоциальных, мировоззренческих и экологических особенностей древних угорских культур [30].

В 1950-е гг. почти не рассматривались ни история научной мысли, ни особенности теоретико-методологических направлений либо они велись по касательной. Этому способствовали общее развитие философии в стране, находившейся в русле универсальных «больших» теорий, а также неподготовленность археологов к самостоятельному философскому методологическому анализу. Он начался только в 1960-е гг.

Конкретно-исторические исследования и обобщающие работы В.Н. Чернецова основаны на определённых методологических подходах, хотя до конца 1960-х гг. он их целенаправленно не формулировал. Только в поздних своих работах он чётко изложил принципы и позиции процедуры исследования историко-культурных процессов и формирования этнокультурных ареалов у аборигенов лесной и субарктической зон Урала и Сибири [26; 28–31].

Конечной целью исследований В.Н. Чернецова была реконструкция истории древнего населения северо-запада Западной Сибири. Начинать реконструкцию он предлагал с систематизации всего археологического материала и установления генетического единства между культурами и общностями, что он фактически и изложил в своей схеме [21, 22].

На итоговом этапе единство можно рассматривать и в этническом аспекте, имея в виду не отдельные народности, а крупные этнолингвистические общности, и попытаться (хотя бы гипотетически) увязать с той или иной конкретной языковой семьёй (предлагал назвать их этнокультурными ареалами), указывая, что этот процесс шёл на широкой территории, хотя первоначально она могла быть достаточно ограниченной. При выделении этнокультурных ареалов он «руководствовался некоторыми исходными предпосылками, частью умозрительными, а частью основанными на эмпирических данных» [31. С. 113]. Особое место в его исследованиях занимала угорская общность.

Основным объектом изучения для учёного была культура, а точнее археологические остатки её материального выражения. Культура рассматривалась им как динамичная, многообразная система, развивающаяся под воздействием природной и общественной среды. Поэтому необходим скрупулёзный сравнительно-типологический анализ на микро- и макроуровнях всех её характеристик в культурно-хозяйственном и этнокультурном аспектах. В.Н. Чернецов предлагал, выявляя культурно-хозяйственный аспект, сопоставлять на разных исследуемых территориях внешнюю среду, главным образом ландшафтно-экологического своеобразие региона и внутреннее развитие его населения, т.е. хозяйственный быт, типы жилищ, основные категории инвентаря в их функциональном значении. Это дает

возможность выявить в первую очередь специфику культуры отдельного района.

Основными этнокультурными показателями он считал не функциональные, а технические особенности орудийной деятельности, выражающиеся в приёмах обработки и передающиеся по наследству (традиция). Ещё большую роль имеют орнамент и другие формы изобразительной деятельности. Его анализ орнаментов во многом превосходил современные семиотические разработки. Выявленные специфические и традиционные черты составляют типическую модель культуры, отражаются в её материальной, духовной и социальной сферах [26. С. 11; 31. С. 113–114].

Валерий Николаевич предостерегал от случайных, непроверенных аналогий: любые из них следует рассматривать в комплексе традиционных черт, что позволит проконтролировать степень их близости или отдалённости.

В целом он считал, что при выделении этнокультурных ареалов и культур необходимо привлекать данные смежных дисциплин: антропологии, археологии, этнографии и лингвистики. «Все материалы, вместе

взятые, дают возможность подойти к вопросу как с древнейшей поры, так и ретроспективно от исторической современности, что в какой-то степени позволяет контролировать выводы» [26. С. 12].

В.Н. Чернецов, отталкиваясь от палеоэтнологического подхода, разработал собственную методологию, в меру приглядываясь к разработкам зарубежных учёных. В известной мере его взгляды перекликались с некоторыми идеями исторической школы Ф. Боаса, в частности понимание необходимости и тщательности изучения культуры каждого народа [32–35], причём при оценке обычаев разных этносов нужно помнить, что они индивидуальны. Главными принципами исследовательской работы В.Н. Чернецова были историчность, междисциплинарный подход, системный анализ историко-культурных процессов, культур и общностей с акцентом на этнический аспект. Такой методологический подход остаётся актуальным. Идеи В.Н. Чернецова подпитывают современную науку, заставляют вести дискуссии по разным сюжетам, являются школой научного поиска для молодого поколения исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурун А.К. Статус реконструкции в фольклорно-этнографических исследованиях // Традиционное сознание: проблемы реконструкции. Томск, 2004. С. 11–20.
2. Мельникова О.М. Методология современной отечественной археологии: стихия традиции или поиск обоснованного выбора? // XVII Уральское археологическое совещание: материалы науч. конф. Екатеринбург; Сургут; Магеллан, 2007. С. 40–41.
3. Личное дело Чернецова Валерия Николаевича // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 337. Л. 1–33.
4. Глазых В. Померанцев переулочек // Отечественные записки. 2014. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru>, свободный (дата обращения: 21.05.2016).
5. Рублёв Д. Анархисты в Советской России 1922–1953: Стратегии борьбы и выживания в условиях диктатуры. URL: <http://www.aitrus.info/node/4586>, свободный (дата обращения: 22.05.2016).
6. Васильев В.И., Симченко Ю.Б., Соколова З.П. Валерий Николаевич Чернецов // Советская этнография. 1970. № 4. С. 194–196.
7. Косарев М.Ф. Валерий Николаевич Чернецов: ученый, человек, учитель (1905–1970) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти В.Н. Чернецова. М.: Институт археологии РАН, 2006. С. 6–16.
8. Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на крайний север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера СО РАН, 1992. 281 с.
9. Чернецов В.Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 109–133.
10. Чернецов В.Н. Командировка в Березовский район Остяко-Вогульского округа (1935) // Советская археология. 1937. Вып. 3. С. 254–256.
11. Решетов А.М. В.Н. Чернецов: Ленинградский период жизни и деятельности (1925–1940 гг.) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 33–36.
12. Чернецов В.Н. Новый путь. Начальная мансийская учебная книга. Л.: Учпедгиз, 1932. 80 с.
13. Чернецов В.Н. Советский Север. Книга по обучению грамоте для начальных школ Севера. Л.: Учпедгиз, 1932. 64 с.
14. Чернецов В.Н. Мансийский (вогульский) язык. Очерк фонетики, морфологии и синтаксиса // Языки и письменность народов Севера. Л., 1937. Т. 1. С. 163–192.
15. Чернецов В.Н., Чернецова И.Я. Краткий мансийско-русский словарь. М.; Л.: Учпедгиз, 1936. 213 с.
16. Чернецов В.Н. Отчет о разведках в Омской области // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. № 17. С. 79–91.
17. Чернецов В.Н. О работах Мангазейской экспедиции // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. № 21. С. 159–162.
18. Чернецов В.Н. Зеленая горка близ Салехарда // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949. № 25. С. 67–74.
19. Мошинская В.И., Чернецов В.Н. Городище Большой Лог // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1951. № 37. С. 78–87.
20. Мошинская В.И., Чернецов В.Н. Городище Андришин городок // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1953. № 51. С. 93–98.
21. Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья (МИА, № 35). М.: Изд-во АН СССР, 1953. 360 с.
22. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. (Материалы и исследования по археологии. № 58). М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 136–245.
23. Чернецов В.Н. Очерк этногенеза обских угров // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1941. № 9. С. 18–28.
24. Чернецов В.Н. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы // Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленные к совещанию по методологии этногенетических исследований. М.: ИИМК АН СССР, 1951. С. 24–29.
25. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья (Материалы и исследования по археологии, № 35). М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 7–71.
26. Чернецов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. Сборник статей, посвященный памяти В.Н. Чернецова. М.: Наука, 1973. С. 10–17.

27. Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья (Материалы и исследования по археологии, № 35). М. : Изд-во АН СССР, 1953. С. 221–241.
28. Чернецов В.Н. Опыт выделения этнокультурных ареалов в Северо-Восточной Европе и Северной Азии // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969. С. 112–119.
29. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1970. 62 с.
30. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. Часть вторая // Свод археологических источников. В4.12. М. : Наука, 1971. 120 с.
31. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Уральского ареала // Проблемы происхождения и древней истории угров : сб. ст., посвящ. памяти В.Н. Чернецова. М. : Наука, 1972. С. 23–55.
32. Боас Ф. Ум первобытного человека. М. ; Л., 1926; М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 153 с.
33. Boas F. The Mind Of Primitive Man .New York: The Macmillan Company, 1911. 332 p.
34. Boas F. General Anthropology. Boston, New York [etc.]: D.C. Heath and Company, 1938. 741 p.
35. Boas F. Race, language and culture. New York : The Macmillan Company, 1940. 648 p.

Kitova Lyudmila Yu. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: lyudmila.kitova@mail.ru; Chindina Lyudmila A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: chindina37@mail.ru

V.N. CHERNETSOV: THE WAY TO SCIENCE AND METHODOLOGICAL AND METHODICAL HERITAGE.

Keywords: history of Siberian archaeology; methodology; culture; V.N. Chernetsov.

The article is dedicated to the analysis of the heritage and foundations of the methodological research on ethnic and cultural history of the Ural and Siberian peoples by the prominent scientist V.N. Chernetsov. There is a brief overview of the researcher's way to humanitarian scientific sphere; unknown facts of his life are given. The main directions and milestones of his scientific activity are shown. The first direction was the conduction of numerous archaeological and ethnographic expeditions in the forest regions of Western Siberian Arctic, Ural and Trans-Ural, Lower Ob-river and Lower Irtysh-river basins. The second was the creation of strong generalizing territorial and chronological scheme of the cultural and historical development of Ural and Siberian peoples from the Neolith to the Middle Ages. He set priorities for Ust-Poluy and Potchevash cultures, considering them as the basis for Ugric peoples of Western Siberia (Khanty, Mansi, partly Hungarians). Detecting ethnic and cultural areas the scientist considered them as large ethnic and linguistic communities (the Ugric, Samoyed and Paleoasian ones). He had been most consistently elaborating the Ugric constituent of the cultural and historical processes. Methodologically the researcher started from the paleoethnologic school of the Russian science. He considered culture as the main object of study and as a dynamic diverse system developing under the effect of natural and social environment. The main V.N. Chernetsov's principles of scientific work were historicity, interdisciplinary (including physical anthropology, archaeology, ethnography, linguistics and geography) approach, system analysis of historical and cultural processes, cultures and communities. His basic method was the comparative-historical one, which includes detection of ethnic and cultural specifics in ornamental designs, art activity (bronze molding, bone and clay sculpture, specificity in construction, technology, artifacts, dressing etc.). The most important culture defining sign perceived by him were ornamental designs as the semantic indicator passing from generation to generation and becoming a tradition. Basing upon genetic and retrospective analysis the researcher studied the dynamics of ethnic and cultural development. Methodological approaches of Valery N. Chernetsov have not lost their actuality, in spite of revision of a number of specific historical hypotheses (chronology and ethnic attribution of Ust-Poluy and Potchevash cultures at Zelyonaya Gora stage).

REFERENCES

1. Bayburin, A.K. (2004) Status rekonstruktsii v fol'klorno-etnograficheskikh issledovaniyakh [The status of the reconstruction in the folklore and ethnographic studies]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Traditsionnoe soznanie: problemy rekonstruktsii* [The traditional mind: the problem of reconstruction]. Tomsk: NTL. pp. 11–20.
2. Melnikova, O.M. (2007) [The methodology of modern Russian archeology: Tradition or search for the informed choice?]. *XVII Ural'skoe arheologicheskoe soveshchanie* [The 17th Ural Archaeological Meeting]. Proc. of the Research conference. Ekaterinburg; Surgut; Magellan. pp. 40–41. (In Russian).
3. *The Manuscript Archive of the Institute of History of Material Culture*. Fund 35. List 5. File 337.
4. Glazychev, V. (2014) Pomerantsev pereulok [Pomerantsev Lane]. *Otechestvennye zapiski*. 2. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru>. (Accessed: 21st May 2016).
5. Rublev, D. (n.d.) *Anarkhisty v Sovetskoy Rossii 1922–1953: Strategii bor'by i vyzhivaniya v usloviyakh diktatury* [Anarchists in Soviet Russia, 1922–1953: Strategies of combat and survival under dictatorship]. [Online] Available from: <http://www.airrus.info/node/4586>. (Accessed: 22nd May 2016).
6. Vasiliev, V.I., Simchenko, Yu.B. & Sokolova, Z.P. (1970) Valeriy Nikolaevich Chernetsov [Valery Tchernetsov]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 194–196.
7. Kosarev, M.F. (2006) Valeriy Nikolaevich Chernetsov: uchenyy, chelovek, uchitel' (1905–1970) [Valery Tchernetsov: scholar, man, teacher (1905–1970)]. In: Kosarev, M. (ed.) *Miroponimanie drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii. Pamyati V.N. Chernetsova* [The worldview of ancient and traditional societies of Eurasia. In the memory of V. Chernetsov]. Moscow: Institute of Archaeology RAS. pp. 6–16.
8. Evladov, V.P. (1992) *Po tundram Yamala k Belomu ostrovu. Ekspeditsiya na krajniy sever poluostrova Yamal v 1928–1929 gg.* [Through the Yamal tundra to the White Island. The expedition to the extreme north of the Yamal Peninsula in 1928–1929]. Tyumen: Institute of the Problems of Northern Development, SB RAS.
9. Chernetsov, V.N. (1935) Drevnyaya primorskaya kul'tura na poluostrove Yamal [The ancient maritime culture on the Yamal Peninsula]. *Sovetskaya etnografiya*. 4–5. pp. 109–133.
10. Chernetsov, V.N. (1937) Komandirovka v Berezovskiy rayon Ostyako-Vogul'skogo okruga (1935) [The trip to Berezovsky district of Ostyako-Vogul'sk County (1935)]. *Sovetskaya arheologiya*. 3. pp. 254–256.
11. Reshetov, A.M. (2005) V.N. Chernetsov: Leningradskiy period zhizni i deyatel'nosti (1925–1940 gg.) [V.N. Chernetsov: The Leningrad period of life and activity (1925–1940)]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of historical and cultural development of ancient and traditional societies of Western Siberia and adjacent territories]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 33–36.
12. Chernetsov, V.N. (1932) *Novyy put'. Nachal'naya mansiyskaya uchebnaya kniga* [The new way. The elementary Mansi educational book]. Leningrad: Uchpedgiz.
13. Chernetsov, V.N. (1932) *Sovetskiy Sever. Kniga po obucheniyu gramote dlya nachal'nykh shkol Severa* [The Soviet North. The book on literacy for elementary schools in the North]. Leningrad: Uchpedgiz.

14. Chernetsov, V.N. (1937) Mansiyskiy (vogul'skiy) yazyk. Ocherk fonetiki, morfologii i sintaksisa [The Mansy (Vogul) language. An essay on phonetics, morphology and syntax]. In: Prokofiev, G.N. (ed.) *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa* [Languages and literature of the peoples of the North]. Vol. 1. Leningrad: Uchpedgiz. pp. 163-192.
15. Chernetsov, V.N. & Chernetsova, I.Ya. (1936) *Kratkiy mansiysko-russkiy slovar'* [The Brief Mansy-Russian Dictionary]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz.
16. Chernetsov, V.N. (1947a) Otchet o razvedkakh v Omskoy oblasti [Report on the survey in Omsk Region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*. 17. pp. 79-91.
17. Chernetsov, V.N. (1947b) O rabotakh Mangazeyskoy ekspeditsii [On the Mangazeya expedition]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*. 21. pp. 159-162.
18. Chernetsov, V.N. (1949) Zelenaya gorka bliz Salekharda [Zelenaya gorka near Salekhard]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*. 25. pp. 67-74.
19. Moshinskaya, V.I. & Chernetsov, V.N. (1951) Gorodishche Bol'shoy Log [The ancient town Bolshoy Log]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*. 37. pp. 78-87.
20. Moshinskaya, V.I. & Chernetsov, V.N. (1953) Gorodishche Andryushin gorodok [The ancient town Andryushin Gorodok]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*. 51. pp. 93-98.
21. Chernetsov, V.N., Moshinskaya, V.I. & Talitskaya, I.A. (1953) *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya* [The ancient history of the Lower Ob]. Moscow: USSR AS.
22. Chernetsov, V.N. (1957) *Nizhnee Priob'e v I tys. n.e.* [The Lower Ob in the 1st millennium AD]. Moscow: USSR AS. pp. 136-245.
23. Chernetsov, V.N. (1941) Ocherk etnogeneza obskikh ugrov [An essay on ethnogeny of the Ob Ugrians]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*. 9. pp. 18-28.
24. Chernetsov, V.N. (1951) K voprosu o meste i vremeni formirovaniya finno-ugrskoy etnicheskoy gruppy [On the place and time of formation of the Finno-Ugric ethnic groups]. In: *Tezisy dokladov i vystupleniy sotrudnikov IIMK AN SSSR, podgotovlennyye k soveshchaniyu po metodologii etnogeneticheskikh issledovaniy* [Abstracts of the presentations and reports of researchers from the USSR Institute of History of Material Culture prepared for the meeting on the methodology of ethno-genetic research]. Moscow: USSR institute of history of Material Culture. pp. 24-29.
25. Chernetsov, V.N. (1953a) *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya* [The ancient history of the Lower Ob]. In: Chernetsov, V.N., Moshinskaya, V.I. & Talitskaya, I.A. (1953) *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya* [The ancient history of the Lower Ob]. Moscow: USSR AS. pp. 7-71.
26. Chernetsov, V.N. (1973) Etnokul'turnye arealy v lesnoy i subarkticheskoy zonakh Evrazii v epokhu neolita [Ethno-cultural areas of the forest and subarctic zones of Eurasia in the Neolithic Age]. In: Smirnov, A.P. (ed.) *Problemy arkheologii Urala i Sibiri. Sbornik statey, posvyashchennyiy pamyati V.N. Chernetsova* [Problems of archeology of the Urals and Siberia. The collection of articles dedicated to the memory of V.N. Chernetsov]. Moscow: Nauka. pp. 10-17.
27. Chernetsov, V.N. (1953b) Ust'-poluyskoe vremya v Priob'e [The Ust'-poluysk time near the Ob]. In: Chernetsov, V.N., Moshinskaya, V.I. & Talitskaya, I.A. (1953) *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya* [The ancient history of the Lower Ob]. Moscow: USSR AS. pp. 221-241.
28. Chernetsov, V.N. (1969) [The allocation of ethno-cultural areas in North-Eastern Europe and Northern Asia]. *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov* [The origin of Siberian natives and their languages]. Proc. of the Conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 112-119. (In Russian).
29. Chernetsov, V.N. (1970) *Naskal'nye izobrazheniya Urala* [The rock art in the Urals]. Abstract of History Doc. Diss. Moscow.
30. Chernetsov, V.N. (1971) *Naskal'nye izobrazheniya Urala. Chast' vtoraya* [The rock art in the Urals. Part 2]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*. 4(12).
31. Chernetsov, V.N. (1972) *Naskal'nye izobrazheniya Ural'skogo areala* [The rock art in the Urals]. In: *Problemy proiskhozhdeniya i drevney istorii ugrov* [Problems of the origin and history of the ancient Ugrians]. Moscow: Nauka. pp. 23-55.
32. Boas, F. (2013) *Um pervobytnogo cheloveka* [The Mind Of Primitive Man]. Translated from English by A.M. Voden. Moscow: LIBROKOM.
33. Boas, F. (1911) *The Mind Of Primitive Man*. New York: The Macmillan Company.
34. Boas, F. (1938) *General Anthropology*. Boston, New York: D.C. Heath and Company.
35. Boas, F. (1940) *Race, language and culture*. New York: The Macmillan Company.

М.М. Герасимова, М.С. Великанова

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО И ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ Г.Ф. ДЕБЕЦА

Статья представляет собой воспоминания учениц Г.Ф. Дебца о своем Учителе, о его неповторимом облике, манере держаться, работать, о его профессиональных качествах. Приводятся краткие сведения о его жизни и творчестве. Обзорно очерчена та исключительная роль, которую сыграл Г.Ф. Дебец в сложении отечественной палеоантропологии. Дана характеристика некоторых направлений его палеоантропологических исследований, в конечном итоге сформировавших особую научную школу, которая блестяще зарекомендовала себя в мировом научном сообществе и продолжает существовать в настоящее время.

Ключевые слова: Г.Ф. Дебец; палеоантропология; краниология; остеология; история науки.

Одна из нас знала Г.Ф. Дебца с детства, он был другом семьи еще с иркутских времен, а в студенческие годы автора – первым учителем в профессии. Вторая была, пожалуй, единственным в его жизни лаборантом, а потом – аспиранткой. По характеру работы нам пришлось общаться с Георгием Францевичем более всего как с палеоантропологом. Наши первые публикации палеоантропологических материалов были осуществлены под его пристальным вниманием, при его жесточайшей критике и нашем отчаянном страхе потерять его интерес к этим материалам и к нам. Страх потерять уважение любимого учителя, подвести его во многом определяли наше отношение к нему. Дебцевская манера держаться, достаточно резкая, начисто лишённая светской любезности (но мог быть и очень галантным, как выяснилось позже), его внешний облик, его внешняя суровость поначалу выступали для нас, его учеников, на первый план, и побаивались мы Георгия Францевича основательно. Нам ведь предстояло проходить через его строгие проверки – правильности реставрации, точности измерений, доброкачественности написанных текстов и т.д. Особенно страшна была проверка измерительных бланков. Здесь вершилась настоящая магия. Не было сверки всех размеров подряд, бланки просто просматривались, и выхватывались именно те, где были неверные цифры, и только они, причем и не обязательно вопиюще ошибочные, а так, слегка сдвинутые на миллиметр-пару. Получалось, что ошибки идут подряд, что все неверно. Позже, с приходом собственного опыта, приходило и понимание этого волшебства – действовали наметанный глаз и подкрепленная тысячами измерений интуиция. Но тогда, вначале... Перед неумолимым ясновидением мы оледеневали. Оставалось только давать себе обеты быть в десять, в сто и более раз внимательнее и точнее. Вряд ли Г.Ф. Дебец считал себя хорошим педагогом, но педагогика получалась отменная. Не один дебцевский ученик, наверное, вспоминал потом эти уроки с благодарностью.

Трудно сказать – да знал ли это он сам? – какая из областей антропологии была ему ближе. Все же почему-то кажется, что к палеоантропологическому мате-

риалу он испытывал особые чувства. Он определенно любил бывать в наших, пропитанных запахом восковой мастики лабораториях, где проводился процесс реставрации привезенных из археологических раскопок костных материалов, где в результате порой долгих последовательных действий – расчистки, укрепления, неоднократных пробных склеек – создавалась, наконец, краниологическая серия. Не всегда приходы Георгия Францевича в наши лаборатории были связаны только с его собственной работой. Его отличал самый живой интерес к делам окружающих. И желание помочь. Диапазон его помощи был широк. Он был щедр и на идеи, и на материалы, и, наконец, на собственное время, отдаваемое кому-то. При этом все делалось очень не напоказ, скорее вскользь, как бы между делом, часто без всяких просьб. Приносил книжки, подбрасывал сравнительные данные из зарубежных публикаций, помогал править текст, подталкивал со статьей, диссертацией. Мог сделать перевод статьи с французского для аспиранта, не знающего языка, причем не обязательно своего.

Георгий Францевич Дебец родился 7 декабря 1905 г. в г. Томске (рис. 1). Отец его был французом, много лет бродившим по свету и осевшим в Сибири. Вот откуда прекрасное знание французского языка. Позже, когда «железный занавес» стал более проницаем и Георгий Францевич стал ездить за рубеж, французы находили его язык очаровательным. Он изумлял и великолепным произношением, и старомодно-изысканными оборотами, во многом уже утраченными в наше время. Еще бы, язык-то усваивался в детстве! Матушка его – коренная сибирячка, учительница начальной школы. Отец умер, когда Жоржу было всего 7 лет, в 1912 г. В 1922 г. Жорж окончил школу и поступил в Иркутский государственный университет на исторический факультет. Окончив его экстерном в 1925 г. и перебиваясь два года случайными заработками, он в 1927 г. поступает в аспирантуру Института антропологии МГУ, где с 1930 г. начинает работать. В 1938 г. он был утвержден в ученом звании доцента, без защиты диссертации ему была присвоена ученая степень кандидата биологических наук (подробнее о биографии Г.Ф. Дебца см.: [1]).

Рис. 1. Георгий Францевич Дебеч, 1930-е гг.

Влияние Георгия Францевича на молодежь было необыкновенно сильно. Его образованность, исключительное трудолюбие, увлеченность своим делом, не показной, а искренний интерес к работе молодежи, ореол мужественности – все делало его чрезвычайно привлекательным. Сейчас бы мы сказали – он был харизматической личностью, сыгравшей исключительную роль в развитии палеоантропологического направления в отечественной науке.

Научная деятельность Г.Ф. Дебеца как антрополога началась именно с палеоантропологических исследований. Интерес этот возник еще в университетские годы в Иркутске, когда студент-археолог всерьез занялся изучением неолитических черепов. Его первая публикация была посвящена палеоантропологии Прибайкалья, в которой он уже в 1930 г. задается вопросом о месте антропологических типов прибайкальского неолита в систематике рас Северной Азии [2]. К этому же периоду относятся его работы по палеоантропологии Восточной Европы [3, 4]. Исследование черепов из Люцинского могильника VIII–IX вв. показало значительное сходство их и с черепами из поволжских финских могильников, и с черепами из древнелатышских курганов, и из славянских курганов Белоруссии XI–XIII вв., что ставило под сомнение факт связи этого антропологического варианта строго с одним этносом. Еще одна работа Г.Ф. Дебеца, довольно далекая от проблем дифференциации неолитического населения Прибайкалья, была названа им «Так называемый “восточный великорус”» (к вопросу о пранародах и проторасах)» [4]. Статья носила полемический характер и явилась реакцией на взгляды В.В. Бунака. «Восточный великорус» – определение, данное еще Е.М. Чепурковским сравнительно светлоглазому и темно-русому антропологическому типу. Его особен-

ности и географическая локализация позволили Г.Ф. Дебецу обосновать промежуточное положение данного типа между средиземноморской и северной расами, предположить формирование его на широкой, неоднородной в расовом отношении территории, и показать, что этот тип свойствен как финским, так и славянским народностям.

Палеоантропология была «первой любовью» Георгия Францевича, с первых же лет работы в Институте антропологии МГУ он начинает осуществлять свою идею составления «сводки по палеоантропологии СССР», как он сам это называл. Работа начиналась почти на пустом месте, со времен А.П. Богданова этот раздел антропологии оставался практически заброшенным. Со свойственной ему энергией Георгий Францевич организует сбор материалов. Разработанные им методы изучения древнего костного материала в связи с определенной археолого-исторической проблематикой сделали палеоантропологические исследования чрезвычайно результативными.

Именно в 1930–1940-е гг. его трудами было сформировано новое, заинтересованное отношение к костным остаткам со стороны археологов, которые раньше зачастую пренебрегали ими и сборы палеоантропологических коллекций имели случайный характер. За относительно короткий срок, практически – десятилетие, усилиями одного человека был собран колоссальный материал, отражающий все этапы истории расовых типов человека на территории нашей страны. Программа исследования была тщательно разработана и проанализирована с точки зрения расоводиагностической ценности каждого признака, т.е., по существу, была создана Г.Ф. Дебецем. Итогом этого поистине титанического труда явилась монография «Палеоантропология СССР» [5].

Богатство фактических данных и новый подход к биологическому – краниологическому и остеологическому – материалу, как историческому источнику, позволили ставить и решать чрезвычайно интересные и важные вопросы этнической истории, а также рассматривать теоретические проблемы, связанные с динамикой и закономерностями расообразовательного процесса. Данный труд ознаменовал своим выходом создание новой отрасли в отечественной антропологической науке – антропологии древнего населения. Книга явила собой и великолепный образец стиля изложения – строгого, простого, чрезвычайно сжатого, пример четкости в постановке и рассмотрении задач исследования, пример безупречной точности цифровых данных. Много лет эта работа, служащая не только настольной книгой для антропологов, но и широко используемая специалистами смежных дисциплин, поставив ряд важнейших проблем, давала толчок множеству последующих исследований (см. подробнее: [6]). За короткий срок «заброшенная» область антропологии получила небывалый размах и превратилась в одно из самых мощных направлений. Сам Георгий Францевич оставался верен палеоантропологии до конца своих дней.

В наше время объем палеоантропологических коллекций возрос в десятки раз, количество изученных серий – в сотни раз. За прошедшие почти семь десятков лет появилось много новых интересных методик изучения и краниологического, и остеологического, и одонтологического материала, новых методов статистической их обработки, но методология палеоантропологических исследований не претерпела больших изменений. Разве что произошел широко постулируемый в палеоантропологии отказ от индивидуально-типологической диагностики черепов. Принципы анализа палеоантропологического материала остаются прежними, предложенными в основном еще в 1932–1934 гг. А.И. Ярхо и ярко развитыми Г.Ф. Дебецем в присущей ему краткой и емкой форме [5, 7].

Немалое внимание Г.Ф. Дебеч уделял теоретическим аспектам антропогенеза, в частности проблеме прародины человека. Георгий Францевич был сторонником полицентрической теории происхождения *Homo sapiens*, считая, что современные человеческие расы уходят корнями в ранний палеолит и их черты можно видеть уже в разных группах неандертальцев. Он первым изучил скелет ребенка из пещеры Тешик-Таш, показав его неандертальскую принадлежность, тесное родство и общность происхождения с европейскими неандертальцами, а также важнейшее теоретическое значение этой находки, подтвердившей концепцию неандертальского участия в развитии человека современного вида [8]. Дело в том, что тогда большинством антропологов разделялась концепция А. Грдлички о неандертальцах как об эволюционной стадии, положившей начало *Homo sapiens*. Позже Георгий Францевич не раз обращался к изучению тешик-ташца, уточняя его место в системе ископаемых форм человека [5, 9]. Ему также принадлежит ряд исследований палеоантропологических находок эпохи верхнего палеолита, имеющих мировое научное значение [10–13].

Неизменно привлекала внимание Г.Ф. Дебеца проблема изменений физического типа человека во времени. Едва ли не основным теоретическим завоеванием «Палеоантропологии СССР» была его идея эпохальных изменений. Проблему факторов этих изменений он считал кардинальным вопросом антропологии. Проанализировав огромный, практически весь накопленный к концу 1950-х гг. материал с территории СССР – от неолита до Средневековья – Георгий Францевич выдвинул гипотезу возникновения грацилизации как следствия распространения земледелия. Он изложил ее на VI Парижском МКАЭН в 1960 г. [14]. В то же время он предостерегал от того, чтобы считать процесс грацилизации универсальным, полагая, что его темп определяется многими факторами.

Нельзя обойти вниманием потрясающую Северо-Восточную экспедицию Г.Ф. Дебеца на Камчатку, где в течение 1945–1948 гг. им в одиночку был собран совершенно уникальный материал по аборигенному населению Дальнего Востока. Итогом работы явилась моно-

графия 1951 г. «Антропологические исследования в Камчатской области», содержащая огромные материалы по расовой соматологии и краниологии народов Сибири и их сопоставлению [7]. Значение её далеко выходит за рамки компендиума данных, это не утратившая до сих пор своего значения теоретическая работа.

Колоссальный вклад был сделан Г.Ф. Дебецем в изучение краниологии эскимосов. Его работы о современных и обширных древних эскимосских сериях (Уэлен, Эквен, Ипиутак и Тигара) позволили поставить и решить многие фундаментальные проблемы, связанные с арктической расой и теорией «эскимосского клина», – положение арктической расы в системе монголоидных типов, выделение в ее составе локальных вариантов [15–17].

Следует сказать и о работе Георгия Францевича по усовершенствованию и унификации методики и программы краниологических исследований, начатой им еще в 1930-е гг. В ее результате появилось методическое руководство «Краниометрия», написанное совместно с В.П. Алексеевым [18]. В нем устранялись разночтения в определении краниометрических точек, способах измерения и описания (в баллах) признаков, но самое главное – содержались Таблицы краниометрических констант. Таблицы Г.Ф. Дебеца позволяют переводить выраженные в цифрах краниологические признаки в качественные категории – очень большие, большие, средние, малые или очень малые, определять границы категорий признаков на основании единого принципа как для современных серий, так и для материалов древних эпох и не сбиваться при этом с внутригруппового масштаба на межгрупповой.

В последние годы жизни Г.Ф. Дебеч обратил свое внимание на разработку формул для реконструкции длины тела и других признаков телосложения ископаемых популяций [19–21].

Все палеоантропологические работы, а особенно разработка категорий признаков, формул для определения длины тела, поиск новых методических приемов для сравнения метисных популяций по степени выраженности морфологических особенностей лицевого скелета, требовали огромного количества вычислений. Г.Ф. Дебеч не дождался эпохи компьютеров. Счетная машина, которую ему так хотелось приспособить для наших целей, занимала своими габаритами почти целую комнату. Когда в руках одного из авторов этих воспоминаний впервые оказался микрокалькулятор с программой для вычисления «сигмы», едва ли не первой мыслью было – сколько радости доставило бы это умное устройство Георгию Францевичу. А тогда он считал в основном сам – на логарифмической линейке, просто на бумажке. Работа была для него не только смыслом жизни, но и радостью. И это настроение он приносил с собой, приходя из Института к «Герасимидам» – так тогда называли лабораторию М.М. Герасимова, или в палеоантропологический подвальчик – сначала на Моховой, потом на Профсоюзной (рис. 2).

Рис. 2. Г.Ф. Дебеч в лаборатории пластической реконструкции у М.М. Герасимова

Какой-то другой, нежели в институте, стороной обочивался он к нам здесь. На перерывах в работе, во время обязательного чаепития, к которому часто приносил вкусные вещи, был оживленным, шутил, вспоминал и рассказывал что-то интересное. Его великолепная память помимо огромного историко-археолого-антропологического багажа удерживала, например, массу стихов – от почти всего Н. Гумилева, мало знакомого нам в те годы, до тоже неизвестной тогда, как, впрочем, и теперь, «Бригантины» Когана. Забыты сейчас давние беспокойные подвальные будни с частыми затоплениями (то холодной, то горячей водой, то чем-то похуже) и спасательными авралами, с непрерывной борьбой с мышами, блохами (!), хозяйственниками... Но живет в памяти та атмосфера оживления и радости, которая возникала в наших подвальных комнатах с приходом Георгия Францевича.

Между тем эти последние годы были далеко не лучшей порой в его жизни. Немалую роль в этом сыграли и присущая ему, излишняя порой, самокритичность, и подчеркнутая научная честность, которые не только не позволяли обойти или затушевать уязвимые и спорные моменты результатов исследования, но, напротив, выдвигали их на первый план.

Рис. 3. Г.Ф. Дебеч за краниметрической работой

Без всякой пощады к себе отказывался Георгий Францевич от своих более ранних положений, когда появлялись новые данные, говорившие не в их пользу.

Кажется, что эта гиперчестность была помехой как в некоторых взаимоотношениях, так и в собственной работе, но все это и толкало на усиленный поиск каких-то новых путей. И увенчивались такие поиски заслуженным успехом. Он много и успешно работал в последние годы (рис. 3).

Смерть Г.Ф. Дебеца в 1969 г. была несправедливо безвременной. «Он жил стремительно и стремительно ушел», – удивительно точны эти слова, произнесенные на его похоронах. Когда Георгия Францевича не стало, работать долгое время было неинтересно. Исчезло постоянное ощущение живого и деятельного внимания к твоей работе, ощущение необыкновенной научной щедрости Учителя, его готовности помочь в большом и малом, его неизменное дружеское участие, обаяние его научной увлеченности и эрудиции, наконец, его человеческое обаяние – все то, что делало работу рядом с ним большой радостью. Нашему поколению выпала удача начинать путь в антропологии под руководством и рядом с человеком, сама память о котором способна и помочь, и поддержать во многом...

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубова Н.А. «Неизгладимый след в наших умах и сердцах»: Георгий Францевич Дебеч // *Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века*. М.: Наука, 2004. С. 261–291.
2. Дебеч Г.Ф. Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита // *Русский антропологический журнал*. 1930. Т. XIX, № 1–2. С. 7–50.
3. Дебеч Г.Ф. Чарапы Люцынскага магільніку старажытных славян Беларусі і месца апошніх у палеоантропалёгіі усходняй Эўропы // *Працы секцыі археалогіі інстытута гісторыі Бел. Акад. навук*. Менск, 1932. Т. 3. С. 69–80.
4. Дебеч Г.Ф. Так называемый «восточный великорус» (к вопросу о пранородах и проторасах) // *Антропологический журнал*. 1933. № 1–2. С. 34–69.
5. Дебеч Г.Ф. Палеоантропология СССР // *Труды Института этнографии*. Новая серия. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. IV. 391 с.
6. Яблонский Л.Т. «Палеоантропология СССР» Г.Ф. Дебеца с позиций современной палеоантропологии // *Этнографическое обозрение*. 1996. № 4. С. 78–84.
7. Дебеч Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // *Труды Института этнографии*. Новая серия. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. XVII. 264 с.
8. Дебеч Г.Ф. Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш // *Труды Узбекского филиала АН СССР*. Сер. История, археология. Ташкент, 1940. Вып. I. Исследование палеолитической пещеры Тешик-Таш. С. 46–71.
9. Дебеч Г.Ф. О положении палеолитического ребенка из пещеры Тешик-Таш в системе ископаемых форм человека. М.: Изд-во МГУ, 1947.

10. Дебец Г.Ф. Брюнн-Пшедмост, Кроманьон и современные расы Европы // Антропологический журнал. 1936. № 3. С. 310–322.
11. Дебец Г.Ф. Палеоантропологические находки в Костенках // Советская этнография. 1955. № 1. С. 43–53.
12. Дебец Г.Ф. Череп позднелептостеового погребения в Покровском лог (Костенки XVIII) // Краткие сообщения Института археологии. 1961. Вып. 82. С. 120–127.
13. Дебец Г.Ф. Скелет позднелептостеового человека из погребения на Сунгирской стоянке // Советская археология. 1967. № 3. С. 160–164.
14. Дебец Г.Ф. О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида // Советская этнография. 1961. № 2. С. 9–23.
15. Дебец Г.Ф. К антропологии эскимосов // Краткие сообщения Института археологии. 1947. Т. III. С. 59–61.
16. Дебец Г.Ф. Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Уэлен и Эквен // Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник. М.: Наука, 1975. С. 198–240.
17. Дебец Г.Ф. Палеоантропология древних эскимосов (Ипиутак, Тигара) // Этнические связи народов севера Азии и Америки по данным антропологии. М.: Наука, 1986. С. 6–148.
18. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниметрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
19. Дебец Г.Ф. Опыт определения веса живых людей по размерам длинных костей // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М.: Наука, 1967. Т. 2.
20. Дебец Г.Ф. Физический тип людей днепро-донецкой культуры // Советская археология. 1966. № 1. С. 14–22.
21. Дебец Г.Ф., Дурново Ю.А. Физическое развитие людей эпохи энеолита в Южной Туркмении // Советская этнография. 1971. № 1. С. 26–35.

Gerasimova Margarita M. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia); Velikanova Marina S. N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: info@iea.ras.ru E-mail: gerasimova.margarita@gmail.com

THE MAIN STAGES OF LIFE AND CREATIVITY OF GEORGE DEBETS.

Keywords: G.F. Debets; paleoanthropology; craniology; osteology; history of science.

Georgii (George) F. Debets is one of the greatest Soviet / Russian physical anthropologists of the XX century. He was born on December 7, 1905 in Tomsk. In 1922 he entered the History Department of the Irkutsk University, in 1927 he entered the graduate school of the Institute of Anthropology of the Moscow State University, where he worked for 15 years. The scientific activity of Georgii F. Debets as an anthropologist began with paleoanthropological researches. His first publication was devoted to the Neolithic skulls from the territory of the Baikal region. Then he studied the skeletal remains from archaeological sites of many regions. In 1938 he received the candidate of biological sciences degree. From the first years in the Institute of Anthropology of Moscow State University he thought about the “summary of paleoanthropology of the USSR”. In a short time a huge material reflected all the stages of the history of human racial types in the territory of the Soviet Union was assembled by the efforts of one person. The research program has been carefully elaborated and analyzed with relation to differentiating value of each attribute. The result of this work was the monograph “Paleoanthropology of the USSR” (1948). This work marked the creation of a new branch in the Russian science – anthropology of the ancient population. Georgii F. Debets paid a considerable attention to theoretical aspects of Evolutionary Anthropology, in particular, the problem of human homeland. He was a supporter of the polycentric theory of *Homo sapiens* origin. He was the first who studied the child's skeleton from Teshik-Tash cave and showed his Neanderthal affiliation. Georgii F. Debets attended to the problem of changes of the physical type of man in time. The problem of factors of these changes was the most important question of paleoanthropology for him. The Northeast expedition of Georgii F. Debets to Kamchatka is absolutely unique, where during the 1945–1948 he alone assembled entirely unique material on the physical characteristics of the indigenous population of the Far East. G. F. Debets made a huge contribution to the study of Eskimos craniology and the development of many of the fundamental issues related to the Arctic race. G.F. Debets dedicated a lot of time to the improvement and harmonization of methods and cranial research program. In his later years he drew his attention to the paleosomatology problem, he developed formulas for the body length reconstruction and other attributes of fossil populations' constitution. The death of Georgii F. Debets in 1969 was unfairly untimely.

REFERENCES

1. Dubova, N.A. (2004) “Neizgladimyy sled v nashikh umakh i serdtsakh”: Georgiy Frantsevich Debetz [“An indelible mark in our hearts and minds”: Georgiy Debetz]. In: Tishkov, V.A. & Tumarkin, D.D. (eds) *Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* [Prominent Russian ethnologists and anthropologists of the Twentieth century]. Moscow: Nauka. pp. 261–291.
2. Debetz, G.F. (1930) Antropologicheskii sostav naseleniya Pribykal'ya v epokhu pozdnego neolita [Anthropological composition of the population of the Baikal region during the Late Neolithic Age]. *Russkii antropologicheskii zhurnal*. XIX(1–2). pp. 7–50.
3. Debetz, G.F. (1932) Charapy Lyutsinsk repository of ancient Belarus Slavs and their place in paleoanthropology of Eastern Europe]. *Pratsy sektsii arkheologii instituta gistoryi Bel. Ak. Navuk*. 3. pp. 69–80. (In Belorussian).
4. Debetz, G.F. (1933) Tak nazyvaemyy “vostochnyy velikorus” (k voprosu o pranasrodakh i protorasakh) [The so-called “eastern Great Russians” (on the pre-nations and proto-races)]. *Antropologicheskii zhurnal*. 1–2. pp. 34–69.
5. Debetz, G.F. (1948) Paleoantropologiya SSSR [Paleoanthropology of the USSR]. In: *Trudy Instituta etnografii. Novaya seriya* [Proceedings of the Institute of Ethnography. New series]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
6. Yablonskiy, L.T. (1996) G.F. Debetz's “Paleoanthropology of the USSR” and the modern paleoanthropology. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 4. pp. 78–84. (In Russian).
7. Debetz, G.F. (1951) Antropologicheskie issledovaniya v Kamchatskoy oblasti [Anthropological studies in Kamchatka]. In: *Trudy Instituta etnografii. Novaya seriya* [Proceedings of the Institute of Ethnography. New series]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
8. Debetz, G.F. (1940) Ob antropologicheskikh osobennostyakh chelovecheskogo skeleta iz peshchery Teshik-Tash [On the anthropological peculiarities of the human skeleton from Teshik Tash]. *Trudy Uzbekskogo filiala AN SSSR. Ser. Istoriya, arkheologiya*. 1. pp. 46–71.
9. Debetz, G.F. (1947) O pozhenii paleoliticheskogo rebenka iz peshchery Teshik-Tash v sisteme iskopaemykh form cheloveka [On the situation of Paleolithic child from Teshik-Tash cave in the context of human fossils]. Moscow: Moscow State University.
10. Debetz, G.F. (1936) Bryunn-Pshedmost, Kroman'on i sovremennyye rasy Evropy [Brunn-Przedmość, Kromanon and modern European races]. *Antropologicheskii zhurnal*. 3. pp. 310–322.
11. Debetz, G.F. (1955) Paleoantropologicheskie nakhodki v Kostenkakh [Paleoanthropological findings in Kostenki]. *Sovetskaya etnografiya*. 1. pp. 43–53.
12. Debetz, G.F. (1961) Cherep pozdnepaleoliticheskogo pogrebeniya v Pokrovskom loge (Kostenki XVIII) [The skull from the Late Paleolithic burial in Pokrovsky log (Kostenki XVIII)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 82. pp. 120–127.

13. Debetz, G.F. (1967) Skelet pozdnepaleoliticheskogo cheloveka iz pogrebeniya na Sungirskoy stoyanke [The skeleton of the Late Paleolithic human from the burial at Sungirskoy mansite]. *Sovetskaya arkheologiya*. 3. pp. 160-164.
14. Debetz, G.F. (1961) O nekotorykh napravleniyakh izmeneniy v stroenii cheloveka sovremennogo vida [Some trends of changes in the structure of modern human species]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 9-23.
15. Debetz, G.F. (1947) K antropologii eskimosov [On the Eskimo anthropology]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 3. pp. 59-61.
16. Debetz, G.F. (1975) Paleoantropologicheskie materialy iz drevneberingomorskikh mogil'nikov Uelen i Ekven [Paleoanthropological materials from Old Bering burials of Uelen and Ekven]. In: Arutyunov, S.A. & Sergeev, D.A. (eds) *Problemy etnicheskoy istorii Beringomor'ya. Ekvenskiy mogil'nik* [J. Moscow: Nauka. pp. 198-240.
17. Debetz, G.F. (1986) Paleoantropologiya drevnikh eskimosov (Ipiutak, Tigara) [Paleoanthropology of ancient Eskimos (Ipiutak, Tigar)]. In: Velikanova, M. & Zolotareva, I. (eds) *Etnicheskie svyazi narodov severa Azii i Ameriki po dannym antropologii* [Ethnic relations of North Asian and American peoples in terms of anthropology]. Moscow: Nauka. pp. 6-148.
18. Alekseev, V.P. & Debetz, G.F. (1964) *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranimetry. A research method in anthropology]. Moscow: Nauka.
19. Debetz, G.F. (1967) Opyt opredeleniya vesa zhivykh lyudey po razmeram dlinnykh kostey [Determining the weight of living people by their long bones]. In: Tolstov, S.P. et al. (eds) *Trudy VII Mezhdunarodnogo kongressa antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk* [Proceedings of the Seventh International Congress of Anthropology and Ethnology]. Moscow: Nauka, 1967. T. 2.
20. Debetz, G.F. (1966) Fizicheskiy tip lyudey dnero-donetskoy kul'tury [The physical type of people in Dnero-Donetsk culture]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1. pp. 14-22.
21. Debetz, G.F. & Durnovo, Yu.A. (1971) Fizicheskoe razvitiye lyudey epokhi eneolita v Yuzhnoy Turkmenii [Physical development of Chalcolithic people in South Turkmenistan]. *Sovetskaya etnografiya*. 1. pp. 26-35.

УДК 81-119

DOI: 10.17223/19988613/42/3

Е.А. Крюкова

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА А.П. ДУЛЬЗОНА: ОТ ОПИСАТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ К МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала» (проект 15-04-00406 а).

Представлен обзор истории развития и современного состояния исследований Лингвистической школы Андрея Петровича Дульзона, которой в 2017 г. исполняется 70 лет. Андрей Петрович был всесторонне одаренным ученым, работающим в междисциплинарном ключе. Его исследования по археологии, топонимии, лингвистике были направлены на изучение происхождения аборигенных народов Сибири и их языков. А.П. Дульзону удалось привлечь к работе по данной проблематике большое число научных работников и студентов, что в итоге привело к созданию одного из известных лингвистических центров в Сибири и положило начало истории лингвистической школы. Потенциал, заложенный А.П. Дульзоном, поддерживается несколькими поколениями его последователей, научные изыскания которых гармонично влились в новую научную парадигму XX в.

Ключевые слова: А.П. Дульзон; лингвистическая школа; междисциплинарные исследования; этногенез народов Сибири.

В 2017 г. исполняется 70 лет Лингвистической школе А.П. Дульзона. Точкой отсчета считается разработка исследовательского плана по происхождению аборигенных народов Сибири и их языков. Исследовательский потенциал, который был заложен Андреем Петровичем в 40-е гг. XX в., пересек рубеж столетий и гармонично вошел в новую научную парадигму XXI в. Долголетие лингвистической школы было предначертано самой постановкой исследовательской проблемы, которая и в наше время остается одним из приоритетных направлений в современной антропоцентрической научной парадигме. Кроме того, в век описательной лингвистики А.П. Дульзон предложил использовать систематический комплексный подход по исследованию поставленной проблемы, а именно привлечение археологических, антропологических, этнографических и лингвистических данных для исследования малых народов Сибири.

Заслуга Андрея Петровича состоит не только в том, что он разработал перспективную исследовательскую программу, он сам был образцом ученого, работающего в междисциплинарном ключе: его вклад в археологию, топонимию, лингвистику известен в широких научных кругах.

Археологические изыскания Андрея Петровича – итог поездок по рекам Томской области. Результатом самостоятельных раскопок, в которых принимали участие его ученики из Томского государственного педагогического института и Томского государственного университета, стала серия трудов «Дневники раскопок курганского могильника на Басандайке» (1947), «Схематическая карта расселения чулымских тюрков и их соседей в XVII веке» (1948), «Карта археологических памятников Чулыма» (1951), «О некоторых древних поселениях в пределах Томской области» (1954), «Археологическая карта Томской области» (1954), «Остяц-

кие курганные могильники XVI и XVIII вв. у села Молчаново на Оби» (1955), «Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар» (1958) и др.

«Все археологические работы А.П. Дульзона и в настоящее время представляют большую ценность и являются необходимым фоном для дальнейшего изучения топонимии и языков аборигенных народов Сибири» [1. С. 10].

Не менее значительным является труд А.П. Дульзона и его учеников в области топонимики, была проделана большая работа по сбору топонимов Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. Данные по топонимике использовались для решения этнолингвистических и исторических вопросов, что нашло свое отражение в научных публикациях: «Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики» (1950), «Географические названия Западной Сибири как источник ее древней истории» (1959), «Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения» (1959), «Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики» (1961), «Древние передвижения кетов по данным топонимики» (1962) и др.

«Заслугой профессора А.П. Дульзона является создание в Томске самого крупного топонимического центра страны в 1950–1970-е гг. Специальными исследованиями были охвачены кетские топонимы (А.П. Дульзон), селькупские (Э.Г. Беккер), хантыйские (Л.И. Калинина), мансийские (Г.П. Вуоно), нганасанские (П.М. Коптелов), якутские (К.Ф. Гриценко), алтайские (О.Т. Молчанова), эвенкийские (К.И. Юргин), североказахские (В.Н. Попова), шорские (М.А. Абдрахманов), русские (И.А. Воробьева), а также ненецкие и тувинские топонимы» [2. С. 8].

Высоко был оценен вклад Андрея Петровича в изучение аборигенных языков Сибири, за свой фундаментальный труд «Кетский язык» (1968) он был удостоен Государственной премии СССР. Начинаясь все с публикации отдельных статей по изучению кетского языка, таких как «О категории рода в кетском языке» (1957), «Термины родства и свойства енисейских кетов» (1959), «Словарные материалы по кетским наречиям» (1961) и других работ по грамматике и фонетике. Кроме того, Андрей Петрович ввел в широкий научный оборот материалы по кетскому языку, когда он собрал и опубликовал большое количество кетских сказок и текстов, которые востребованы у специалистов различных профилей (лингвистов, фольклористов, этнографов) и в наше время.

К наследию школы Андрея Петровича, несомненно, относятся несколько поколений его учеников. Он сумел организовать вокруг себя большое число научных работников и студентов, заразить интересом к проблеме происхождения аборигенных народов Сибири своих учеников, которые также увлеченно занимались разработкой поставленной проблемы и обеспечили преемственность поколений в лингвистической школе А.П. Дульзона. Многие из них работали в Томском государственном педагогическом институте (теперь университете). Невозможно в рамках одной статьи перечислить всех учеников Андрея Петровича и их последователей. Перечислим тех, кого, к сожалению, нет больше с нами, тех, кто оставил яркий след в жизни Томской лингвистической школы [3. С. 25–26].

Ольга Андреевна Осипова была хранителем традиций томской лингвистической школы. Под ее руководством продолжали развиваться основные направления работы, заложенные А.П. Дульзоном.

Поротова Тельмина Ивановна до конца своей жизни, несмотря на тяжелое состояние здоровья, оказывала помощь по редактированию кетских текстов и кетского словаря.

Валл Маргарита Николаевна – талантливый исследователь кетского языка, долгое время работала в Институте истории, филологии и философии СО РАН в Новосибирске, а затем переехала в Германию. Все это время она постоянно поддерживала связь со своей альма-матер.

Морев Юрий Алексеевич – известный специалист в области селькупского языка.

Быконя Валентина Викторовна – после Э. Беккер возглавляла научное направление по селькупскому языку.

Будущим поколениям ученых Андрей Петрович оставил богатое наследие. Под его руководством были защищены 19 кандидатских и две докторские диссертации по индоевропейским языкам и 23 кандидатские и две докторские – по языкам народов Сибири и топонимике. За 30 лет научной деятельности им было организовано 90 экспедиций в Томской области и Красноярском крае. В 35 экспедициях Андрей Петрович принял личное участие.

Около 200 томов полевых записей по различным языкам народов Сибири хранятся в архиве кафедры языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета (далее кафедра): кетскому (83), селькупскому (76), нганасанскому (11), энецкому (6), долганскому (8), обско-угорским (6), чулымско-тюркскому (4). Некоторые полевые тома сопровождаются аудиозаписями [4].

Архив кафедры располагает рукописными картотеками: 120 000 карточек по кетско-русскому словарю, 80 000 карточек по селькупско-русскому словарю, сравнительно небольшие картотеки по другим языкам (нганасанскому, долганскому, чулымско-тюркскому), 242 000 карточек по топонимам Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии.

В настоящее время неотъемлемой частью научных исследований аборигенных языков Сибири на кафедре являются комплексные этнолингвистические экспедиции, направленные на сбор языкового, этнографического, социолингвистического материала. С середины 90-х гг. XX в. насчитывается более 50 экспедиционных исследований в места проживания коренного населения Сибири, были охвачены территории Томской области и Красноярского края. Результаты проведенной работы представлены в 40 защищенных кандидатских и в двух защищенных докторских диссертациях.

Рукописный архив кафедры не только пополняется новыми материалами, но и переносится на современные носители с целью продления жизни ценным материалам: оцифрованы аудиозаписи, часть картотеки, часть полевых томов, составляется электронный корпус текстов по языкам обско-енисейского языкового ареала.

Картотеки по селькупскому и кетскому языку послужили основой для публикации «Словаря говорных форм кетского существительного» Т.И. Поротовой (2002), «Морфологического словаря кетского глагола» Э. Вайды и М. Зинн, «Селькупско-русского диалектного словаря» (под ред. В.В. Быконя, 2005), «Большого кетского словаря» в двух томах (под ред. Е. Которовой, А. Нефедова, 2015).

Среди публикаций сотрудников и аспирантов кафедры необходимо отметить монографии по селькупскому, хантыйскому, кетскому языкам:

– Полякова Н.В. Концепт «пространство» и средства его репрезентации в селькупском и русском языках (2006);

– Фильченко А.Ю. Аспекты грамматики восточно-хантыйских диалектов (2010);

– Диденко А.В. Категория императива в угорских языках (2010);

– Крюкова Е.А. Пространственно-временные отношения в енисейских языках (2013);

– Nefedov A. Clause linkage in Ket (2015).

Особо необходимо отметить серию сборников аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала, в которых представлены тексты из электронного корпуса (1-й том вышел в

2010 г., 2-й – в 2012 г., 3-й – в 2013 г., 4-й – в 2015 г.). Языковой культурный материал охватывает обширную территорию Западной Сибири, условно означаемую как обско-енисейский языковой ареал, и включает наиболее редкие и наименее изученные языковые системы: восточные диалекты хантыйского языка, южно-селькупские диалекты селькупского языка, средне-чулымский диалект чулымско-тюркского языка, бачатский диалект телеутского языка. В сборник вошли фольклорные и бытовые тексты, собранные с середины 50-х по середину 90-х гг. XX в. из архива полевых томов. Архивные тексты подверглись подробному современному лингвистическому анализу, транскрипция унифицирована, проведено поморфемное глоссирование, оригинальные тексты сопровождаются русским и английским переводом. Все тексты снабжены фольклорным анализом с детальным описанием ключевых фольклорных мотивов, их универсальных и уникальных характеристик.

С 2013 г. Томский государственный педагогический университет выпускает «Томский журнал лингвистических и антропологических исследований», в котором публикуются работы по актуальным вопросам лингвистики и антропологии с особым приоритетом исследований Сибири. С декабря 2015 г. журнал включен в список ВАК и в русскую версию индекса цитирования (RSCI) на базе Web of Science.

Научный потенциал последователей А.П. Дульзона в настоящее время реализуется в проектах РГНФ «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала» (руководитель А.Ю. Фильченко) и «Этнокультурная специфика образов пространства и времени в языковом сознании представителей селькупского, хантыйского, чулымско-тюркского и русского этносов в условиях контактного взаимодействия» (руководитель Н.В. Полякова), они направлены на междисциплинарные исследования грамматики и лексики исчезающих языков Сибири.

Основной научной проблемой, на решение которой направлен первый проект, является проблема создания типологии посессивности на материале малоизученных исчезающих языков Западной Сибири. Исследовательский фокус проекта – создание «типологического портрета» изучаемых языков – описание всего разнообразия посессивных конструкций в разнотипных и генетически неродственных и отдаленно родственных языках, распространенных в обско-енисейском ареале. Иссле-

дуются как именные, так и предикативные посессивные конструкции в рамках общетипологической перспективы, современной теории грамматикализации, теории информационной структуры высказывания, а также в прагматическом аспекте функционирования посессивных конструкций.

Второй проект посвящен выявлению этнокультурной специфики образов пространства и времени в языковом сознании представителей селькупского, хантыйского, чулымско-тюркского и русского этносов разных поколений в условиях контактного взаимодействия. Анализируются корпуса этнолингвистических данных, фольклорных и бытовых текстов по селькупскому, хантыйскому и чулымско-тюркскому языкам, используются данные, полученные в результате проведения свободных и направленных ассоциативных экспериментов. Сопоставительное изучение образов пространства и времени как важнейших дискретизаторов картины мира позволяет выявить константы и переменные данных образов как у представителей одного этноса, так и универсальные и этнокультурные черты у представителей разных этносов. Анализ образов пространства и времени у представителей разных поколений позволит выявить трансформационные процессы в языковом сознании этноса, проанализировать вектор данных изменений и сопоставить трансформационные тенденции у разных этносов.

Андреем Петровичем была заложена традиция проведения (с 1969 г.) всесоюзных конференций «Проблема происхождения аборигенов Сибири и их языков». В настоящее время раз в три года проводится конференция «Дульзоновские чтения», тематика которой традиционно охватывает широкий круг общетипологических вопросов в сфере исследования языков России, лингвистических, этнографических и археологических исследований миноритарных этносов России. Особое внимание уделяется вопросам изучения языков и культур коренного населения Сибири. 27-е Дульзоновские чтения состоялись в июне 2014 г., проведение очередной конференции планируется в 2017 г.

Уровень исследований, который задал Андрей Петрович по комплексному изучению языков народов Сибири, вылился в XXI в. в междисциплинарные исследования с применением современных достижений компьютерной, полевой, ареальной, когнитивной лингвистики, этнолингвистики, социолингвистики, фольклористики и других смежных наук.

ЛИТЕРАТУРА

- Осипова О.А. Многогранность профессора А.П. Дульзона (1900–1973). Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. 63 с.
- Галкина Т.В., Осипова О.А. А.П. Дульзон и его школа // Вопросы языкознания. 2000. № 3. С. 3–11.
- Крюкова Е.А. Исследование енисейских языков в Томском государственном педагогическом университете: преемственность поколений // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы : сб. науч. тр. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 25–28.
- Диденко А.В., Крюкова Е.А. Экспедиционные исследования кетского языка в XXI в.: архивные материалы кафедры языков народов Сибири // Труды Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова : сб. ст. Томск, 2012. Т. 12. С. 272–282.

Kryukova Elena A. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia). E-mail: elenakryukova@tspu.edu.ru

LINGUISTIC SCHOOL BY A.P. DULZON: FROM DESCRIPTIVE LINGUISTICS TO INTERDISCIPLINARY STUDIES.

Keywords: A.P. Dulzon; linguistic school; interdisciplinary studies; Siberian peoples' ethno-genesis.

Next year the Linguistic school of A.P. Dulzon celebrates its 70th anniversary. The elaboration of studies plan for Siberian aboriginal peoples and their languages is considered to be its starting point. The research potential which was founded by Andrey P. Dulzon in the 40th of the XX century have crossed the century's borderline and entered the new scientific paradigm of the XXI century. The long life span of the linguistic school was determined by the setting of the research problem which currently is also one of the primary scopes in modern anthropocentric scientific paradigm. Besides, during the descriptive linguistics period, A.P. Dulzon proposed using systematic complex approach to study on the set problem, namely, involving archaeological, anthropological, ethnographical and linguistic materials for studying Siberian indigenous peoples. Andrey P. Dulzon's contribution is not only that he elaborated a prospective research program, he himself was a sample of a scientist working cross-disciplinarily: his contribution to archaeology, toponymy, linguistics is widely known in scientific communities. Several generations of his apprentices belong to A.P. Dulzon's school legacy. He was capable of organizing a big amount of researchers and students who provided succession of generations in the linguistic school by A.P. Dulzon. About 200 volumes of field notes on different Siberian peoples' languages are stored in the archive of Department of Siberian Indigenous Languages of Tomsk State Pedagogical University. The archive of the Department includes hand-written card-catalogues: 120 000 cards on Ket-Russian dictionary, 80 000 cards on Selkup-Russian dictionary, relatively small catalogues on other languages (Nganasan, Dolgan, Chulym-Turkic), 242 000 cards on Siberian, Far East and Central Asia toponyms. Scientific potential of Dulzon's researches currently is realized through expeditions for collecting and documenting Siberian peoples' languages, projects on aboriginal languages and cultures studies, the results are provided to a wide range of scientists in published dictionaries, monographies, experience exchange is carried out during regular international conferences "Dulzon readings". The studies level, set by A.P. Dulzon on comprehensive studies of Siberian indigenous peoples' languages in XXI century turned into interdisciplinary studies with application of modern achievements of computer, field, areal, cognitive linguistics, ethnolinguistics, social linguistics, folklore studies and other related sciences.

REFERENCES

1. Osipova, O.A. (2011) *Mnogogrannost' professora A.P. Dul'zona (1900–1973)* [Professor A.P. Dulzon's versatility (1900–1973)]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
2. Galkina, T.V. & Osipova, O.A. (2000) A.P. Dul'zon i ego shkola [A.P. Dulzon and his school]. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 3–11.
3. Kryukova, E.A. (2007) Issledovanie eniseyskikh yazykov v Tomskom gosudarstvennom pedagogicheskom universitete: preemstvennost' pokoleniy [Research of the Yenisei languages in Tomsk State Pedagogical University: Succession of generations]. In: *Sravnitel'no-istoricheskie i tipologicheskie issledovaniya yazyka i kul'tury: problemy i perspektivy* [Comparative-historical and typological studies of language and culture: Problems and prospects]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 25–28.
4. Didenko, A.V. & Kryukova, E.A. (2012) Ekspeditsionnye issledovaniya ketskogo yazyka v XXI v.: arkhivnye materialy kafedry yazykov narodov Sibiri [The expedition research of the Ket language in the 21st century: The archives of the Department of Siberian Languages]. In: *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya im. M.B. Shatilova* [Proceedings of Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Vol. 12. Tomsk: [s.n.]. pp. 272–282.

В.И. Молодин

НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В ЭПОХУ РАННЕЙ – РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ. БАРАБИНСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ПАЛЕОГЕНЕТИКИ)

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

Барабинская лесостепь занимает обширные пространства между Обью и Иртышом. Равнинный рельеф способствовал активным передвижениям человека, а в эпоху бронзы, с изобретением тяглового и колесного транспорта, давал возможность целенаправленным миграциям. Разработанная схема этнокультурного развития в регионе, с учетом данных антропологии и генетики, позволит фиксировать миграционные процессы на данную территорию, а также квалифицировать тип миграции. Проявление мощных миграционных потоков с запада, юго-запада отчетливо фиксируется в регионе в начале II тыс. до н.э. Носители андроновской (федоровской) культуры какое-то время сосуществовали с автохтонным кротовским населением, а затем вступили с ним в кровнородственные отношения, что привело к гибридизации населения. Данный тип миграции можно квалифицировать как направленную колонизацию.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь; эпоха бронзы; миграции.

Барабинская лесостепь занимает обширные пространства между великими западносибирскими реками – Обью на востоке и Иртышом на западе. Площадь её достигает 117 000 кв. км [1]. Бараба, как её ещё называют, представляет собой слабо всхолмленную равнину с перепадами высотой не более 100–150 м. Резко-континентальный климат, обилие озёр, обширнейших пастбищных угодий, березовых лесов (колков) обусловили в голоцене богатство региона рыбой, дичью и уникальными возможностями для содержания домашнего скота, а также собирательства. Всё это делало регион крайне привлекательным для обитания человека. Ранее было отмечено, что в Барабинской лесостепи отчетливо просматриваются своего рода природные оазисы, особенно богатые необходимыми для жизнедеятельности человека ресурсами [2].

Две достаточно крупные реки – Омь в центральной части и Тара на севере, относящиеся к иртышскому стоку, протекающие в широтном направлении, являлись в древности несомненными магистральными маршрутами для передвижения групп населения в этом направлении, а их притоки, ориентированные по меридианам, также способствовали контактам и транзиту, но уже с севера на юг (и наоборот).

С появлением тяглового (в том числе и колесного) транспорта (а это событие происходит в эпоху бронзы) идеально ровная территория Барабы давала уникальную возможность для активного передвижения групп населения как в широтном, так и в меридиальном направлении.

Многолетние исследования, которые проводит автор настоящей работы в Барабинской лесостепи, представили в распоряжение ученых обширный археологический материал, относящийся к различным эпохам, в том числе к периоду бронзы [3, 4], позволившие рассматривать не только общие, но сугубо специальные

проблемы, связанные, в том числе, с миграциями. Особенно усилились возможности археологов с широким использованием естественнонаучных методов, в том числе археологии и палеогенетики.

Изучение древних миграций является одной из важнейших проблем, которая стоит перед археологией любой эпохи, начиная с древнейшего периода истории человечества, когда ойкумена осваивалась представителями рода Номо – до Нового и Новейшего времени. Причины и механизмы миграций, а также их проявления далеко не однозначны и должны рассматриваться с учетом конкретно исторического, географического и палеоэкологического контекста. Все вышесказанное в полной мере относится к периоду ранней – развитой бронзы, которому и посвящена данная работа.

Не менее сложной проблемой, особенно для древнейших эпох, является аргументированное доказательство наличия миграционных потоков на ту или иную территорию. Как представляется, надежные аргументы в наше распоряжение могут представить синтезированные данные археологии, антропологии и палеогенетики. Именно такой подход позволит доказательно говорить о наличии миграции в регион, о направлении миграционных потоков и о характере самой миграции. Следует иметь в виду разработанную М. Звелебилом классификацию механизмов диффузии, где исследователь выделяет семь основных видов движения [5. Р. 57–59]. Эту модель можно вполне использовать как основу квалификаций видов миграций, при необходимости совершенствуя её.

Археологические исследования последних десятилетий, проводимые специалистами различных научных центров на юге Западносибирской равнины, позволили сформировать представление об историко-культурной ситуации в регионе, сложившейся в изменяющейся в эпоху бронзы на протяжении около трех тысячелетий

[6–14 и др.]. Кроме того, проведены масштабные антропологические исследования материалов бронзового века юга Западносибирской равнины [15]. Качественно новый импульс в изучении древнего населения региона дали палеогенетические исследования носителей культур бронзового века юга Западносибирской равнины и, прежде всего, Барабинской лесостепи, позволившие представить генетическую структуру по материнской линии (мтДНК) обитателей региона на всем протяжении бронзовой эпохи [16, 17]. Все эти данные обладают первостепенным значением для изучения миграционных процессов, имеющих место на территории Западносибирской равнины в эпоху бронзы вообще и в период ранней – развитой бронзы в частности.

Благодаря мультидисциплинарному подходу творческого коллектива археологов и антропологов Института археологии и этнографии СО РАН и палеогенетиков Института цитологии и генетики СО РАН удалось разработать не только модель этнокультурогенеза популяций периода эпохи бронзы Барабинской лесостепи [18–19], положительно оцененную научным сообществом [20], но и поставить вопрос о проявлении древних миграционных потоков в регионе, частично представляемых в настоящей работе.

В конце неолитической эпохи в Барабинской лесостепи обитали носители расовой общности, именуемой северной евразийской антропологической формацией [21]. С историко-культурной точки зрения, ее носители связаны, с одной стороны, с традицией линейно-накольчатой керамики, с другой – внедряющимися в их среду представителями гребенчато-ямочной традиции, очевидно, в основе мигрантами с северо-запада [22, 23]. Данные вероятные потоки фиксируются пока благодаря исключительно керамическому материалу, однако с наполнением источников появилась перспектива выйти на сопоставление данных палеоантропологического и генетического анализов. Пока же мы можем лишь предметно говорить, что в период финального неолита – раннего металла носители данных образований приобрели специфичность как на уровне материальной и духовной культуры [10; 24], так и антропологических характеристик, и квалифицируются как недеференцируемый автохтонный антропологический тип, относящийся к «северной евразийской антропологической формации» [15]. Кроме того, палеогенетиками установлено, что и структура генофонда, а именно специфический состав гаплогрупп мтДНК, наличие автохтонных филогенетических кластеров, таких как группа А-10 [16, 17], как будто тоже подтверждают данную концепцию.

В результате в эпоху раннего металла (IV тыс. до н.э.) в регионе сформировались носители двух разных культурных и, видимо, этнических традиций: усть-тартасская и гребенчато-ямочная, обладающие культурной, антропологической и, вероятно, генетической спецификой [25].

Впоследствии носители данных образований эволюционируют соответственно в автохтонные же кро-

товскую и одиновскую культуры (III тыс. до н.э.), со своей спецификой в материальной и духовной культуре, антропологическом типе и генофонде [18, 19]. Приблизительно в середине и во второй половине III тыс. до н.э. в комплексах обоих культур наблюдается появление предметов среднеазиатского импорта в виде бус крестовиков, а также предметов сейминско-турбинского облика и цельнолитых бронзовых кинжалов [26, 27].

Вместе с тем ни антропологическая, ни генетическая специфика носителей этих культур не демонстрирует нам каких-либо новаций извне. Поэтому появление инородных для регионов предметов следует расценивать как проявление культурного взаимодействия носителей автохтонных образований и их южных соседей. Означенный феномен следует, по-видимому, через торговлю, обмен в рамках межрегиональной сети торговых отношений, по каналам которой проникают инновации, идеи, технологии. Они почти не меняют антропологический и генетический фон [5. Р. 57–59; 28. С. 98].

Таким образом, как позволяют нам уверенно говорить имеющиеся в нашем распоряжении археологические, антропологические и палеогенетические данные, по крайней мере, с VI вплоть до начала II тыс. до н.э. основную роль в рассматриваемом регионе играло развитие автохтонных групп населения [18].

В последующие периоды бронзового века характер развития состава населения и его материальной и духовной культуры определялся уже соотношением вклада автохтонных компонентов и влияния внешних факторов, т.е. этнокультурным взаимодействием аборигенов с пришлыми группами населения.

Проявления мощных миграционных потоков с запада, юго-запада отчетливо фиксируются в регионе в начале II тыс. до н.э. Носители андроновской (федоровской) культуры какое-то время сосуществовали с автохтонными кротовскими племенами, сначала активно контактируя с ними на расстоянии, что привело к полной смене орудийного набора и украшений у позднекротовцев с сейминско-турбинских на срубно-андоновские формы.

Впоследствии мигранты вступают с аборигенами в кровнородственные отношения.

Эти контакты привели к гибридизации населения, обретению им европеоидных черт и генетической специфики, выразившейся в приобретении аборигенами гаплогруппы Т. Перед нами тот случай, когда миграционные волны нашли яркое проявление в материальной культуре, погребальной практике, антропологическом и генетическом типе аборигенного населения [Там же].

В соответствии с вышеуказанной схемой М. Звелебила, можно квалифицировать данную миграцию как направленную колонизацию типа «demic diffusion». Согласно масштабным археологическим источникам, полученным на таких погребальных комплексах, как Сопка-2/5 и Тартас-1, в начальной стадии преобладала выборочная колонизация [29]. Движение ми-

грантов шло в виде постепенного переселения отдельных групп, чему предшествовали торговые контакты на расстоянии. Очевидно, что источников миграций было несколько. На определенном этапе взаимодействия постепенно формировались доминантные отношения со стороны колонистов. Кроме того, нельзя исключать опосредованное воздействие на носителей позднекротовской культуры уже своего рода «варваризированных» андроновцев.

В Барабе процесс адаптации пришельцев к новым условиям протекал довольно долго и не всегда однозначно, хотя, в конечном счете, и увенчался их полным триумфом. О судьбе автохтонного населения можно рассуждать сегодня только гипотетически.

Не менее отчетливо обнаруживается в рассматриваемом регионе все более усиливающаяся мозаичность культурогенеза [2], также отчетливо проявляющаяся в антропологическом и палеогенетическом материале.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабинская степь // Краткая географическая энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1960. Т. 1. 192 с.
2. Молодин В.И. Этнокультурная мозаика в Западной Барабе (эпоха поздней бронзы – переходное время от эпохи бронзы к железному веку XIV–VIII века до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4 (60). С. 54–63.
3. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепной Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 169 с.
4. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
5. Zvelebil M. The Social Contexts of the Agricultural Transition in Europe // *Archaeogenetics: DNA and the Population Prehistory of Europe*. Cambridge, 2000. 342 p.
6. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988. 184 с.
7. Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск, 2008. 212 с.
8. Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург, 2010. 104 с.
9. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 282 с.
10. Молодин В.И. Современное представление об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). Новосибирск, 2010. С. 61–76.
11. Molodin V.I. The Ob-Irtysh forest steppe in the Bronze Age // *Peregrination's Archaeological in Asia et Europa Joanni Chochorowski Dedicatae*. Krakov, 2012. P. 491–501.
12. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 294 с.
13. Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. 45 с.
14. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л., 1986. 180 с.
15. Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпоху неолита – раннего железа. Новосибирск, 2012. 468 с.
16. Пилипенко А.С. Реконструкция процессов формирования населения Барабы эпохи бронзы методами анализа вариативности мтДНК: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2010. 161 с.
17. Трапезов Р.О. Генетическая структура популяций человека Юга Сибири в эпоху неолита и ранней бронзы (VI – начало III тыс. до н.э.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2014. 169 с.
18. Molodin V.I., Piliipenko A.S., Romaschenko A.G., Zhuravlev A.A., Trapezov R.O., Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V. Human migration in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age. Archaeological, paleogenetic and anthropological data // *Population Dynamics in Prehistory and Early History. New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics*. Berlin/Boston, 2012. P. 93–111.
19. Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А., Ромашенко А.Г., Журавлев А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. (Интеграционные проекты СО РАН. Вып. 46). Новосибирск, 2013. 220 с.
20. Бужилова А.П. Рецензия: Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А., Ромашенко А.Г., Журавлев А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 220 с. // *Российская археология*. 2016. № 1. С. 171–173.
21. Бунак В.В. Человеческие расы и пути их образования // *Советская археология*. 1956. № 1. С. 86–105.
22. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепной полосы Обь-Иртышского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1975. 25 с.
23. Косарев М.Ф. Сложение культур эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири // VI Уральское археологическое совещание. Тезисы пленарных и некоторых дискуссионных докладов. М., 1977. С. 3–5.
24. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 1. 127 с.
25. Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железного века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2010. 50 с.
26. Молодин В.И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // *Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии. К 70-летию академика А.П. Деревянко*. Новосибирск, 2013. С. 309–324.
27. Молодин В.И. Феномен бронзовых кинжалов из погребальных комплексов кротовской культуры (хронология, территория распространения, истоки) // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 2 (62). С. 97–107.
28. Корякова Л.Н., Молодин В.И. Изучение культурной изменчивости в археологии // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 3. С. 82–102.
29. Молодин В.И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // *Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства*. Кемерово, 2011. Вып. VIII. С. 58–70.

Molodin Vyacheslav I. Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russia). E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

THE DIRECTIONS OF MIGRATION FLOWS DURING AN ERA EARLY AND THE DEVELOPED BRONZE. BARABA FOREST-STEPPE (ACCORDING TO ARCHEOLOGY, ANTHROPOLOGY AND PALEOGENETICS).

Keywords: Baraba forest-steppe; Bronze Age; migrations.

Baraba forest-steppe is situated on the wide plane between Ob' and Irtysh rivers. The height difference on the plane is about 100–150 m. That is why the territory was convenient for the dynamic movements of the man, particularly from the beginning of the Bronze Age,

when the draft transport was invented, and especially wheeled transport. Wide-ranging archaeological investigations, together with anthropological and paleogenetic data, allowed creating the concept of the ethno-cultural development of ancient people, also for the region of Baraba forest-steppe. The classification of diffusion's mechanisms of M. Zvelebil was taken as the conception base. Due to the multidisciplinary approach, we have got not only the conception of ethno-cultural genesis, but also the evidences of the presence of the migration streams in the region. It is determined that local autochthonous groups on the territory were forming during the Neolithic and the Early Metal Age. The emergence of the Seyma-Turbino bronze workpieces and items, typical for the Central Asia production in the III century BC, points that the local people had contacts with alien by means of trade. These contacts did not have the influence on the genetic or anthropological context of the aboriginal people. Powerful streams of migration were clearly recorded from west and south-west at the beginning of II century BC. People of the Andronovo (Fedorovo) culture coexisted with the native men somehow and then entered into the relations of kinship with them. These contacts led to hybridization of the population, local people were obtaining European characteristics and genetic specifics. This type of migration can be qualified as directed colonization of type "demic diffusion". There were several sources of the migrations. Gradually, colonists occupied the leading position over the aboriginal population.

REFERENCES

1. Grigoriev, A.A. (ed.) *Kratkaya geograficheskaya entsiklopediya* [The Brief Geographical Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
2. Molodin, V.I. (2014) Ethnic and cultural mosaic in Western Baraba during the Late Bronze to Iron Age transition (the 14th–8th centuries BC). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 4(60). pp. 54-63. (In Russian).
3. Molodin, V.I. (1977) *Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtys'ya* [The Neolithic and Bronze Age of the forest-steppe Ob-Irtysh]. Novosibirsk: Nauka.
4. Molodin, V.I. (1985) *Baraba v epokhu bronzy* [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka.
5. Zvelebil, M. (2000) The Social Contexts of the Agricultural Transition in Europe. In: Renfrew, C. & Boyle, K. (eds) *Archaeogenetics: DNA and the Population Prehistory of Europe*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research.
6. Zdanovich, G.B. (1988) *Bronzovyy vek Uralo-Kazakhstanskikh stepey (osnovy periodizatsii)* [The Bronze Age of Ural-Kazakhstan steppes (periodization)]. Sverdlovsk: Ural State University.
7. Zakh, V.A., Zimina, O.Yu., Ryabogina, N.E., Skochina, S.N. & Usacheva, I.V. (2008) *Landshafty golotsena i vzaimodeystvie kul'tur v Tobolo-Ishimskom mezhdurech'e* [Holocene landscapes and cultural interaction in the Tobol-Ishim interfluvium]. Novosibirsk: Nauka.
8. Korochkova, O.N. (2010) *Vzaimodeystvie kul'tur v epokhu pozdney bronzy (andronoidnye drevnosti Tobolo-Irtys'ya)* [Interaction of cultures in the Late Bronze Age (Andronoid antiquities of the Tobol and Irtysh)]. Ekaterinburg: UralYurLdat.
9. Kosarev, M.F. (1981) *Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri* [The Bronze Age in Western Siberia]. Moscow: Nauka.
10. Molodin, V.I. (2010) Sovremennoe predstavlenie ob epokhe bronzy Ob'-Irtys'skoy lesostepi (k postanovke problemy) [The modern idea of the Bronze Age of the Ob-Irtysh forest-steppe]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoy Sibiri: proshloe, nastoyashchee, budushchee (k yubileyu professora T.N. Troitskoy)* [Archaeological research in Western Siberia: Past, Present, Future (to the anniversary of Professor T.N. Troitskaya)]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 61-76.
11. Molodin, V.I. (2012) The Ob-Irtysh forest steppe in the Bronze Age. In: *Peregrination's Archaeological in Asia et Europa Joanni Chochorowski Dedicatae*. Krakow. pp. 491-501.
12. Kiryushin, Yu.F. (2002) *Eneolit i rannaya bronza yuga Zapadnoy Sibiri* [Chalcolithic and Early Bronze of the south of Western Siberia]. Barnaul: Altai State University.
13. Bobrov, V.V. (1992) *Kuznetsko-Salairskaya gornaya oblast' v epokhu bronzy* [The Kuznetsk-Salair mountain area in the Bronze Age]. Abstract of History Doc. Diss. Novosibirsk.
14. Vadetskaya, E.B. (1986) *Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh srednego Eniseya* [Archaeological sites in the steppes of the middle Yenisei]. Leningrad: Nauka.
15. Chikisheva, T.A. (2012) *Dinamika antropologicheskoy differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v epokhu neolita – rannego zheleza* [Dynamics of anthropological differentiation of the population in the south of Western Siberia during the Neolithic – Early Iron Age]. Novosibirsk: Nauka.
16. Pilipenko, A.S. (2010) *Rekonstruktsiya protsessov formirovaniya naseleniya Baraby epokhi bronzy metodami analiza variabel'nosti mtDNA* [Reconstruction of the processes of formation of the Baraba population in the Bronze Age by methods of mtDNA variation analysis]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
17. Trapezev, R.O. (2014) *Geneticheskaya struktura populyatsiy cheloveka Yuga Sibiri v epokhu neolita i ranney bronzy (VI – nachalo III tys. do n.e.)* [The genetic structure of human populations of the South Siberia during the Neolithic and Early Bronze Age (the 6th – early 3rd millennium BC)]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
18. Molodin, V.I., Pilipenko, A.S., Romashchenko, A.G., Zhuravlev, A.A., Trapezev, R.O., Chikisheva, T.A. & Pozdnyakov, D.V. (2012) Human migration in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age. Archaeological, paleogenetic and anthropological data. In: Kaiser, E., Burger, J. & Schier, W. (eds) *Population Dynamics in Prehistory and Early History. New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics*. Berlin/Boston. pp. 93-111.
19. Molodin, V.I., Pilipenko, A.S., Chikisheva, T.A., Romashchenko, A.G., Zhuravlev, A.A., Pozdnyakov, D.V. & Trapezev, R.O. (2013) *Multidisciplinarnye issledovaniya naseleniya Barabinskoy lesostepi IV–I tys. do n.e.: arkheologicheskiy, paleogeneticheskiy i antropologicheskiy aspekty* [Multidisciplinary studies of the population of the Baraba forest-steppe in the 4th – 1st millennium BC: archaeological, paleogenetic and anthropological aspects]. Novosibirsk: SB RAS.
20. Buzhilova, A.P. (2016) Molodin V.I. and others. Multidisciplinary studies of the population of Baraba forest-steppe in the 4th – 1st millennia: archaeological, paleogenetic and anthropological aspects. Novosibirsk, 2013. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 1. pp. 171-173. (In Russian).
21. Bunak, V.V. (1956) Chelovecheskie rasy i puti ikh obrazovaniya [The human races and the ways of their formation]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1. pp. 86-105.
22. Molodin, V.I. (1975) *Epokha neolita i bronzy lesostepnoy polosy Ob'-Irtys'skogo mezhdurech'ya* [The Neolithic and Bronze Age of the forest-steppe zone of the Ob-Irtysh interfluvium]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
23. Kosarev, M.F. (1977) [Addition of cultures during the Bronze Age in the Trans-Urals and Western Siberia]. *VI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie* [The Sixth Ural Archaeological Discussion]. Abstracts of Reports. Moscow. pp. 3-5. (In Russian).
24. Molodin, V.I. (2011) *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Kul'turno-khronologicheskiy analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi neolita i rannego metalla* [Sopka-2 on the Om River. Cultural and chronological analysis of the Neolithic and Early Metal funerary complexes]. Vol. 1. Novosibirsk: SB RAS.
25. Chikisheva, T.A. (2010) *Dinamika antropologicheskoy differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v epokhu neolita – rannego zheleza* [Dynamics of anthropological differentiation of the population in the south of Western Siberia during the Neolithic – Early Iron Age]. Abstract of History Doc. Diss. Novosibirsk.

26. Molodin, V.I. (2013) Seyminsko-turbinskie bronzy v "zakrytykh" kompleksakh odinovskoy kul'tury (Barabinskaya lesostep') [The Seima-Turbinsky bronzes in the "closed" culture complexes of Odinovskiy culture (Baraba forest-steppe)]. In: Molodin, V.I. & Shunkov, M.V. (eds) *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii* [Fundamental problems of archeology, anthropology and ethnography]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 309-324.
27. Molodin, V.I. (2015) The phenomenon of bronze daggers from burial complexes of the Krotovo culture (chronology, area of distribution, beginnings). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 6(2). pp. 97-107. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2015-2-97-107
28. Koryakova, L.N. & Molodin, V.I. (2012) Izuchenie kul'turnoy izmenchivosti v arkheologii [The study of cultural variation in archeology]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik of Novosibirsk State University. History and Philology*. 11(3). pp. 82-102.
29. Molodin, V.I. (2011) Migratsii nositeley andronovskoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti v Barabinskuyu lesostep' [The migration of the bearers of the Andronovo cultural and historical community to Baraba forest-steppe]. In: Bobrov, V.V., Sovetova, O.S. & Miklashevich, E.A. (eds) *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii* [The ancient art through archeology]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 58-70.

Д.Г. Савинов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ «ТЮРКИЗАЦИИ» НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

На основании сведений письменных источников и археологических материалов рассматривается проблема тюркизации населения юга Западной Сибири в эпоху раннесредневековых государственных образований Центральной Азии; предлагается наиболее аргументированный вариант ее решения. Тюркизация как процесс, включающий распространение и адаптацию в местных условиях целого ряда элементов южного происхождения (язык, особенности культуры и проникновение отдельных групп их носителей), эпизодически могла происходить на протяжении всей второй половины I тыс. н.э., но окончательно завершилась только к концу этого периода. Решающим фактором при этом явилось распространение на север племен кимако-кыпчакского объединения (сросткинская археологическая культура, середина IX – 30-е гг. XI в.).

Ключевые слова: Западная Сибирь; язык; культура; предметы вооружения; керамика; погребальный обряд; тюркизация; этническая группа; переселение; государство.

Понятие «тюркизация» как определение влияния/распространения тюркоязычных кочевников среди раннесредневекового населения Западной Сибири давно стало общепотребительным. Различным аспектам решения этой проблемы уже посвящена достаточно обширная литература: исследования А.П. Дульзона, Л.А. Чиндиной, Л.М. Плетневой, Т.Н. Троицкой, В.А. Могильникова, Б.А. Коникова, А.М. Илюшина, С.В. Неверова, А.С. Васютина и др. В работах этих и других авторов рассматриваются вопросы хронологии и периодизации западносибирских археологических культур, времени появления в них различного рода элементов южного происхождения, предполагаемые места исхода и пути распространения их носителей и т.д. По многим из этих вопросов мнения исследователей совпадают, по некоторым – расходятся. Однако именно такие расхождения актуализируют дальнейшие исследования в этом направлении – определение содержания и форм проявления процессов тюркизации.

Общий ареал распространения этих процессов на территории Западной Сибири был определен А.П. Дульзоном по данным топонимики приблизительно на уровне 55-й параллели – немного севернее линии Красноярск – Томск – Тобольск, с выделением сплошного и более редкого распространения тюркских топонимов [1]. Время тюркизации – период господства на юге тюркоязычных правящих династий (середина I – начало II тыс. н.э.). С археологической точки зрения, основным источником выявления южного (иначе – древнетюркского) компонента в культурогенезе населения Западной Сибири являются особенности погребального обряда и, главным образом, достаточно многочисленные находки предметов вооружения, конского снаряжения и поясной гарнитуры южного происхождения в материалах западносибирских археологических культур.

Рассмотрение этих материалов чаще всего проводится суммарно – на основе синхронизации с историческими датами существования того или иного госу-

дарственного образования Центральной Азии и Южной Сибири (Первый тюркский каганат, VI–VII вв.; Второй тюркский каганат, VII–VIII вв. и т.д.). Однако при этом следует иметь в виду некоторые теоретические аспекты изучения того, что принято называть процессом тюркизации, а они указывают на необходимость более углубленного изучения данного вопроса.

Во-первых, понятие тюрки (соответственно – тюркизация), а применительно к эпохе Раннего Средневековья – древние тюрки, не столь однозначно, как это кажется. Первоначально, после открытия древнетюркских рунических надписей в Монголии, оно использовалось в прямом – лингвистическом – значении (В.В. Радлов); потом было перенесено на историю народов «эпохи рунического письма» (С.П. Толстов, С.В. Киселев, А.Н. Бернштам, С.Г. Кляшторный); затем, по мере изучения культурного наследия населения Центральной Азии и Южной Сибири, перешло на этнографический (Л.П. Потапов) и уже в последнюю очередь – на археологический материал (С.И. Вайнштейн, А.Д. Грач). Таким образом, круг культурных явлений, определяемых в целом как «древнетюркские» (а именно они участвуют в процессе тюркизации), оказывается достаточно широк и, учитывая полиэтничность всех раннесредневековых государственных образований, требует, по мере возможности, уточнения, какое из приведенных значений имеется в виду (подробнее об этом см.: [2]). Во всяком случае на завершающем этапе тюркизации они должны каким-то образом совпадать.

Во-вторых, морфология понятия археологического источника применительно к древнетюркскому культурному комплексу требует определенной дифференциации. Как и в любой археологической культуре, в нем выделяются, по меньшей мере, три социально ориентированных блока компонентов: бытовой (или хозяйственный), который вряд ли мог существенно проявиться в новых физико-географических условиях; элитный, фиксируемый главным образом в драгоценных (престижных) импортных изделиях, которых в за-

падносибирских археологических материалах этого времени практически нет; и, наконец, блок ранжированной культуры, в первую очередь воинской субкультуры, который в основном составляет корпус находок южного происхождения в вещественных материалах западносибирских памятников.

В-третьих, раннесредневековые общества Западной Сибири ни в коем случае нельзя рассматривать только как пассивных реципиентов постоянных инноваций, идущих с Юга на Север. Совершенно очевидно, что на территории Западной Сибири в эпоху Раннего Средневековья (а, скорее всего, раньше – с кулайского времени) сложилась своя, самостоятельная – потестарная – форма этносоциального объединения, обладавшая определенной системой ценностей, механизмами сохранения и передачи традиций, отличная от древнетюркских государственных образований и существовавшая параллельно с ними [3]. Наиболее близко к такому пониманию подошел Б.А. Коников, посвятивший одну из своих работ проблеме «сосуществования, взаимодействия и противоборства двух великих цивилизаций – тюркской кочевой степной и угро-самодийской оседлой лесостепной и южнотаежной» [4. С. 275]. О том, что это были высокоорганизованные военизированные общества, свидетельствует арсенал разнообразных предметов вооружения, представленных, например, в материалах релкинской культуры [5] и других раннесредневековых памятниках Западной Сибири.

Обращаясь к конкретному археологическому материалу, возможно, следует пока оставить в стороне, как свидетельства тюркизации, некоторые категории изделий: имеются в виду поясные наборы «геральдического стиля» и серьги «салтовского типа», вообще имевшие в это время чрезвычайно широкое распространение (Крым, Северный Кавказ, Приуралье и Прикамье), т.е. далеко за пределами Западной Сибири, и отражающие «моду» своего времени, а не какие-то конкретные культурно-исторические процессы.

Теоретически процессы тюркизации, учитывая предполагаемую тюркоязычность хуннов, могли начаться достаточно рано, но вряд ли это могло иметь какое-либо существенное значение в культурогенезе; в лучшем случае можно говорить о культурных контактах в западносибирской части сферы влияния хунну. Тем более это касается последующего постхуннского (или предтюркского) времени, когда все интересы центральноазиатских кочевников были сосредоточены на создании своей системы доминирования и контролем над Великим Шелковым путем.

Используя уже не раз примененный и в целом оправдавший себя подход к объяснению элементов южного происхождения в западносибирских археологических материалах сравнением их с предполагаемыми оригиналами (или прототипами) в культурах раннесредневековых кочевников Центральной Азии и Южной Сибири, можно идти тем же путем. Однако не столько для использования точных дат существования

тех или иных государственных объединений, которые при перенесении на «Север» так или иначе требуют корректировки, сколько исходя из особенностей развития и возможностей (необходимости) такой ретрансляции со стороны самих государственных объединений, т.е. исторических контекстов «Юга». А они, оказывается, для разных периодов (или народов) были различными.

Период Первого тюркского каганата (середина VI – 30-е гг. VII в.) – один из наименее изученных в археологии Центральной Азии и Южной Сибири. Достоверных комплексов этого времени практически неизвестно (эпонимный памятник – могильник Кудыргэ – в лучшем случае относится к самому концу этого периода). Тем более проблематично (за исключением отдельных находок, о которых говорилось выше) «узнавание» их в Западной Сибири. Наиболее яркие памятники периода Первого тюркского каганата (например, Шиловский курган № 1 в Самарском Поволжье, древности типа Перещепинского клада и др.) открыты не в азиатской, а в европейской части Великой степи. Это соответствует общей направленности экспансии правителей Первого тюркского каганата, устремленной главным образом на Запад (вплоть до Боспора), принимавших активное участие в войнах между Византией и Сасанидским Ираном и, очевидно, мало обращавших внимание на население более северных областей.

Период Второго тюркского каганата (70-е гг. VII – середина VIII в.) знаменуется гораздо более интенсивным взаимодействием с югом Западной Сибири: достаточно вспомнить знаменитый поход древних тюрков 709–711 гг. под водительством Бильге кагана и Тоньюкука на Енисей и далее через Северный Алтай с выходом на Иртыш. Это был единственный зафиксированный письменными источниками исторический эпизод, когда кони тюркских всадников «копытили» североалтайские и прииртышские степи (возможно, что на самом деле их было больше, но, поскольку они не нашли отражения в письменной традиции, значит, и значение их было не столь велико). Территория Второго тюркского каганата была значительно менее обширна по сравнению с Первым, западная граница его проходила по Восточному Притяньшанью («Джунгарские ворота»), и все военные действия были направлены не на завоевание западной части Великой степи, а против окружающих местных племен, в том числе, возможно, и на территории Западной Сибири. Но все это были в лучшем случае военные походы, не связанные ни с этническим переселением, ни с освоением новых областей.

Приблизительно в это время и позже в Западной Сибири появляются первые (правда, очень редкие) захоронения с конем и довольно большое количество металлических изделий тюркского облика, на основании которых наиболее активная фаза тюркизации обычно относится именно к этому времени. В число этих инноваций входят поясные наборы с бляхами-

оправами, предметы вооружения (наконечники стрел и копий, кинжалы), предметы снаряжения верхового коня и украшения конской сбруи (стремена с выделенной пластиной, «S»-видные псалии, подвесные бляхи-решмы и др.), формально относящиеся, по саяно-алтайской периодизации, к катандинскому этапу культуры алтае-телеских тюрков (VII–VIII вв.), но продолжающие жить и в последующее время. Эти находки свидетельствуют о распространении на территории южных лесостепных областей Западной Сибири (лесостепной Алтай, Барабинская лесостепь, Среднее Прииртышье) ранжированной (воинской) субкультуры, скорее всего, способствовавшей формированию потестарных военно-политических объединений на территории Западной Сибири. Но это еще не является свидетельством ни языковой, ни этнокультурной ассимиляции населения Западной Сибири, синонимичной понятию «тюркизация».

Скорее всего, данный культурный комплекс распространяется на территорию Западной Сибири не в период расцвета Второго тюркского каганата, хотя это и не исключено, а уже после его крушения под ударами уйгуров, т.е. не ранее середины VIII в. Об этом определенным образом свидетельствует историческая обстановка, сложившаяся в данный период в северо-западной (алтайской) части политического влияния уйгуров. Судя по сведениям письменных источников (известная надпись Бьян-чора и др.), Алтай («Алтунская чернь») не входил в состав Уйгурского каганата. Как показывают археологические материалы, сюда были оттеснены главные силы сохранившейся элиты алтае-телеских тюрков (курайский этап), сосуществовавшие с уйгурами династии Яглакар, центр расселения которых находился в Монголии (подробнее об этом см.: [6]). В данной ситуации именно Алтай, как ближайшая пограничная область к Западной Сибири, мог стать основным источником поступления (по бассейну Верхней Оби с притоками) инноваций южного происхождения в соседние районы юга Западной Сибири. Однако это тоже кардинально не изменило традиционной верхнеобской культуры, согласно существующей хронологии дожившей до этого времени [7], вряд ли носило характер массового переселения и могло привести к активной тюркизации местного населения.

Вместе с изделиями общетюркского облика этого времени на север могли проникать и отдельные виды изделий предшествующего (кудыргинского) типа. Носителями этих инноваций могли быть тюркоязычные кочевники, скорее всего, воинские подразделения, вытесненные со своих земель в период становления уйгурского каганата (середина VIII – середина IX в., точнее, 745–840 гг.). По всей вероятности, это должно было привести к образованию своеобразной «билингвы», как языковой, так и культурной, с преобладанием в бытовой традиционной культуре местных компонентов. Таким образом, в методологическом отношении мы приходим не к строгой синхронизации археологиче-

ских и письменных источников, а к «опережающему» значению исторических (письменных) дат по отношению к материалам археологических памятников, хотя взаимосвязь их в целом представляется несомненной.

По-настоящему процессы тюркизации в Западной Сибири начинаются с середины IX в., когда после гибели Уйгурского каганата на прилегающих к нему с севера землях складывается одно из самых поздних и самое северное древнетюркское этносоциальное объединение – государство кимако-кыпчаков с центром на Иртыше. В рамках кимако-кыпчакской конфедерации (сросткинская культура, середина IX – начало X в.) образуется ряд локальных вариантов (северо-алтайский, кемеровский, новосибирский), располагавшихся уже непосредственно на территории южных районов Западной Сибири. Именно в это время здесь появляются повсеместно захоронения в сопровождении так называемой шкуры коня, многочисленные металлические изделия общетюркского облика, характерные для сросткинской культуры ажурные украшения, двухсоставные застежки, длинные ременные наконечники и другие предметы сросткинского культурного комплекса, свидетельствующие о сложении многочисленного тюркизированного, очевидно, как в языковом, так и в культурном отношении, населения. Распространение этих инноваций, скорее всего, шло на север по Иртышу, где находился прежний центр кимако-кыпчакского объединения, и носило, по всей вероятности, характер миграции одной, а скорее всего, нескольких (или многих, судя по разнообразию погребальных обрядов) этнических групп. Одной из причин этого могло послужить завоевание Горного Алтая енисейскими кыргызами, потеснившими кимаков на Иртыше.

Об этнической близости населения Прииртышья и юга Западной Сибири в это время свидетельствует, помимо всего прочего, сходство керамики [8], как известно, одного из наиболее устойчивых этнических признаков культуры. Немаловажное значение, очевидно, имело и то, что в хозяйственном отношении племена кимако-кыпчакского объединения были не столь специализированы, как кочевники Центральной Азии, и легко адаптировались в условиях традиционной комплексной экономики населения южных районов Западной Сибири.

Таким образом, контаминация (интеграция, объединение) всех необходимых компонентов в процессе тюркизации (язык, население, культура) на рубеже I и II тыс. н.э., по-видимому, завершилась. После распада кимако-кыпчакского объединения (30-е гг. XI в.) центробежные направления расселения входивших в него этнических групп «разнесли» эти традиции еще дальше на север. А последующая басандайская культура предмонгольского и раннемонгольского времени, XI–XIII вв. [9, 10], уже закрепила эти особенности генетически. Дальнейшее взаимодействие всех тюркоязычных групп населения юга Западной Сибири происходило уже в рамках нового культурно-исторического пространства, получившего образное наименование

«Дешт-и-Кипчака», восточная граница которого простиралась до западных склонов Горного Алтая и Кузнецкого Алатау.

Типологически близкие процессы происходили на юге Средней Сибири – месте основного обитания енисейских кыргызов, с той лишь разницей, что о военных походах древних тюрков, уйгуров и других против кыргызов неоднократно говорится в письменных источниках. Это еще раз оттеняет историко-географическое своеобразие Западной Сибири, «до поры, до времени» находящейся за пределами (или досягаемости) центральноазиатских государственных образований. Однако известно, что и на Енисее после окончания периода так называемого кыргызского великодержавия, в конце X в. ставка правителя была перенесена на север, в излучину Чулыма, где уже в среднем течении Чулыма, восточнее Томска, были открыты позднекыргызские могильники с характерным инвентарем XI–XIII вв.

[11]. Совершенно очевидно, что их появление здесь также сопровождалось процессами тюркизации местного населения, наряду с другими компонентами, участвовавшими в формировании чулымских тюрков.

Близкие по содержанию процессы происходили и на Средней Лене, с чем связано выделение южного – тюркского – компонента, в этнокультурогенезе якутов. Каждое из этих культурно-исторических явлений, происходивших, возможно, по-разному, но в относительно одновременном хронологическом срезе, заслуживает специального внимания. В целом они показывают, что процессы тюркизации в каждой из этих областей – это часть более масштабной общей проблемы взаимодействия Севера и Юга, актуальной для всей этнокультурной истории Центральной и Северной Азии, основная стратегия изучения которой наиболее полно и аргументированно разработана на археологических материалах Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. М. : Наука, 1963. Т. III. С. 289–295.
2. Савинов Д.Г. Древнетюркское время – культура – традиция (история появления термина и некоторые вопросы культурогенеза) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. Красноярск ; Омск : Издательский дом «Наука», 2006. С. 29–32.
3. Савинов Д.Г. Потестарные объединения Западной Сибири в эпоху Раннего Средневековья // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний : материалы XV Междунар. археол.-этнограф. конф. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 24–26.
4. Конилов Б.А. О взаимодействии тюркской и угро-самодийской цивилизации (эпоха Раннего и Развитого Средневековья) // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск : Изд-во ОмГУ, 2002. С. 275–276.
5. Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск : Изд-во ТГУ, 1977. 189 с.
6. Савинов Д.Г. «Звездный час» раннесредневекового населения Горного Алтая (середина VIII – середина IX в.) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию акад. А.П. Деревянко. Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 2013. С. 445–459.
7. Васютин А.С. Проблемы хронологии завершающего этапа верхнеобской культуры // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний : материалы XV Междунар. археол.-этнограф. конф. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 112–115.
8. Арсланова Ф.Х. Керамика раннесредневековых курганов Казахского Прииртышья // Средневековые древности Евразийских степей. М. : Наука, 1980. С. 79–104.
9. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. по археологическим источникам. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. 349 с.
10. Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох. Басандайская культура. Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 2008. 423 с.
11. Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 269 с.

Savinov Dmitry G. Sankt-Peterburg State University (Sankt-Peterburg, Russia). E-mail: lazarevskaya_n@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL FORMS OF 'TURCIZATION' OF WESTERN SIBERIA'S POPULATION IN A HISTORICAL CONTEXT.

Keywords: Western Siberia; language; culture; armament items; ceramics; burial rite; turcization; ethnic group; resettlement, state.

Turcization is one of the key issues in the ethno-cultural history of Western Siberia's population in the early Middle Ages. A rather extensive body of literature is devoted to various aspects of it; however, no single universally accepted concept has been formed so far. Drawing upon written sources and archaeological materials, the article proposes a well-reasoned way of solving this issue. Southern components of culture presented in the 'North' are considered based on the specificities of development and possibility of (or a need for) such a retranslation on the part of state formations themselves, i.e. historical contexts of the 'South'. Turning to specific archaeological material, it should be said that very few archaeological sites are known which date back to the First Turkic Khanate, and this makes it even harder (except for some findings) to 'identify' them in Western Siberia. This is in line with the general vector of expansion by First Turkic Khanate rulers directed primarily at the West (to the Bosphorus) who apparently paid little attention to the population of areas further in the north. The Second Turkic Khanate period is marked by a much more intensive interaction with the south of Western Siberia: suffice it to recall the famous campaign of ancient Turks that went to Yenisei in 709–711 and then on to Northern Altai reaching the Irtysh River. However, this was a military campaign not explicitly related to either ethnic resettlement or exploration of new territories. About the same time, in Western Siberia burial sites with horses (although they were very rare) started to emerge along with quite a significant number of metal items of Turkic character which formally date back to the Katandinskiy stage in the culture of Altai-Tele Turkic people (VII to VIII centuries), according to the Altaic periodization. However, there are grounds to assume that they entered the territory of Western Siberia not at the time the Second Turkic Khanate flourished but after it had fallen, and Turks ousted toward Altai were forced to move further north. In all probability, this had to result in the formation in southern areas of Western Siberia of a specific 'bilingua', both linguistic and cultural, with local components prevailing, especially in traditional everyday culture. Apparently, processes of turcization started to the full only in the mid IX century when, after the fall of the Uyghur Khanate, on adjacent territories to the north of it there emerged one of the latest and most northern ancient Turkic ethno-social formations, i.e. a state of Kimak-Kypchaks

with the centre on the Irtysh River. Within the Kimak-Kypchak Confederation (the Srostkinskaya culture, mid IX to the early XI centuries), a series of local variants of culture (these of northern Altai, Kemerovo, Novosibirsk) formed which were situated exactly on the territory of southern regions of Western Siberia. After the dissolution of the Kimak-Kypchak formation (in the 1030s), 'centrifugal' vectors of its constituent ethnic groups' resettlement took these southern elements further to the North. And the Basandai culture that followed (in the IX to the XIII centuries) adopted them genetically.

REFERENCES

1. Dulzon, A.P. (1963) Etnicheskiy sostav drevnego naseleniya Zapadnoy Sibiri po dannym toponimiki [The ethnic composition of the ancient population of Western Siberia according to toponymy]. In: *Trudy XXV Mezhdunarodnogo kongressa vostokovedov* [Proceedings of the 25th International Congress of Orientalists]. Vol. 3. Moscow: Nauka. pp. 289-295.
2. Savinov, D.G. (2006) Drevnyetyurkskoe vremya – kul'tura – traditsiya (istoriya poyavleniya termina i nekotorye voprosy kul'turogeneza) [The ancient Turkic time – Culture – Tradition (the history of the term and some issues of cultural genesis)]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integrating Archaeological and Ethnographic Research]. Krasnoyarsk; Omsk: Nauka. pp. 29-32.
3. Savinov, D.G. (2011) [Potestarian associations of Western Siberia in the early Middle Ages]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arkhеologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a system in its historical context: The experience of the West-Siberian archaeological and ethnographic meetings]. Proc. of the 25th International Archaeological and Ethnographic Conference. Tomsk: Agraf-Press. pp. 24-26. (In Russian).
4. Konikov, B.A. (2002) [On the interaction of Turkic and Finno-Samoyedic civilizations (The Early and Developed Middle Ages)]. *Tyurkskie narody. Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri* [Turkic peoples. The cultural heritage of the peoples in Western Siberia]. Proc. of the 5th Siberian symposium. Tobol'sk; Omsk: Omsk State University. pp. 275-276. (In Russian).
5. Chindina, L.A. (1977) *Mogil'nik Relka na Sredney Obi* [The Burial Rēlka on the Middle Ob]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Savinov, D.G. (2013) "Zvezdnyy chas" rannesrednevekovogo naseleniya Gornogo Altaya (seredina VIII – sredina IX v.) [The "finest hour" of the early medieval population of Gorny Altai (the mid-8th – mid-9th century)]. In: Molodin, V.I. & Shunkov, M.V. (eds) *Fundamental'nye problemy arkhеologii, antropologii i etnografii* [Fundamental problems of archeology, anthropology and ethnography]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 445-459.
7. Vasyutin, A.S. (2010) [The problems of chronology of the final stage of the Upper Ob culture]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkhеologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a system in its historical context: The experience of the West-Siberian archaeological and ethnographic meetings]. Proc. of the Fifteenth International West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference. Tomsk: Agraf-Press. pp. 112-115. (In Russian).
8. Arslanova, F.Kh. (1980) Keramika rannesrednevekovykh kurganov Kazakhstanskogo Priirtysh'ya [Pottery from the early medieval mounds in the Kazakhstan Irtysh]. In: Pletneva, S.A. (ed.) *Srednevekovye drevnosti Evraziyskikh stepey* [Medieval antiquities of Eurasian steppes]. Moscow: Nauka. pp. 79-104.
9. Pletneva, L.M. (1997) *Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n. e. po arkhеologicheskim istochnikam* [The Ob near Tomsk in the early 2nd millennium AC in archaeological sources]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Savinov, D.G., Novikov, A.V. & Roslyakov, S.G. (2008) *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh. Basandayskaya kul'tura* [The Upper Ob at the turn of epochs. The Basandayka culture]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.
11. Belikova, O.B. (1996) *Srednee Prichulye v X–XIII vv.* [The Middle Chulym area in the 10th – 13th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.

В.В. Бобров

ТЕНДЕНЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ЛЕСОСТЕПИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Исследование выполнено по проекту 14-50-000-36 РНФ.

Обозначены физико-географические особенности Западной Сибири, адаптация к которым вызвала специфику историко-культурного развития древних обществ. Также обозначено своеобразие формирования и развития археологической науки в регионе. Этот фактор привёл к значительной степени археологической изученности Западной Сибири, особенно её лесостепной зоны. Анализ результатов исследований многих специалистов позволил выявить цикличность историко-культурных процессов от раннего голоцена до скифского времени.

Ключевые слова: культура; процесс; Западная Сибирь; лесостепь; неолит; эпоха бронзы.

На физико-географической карте Евразии Западная Сибирь отличается рядом особенностей. Главной из них является крупнейшая в мире низменность, которая занимает большую часть её территории. Соответственно, этот регион характеризует равнинный рельеф. Только в центральной части низменности есть незначительные увалы моренного происхождения, а на северо-западе, ближе к склонам Уральских гор, Северо-Сосьвинская возвышенность с отметками не более 230 м. Пониженность рельефа обусловила чётко выраженное широтное расположение ландшафтных зон. Другой не менее важной особенностью Западной Сибири является ограниченность, а в некоторых районах полное отсутствие, сырья для производства орудий из камня и цветного металла. Это не могло не отразиться на историческом развитии древнего населения, по крайней мере, до освоения железа.

Если физико-географический фактор предопределил условия для существования и развития древних объединений людей, то другой обеспечил особенности познания исторического содержания этого развития, изучения историко-культурных процессов и их тенденций. С формированием западносибирской археологии, её кадрового потенциала связан этот фактор. На начальном этапе главное место в этом процессе занимал первый в азиатской части России университет в г. Томске. С ним связаны имена таких выдающихся археологов, как С.А. Теплоухов, М.П. Грязнов, С.И. Руденко, А.В. Адрианов, исследования которых являются достоянием не только отечественной, но и мировой археологической науки.

В 1960-е гг. создание академического центра в г. Новосибирске не привело к изменению позиции Томского университета как лидера вузовской археологической науки. Не касаясь развития западносибирской археологии и её кадрового потенциала [1] – это удел историографов, – отметим, что на территории Северной Азии нет ни одного региона с таким количеством археологических групп и центров, как в пределах Западной Сибири. Академические центры – в Новоси-

бирске, Тюмени, Кемерове; классические и специализированные университеты – в Барнауле (2), Горно-Алтайске, Новосибирске (2), Томске (2), Кемерово, Абакане, Омске (2), Тюмени, Кургане, Сургуте (2), Ханты-Мансийске. Наряду с ними успешно проводят археологические исследования некоторые музеи, в частности Ямало-Ненецкого автономного округа, являющегося центром арктической археологии. Этот фактор закономерно дополняет ещё одно обстоятельство. Суть его заключается в том, что западносибирское археологическое сообщество неоднородное в теоретическом и методологическом отношениях. В период формирования местных кадров ориентация была на московский, ленинградский или новосибирский академические центры. За полвека уровень воздействия этой ориентации существенно изменился, но возникли самостоятельные научные школы, основанные на конкретных научных направлениях, например палеолитоведение, первобытное искусство, эпоха палеометалла и др.

Полевые и аналитические исследования в археологии приводят к необходимости систематизировать источники и представить их в развитии, которое выглядит в виде периодизации. Это хрестоматийное положение соответствует, как правило, первому этапу археологического изучения конкретного хронологического периода и определённого географического пространства. Достаточно привести первые периодизации на территории азиатской части России – палеометаллических культур Минусинского края, созданной С.А. Теплоуховым в 1920-х гг. [2], и эпохи неолита, так называемой в настоящее время Байкальской Сибири, которую разработал и обосновал в 1930-е гг. А.П. Окладников [3]. Эти периодизации не потеряли своего научного значения до сегодняшнего дня. Такое гигантское пространство с разнообразием ландшафтов, как Северная Азия, в совокупности с закономерностями развития профессиональных кадров обусловили неравномерность археологического изучения этой территории. Но раньше или позже – научному сообществу

были представлены схемы развития археологических культур/этапов/типов в хронологическом и пространственном измерениях конкретных регионов. Другой этап археологического познания предполагает если не бесконечное, то очень длительное изучение на основе совершенства методик, ориентированное на уточнение и дополнение периодизации, археологическое и историческое содержание эпох, выявления общих и локальных тенденций развития обществ дописьменного периода истории.

Современный уровень знаний о первобытности и Средневековье Северной Азии достаточно неплохой. Об этом свидетельствуют отдельные тома издания «Археология СССР (России)», подготовленный к изданию том «История Сибири и Дальнего Востока». Качественно новый уровень археологических знаний позволяет утверждать, что на азиатском пространстве России Западная Сибирь разительно отличается историко-археологическим содержанием, его разнообразием и динамикой процессов. Он позволяет несколько под другим ракурсом посмотреть на развитие археологических культур, отражённых в периодизациях, на процесс их взаимодействия; открывает перспективу выявления общей и локальной тенденции историко-культурного развития в широких хронологических границах и в пределах разных ландшафтных зон. В данной работе предложен опыт исследования, ориентированного на решение этой проблемы.

Памятники раннеголоценового времени в лесостепной зоне Западной Сибири недостаточно изучены. Всего в пределах этого ландшафтного пояса известно около 10 мезолитических памятников. Сухрино, Катенька, Камышное I, Черноозерье VIa, Большой Берчикуль I и др. [4–8]. Несколько лучше знания об этом периоде таёжной зоны, но преимущественно Зауралья, где известны более ста памятников эпохи мезолита, по данным Ю.Б. Серикова [9] и Е.М. Беспрозванного [10]. Картография раннеголоценовых памятников Западной Сибири, их абсолютная хронология позволяют заключить, что люди обитали только на периферии низменности, что в освоении пространства сохранялась ситуация, сложившаяся в период финального палеолита. Что же касается хронологии, то большая часть памятников относится к позднемезолитическому времени и имеет возраст не моложе 7 тыс. лет. Теоретически можно полагать, что процесс освоения западносибирской низменности имел дисперсный характер, обусловленный адаптацией к изменяющейся природной среде и её жизнеобеспечивающим ресурсам. Не случайно в археологии азиатской части России выделенные археологические культуры раннего голоцена – редкое явление. Соответственно справедливо мнение В.Ф. Старкова о существовании Урало-Западносибирской мезолитической общности в пределах обширного региона. Только на стадии позднего мезолита возникают стационарные поселения, среди которых одним из первых было исследовано Леуши IX [11].

Неолитическая эпоха демонстрирует совершенно иное состояние историко-культурного развития. На лесостепных просторах от Урала до Верхней Оби специалистами выделены 6–8 археологических культур, за которыми кроется локальная производственная традиция [8; 12–15]. Повсеместно охотники и рыболовы – хранители этих традиций – вели оседлый образ жизни, о чём свидетельствуют стационарные посёлки. Возможно, в этом, кроме распространения керамической посуды, заключался процесс неолитизации (понятие, от которого следует отказаться) на территории Западной Сибири. Археологические источники неолита, как в лесостепи, так и таёжной зоны, оставляют впечатление стабильности традиции культур, несмотря на повышенную роль обмена и взаимодействия древних популяций на его основе. При этом необходимо иметь в виду, что неолитические памятники, в отличие от раннеголоценового периода, известны практически на всей территории низменности, а систематика археологических источников позволяет рассматривать их в рамках культур. Соответственно, возникает вопрос о процессе освоения этого обширного пространства, ответ на который пока не обеспечен археологическими источниками и данными.

В период смены эпох и ранней бронзы общая историко-культурная ситуация может быть охарактеризована как относительная дестабилизация. На территории Южной Сибири в это время сформировалась и существовала самобытная традиция, получившая название афанасьевская культура [16]. Вероятно, к данному периоду относится большемысская культура, ареал которой был в пределах Барнаульско-Бийского Приобья [17]. Севернее этой территории получили распространение памятники кипринского типа или новокуского этапа [18]. Лесостепное пространство практически от Урала до Барабы заняли создатели керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией [Там же; 19]. Это явление представляется как некая общность. Идентичные орнаментальные керамические комплексы прослеживаются далеко к северо-западу от Урала вплоть до Карельского полуострова. Проблема синхронизации этих сибирских и европейских комплексов ещё далека от решения. В районах западно-сибирской лесостепи, где традиция была менее выражена, к финалу ранней бронзы формируются культуры: в Приобье, Кузнецкой котловине и восточной Барабе – крохалёвская; в западной Барабе – усть-тартасская и одиновская, ареал которой включал также Прииртышье и Приишимье. В Зауралье лесостепь была включена в сферу жизнедеятельности населения липчинской культуры. Пока гипотетически можно предположить, что в период смены эпох и ранней бронзы в некоторых районах формирование новой локальной традиционной культуры если не приобрело вид стагнации, то темпы развития не привели к завершению процесса. Таким образом, можно выделить три формы историко-культурного процесса: культура,

культуруформирование, общность орнаментальной традиции.

В аспекте устойчивости традиции сейминско-турбинская эпоха демонстрирует тенденцию историко-культурного процесса, идентичную неолитическому периоду. На всём лесостепном пространстве Западной Сибири существуют яркие самобытные культуры. Но в них присутствует хорошо известный специалистам компонент, который объединяет не только их, но и памятники Восточной и Юго-Восточной Европы. Это определённые типы кельтов, наконечников копий и ножи. Если следовать версии Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых о причинах их распространения [20], то можно расценивать сейминско-турбинский феномен как проявление глобализации в древней истории. Такие культуры могла вытеснить или «поглотить» только такая культура-гигант, как андроновская, занявшая не только всю западносибирскую лесостепь, но и значительную часть казахстанских степей. Её трудно отнести к локальным по территориальному показателю и вызванным ей историческим последствиям, тем более если рассматривать эту культуру с синхронными ей срубными древностями Восточной Европы. Но эта тенденция к глобальному имела иную природу и характер в отличие от процессов в сейминско-турбинское время.

В постандроновское время тенденция историко-культурных процессов возвращается к исходному состоянию, выраженному в существовании на территории лесостепи свиты так называемых андронидных культур (черкакульская, пахомовская, еловская, корчажкинская, карасукская в северных районах ареала). Но единство суперстатного компонента позволяет рассматривать их в рамках общности. Это же состояние сохраняется в эпоху поздней бронзы. Лесостепные культуры этого времени (бархатовская, ирменская) продолжали сохранять в трансформированном виде элементы андроновской традиции. Исключение будет составлять только лугавская культура среднеенисейского региона. В подтверждение этой мысли достаточ-

но привести концепции о позднебронзовой эпохе Западной Сибири М.П. Грязнова, который выделял варианты карасукской эпохи [21], и Н.Л. Членовой, предложившей существование свиты общностей в пространстве карасукско-гальштатского мира [22].

На территории лесостепи Западной Сибири две тенденции выражены в процессе культуругенеза в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Одна автохтонная, содержащая трансформацию традиции позднебронзового периода. Наиболее наглядно она представлена в позднейирменских комплексах. Другая тенденция связана с миграцией в лесостепь таёжного населения, носителей так называемой крестово-штамповой орнаментации. Их взаимодействие привело к некоторой «нивелировке» культурного облика археологических комплексов от Урала до Кузнецкого Алатау.

Со скифским временем возрождается цикл, ориентированный к глобальной тенденции. Несмотря на своеобразие культур, в них находят распространение многие технологические приёмы, типы эффективных производственных орудий, предметов вооружения, наконец, мировоззренческих идей. В значительной степени они являлись результатом взаимозаимствования. Данную тенденцию отражают такие понятия, как «скифо-сибирский мир» и «скифо-сибирское культурно-историческое единство». С рубежа эр военный характер истории, усиленный агрессивностью кочевых раннегосударственных образований, для которых западносибирская лесостепь представляла лакомую территорию, изменил цикличность историко-культурных процессов в лесостепи Западной Сибири.

Небезынтересно то, что близкую цикличность тенденции историко-культурного развития, по крайней мере начиная с периода смены эпох, можно проследить на материалах восточноевропейской лесостепи. Археологические знания обширных регионов к востоку от р. Енисей демонстрируют иной характер и иную тенденцию историко-культурного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деревянко А.П., Холмошский Ю.С. Некоторые подходы к изучению закономерностей развития археологии Северной Азии // Методология и методика археологических реконструкций. Новосибирск, 1994. С. 18–24.
2. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1919. Т. 4, вып. 2. С. 41–62.
3. Окладников А.П. Археологические данные о древней истории Прибайкалья // Вестник древней истории. 1938. № 1. С. 244–260.
4. Генинг В.Ф., Петрин В.Т., Косинская Л.Л. Первые поселения эпохи позднего палеолита и мезолита в Западной Сибири // Из истории Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1973. Вып. 5. С. 24–47.
5. Молодин В.И. Проблема мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья // Археология Южной Сибири. Кемерово : КемГУ, 1985. С. 3–17.
6. Бобров В.В. Стоянка каменного века на оз. Большой Берчикуль // Проблемы археологии и этнографии. Историческая этнография: традиция и современность. Л. : Изд-во ЛГУ, 1983. Вып. II. С. 170–176.
7. Бобров В.В. Раннеголоценовый комплекс стоянки Большой Берчикуль-1 // Археология Южной Сибири. Кемерово : КемГУ, 2006. С. 6–15.
8. Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск : Наука, 2009. 320 с.
9. Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил : Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 2000. 430 с.
10. Беспрозванный Е.М. Мезолит таёжной зоны Западной Сибири (предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997.
11. Беспрозванный Е.М. Первые мезолитические жилища в таёжной зоне Западной Сибири // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 91–95.
12. Ковалёва В.Т., Зырянова С.А. Неолит Среднего Зауралья. Боборыкинская культура. Екатеринбург : Центр «Учебная книга», 2010. 308 с.
13. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск : Наука, 1977. 173 с.
14. Петров А.И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. Омск : ОмГУ, 2014. 198 с.

15. Чемякин Ю.П. Барсова Гора. Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут ; Омск : Омский дом печати, 2008. 224 с.
16. Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул : Азбука, 2014. 380 с.
17. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : АлтГУ, 2002. 294 с.
18. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М. : Наука, 1981. 280 с.
19. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.
20. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М. : Наука, 1989. 320 с.
21. Грязнов М.П. Древняя история племён Верхней Оби. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 163 с.
22. Членова Н.Л. Хронология карасукской эпохи. М. : Наука, 1972. 248 с.

Bobrov Vladimir V. Kemerovo State University, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russia); Institute of Archaeology and Ethnology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: klac@kemsu.ru

HISTORICAL AND CULTURAL PROCESSES TREND IN FOREST-STEPPE OF WESTERN SIBERIA.

Keywords: culture; process; Western Siberia; forest steppe; Neolith; Bronze Age.

Physical and geographic peculiarities of Western Siberia are plain landscape (the largest lowland in the world), latitudes of landscape zones, limited amount and, in some regions, absence of stone material for tool production, absence of material for non-ferrous metal production. During the early stages of the ancient history, these conditions restrained the populating the Western Siberia territories. Mechanisms and processes of adaptation created the historical and cultural singularity of the territory of Western Siberia which individualizes it among the other regions of North Asia. Another peculiarity is associated with the development of Western Siberia archaeological science. It was based on academic centers of Moscow and Leningrad (Saint-Petersburg), and since 1960-s of the XX century, Novosibirsk as well; organization of local centers in universities and specialized higher education institutions; scientific schools. The new level of archaeological knowledge allows arguing that on Asian territory of Russia, Western Siberia stands apart in terms of historical and cultural content, its diversity and processes dynamics. On the other hand, it allows considering the archaeological cultures development, their interactions in a different way; allows finding out the general and local trends of historical and cultural development in the large chronological limits and within different landscape zones. This work deals with a research aimed to solve this issue. The cartography of the Early Holocene findings of Western Siberia, their absolute chronology allow to conclude that the populating of the Western Siberian lowland was dispersive and depended on changing natural environment and necessary resources. Neolithic Age demonstrates another state of historical and cultural development. At that time the whole territory of Western Siberia was populated, the archaeological cultures were created, the population passed to sedentary lifestyle. During the transition period between ages, historical development was quite unstable. During the Bronze Age, the situation stabilized. Anyway, Seymino-Turbino phenomena can be considered as manifestation of globalization. Andronovo culture had a globalization element as well. During the Late Bronze age was the time of cultural traditions developing from Ural to Yenisei. This changed during the transition from Bronze to Iron Age. In Scythian time the trend to global development had been revived. Thus, on the territory of forest-steppe of Western Siberia, the trend of historical and cultural processes had a cyclic nature.

REFERENCES

1. Derevyanko, A.P. & Kholyushkin, Yu.S. (1994) Nekotorye podkhody k izucheniyu zakonornostey razvitiya arkheologii Severnoy Azii [Some approaches to the study of the patterns of development of archeology in North Asia]. In: Derevyanko, A.P. & Kholyushkin, Yu.S. (eds) *Metodologiya i metodika arkheologicheskikh rekonstruktsiy* [Methodology and methods of archaeological reconstruction]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS. pp. 18-24.
2. Teploukhov, S.A. (1919) Opyt klassifikatsii drevnikh metalicheskikh kul'tur Minusinskogo kraya [On the classification of ancient cultures in the Minusinskii Krai]. *Materialy po etnografii*. 4(2). pp. 41-62.
3. Okladnikov, A.P. (1938) Arkheologicheskie dannye o drevney istorii Pribaykal'ya [The archaeological evidence of the ancient history of the Baikal area]. *Vestnik drevney istorii*. 1. pp. 244-260
4. Gening, V.F., Petrin, V.T. & Kosinskaya, L.L. (1973) Pervye poseleniya epokhi pozdnego paleolita i mezolita v Zapadnoy Sibiri [The first settlements of the late Paleolithic and Mesolithic in Western Siberia]. In: Okladnikov, A.P. et al. *Iz istorii Sibiri* [From the History of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 24-47.
5. Molodin, V.I. (1985) Problema mezolita i neolita lesostepnoy zony Ob'-Irtyskogo mezhduresh'ya [The problem of Mesolithic and Neolithic steppe zone of the Ob-Irtys interfluvium]. In: Martynov, A.I. (ed.) *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 3-17.
6. Bobrov, V.V. (1983) Stoyanka kamennogo veka na oz. Bol'shoy Berchikul' [The Stone Age man site on the Lake Berchikul]. In: Its, R.F. (ed.) *Problemy arkheologii i etnografii. Istoricheskaya etnografiya: traditsiya i sovremennost'* [Problems of Archeology and Ethnography. Historical Ethnography: Tradition and Modernity]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 170-176.
7. Bobrov, V.V. (2006) Rannegolotsenovy kompleks stoyanki Bol'shoy Berchikul'-1 [The Early Holocene complex of the man site on the Lake Berchikul-1]. In: Bobrov, V.V. (ed.) *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 6-15.
8. Zakh, V.A. (2009) *Khronostratigrafiya neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ya* [Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal of the Tobol-Ishim forest]. Novosibirsk: Nauka.
9. Serikov, Yu.B. (2000) *Paleolit i mezolit Srednego Zaural'ya* [Paleolithic and Mesolithic Middle Trans-Urals]. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Pedagogical University.
10. Besprozvanny, E.M. (1997) Mezolit taezhnoy zony Zapadnoy Sibiri (predvaritel'nye itogi izucheniya) [The Mesolithic taiga zone of Western Siberia (the preliminary results of the study)]. In: *Ekhraneniye arkheologicheskikh issledovaniya na Srednem Urale* [The salvage archaeological research in the Middle Urals]. Ekaterinburg: Ekaterinburg.
11. Besprozvanny, E.M. (1985) Pervye mezoliticheskie zhilishcha v taezhnoy zone Zapadnoy Sibiri [The first Mesolithic dwellings in the taiga zone of Western Siberia]. In: Vasilevskiy, R.S. (ed.) *Problemy drevnikh kul'tur Sibiri* [Problems of the ancient cultures of Siberia]. Novosibirsk: USSR AS. pp. 91-95.
12. Kovaleva, V.T. & Zyryanova, S.A. (2010) *Neolit Srednego Zaural'ya. Boborykinskaya kul'tura* [The Neolithic Middle Trans-Urals. The Boborykino culture]. Ekaterinburg: Uchebnaya kniga.
13. Molodin, V.I. (1977) *Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtys'ya* [The Neolithic and Bronze epochs of the steppe Ob-Irtys]. Novosibirsk: Nauka.
14. Petrov, A.I. (2014) *Epokha pozdnego neolita i ranney bronzy v Srednem Priirtysh'e* [The Late Neolithic and Early Bronze Age in the Middle Irtysh]. Omsk: Omsk State University.

15. Chemyakin, Yu.P. (2008) *Barsova Gora. Ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost'* [Barsova Gora. Essays on archaeology of Surgut Ob Region. Antiquity]. Surgut; Omsk: Omskiy dom pečati.
16. Vadetskaya, E.B., Polyakov, A.V. & Stepanova, N.F. (2014) *Svod pamyatnikov afanas'evskoy kul'tury* [The collection of the monuments of the Afanasievo culture]. Barnaul: Azbuka.
17. Kiryushin, Yu.F. (2002) *Eneolit i rannyya bronza yuga Zapadnoy Sibiri* [The Chalcolithic and Early Bronze Age of the south of Western Siberia]. Barnaul: Altai State University.
18. Kosarev, M.F. (1981) *Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri* [The Bronze Age in Western Siberia]. Moscow: Nauka.
19. Molodin, V.I. (1985) *Baraba v epokhu bronzy* [The Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka.
20. Chernykh, E.N. & Kuz'minykh, S.V. (1989) *Drevnyaya metallurgiya Severnoy Evrazii (seyminsko-turbinskiy fenomen)* [The ancient metallurgy of Northern Eurasia (the Seima-Turbino phenomenon)]. Moscow: Nauka.
21. Gryaznov, M.P. (1956) *Drevnyaya istoriya plemen Verkhney Obi* [The ancient history of the Upper Ob tribes]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
22. Chlenova, N.L. (1972) *Khronologiya karasukskoy epokhi* [The chronology of the Karasuk era]. Moscow: Nauka.

УДК 902.01:930.2
DOI: 10.17223/19988613/42/7

Л.Т. Яблонский

ЧТО ТАКОЕ СКИФСКИЙ МИР?¹

Поднимается дискуссионный вопрос о правомерности употребления понятий «скифо-сибирский мир» и «скифо-сибирское единство». Несмотря на широкое применение этих понятий в отечественной археологии, автор считает их теоретически и исторически несостоятельными, подчеркивая этнокультурную и генетическую разнородность элементов так называемого скифо-сибирского мира и невозможность в силу этого существования их «единства».

Ключевые слова: «историко-культурная область»; «историко-культурная общность»; «скифо-сибирский мир»; «скифо-сибирское единство».

В отечественной этнографии активно разрабатывалась теория историко-культурных областей. Классики советской антропологии, осознавая актуальность проблемы, также уделяли особое внимание ее теоретической разработке.

Иначе сложилась ситуация в археологии: в ней наблюдается явная терминологическая путаница в понимании того, что есть «историко-культурная область» и «историко-культурная общность», каково их соотношение и отличается ли одно понятие от другого. Судя по контексту многих публикаций, оба понятия употребляются как синонимичные.

В отечественной археологии терминология, связанная с базовыми понятиями эпохи раннего железного века, отчасти построена, как представляется, на априорных и никем не доказанных теориях и штампах. Один из таких штампов – «скифский мир», протянувшийся «на огромном пространстве евразийского степного пояса от Придунавья до Прибайкалья» [1], который иногда еще называют «скифо-сибирским единством».

Мы настолько привыкли к штампу «скифо-сибирский мир» (см., напр.: [2, 3]), что будем удивлены, если попытаемся понять значение слов, из которых этот термин состоит. Согласно определению философского словаря, мир – это то, в чем вершится человеческое существование. Теперь рассмотрим определения «скифо» и «сибирский». «Скифо-сибирский мир» – мир, в котором «вершили существование» скифы и сибиряки, либо скифы-сибиряки, либо сибирские скифы. При этом Сибирь – это обширный географический регион, ограниченный с запада Уральскими горами, с востока – дальневосточными регионами Евразии, с севера – Северным Ледовитым океаном, с юга – границей центрально-азиатских государств.

Выясняется, что «скифский мир» находился в Сибири, т.е. к востоку от Уральских гор, а совсем не там, где его помещал «отец истории» Геродот (в Северном Причерноморье).

С известными оговорками термин «скифо-сибирский мир» может применяться для обозначения территории, населенной локальными сообществами

степных скотоводов скифо-сакского времени. При этом необходимо понимание этнокультурной и генетической разнородности элементов, составляющих основу этого мира, а также того, что тренды их исторического развития далеко не одинаковы. Такое понимание отрицает применение по отношению к ним термина «единство».

М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров сформулировали определение историко-культурных областей, в пределах которых развивались этнографические общности. Три основных положения, по их мнению, необходимо учитывать при выявлении историко-культурных областей. Во-первых, это их иерархичность, поскольку «внутри областей могут быть выделены более мелкие районы, отличающиеся более второстепенными, хотя обычно и более многочисленными культурными особенностями». Во-вторых, следует учитывать возможную мультикультурность, гетерогенность и разнотипность населения одной и той же историко-культурной области. Исследователи отмечают: «В состав одной историко-этнографической области входили различные племенные группы. Там, где речь идет о культуре, соответствующей хозяйственно-культурному типу (ХКТ), предполагать этническую или языковую общность нельзя» [4].

Иными словами, сходные проявления материальной и духовной культуры кочевников степной Евразии, представителей общего ХКТ специализированных степных кочевников, еще не являются признаками какой-либо общности этих кочевников. Вспомним хотя бы гуннское нашествие, «перемоловшее» многие разнотипные кочевые группы евразийской степи, в том числе и сарматов, или набеги тех же сарматов, уничтоживших, как предполагают, соседей скифов. В пределах Волго-Уральской культурно-исторической области [5] в ранне-сарматскую эпоху сосуществуют и археологически прослеживаются два хозяйственно-культурных типа – земледельцев лесной и лесостепной полосы и степных кочевников. При этом отмечается определенное сходство проявлений их материальной и духовной культуры.

Понятие «культурно-хронологический горизонт» подразумевает распространение признаков матери-

альной культуры не только по горизонтали (в пределах, например, «скифского мира»), но и по вертикали (например, из степи – на север – в лесостепь, в лес или тайгу). При этом какие-либо миграции в «чу-

жие» экологические ниши и зоны не являются обязательными, так как вещи и идеи могут распространяться и без передвижений их создателей и владельцев.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья представлена в виде тезисов в связи со скоростным уходом автора из жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Канторович А.Р. Ранний железный век в степной полосе Евразии // Археология. М., 2006.
2. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 2007. 141 с.
3. Мартынов А.И., Елин В.Н. Скифо-сибирский мир Евразии. М., 2009. 198 с.
4. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.
5. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992. 244 с.

Yablonskiy Leonid T. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: yablonskiy.leonid@yandex.ru

WHAT IS THE SCYTHIAN WORLD?

Keywords: “historical and cultural area”; “historical and cultural community”; “Scythian-Siberian world”; “Scythian-Siberian unity”. In Russian ethnography and Soviet anthropology a theory of historical and cultural areas within which ethnographic communities were thought to develop was actively worked on. However, in archaeology, there is some confusion about the terms ‘historical and cultural area’ and ‘historical and cultural community’ since both are used as synonymous. Basic concepts of the early Iron Age partially build upon unproven theories and clichés. One of these is the ‘Scythian world’ which is also sometimes called ‘Scythian-Siberian unity’. If to analyze the meaning of the words comprising the term, one can say that the ‘Scythian-Siberian world’ is the one ‘ruled’ by Scythians and Siberians or Scythian-Siberians or Siberian Scythians. It turns out that the ‘Scythian world’ was located in Siberia, namely to the north of the Ural Mountains and not in the North Black Sea region where it was believed to be by Herodotus. With reservations, the term ‘Scythian-Siberian world’ can be used to denote territories inhabited by local communities of steppe herders of the Scythian-Saka period. The term ‘unity’ is not applicable to them due to the ethno-cultural and genetic variety of elements that constitute this world and to the fact that their historical development paths are by far not the same. When identifying historical and cultural areas it is important to consider the following points: 1) the hierarchy since smaller, sub-areas can be identified within such areas, and 2) possible multiculturalism, heterogeneity and diverse ethnicity of the population within one historical and cultural area. In other words, similar manifestations of the material and spiritual culture of Eurasian steppe nomads, representatives of the general economic-and-cultural type of particular steppe nomads, do not yet indicate any commonalities between them. Within the Volga-Ural cultural and historical area in the early Sarmatian era two economic-and cultural types coexisted and can be archaeologically traced – that of forest and forest-steppe farmers and of steppe nomads. Here, certain similarities in manifestations of their material and spiritual culture are pointed out. The notion of ‘cultural and chronological horizon’ implies the spread of material culture characteristics not only horizontally (e.g. within the ‘Scythian world’) but also vertically (e.g. from the steppe to the north and then to the forest steppe, forest or taiga). And here, there is no necessity for any migrations to ‘foreign’ ecological niches and zones to take place as things and ideas can travel without their creators and owners.

REFERENCES

1. Kantorovich, A.R. (2006) Ranniy zheleznyy vek v stepnoy polose Evrazii [The Early Iron Age in the steppe zone of Eurasia]. In: Yanin, V.L. (ed.) *Arkheologiya* [Archaeology]. Moscow: Moscow State University.
2. Troitskaya, T.N. & Novikov, A.V. (2007) *Skifo-sibirskiy mir* [The Scythian-Siberian world]. Novosibirsk: Geo.
3. Martynov, A.I. & Elin, V.N. (2009) *Skifo-Sibirskiy mir Evrazii* [The Scythian-Siberian world of Eurasia]. Moscow: Vysshaya shkola.
4. Levin, M.G. & Cheboksarov, N.N. (1955) Khozyaystvenno-kul'turnye tipy i istoriko-etnograficheskie oblasti [Economic and cultural styles and historical-ethnographic regions]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 3-17.
5. Kuzeev, R.G. (1992) *Narody Srednego Povolzh'ya i Yuzhnogo Urals: etnogeneticheskiy vzglyad na istoriyu* [The peoples of the Middle Volga and Southern Urals: ethnogenetic view of history]. Moscow: Nauka.

УДК 902:304.44
DOI: 10.17223/19988613/42/8

Л.А. Беляев

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ И ОРИЕНТАЛЬНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ РУСИ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ

*Статья написана в рамках научного проекта № 8.1.19. 2016,
выполненного при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.*

Ставится задача исследования материалов археологии Сибири Позднего Средневековья и начала Нового времени с точки зрения проблемы «восточного вклада» в развитие Руси/России XIII–XVIII вв. Задача ставится на фоне наблюдаемого оживления в области исторической археологии и новой постановки вопросов взаимодействия европейского и русского «ориентализма», берущего начало в XVI в. Предлагается обзор состояния науки на этом направлении, кратко характеризуются современное состояние представлений о возможных подходах к оценке вклада исламского мира и восточной части Евразии (до тихоокеанского побережья) в развитие Московского государства.

Ключевые слова: Московская Русь; археология ислама; ориентализм; историческая археология; обмен престижными ценностями; западничество.

«...восточные арабески нередко сплетаются
с итальянскими украшениями...»

Владимир Соллогуб. Тарантас

От вод малайских до Алтая.

Владимир Соловьев. Панмонголизм

Цель статьи – попытаться сформулировать внутри большого направления «русской археологии» Сибири конкретную задачу, которую можно решить практически, на материале памятников культуры XVI–XVIII вв. Не секрет, что это – неотложная необходимость. Потребность в развитии *исторической археологии* для России очевидна и даже оформлена законодательно; источников все больше, их залежи едва открыты и далеки от исчерпания; значение для культурного развития страны также ясно: такую археологию легко привлечь для иллюстрирования сюжетов «большого нарратива» (о задачах исторической археологии России см.: [1. С. 179–191; 2. С. 11–18])¹.

Однако в области фундаментального научного знания с целеполаганием дело обстоит гораздо хуже. Задать собственный, возникающий при наблюдениях над мелкими археологическими фактами исторический вопрос, решаемый благодаря огромному количеству таких фактов, удастся с большим трудом. Здесь попробуем поставить хоть один.

Когда мы говорим о развитии России, то всегда слышим слово «Запад». В качестве стимула и сознательно выбираемого образца оно звучало у нас очень рано, по крайней мере, в XV в., но отдельные эпизоды можно увидеть и ранее – скажем, в сюжете о начале белокаменного строительства на Руси в XII в. Последняя из ранних модернизаций прошла при Петре I и была им насильственно ускорена, после чего русская культура стала воспринимать себя как часть западной, постоянно оглядываясь, сравниваясь с Европой, широко пользуясь ее моделью жизни и открытиями и даже, отчасти, развиваясь «стыда ради евро-

пейского» (выражение декабриста М.А. Фонвизина [3. С. 298]).

С Востоком сложнее. Его никто и никогда не брал в России (по крайней мере, до явления на сцену евразийства) за образец открыто. Хотя в переносном, аллегорическом смысле, как в сочинении Ивана Пересветова, где образцом выступает турецкий султан (конечно, фигура вполне условная), или в счете верховенством (представление о Чингизидах как членах царского рода) – встречается и это.

При этом в русской культуре упрямо повторяется странный тезис об исключительно тесном соприкосновении России с Востоком. И не в том смысле, какой придают понятию «Восток» европейцы, противопоставляя миры молящихся по-гречески и по-латыни, Византию и Рим, православие и католицизм, т.е. восточное и западное христианство. В русском культурологическом дискурсе речь идет о взаимодействии и чуть ли не слиянии со Степью, о заимствованиях из исламской культуры, об огромности практического опыта совместной жизни.

«Странным» я назвал тезис не потому, что постановка вопроса неправильна. Он естествен уже в силу того, что и Древняя Русь, и Московия, и Империя, и современная Россия в прямом, географическом смысле слова всегда оставались самым восточным из государств Европы. Трудно оспаривать и факт политического включения (пусть отчасти формального, с сохранением основ собственной культуры) в состав большого фрагмента огромной восточной империи – улуса Джучи, с последовавшей длительной борьбой за его наследие и владения (в том числе с другими восточными государствами, в пространство монголов вообще не входившими).

Всё это так. Но ведь и в самой Европе есть похожие примеры. Да что там, их чуть ли не больше, и они проявлены несравненно ярче. Так, Пиренейский полуост-

ров мусульмане контролировали на протяжении столетий, создав там цветущую культуру (сравнительно свежий обзор проблемы и литературу см.: [4. С. 485–494]). Эту подоснову в современной Испании никто не отрицает, однако вопрос об исключительном характере взаимоотношений ее с Востоком в дискурсе о национальной культуре не играет роли, даже близко соотносимой с вопросом «Запад или Восток?» для России. Боевой клинч с исламским миром, в форме ли крестовых походов, реконкисты, обороны от турецкого натиска (вплоть до битвы при Лепанто было неясно, кто одержит верх), а позже – в форме прямой колонизации, не менее характерен для европейских государств, чем для России, – течение «вниз по карте», в Сибирь и Среднюю Азию, на Кавказ и за его хребет, наконец, в Приазовье и Причерноморье.

Впрочем, что нам до европейско-восточных взаимоотношений? На Западе и сами уже поняли, как много зависит от правильного понимания их характера, как выгодно было развитие связей с Востоком. Там занялись серьезной переоценкой роли, которую контакты между «материками культуры» сыграли в становлении современной модели европейского общества, в появлении *ренессансов*, в зарождении культуры Нового времени.

А как обстоят дела у нас? По сути дела, мы принимаем постулат об огромном воздействии Востока как лемму, как что-то очевидное. Кто специально занимался вопросом восточной составляющей среди историков материальной культуры и археологов? Какие аргументы можно привести *за* и *против*? Как их измерить, как взвесить и сравнить с аналогичными явлениями на Западе? Почти полвека назад, в 1970 г., прозвучал на Международном конгрессе исторических наук фундаментальный доклад В.Н. Лазарева, в котором линия взаимоотношений древнерусской и европейской культуры была четко намечена [5]. Но мы не найдем аналогичного труда по теме «Россия и Восток».

Конечно, пустота историографии не абсолютна, вопросами «восточного обмена» много занимались филологи и лингвисты. Похоже звучали, скажем, названия «восточных» книг В.П. Даркевича (прежде всего [6]), и его докторской диссертации [7], но их направленность была совершенно иной, речь шла о сасанидском и византийском искусстве, и они не могут встать рядом с книгами того же автора по искусству романской Европы в его связи с Русью. Кое-что можно собрать, буквально по крохам, у историков искусства (особенно – в архитектуре и орнаментике), вспомнить в прошлом об Л.И. Ремпеле [8] и Л.А. Лелекове [9], а в недавнее время – о сборниках, в которых археологи пытаются поставить «восточный вопрос» на свой лад [10, 11]. Есть важные разработки в области истории импорта с Востока керамики [12, 13], кое-что по оружию и ювелирному делу (о саблях, парадных шлемах, женских украшениях [14, 15, здесь же литература]). Следует, конечно, учесть и наши попытки вторгнуться в область ори-

енталистики, предпринятые еще в 1990-е гг. вместе с А.В. Чернецовым [16. Р. 97–124; там же историография до 1990-х гг.; 17. С. 40–47; 18. С. 205–226; отчасти: 19. С. 5–28], и шаги в этом направлении, связанные с подготовкой к III Конгрессу исламской археологии в Казани [20. С. 18–43].

Однако всего этого в сравнении с литературой, посвященной связям с Западом, мягко говоря, немного. Невольно встает вопрос: а, собственно, почему? Что стоит за этим *hiatus*-ом? Проблемы политико-идеологического свойства? Меньшая подготовленность российских ориенталистов? Это заведомо не так – школа исламской и вообще восточной археологии в России одна из самых сильных. Уж не реальная ли малая значимость восточного фактора в русской культуре Средневековья и Новом времени тому причиной? Или за этим стоят более сложные, но скрытые механизмы, которые мы даже не берем в расчет? Например, иные формы взаимосвязей, иной уровень, иные формы усвоения культурных импульсов с Востока, чем те, которые наблюдаются в Испании, Южной Италии или на Балканах?

Думаю, что археология должна серьезно заниматься этим вопросом, и в статье предполагается наметить один из путей, на котором археология Сибири должна сыграть уникальную по значению роль.

Тему «Русь и Восток» нельзя рассматривать во всей неопределенности этих двух понятий. Ее следует определять хронологически и структурировать в пространстве культурной географии. Ведь для сравнительной оценки чрезвычайно важен исторический контекст (а он зависит от хронологии) и, так сказать, пути доставки импульсов, их историческая география. Возьмем любимый пример – «кардинальскую» шляпу и футляр для нее, принадлежавшие патриарху Никоному. Как считают специалисты, шляпа имеет китайское происхождение, а ее расписной лаковый футляр – японское, причем в стиле, специально рассчитанном на иноземного потребителя. Можем ли мы предполагать, что в Москву или Новгород эта шляпа доставлена долгим караванным путем через Центральную Азию и Сибирь?

Даже теоретически такой путь представляется мало вероятным для середины XVII в. Гораздо проще было получить такие подарки из Европы, морским путем через северные порты или взять в качестве трофеев в ближайших к западной границе Московии городах Речи Посполитой во время успешных военных действий середины 1650-х гг. Последняя версия, конечно, требует пояснения: именно здесь, в пределах украинских и белорусских земель, концентрировались миссии католических орденов, которые были чрезвычайно активны во всей тогдашней ойкумене, включая Китай, постепенно осваивавшийся ими, а в самих миссиях существенную роль играли именно выходцы из Центральной Европы, в том числе со славянских территорий; классический пример – Михаил Бойм, выходец из

Львова (подробнее о миссиях в пространстве мировой культуры XVII в. см.: [21]).

Состязание между караванными и морскими путями, как известно, выиграли последние: Великие географические открытия и падение Константинополя перенесли торговлю с Востоком в море, главную прибыль приносили теперь морские маршруты. Караваны ушли на второй план: этот вид торговли, на дальних дистанциях связанный с перевалкой грузов, медлительный и ограниченный в объемах, остался на периферии. В XVI в. это доказал провал попыток создать комбинированную линию связи с Центральной Азией и Дальним Востоком через территорию России по принципу «море – река – суша», предпринятых Московской торговой компанией. Она провалилась из-за сложностей пути, а также дороговизны и низкого качества товаров в сухопутной Азии [22].

Несомненно, многие восточные диковинки попадали в Россию не прямо с Востока, а через руки мореплавателей Запада, из Европы, и это чрезвычайно усложняет работу и с археологическим, и вообще с художественным материалом. Достаточно взглянуть на ситуацию с «обменом» знаковыми артефактами и символами власти, включая коронационные, и посольскими дарами, чтобы убедиться: властители Московии в оформлении своего статуса государей опирались не на «восточные», а на «исторические» инсигнии или западные новинки. В качестве первых напомним заказ для царя Алексея Михайловича державы и барм, сделанных в 1660–1662 гг. вполне намеренно в Стамбуле «против образца благочестивого царя Костянтина» (откровенная попытка вписаться в мировую историю через христианскую Античность).

В более раннее время мы видим, конечно, использование восточных изделий, переработанных в московские инсигнии, такие как шлемы царя Михаила Федоровича и, особенно, молодого Ивана Васильевича, будущего Грозного – но это не только не исключение из западной традиции, напротив – это участие в «коронационной лихорадке» XVI в., своего рода состязании инсигний, где династы Востока и Запада стремились превзойти друг друга, обмениваясь при этом мастерами (ювелирами, оружейниками) и представлениями о ценностях, а также и самими ценностями. Эти шлемы оказываются в общем потоке раннего европейского ориентализма с «венским» шлемом – короной Сулеймана Великолепного и другими коронами, претендовавшими на родство со шлемом Александра Македонского или Юлия Цезаря (интронизация Карла V на императорский престол в Болонье), Тамерлана и других повелителей обоих континентов [23. С. 18–27].

В связи с этим стоит обратить внимание на довольно поздний процесс появления в Московии то одной, то другой коронационной реликвии с Востока (таких как персидский и армянский троны XVII в.). Стоит вспомнить в связи с ними и о таких важных для государственной символики элементах, как придворные

зоопарки, тяга к чудовищным и экзотическим животным, знаменующим власть над миром. Они свойственны как Московии, так и Европе – разница, пожалуй, и здесь в путях доставки, морском или сухопутном. Считается, что первым слонем, которого увидела на своей земле Европа после гибели Римской Империи, стал знаменитый Ганнон², присланный морем из колоний в Португалию и отправленный в Италию в качестве подарка папе Льву X от короля Мануэля I в начале XVI в. (хотя существуют сведения о присылке морем в Европу слона для Карла Великого в начале IX в., вступившего в Аахен). В Россию слоны, уже в XVII – начале XVIII в., шли своим ходом, в то время как других экзотических животных (львов и иных) привозили на повозках, в составе караванов (в XVI в. это были львята, жившие некоторое время во рву кремлевской стены).

Нам важны, конечно, и примеры обмена художественными идеями Запада и Востока, их взаимная привлекательность. В изобразительном искусстве примерами ее можно считать широко известные изображения восточных ковров в картинах европейских (прежде всего итальянских) художников XIII–XVII вв. и не столь заметные воспроизведения традиционных для ислама керамических изделий, прежде всего орнаментированных сфероконусов, которые держат в руках или вешают на пояса (в качестве чернильниц, кадилейниц, сосудов для благовоний) архангелы в скульптурах школы Николо Пизано (вторая половина XIII в., Музей Виктории и Альберта, Лондон; Музей Барджелло, Флоренция).

Хорошо известна привлекательность образов Востока для изобразительной деятельности эпохи Ренессанса, отраженная в «этнографических портретах» татарина (во фреске *Антонио Пизанелло* «Легенда о св. Георгии» 1430-х гг. и подготовительном рисунке к ней), турка и монгола (в одном из первых, около 1330 г., «миссионерских» сюжетов – фреске «Мученичество семи францисканцев в Сеуте» *Амброджо Лоренцетти*, сейчас в церкви Св. Франциска в Сиене). Но менее известно, что со второй половины XV в. обмен быстро разворачивается и становится равным, так что можно наблюдать как бы многообразные отражения в зеркалах двух культур, рождаемые взаимным притяжением художественного стиля. Квинтэссенция этого – портрет персидского писца, выполненный в стиле персидской миниатюры, но с реалистическими ренессансными элементами, *Констанцо де Ферраро* («Сидящий писец». 1470–1480. Музей Изабеллы С. Гарднер, Бостон) и, так сказать, портрет с портрета – обратная и более поздняя копия его в миниатюре известнейшим персидским художником *Бихзадом* («Портрет художника». XVI в.).

В искусстве Московской Руси тех же столетий мы не найдем ничего подобного – между восточным и российским искусством как бы стоит невидимая стена, образованная цивилизационными различиями. Даже орнамента пробивается через этот барьер с трудом,

причем в очень многих случаях носителем конкретного импульса становится западное искусство, мы получаем восточные художественные достижения и идеи уже отчасти переработанными, присвоенными. Таков путь в русское зодчество приема бачины (украшения фасадов вставками из глазурованной декоративной восточной посуды, в основном больших блюд) – скорее общий средиземноморский, чем собственно-восточный, он, впрочем, в России представлен лишь единичными образцами XVI–XVII вв.

Влияние орнаментации исламского Востока в Москве, несомненно, ощутимо, хотя источники его в разных случаях различны и, конечно, включают образцы и с Запада (резьба белокаменных надгробниц 1630-х гг. в соборе Михаила Архангела в Кремле будто отпечатана с итальянских узорных тканей в ориентальном стиле), и с Востока (растительные узоры более простых русских надгробий в Казани и Москве пришли с болгарско-татарской резьбы по камню).

Можно найти и более ранние, и, пожалуй, более яркие, хотя и не многие примеры прямого восприятия Московской Русью восточной орнаментики, в конце XIV – первой половине XV в. Это хорошо известные белокаменные резные фризы трех дошедших до нас храмов первой четверти XV в. в Звенигороде (соборы Успения на Городке, 1400-е гг.? и Рождества Богородицы Саввино-Сторожевского монастыря, 1420-е гг. и Троице Сергиевом монастыре, 1420-е гг.) [24. С. 7–8].

Они не имеют прототипов в архитектурной орнаментике XII–XIII вв. – как и в древнейшей московской традиции (о ней, впрочем, мало что известно); нет у них и серьезного продолжения в середине XV–XVI вв. Трехчастные пояса появляются сразу, с их сложными плетеными орнаментами и трехступчатой конструкцией, при которой каждый следующий ряд нависает над стоящим ниже. Орнамент словно отпечатан штампом, оставляющим рельефную ленту пластичного узора, что требует обширной и гладкой поверхности. Трехпритворная композиция для этого не особенно подходит, поэтому все три храма, в отличие от памятников XII–XIV вв., не имеют притворов и галерей (археологически они не известны). На цилиндрические формы (апсиды, барабаны) орнамент обязательно переходит, обычно меняя форму.

Орнамент сложен и в построении, и в нарезке «по месту». Его невозможно освоить иначе, чем в ходе обучения. Чтобы понять, откуда пришел (отчасти – куда делся) этот феномен, важна судьба существующего как бы параллельно другого, более простого, мотива, трехчастных фризов. Это ленты взаимно пересекающихся побегов, чередующей «пучки» и «кринь», распространенные в зодчестве Москвы XIV(?) / XV – первой половины XVI в. Их происхождение от домонгольской резьбы сомнительно, его следует рассмотреть особо, начав с весьма экзотического (даже для видавшего виды арабского квартала Иерусалима) сооружения, Тюрбе Турканхатун (1350-е гг., Иерусалим, Старый город), имеющего

точную дату, известную из посвятельной надписи (753 г. Хиджры: $622+753 = 1352/53$ г.).

Такой орнамент воспринимается в Европе как классический «арабеск», но представление о его широком распространении на всем исламском Востоке верно лишь отчасти: он характерен только для тюркской традиции. Зона его массового применения – центральная часть Анатолии. Период – сельджукский, включая сельджукидов. Примеры – в Нигде (дюрбе Худавендхатун, 1312 г.); Кесарии Каппадокийской (Донер Хатун, XIII–XIV вв.; медресе Хатуние, 1432 г.). Важно, что схожи не только сами орнаменты – родственна сама система строительства, включающая трехчленный пояс барабанов, со ступенчатым выносом и артикуляцией «карниза».

Можно представить себе и путь доставки приемов: через Крым (Солхат с его резным камнем «мечети Узбека»; дюрбе Джанике-ханым на Чуфут-кале) или Нижнее и Среднее Поволжье (Сарай Берке – Булгар). Несомненно, носители этого стиля не обязательно мусульмане: коренные жители вышеназванных городов Анатолии армяне и греки, много сделавшие для создания исламского искусства и смешанного восточно-средиземноморского стиля.

Нужно сказать, впрочем, что восточный вклад в московскую орнаментике и особенно архитектуре может показаться существенным только при таком вот сознательном выделении, выборке отдельных сюжетов и деталей. До сих пор ни разу не было доказано его влияние на строительные приемы или архитектурный облик сооружений, хотя такие попытки неоднократно делались. Они обычно приводят к тому, что из-под восточной завесы проступают западные формы или европейский ориентализм [25].

Более доказуемы прямые контакты с миром ислама и даже сложение пространств, пронизанных общими бытовыми предметами и мотивами декора, в археологических (здесь в смысле обыденных) материалах. Давно указано на болгарскую струю в технологии и формообразовании московской столовой керамической посуды XIV–XV вв. Начинает проявляться единый слой характерных артефактов (таких, как свинцовые «грузики»), заполняющих пространство от Днестра до Камы и Волхова. Как будто начали вырисовываться и особенности слоя «ордынского» периода в Москве XIV–XV вв. (в раскопе 2015 г. на Зарядье) – хотя невозможно не согласиться с мнением В.Ю. Коваля о чрезвычайной сложности выявить надежные археологические маркеры присутствия выходцев из Среднего и Нижнего Поволжья в Центральной России [26].

Представляется, что археология Сибири должна включиться в разработку надежного корпуса материалов для оценки восточного вектора. Вполне вероятно, что здесь, вдали от прямых контактов с Западом, картина окажется более ясной. Для России, далекой от морских путей и в связи с ее движением за Урал и в Сибирь, возможности сухопутной торговли с Дальним

Востоком и Центральной Азией всегда мыслились как важные. Это отразится, в конце концов, в попытках установить дипломатические и торговые отношения с Китаем, о которых можно всерьез говорить с 1650-х гг. (а к концу 1680-х – и о появлении, после трети века усилий, русско-цинских договоров начиная с Нерчинского). К этому времени на амурской границе служили люди уже не раз столкнувшиеся с маньчжурами (в армии которых значительная роль будет принадлежать – парадокс истории – все тем же вездесущим миссионерам, на этот раз исполнявшим роль военных инженеров и артиллеристов).

До этого времени, однако, мы не наблюдаем никакого серьезного обмена между государствами

Дальнего Востока и Москвой, в связи с чем сама идея влияния его материальной культуры в России XVII в. тоже сомнительна. До какой степени, в каких пределах это влияние (или его отсутствие) можно уловить археологически – пока не ясно. Чтобы это понять, чрезвычайно важно поставить задачу выделения дальневосточных импортов на памятниках к северу от пограничных территорий с Китаем и во всей Сибири. Сегодня материалов раскопок, видимо, уже достаточно для формирования, например, темы «Фарфор в Сибири XVI–XVII вв. по данным археологии», которая стала бы очень важным дополнением к исследованиям восточных импортов в Европейской России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья представляет отредактированный текст доклада на конференции и минимум литературы – в полном виде она очень обильна (см. специальные обзоры и статьи автора, которые здесь цитируются).

² История этого слона имеет неожиданное археологическое измерение: его кости были найдены в 1962 г. при работах во дворе Бельведерского дворца Ватикана и приняты за окаменелые останки динозавра. Но выяснилось, что это кости слона исторической эпохи, после чего Сильвио Бедина (Смитсоновский институт, 1980-е гг.) восстановил истинный ход событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Л.А. Археология и большой нарратив русской истории: от основания Москвы к Петровским преобразованиям // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН. М., 2012. С. 179–191.
2. Беляев Л.А. Археология Позднего Средневековья и Нового времени в России: заметки о самоопределении // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. Т. I. С. 11–18.
3. Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т. I.
4. Беляев Л.А., Григорян С.Б. Испания: археология // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 27. С. 485–494.
5. Лазарев В.Н. Искусство средневековой Руси и Запад (XI–XV вв.). М. : Наука, 1970. 68 с.
6. Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения Восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М. : Наука, 1976. 199 с.
7. Даркевич В.П. Связи Восточной Европы со странами Азии и Византией в IX–XIII вв. (по материалам художественного ремесла : автореф. ... д-ра ист. наук. М., 1976.
8. Ремпель Л.И. Искусство Руси и Восток как историко-культурная и художественная проблема: историография вопроса. Ташкент, 1969.
9. Лелеков Л.А. Искусство Древней Руси и Восток. М. : Советский художник, 1978. 157 с.
10. Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М. : Ин-т археологии РАН; Наука, 2010. 265 с.
11. Генуэзская Газария и Золотая Орда = The Genoese Gazaria and the Golden Horde / отв. ред.: С.Г. Бочаров. Кишинев : Stratum Plus, 2015. 711 с.
12. Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М., 2010.
13. Гусач И.Р. Керамические материалы Северо-Восточного Приазовья в Позднем Средневековье: Османский период // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. III.
14. Гусач И.Р., Валид Али Мухаммед. Мусульманские клинки с надписями из коллекций донских музеев // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2011 г. Азов, 2013. Вып. 27. С. 268.
15. Козлова А.В. Восточные традиции украшений и предметов быта из цветных металлов в городах северо-западной Руси и сопредельных территорий : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
16. Beliaev L.A., Chernetsov A.V. The Eastern Contribution to Medieval Russian Culture Mugarnas. An Annual on the Visual Culture of the Islamic World. Leiden, 1999. Vol. 16. P. 97–124.
17. Беляев Л.А. Древняя Русь в кругу средневековых цивилизаций и культур // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования : материалы конф. М., 1999. С. 40–47.
18. Беляев Л.А., Чернецов А.В. Средневековая Русь и Восток: некоторые проблемы и перспективы // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования : материалы конф. М., 1999. С. 205–226.
19. Беляев Л.А. De archeologia abrahamica // Archeologia abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / ред.-сост. Л.А. Беляев. М. : Индик, 2009. С. 5–28.
20. Беляев Л.А. Исламский восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 18–43.
21. Тананаева Л.И. О маньеризме и барокко. Очерки искусства Центрально-Восточной Европы и Латинской Америки конца XVI – XVII века. М. : Прогресс-Традиция, 2013.
22. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю.В. Готье. Л., 1937. 306 с.
23. Беляев Л.А. «Восточные влияния» или общеевропейский «ориентализм»? О методических подходах к характеристике исламских элементов в культуре средневековой Москвы // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования М. : Ин-т археологии РАН; Наука, 2010. С. 18–27.
24. Беляев Л.А. Орнаментальные фризы на фасадах раннемосковских храмов конца XIV – первой четверти XV в.: генезис мотивов и композиции // Сергей Радонежский и русское искусство второй половины XIV – первой половины XV в. в контексте византийской культуры : тез. докл. Междунар. научн. симп. Москва, 10–12 ноября 2014 г. М., 2014. С. 7–8.
25. Беляев Л.А. Архитектура собора Покрова на Рву в контексте раннего европейского ориентализма // 450 лет Покровскому собору. Покровский собор в истории и культуре России. М., 2013. С. 28–37.
26. Коваль Ю.В. Ордынцы на Руси // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М. : Ин-т археологии РАН; Наука, 2010. С. 76–85.

Belyaev Leonid A. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: labeliaev@bk.ru

MEDIEVAL WESTERNIZATIONS IN RUSSIA AND THE ORIENTAL FACTOR: AN ARCHAEOLOGICAL APPROACH.

Keywords: Moskoviya; archaeology of Islam; orientalism; historical archaeology; exchange of prestige values; zapadnichestvo (westernizers).

The paper aims to enrich the study of impact of the Orient and Islam on Russia within the so-called Russian archaeology. The need for such discourse is rooted deeply in the Russian tradition of cultural dichotomy between 'the East' and 'the West'. In essence, we believe in contacts with the East being extremely fruitful for the development of Northern Eurasia/Rus. However, we have no evidence of it being the case in archaeology, architecture or art. There is nothing similar to the forms which are typical of the civilizational frontier territories (Spain, the coast of Italy and Sicily, Balkan and Trans-Caucasian countries, etc.). Is this gap real? The archaeology of Siberia may help solve the issue. The Age of Discovery and the fall of Constantinople were a decisive factor in the competition between land and sea. Caravans became less profitable (in the mid XVI century, it was proved by the Muscovy Company's failure to create a trade route to Central Asia via Russia). This means that goods from Oriental and Southern countries reached Russia not directly but through Europe, with sailors and traders. Importantly, the rulers of Muscovy chose not Eastern but Western historical models as prototypes for their insignia. For Tsar Alexei Mikhailovich insignia were ordered in Constantinople (1660–1662) as 'replicas' of the insignia of 'Pious Emperor Constantine the Great', just as others ordered Tamerlan's, Alexander the Great's or Julius Caesar's helmets. Images of the East were attractive for Renaissance artists and that is reflected in 'ethnographic portraits' by Pisanello, Lorenzetti and de Ferrara, or in paintings depicting Eastern art objects (from carpets to spheroidal vessels). However, there is nothing of the kind seen in the art of Muscovy of the XIII to XVII centuries. Even Eastern ornaments found their way to Russian art through Europe. For example, there are only few cases known of the bacini technique being used in architectural decoration in Muscovy. Also, Tsar's richly carved stone tombs of the XVII century at the Archangel Mikhail Cathedral in the Kremlin replicate oriental patterns of Italian textiles. And vice versa, the XVII century ordinary headstones of Moscow and Kazan are directly connected to Volga Bulgaria's carved ornaments. There are also other visible examples of direct acquaintance with Eastern ornamentation in Muscovy. XV century carved friezes follow Turkic, particularly Anatolian (Cappadocian), Seljuk patterns. They were apparently introduced through Crimea (Solhat, Chufut Kale) or/and the Lower and Middle Volga (Sarai Berke, Great Bulgar). On the whole, though, the impact of the East even on the ornaments of Muscovy is limited. There is little or no evidence of that available in architecture and construction engineering. Moving beyond the Urals and across Siberia, Russians gained profits from overland trade with the Far East and Central Asia up to the XIX century. But trade and diplomatic relations with China had been only established by the end of the XVII century. It is the task of archaeology in Siberia to evaluate the real scale of exotic goods (such as porcelain) going to the European part of Russia through China in the XVI and XVII centuries.

REFERENCES

1. Belyaev, L.A. (2012) Arkheologiya i bol'shoy narrativ russkoy istorii: ot osnovaniya Moskvyy k Petrovskim preobrazovaniyam [Archaeology and great narrative of Russian history: From the Moscow foundation to Peter's reforms]. In: Derevyanko, A.P., Kudelin, A.B. & Tishkov, V.A. (eds) *Istoriko-kul'turnoe nasledie i dukhovnye tsennosti Rossii* [Historical and cultural heritage and spiritual values of Russia]. Moscow: ROSSPEN. pp. 179-191.
2. Belyaev, L.A. (2014) Arkheologiya pozdnego srednevekov'ya i novogo vremeni v Rossii: zametki o samoopredelenii [Archaeology of the late Middle Ages and modern times in Russia: Essays on self-determination]. In: Tataurova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in archaeological research]. Vol. 1. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 11-18.
3. Fonvizin, M.A. (1982) *Sochineniya i pis'ma* [Writings and letters]. Vol. 1. Irkutsk: East Siberian Book Publ.
4. Belyaev, L.A. & Grigoryan, S.B. (2011) Ispaniya: arkheologiya [Spain: Archeology]. In: Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 27. Moscow: Orthodox Encyclopedia. pp. 485-494.
5. Lazarev, V.N. (1970) *Iskusstvo srednevekovoy Rusi i Zapad (XI–XV vv.)* [The medieval Russian art and the West (the 11th – 15th centuries)]. Moscow: Nauka.
6. Darkevich, V.P. (1976) *Khudozhestvennyy metall Vostoka VIII–XIII vv. Proizvedeniya Vostochnoy torevtiki na territorii Evropeyskoy chasti SSSR i Zaural'ya* [The artistic metal of the East in the 8th – 13th centuries. Eastern toreutics in the European part of the USSR and TransUrals]. Moscow: Nauka.
7. Darkevich, V.P. (1976) *Svyazi Vostochnoy Evropy so stranami Azii i Vizantey v IX–XIII vv. (po materialam khudozhestvennogo remesla)* [The relations between Eastern Europe, Asia and Byzantium in the 9th – 13th centuries (a case study of artistic crafts). Abstract of History Doc. Diss. Moscow.
8. Rempel, L.I. (1969) *Iskusstvo Rusi i Vostok kak istoriko-kul'turnaya i khudozhestvennaya problema: istoriografiya voprosa* [The Russian art and the East as a historical, cultural and artistic problem: Historiography]. Tashkent: [s.n.].
9. Lelekov, L.A. (1978) *Iskusstvo Drevney Rusi i Vostok* [The Art of Ancient Russia and the East]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.
10. Makarov, N.A. & Koval, V.Yu. (2010) *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: novye arkheologicheskie issledovaniya* [Russia and the East in the 9th – 16th centuries. New archaeological research]. Moscow: Institute of Archaeology RAS; Nauka.
11. Bocharov, S.G. (2015) *Genuezkaya Gazariya i Zolotaya Orda* [The Genoese Gazaria and the Golden Horde]. Chisinau: Stratum Plus.
12. Koval, V.Yu. (2010) *Keramika Vostoka na Rusi IX–XVII veka* [Ceramics of the East Rus in the 9th – 17th centuries]. Moscow: Nauka.
13. Gusach, I.R. (2014) *Keramicheskie materialy Severo-Vostochnogo Priazov'ya v Pozdnem Srednevekov'e: Osmanskiy period* [Ceramic materials of the North-Eastern Azov in the Late Middle Ages: The Ottoman period]. In: Sitdikov, A.G., Makarov, N.A. & Derevyanko, A.P. (eds) *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the Fourth All-Russian Archeological Congress in Kazan]. Vol. 3. Kazan: Otechestvo.
14. Gusach, I.R., Walid Ali, M. (2013) *Musul'manskii klinki s nadpis'yami iz kollektsiy donskikh muzeev* [Muslim swords with inscriptions from the collections of the Don museums]. In: Gorbunov, A.A. & Kiyashko, V.Ya. (eds) *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2011 g.* [Historical and archeological investigations in Azov and in the Lower Don in 2011]. Azov: Azov Museum-Reserve. pp. 268.
15. Kozlova, A.V. (2006) *Vostochnye traditsii ukrasheniya i predmetov byta iz tsvetnykh metallov v gorodakh severo-zapadnoy Rusi i sopredel'nykh territoriy* [Oriental traditions of jewelry and household items made of nonferrous metals in the cities of the north-western Russia and neighboring territories]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
16. Belyaev, L.A. & Chernetsov, A.V. (1999) *The Eastern Contribution to Medieval Russian Culture Mugarnas. An Annual on the Visual Culture of the Islamic World*. Vol. 16. Leiden. pp. 97-124.
17. Belyaev, L.A. (1999) [Ancient Rus in the circle of medieval civilizations and cultures]. *Drevnerusskaya kul'tura v mirovom kontekste: arkheologiya i mezhdisciplinarnye issledovaniya* [Old Russian Culture in the Global Context: Archeology and Interdisciplinary Research]. Proc. of the Conference. Moscow. pp. 40-47. (In Russian).

18. Belyaev, L.A. & Chernetsov, A.V. (1999) [Medieval Russia and the East: Some problems and prospects]. *Drevnerusskaya kul'tura v mirovom kontekste: arkheologiya i mezhdistitsiplinarnye issledovaniya* [Old Russian Culture in the Global Context: Archeology and Interdisciplinary Research]. Proc. of the Conference. Moscow. pp. 205-226. (In Russian).
19. Belyaev, L.A. (2009) De archeologia abrahamica. In: Belyaev, L.A. (ed.) *Archeologia abrahamica. Issledovaniya v oblasti arkheologii i khudozhestvennoy traditsii iudaizma, khristianstva i islama* [Archeologia abrahamica. Research in the field of archeology and art traditions of Judaism, Christianity and Islam]. Moscow: Indrik. pp. 5-28.
20. Belyaev, L.A. (2016) The Islamic Orient and the Development of Material Culture of Muscovy: Evaluation Methods. *Povolzhskaya arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 2(16). pp. 18-43. (In Russian).
21. Tananaeva, L.I. (2013) *O man'erizme i barokko. Ocherki iskusstva Tsentral'no-Vostochnoy Evropy i Latinskoy Ameriki kontsa XVI – XVII veka* [On Mannerism and Baroque. Essays on the art of Central and Eastern Europe and Latin America, the late 16th – 17th centuries]. Moscow: Progress-Traditsiya.
22. Rubinstein, N.L. (ed.) (1937) *Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* [British travelers in the Moscow State in the 16th century]. Translated from English by Y. Gautier. Leningrad: Sozhegiz.
23. Belyaev, L.A. (2010) “Vostochnye vliyaniya” ili obshcheevropeyskiy “orientalism”? O metodicheskikh podkhodakh k kharakteristike islamskikh elementov v kul'ture srednevekovoy Moskvy [The “Oriental influence” or pan-European “Orientalism”? Methodological approaches to the characterization of the elements of Islamic culture in the medieval Moscow]. In: Makarov, N.A. & Koval, V.Yu. (eds) *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: novye arkheologicheskie issledovaniya* [Russia and the East in the 9th – 16th centuries. New archaeological research]. Moscow: Institute of Archaeology RAS; Nauka. pp. 18-27.
24. Belyaev, L.A. (2014) [The ornamental friezes on the facades of the early Moscow temples in the end of the 14th – early 15th centuries: the genesis of motifs and composition]. *Sergiy Radonezhskiy i russkoe iskusstvo vtoroy poloviny XIV – pervoy poloviny XV v. v kontekste vizantiyskoy kul'tury* [Sergius of Radonezh and Russian art of the late 14th – early 15th centuries in the context of Byzantine culture]. Proc. of the International Research Symposium. Moscow, 10–12 November, 2014. Moscow. pp. 7-8. (In Russian).
25. Belyaev, L.A. (2013) Arkhitektura sobora Pokrova na Rvu v kontekste rannego evropeyskogo orientalizma [The architecture of the Cathedral of the Intercession of the Most Holy Theotokos on the Moat in the context of early European Orientalism]. In: *450 let Pokrovskomu soboru. Pokrovskiy sobor v istorii i kul'ture Rossii* [450 years of St. Basil Cathedral. Pokrovsky cathedral in Russian history and culture]. Moscow: [s.n.]. pp. 28-37.
26. Koval, Yu.V. (2010) Ordyntsy na Rusi [The Horde in Russia]. In: Makarov, N.A. & Koval, V.Yu. (eds) *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: novye arkheologicheskie issledovaniya* [Russia and the East in the 9th – 16th centuries. New archaeological research]. Moscow: Institute of Archaeology RAS; Nauka. pp. 76-85.

УДК 316.7:902

DOI: 10.17223/19988613/42/9

М.П. Чёрная

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОМПОНЕНТ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ СИБИРСКОГО СООБЩЕСТВА: АРХЕОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ

«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии» (проект №14-50-00036).

В статье также использованы результаты, полученные в ходе выполнения научного проекта № 8.1.19. 2016 в рамках Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

Впервые поставлена актуальная проблема выявления по археологическим материалам европейского компонента в этнокультурном взаимодействии сибирского сообщества эпохи колонизации как новая самостоятельная тема русской археологии Сибири. Археология документирует этнокультурный диалог русских переселенцев Сибири, а через них сибирских автохтонов, с западным миром не только в сфере в торгово-меновых отношений по предметам так называемого русского импорта, но в разных аспектах повседневной жизни.

Ключевые слова: Сибирь и Европа; этнокультурное взаимодействие; «русские товары»; археология.

Колонизация Сибири представляла многоплановый процесс, включавший в себя государственно-политическое, административно-территориальное, социально-экономическое, демографическое освоение края, суть которого кратко и ёмко сформулировал С.В. Бахрушин: «трудом и культурой» [1. С. 62]. Грандиозный размах колонизации и вместе с тем её сжатость в феноменально короткий по историческим меркам срок породили историографическое отставание в осмыслении процесса освоения суперрегиона, неоднородность подходов и оценок, разброс мнений и остроту полемики, которая в кризисные моменты переливалась из сферы научной в политическую, что нашло отражение сначала в позиции сибирских областников, а в 1990-х – начале 2000-х гг. – в «новом» взгляде на Сибирь как колонию, которую якобы не в состоянии «переварить» Россия.

Разрыв во времени стал причиной того, что очевидные, пусть и по-разному, для современников XVII в. явления выпадали из поля зрения исследователей XX–XXI вв. Показательно, что, обращаясь к проблемам промыслово-торгового и земледельческого освоения, историки недооценивали роль города, рассматривая его как отсталый, недоразвитый в экономическом и социокультурном отношении феномен. Неслучайно в академическом по уровню и формату издании «История Сибири» город не стал предметом специального изучения. Выпал город и из главных направлений изучения источников по истории Сибири, обозначенных на всесибирской конференции 1967 г. [2. С. 112–120]. Лишь с 1970-х гг. городоведческая тематика перерастает в целенаправленное, систематическое исследование, результатом которого стал вывод о сибирских городах как опорных пунктах продвижения и освоения края русскими, как центрах с торгово-промыслово-промышленным профилем с особым городским строением и составом населения [3. С. 114].

Ещё позже развивается в самостоятельное направление археологическое изучение русских памятников Сибири, представленное по большей части раскопками городских комплексов [4. С. 482–515]. Впервые сформулированное в 2007 г. положение об археологическом городоведении как новом полномасштабном направлении сибиреведения за неполные 10 лет находит подтверждение в исследовании всё более широкого круга городов, выделении церковной археологии, археологии некрополей и археологии повседневности. Внедрение в научный оборот археологических источников, представляющих остатки подлинных объектов и предметов, в овеществлённом виде отображающих процесс колонизации, позволяет по-новому подойти к изучению этнокультурного освоения края русскими, увидеть аспекты, ранее не замечаемые, или рассмотреть их под другим углом зрения.

Одним из таких аспектов, давно вошедших в историографию, является проблема изучения так называемых русских товаров, поступавших в Сибирь, или «русского импорта». Исследователи признают условность этого термина. Письменные источники – таможенные, окладные и прочие документы – подразумевали под «русскими» все поступающие из европейской части государства товары как отечественного, так и иностранного происхождения. Среди товаров собственно российского производства в перечень «русских» попадали и европейские изделия: сукно английское и гамбургское, сукно-лятчина, атлас немецкий, бархат венецианский, изделия из металла, стекла, минеральные продукты, аптечные и парфюмерные снадобы, галантерея, немецкие зеркала с поталью и стенные, фряжские вина и пр. Объём европейских товаров в общей массе «русского» импорта составлял в среднем около 23% (на тобольском рынке – от 11,2 до 44,6%). Процент европейских товаров по отдельным категориям мог быть значительно выше. Успешное развитие сибирского ремесла в ходе колонизации привело к па-

дению ввоза западных товаров уже во второй половине XVII в., что особенно заметно на такой важной и дорогостоящей статье импорта, как европейское сукно [5. С. 44–47, 52–53; 6. С. 94].

Историки не зря отмечают малочисленность, отрывочность, разновременность, разнохарактерность письменных сведений. Далеко не всегда по спискам можно установить страну-производителя. Скажем, под определение «немецкий» попадали товары из разных стран, как и «торговые немцы», под собирательным названием которых разумелись купцы всевозможных национальностей. Например, английские торговцы могли фигурировать в документах как «английские немцы». Товары назывались «русскими», поскольку изделия отечественного производства занимали в импорте основное место и потому, что их ввозом в Сибирь занимались преимущественно русские купцы, в XVII в. в основном поморские. Активными поставщиками «русских» товаров из числа сибиряков были также служилые люди, сочетавшие служебные поездки с торговлей [5. С. 40, 62, 65, 92; 6. С. 76–101. С. 93, 100; 7. С. 164].

Купцы из стран Европы стремились проникнуть в Россию, так как на внутреннем рынке цены на импортные изделия были выше, а на товары русского производства ниже, чем в порубежных портах, прежде всего в Архангельске – главном торговом порте на севере страны. Активному устремлению торговых иноземцев противостояли таможенные уставы, налагавшие высокие пошлины, выплачивать которые могли немногие. По Новоторговому уставу 1667 г. западноевропейские купцы могли попасть во внутренние города только по специальным жалованным грамотам. Правда, ограничения и запреты нарушались как иностранными, так и русскими торговцами, да и правительство не было последовательным. Как верно заметил отечественный классик, «Суровость российских законов смягчается необязательностью их исполнения» (М.Е. Салтыков-Щедрин). Иллюстрацией может служить ситуация с указом 1732 г., запрещавшим иностранцам розничную торговлю. Англичане, устранившись установленными в нём жестокими наказаниями, просили отменить указ, на что получили ответ: только что вышедший указ отменить неудобно, но на практике он применяться не будет [7. С. 263]. Политика Петра I, направленная «к споспешествованию торговли с иноземцами» и расширению внешнеторговых связей с европейским рынком, привела к росту на русском рынке числа купцов с Запада с 50–60 чел. в 1693–1700 гг. до 184 чел. в 1720–1726 гг. [8. С. 204, 217–219; 9. С. 21, 25, 148–149]. Что касается сибирского рынка, европейские изделия попадали сюда через русских.

Привозили в Сибирь «русские» товары и «бухарцы», как тогда называли всех среднеазиатцев, кроме «хиванцев». Кстати, русское правительство, заинтересованное в упрочении давних связей Сибири с восточными государствами, предоставляло «бухарцам» боль-

шие торговые льготы, а тех из них, кто оседал на постоянное сибирское жительство, освобождало от несения тягла и служб. Поставкой «русских» товаров с Руси занимались также нерусские сибиряки, первенство среди которых принадлежало сибирским татарам. Однако бухарцы и местное население поставляли «русский» товар в незначительных размерах. Главными агентами завоза в Сибирь «русского» товара, в том числе западноевропейского производства, оставались русские [3. С. 219, 222–223; 5. С. 65–66].

Археологическое выявление «русского» импорта первоначально связано с памятниками сибирских автохтонов, поскольку развитие аборигенной археологии на десятилетия опередило сложение русской археологии Сибири. Раскопки поздних аборигенных памятников конца XVI – XVIII в., в первую очередь могильников, выявили стабильное присутствие «русского» импорта, к которому относили всё, что не производили сами автохтоны и то, что они обменивали или покупали через посредство русских. Успех товарообменных отношений с автохтонами был обеспечен, помимо прочего, их давними связями с Русью, что документируют археологические и летописные данные, начиная с упоминания о походе в Югру в 1096 г. новгородцев под начальством боярина Гюряты Роговича.

Проникновение «русского» импорта в сибирский край археологически зафиксировано уже на памятниках конца I – начала II тыс. н.э. Основная часть древнерусского импорта оседала в Нижнем Обь-Иртыше и в Сургутском Приобье, что связано с движением русских по северному пути через Вычегду и Печору. Походы новгородцев в Югру имели не только сиюминутный интерес по захвату военной добычи и сбора дани, но долговременную цель по установлению, поддержанию, развитию торговых отношений с «югрой и самоедьей». Проникновение выходцев из Древней Руси осуществлялось не только в форме спорадических экспедиций, но и в виде дисперсного временного проживания русских в местной среде, организации ими торговых факторий, налаживании товарообмена, в котором они выступали гарантами и посредниками [10. С. 73, 77, 87–89]. Эти длительные полутысячелетние связи, хотя и неровные по активности, стали необходимой прелюдией для быстрой и успешной колонизации Сибири в конце XVI – XVII в.

В состав «русского» импорта, оседавшего в автохтонных памятниках и представленного в значительной части товарами «русского» производства, входят также изделия европейского происхождения: монеты, счётные жетоны, посуда, предметы одежды из европейских тканей, галантерейная мелочь, даже оружие. Самой яркой находкой из последней категории стал обнаруженный в Барабе меч, клинок которого был изготовлен в Центральной, а рукоять, видимо, в Северной Европе. По надписи на клинке меч датируется концом XI – началом XII в. Каковы бы ни были конкретные обстоятельства попадания меча Каролингов в Западную Си-

бирь – через торговые связи или, как предлагает автор раскопок В.И. Молодин, с подвижником Ермака Иваном Кольцо, отряд которого трагически погиб в 1583 г. в ставке мурзы Карачи, предположительно находившейся в 2,5–3 км от места находки меча [11. С. 68–69], посредниками выступили русские.

Набирающие обороты раскопки русских памятников Сибири также предоставляют материалы по «русскому» импорту, ассортимент которого включал, помимо отечественных, европейские изделия. При этом мы зачастую затрудняемся с атрибуцией находок и определением западного происхождения предметов, а то и вовсе не предполагаем такового. Вообще выявление европейского компонента в ископаемом и историческом контексте колонизации – новая тема для русской археологии Сибири и, конечно, она не может быть ограничена торговой стороной вопроса. Предметы «русского» импорта выступали маркерами этнокультурных контактов. Но эти последние охватывали не только торгово-меновые отношения, но весь спектр повседневной жизни сибирского сообщества эпохи колонизации. Археология даёт новые возможности для изучения диалога культур, в котором русские выступали многоканальной связующей средой для участников межэтнических контактов и основными трансляторами разнокультурных традиций в регионе. Если для Европейской России изучение западного влияния на культурное развитие страны по археологическим материалам вошло в историографическую практику, то для Сибири мы только начинаем осознавать актуальность овеществлённого контекста взаимодействия русских переселенцев с полиэтничным окружением с акцентом на европейский компонент.

Изучение проблемы взаимодействия культурных традиций, принесённых в Сибирь русскими и переселенцами с Запада, необходимо вести в ключе общероссийской и общеевропейской исторической панорамы. Развитие культурных связей Сибири с Западом стало важной частью общего процесса европеизации страны – вживления в собственную культуру творчески переработанных образцов, идей, стиля западной культуры.

Торговля как средство поставки европейских товаров была лишь одним, при этом не главным, каналом связей Сибири с далёкой от неё Европой – удалённой на тысячи километров, но оказавшейся близкой в плане избирательного восприятия западных идей, образов, моды. Сибирь стала огромной ареной этнокультурного взаимодействия с западным миром. По мере срастания с Россией Сибирь становится крупнейшим узлом евразийских связей и объектом расширения европеизации страны. Главными переносчиками начал западной культуры стали вольные и невольные переселенцы Сибири из числа европейцев.

Сначала западному влиянию подвергается европейская часть Московского царства, закрытость границ которого в XVI и XVII вв. не исключала, а, напротив,

предполагала постоянный приток «внешних иноземцев», как тогда называли иностранцев-иммигрантов. Власти всячески поддерживали миграцию, привлекая на русскую службу иностранцев, поскольку страна нуждалась в различных специалистах. Из-за внутренней ситуации в Европе «внешние иноземцы» добровольно и достаточно активно мигрировали сами от многолетних войн, религиозных преследований, безземелья и полного разорения. Были и «вынужденные иммигранты» – из военных и угнанных, которые в основном попадали в «служилые иноземцы», особый социальный слой России. Среди западноевропейских иммигрантов доминировали немцы этнической германской группы. Самую многочисленную группу традиционно составляли выходцы из Речи Посполитой, устойчиво преобладавая в миграционном потоке. Их приоритет в миграции определяло, с одной стороны, славянское родство, с другой – стремление московского правительства расширить нобилитет собственной страны за счёт шляхтичей-иммигрантов [12. С. 5–19]. Волны польской миграции в XVII в. составили, по выражению П.П. Мельгунова, полупериод польского влияния, через которое шло знакомство российского общества с Западом и который подготовил переворот, совершившийся при Петре Великом, поставившим целью воспользоваться опытностью Запада и продвинуть вперёд Русское государство [8. С. 238].

С притоком в Сибирь переселенцев с Запада европеизация начинает охватывать азиатскую часть России. Многие из «внешних иноземцев», обладая военным опытом и относительно хорошей грамотностью, получали в Сибири возможность сделать карьеру и попадали в начальствующий состав служилых людей, отметились в военных походах и в воеводском бюрократическом аппарате. Выходцы из западных земель участвовали также в сельскохозяйственном, промысловом, промышленном освоении края. Зачастую уже во втором поколении «иноземцы» становились полноценными местными жителями [13. С. 24–32; 14. С. 125–129]. Культурный взаимообмен как на социальных верхах, так и на низовом обыденном уровне способствовал расширению исторических перспектив развития сибирского региона в масштабах всей страны и во взаимодействии с окружающим миром.

Проникновение западных веяний в Сибирь документирует и археология. Не все товары европейского производства можно зафиксировать археологически и, так сказать, напрямую. О ввозе текстиля свидетельствуют не только находки фрагментов тканей европейского производства, но и товарных пломб с латинскими буквами, которыми опечатывались отрезы и рулоны, о ввозе лечебно-косметических средств – аптечная и парфюмерная посуда и т.д. Находки вещей европейского происхождения нельзя назвать массовым археологическим материалом, часть из них относилась к разряду товаров, часть была предметами личного пользования и потому единична. Но все эти

европейские изделия являлись образцами западной культуры.

Важен не только факт распространения европейских изделий в Московии, но их принятие российским сообществом. Западные образцы проникали через социальную элиту и торговых агентов и распылялись по всем сословным категориям и территории страны, проходя при этом фильтрацию через собственные национально-государственные интересы, традиции, опыт. Способность к восприятию новшеств зафиксирована в историко-археологическом контексте как в объектно-вещевом отражении, так и письменно-иллюстративных свидетельствах. Показательно в этом плане сопоставление замечаний самих иностранцев XVII в. о переимчивости русских и их умении быстро учиться с современной репликой из фильма «Иван Васильевич меняет профессию»: «Ты нам только покажи, мы переймём!».

Процесс принятия западных образцов не сводился к простому их ввозу и не был их прямым заимствованием, русская культура начала вырабатывать стадийно близкие культурам европейских стран идеи, принципы, механизмы. Привозные новшества становились объектами творческой переработки, в ходе которой через многократное искажение при повторениях шло их постепенное преобразование в местный продукт, ставший уже органической частью «своей» среды [15. С. 185–194; 16. С. 10].

Проникновение западных веяний в Сибирь нашло археологическое отражение в разнообразных элементах интерьера, деталях костюма, предметах быта. Встречаются как аутентичные изделия европейского производства, так и их переработанные версии, получившие не только местную прописку, но и свой культурный контекст.

Показательным в плане обретения новых технологий, вкусов, связей и новым для сибирского источниковедения материалом, появление которого связано с раскопками, стали изразцы. Все известные находки изразцов происходят из городов и тяготеют к кремлёвской их части и церковно-монастырским объектам. Подобное положение объясняется локализацией каменного строительства и сопутствующему ему изразцового дела в городе, тяготением властей и горожан к модным тенденциям, возможностью именно городского контингента приобрести дорогостоящий элемент отделки и, конечно, престижно-знаковой ролью изразца.

Кроме прямой доставки престижного товара «с Руси» с рубежа XVII–XVIII вв. налаживается изразцовое производство в самой Сибири. Технологии, сюжеты, стилистика местного производства, как и первые мастера, также завезены «с Руси», где они, в свою очередь, связаны с организацией в середине XVII в. изразцового производства в Ново-Иерусалимском монастыре, куда патриарх Никон приглашает изразечников – выходцев из Речи Посполитой. Приехавшие в Московию из-за польско-литовского рубежа мастера изразцового дела, прошедшие выучку в Европе, безусловно, были носителями европейской традиции [17.

С. 208], а потому несли с собой западные идеи и образы и определённый стиль их воплощения.

Одним из наиболее ярких образцов, несущих на себе черты западного влияния, известным сегодня по археологическим данным, служат муравленые изразцы с символикой государственной власти из раскопок воеводских хором в Томске – пример воздействия европейского сюжетного изразца и канонов западной геральдики через художников и геральдистов из Речи Посполитой, хлынувших в Россию в ходе геральдической реформы, проводимой Алексеем Михайловичем. Наличие таких деталей на томских изразцах, как поднятые распротёртые крылья, «фады» между орлиными перьями, буквы по бокам короны европейского типа отражает влияние западной геральдики, творчески переработанной на российской почве [18. С. 203–205].

Ещё одним элементом облицовки печей из томской воеводской усадьбы, имеющим западные истоки, являются гладкие изразцы и изразцы с выпуклой полусферой. Печи с облицовкой гладкими изразцами и с «куполообразным» декором, известны, по крайней мере, в восточноевропейских землях с XVI по XX в. [Там же. С. 82, 205].

Деталью печи с западным акцентом является чугунная дверца, найденная в ходе раскопок на территории Красноярского Свято-Успенского мужского монастыря, построенного в 1879 г. Сюжет на дверце, отлитой на одном из уральских заводов, несомненно, заимствован из Европы [19].

Предметным воплощением знакомства сибиряков с европейской культурой служит стеклянная посуда, безусловно, входившая в разряд престижного потребления. Фрагменты посуды, изготовленной по венецианским технологиям в Нидерландах, Германии, Богемии, обнаружены при раскопках ряда русских городов Сибири. А скляницы с фестончатым дном, находившиеся в обиходе томского воеводы, имеют прямые аналогии со стеклянной посудой XVI–XVII вв., известной по раскопкам г. Кросно – центре стеклоделия и административном центре Подкарпатского воеводства в Польше [20. С. 39–63; 21. С. 419–440].

Употребление стеклянной посуды и дорогостоящего содержимого, для которого она служила тарой, – вина, парфюмерии, а также таких западноевропейских новинок, как, например, вилок, поначалу использовавшихся в царских палатах, предметно свидетельствует о стремлении социальной элиты Сибири следовать передовым веяниям моды, чтобы подчеркнуть свой высокий статус и поднять престиж.

Маркером приобщения к европейской культуре является такая принадлежность костюма статусного порядка, как обувь на высоком каблуке, подбитая гвоздиками или металлическими подковками, что связано с влиянием «польской» или «венгерской» моды.

Многочисленные находки кожаной обуви в городах, в том числе фликов от наборных каблуков, которые

уже с 1611 г. называли в Англии «польскими», а также так называемых французских деревянных каблуков свидетельствуют, что сибиряки также желали оставаться в русле модных тенденций, не отставать в щегольстве от жителей столицы и иноземных модников. Высота некоторых обнаруженных сибирских экземпляров (10 см и более) подтверждает наблюдения иностранцев о том, что обувь у москвичей «снабжена более высокими, нежели у поляков, каблуками» (цит. по: [22. С. 15–16]). Важно отметить, что основная масса обуви в Сибири была местного производства, о чём говорит неуклонное сокращение ввоза обуви «с Руси». Модельная обувь могла входить в состав «русского» импорта, но какую-то её часть шили на месте из привозных полуфабрикатов.

Трансляция инокультурных импульсов имеет положительную перспективу при условии, если принимающая сторона не остаётся на уровне ученика-подражателя, но усваивает новое, преломляя его через собственные традиции, учится, «не теряя своей самостоятельной воли и национального сознания» [8. С. 238].

Не всегда и не для всех западное влияние проходило безболезненно и могло привести к размытию этнокультурной идентичности, что случалось с представителями бюрократического аппарата, выходцами из служилой среды и др. Но в целом внедрение европейских новшеств, проходя сквозь толщу народной куль-

туры, «способствовало переходу значительных групп русского сообщества от бессознательной «чужебоязни» к сознательному национальному самоопределению» [23. С. 39–76; 24. С. 77–105; 25. С. 282]. Продукты «чужой» культуры усваивались «своей» культурой, проходя через многоступенчатую фильтрацию и отбор.

Процесс обновления, охвативший Россию, захватил и Сибирь. Вопреки представлениям, возникшим вновь в перестроечное время, о Сибири как стране беспримесного мрака и ужаса, находящейся за гранью цивилизации, здесь шёл многоголосый и многоязычный этнокультурный диалог, непростой по форме, но конструктивный по содержанию. Являясь самым грандиозным за всю историю России объектом расширения этнокультурной и государственной территории, Сибирь стала и ареной активных контактов автохтонов, переселенцев, «внешних иноземцев», связующей средой которых были русские. Через русских шло приобщение сибирских аборигенов и к началам западной культуры, русские же были посредниками в знакомстве европейцев с местной самобытной культурой. Открытие Сибири, её народов и культур европейскому Западу стало эпохальным результатом русской колонизации.

Продолжение археологических исследований позволит более полно и адекватно раскрыть ископаемый и исторический контекст колонизации и содержание многостороннего этнокультурного диалога, в том числе его европейского компонента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин С.В. Задачи исторического изучения Сибири // Труды I Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Новосибирск, 1928. Вып. 5. С. 62.
2. Покровский Н.Н. О главных направлениях изучения источников по истории Сибири феодального периода в советском источниковедении // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1971.
3. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1990. 368 с.
4. Чёрная М.П. Русская археология как новое направление в сибиреведении // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. М. : Ин-т археологии РАН, 2008.
5. Вилков О.Н. «Русские» товары на Тобольском рынке в XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI – XIX вв. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1965.
6. Вилков О.Н. Проблема всероссийского рынка и сибирская торговля XVII в. // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1971.
7. Кулишер И.М. Очерк истории русской торговли. СПб. : Атеней, 1923. 323 с.
8. Мельгунов П.П. Очерки по истории русской торговли IX–XVIII вв. М., 1905. 279 с.
9. Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М. : РОССПЭН, 1996. 346 с.
10. Могильников В.А. Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I – начале II тысячелетия н.э. // Проблемы археологии Евразии. М. : Наука, 1991. С. 57–105.
11. Молодин В.И. Меч Каролингов. Новосибирск : ИНФОЛИО, 2006. 144 с.
12. Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М. : Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.
13. Люцидарская А.А. Польские переселенцы в сельскохозяйственном освоении Томского уезда // Проблемы трансмиссии и бытования этнокультурных традиций славянского населения Сибири XVIII–XX вв. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 24–32.
14. Резун Д.Я. Выходцы из стран Центральной и Западной Европы на русской казачьей службе в Сибири XVII в. // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты: История. Археология. Культурная антропология. Этнография. М. : [Б. и.], 1996. С. 125–129.
15. Беляев Л.А. От Ивана III к Петру Великому: «Московская культурная модель» в эпоху ранней глобализации (архитектурно-археологическая версия) // Вестник истории, литературы и искусства. М. : Собрание; Наука. 2005. Т. I. С. 185–197.
16. Чёрная Л.А. Русская культура переходного периода от Средневековья к новому времени: Философско-антропологический анализ русской культуры XVII – первой трети XVIII в. М. : Языки русской культуры, 1999. 257 с.
17. Баранова С.И. Изразцы из Коломенского дворца: пример трансформации художественных импульсов // Коломенское: Материалы и исследования. М. [Б. и.], 2011. Вып. 13. С. 197–215.
18. Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : ИД «Д'Принт», 2015. 276 с.
19. Мандрыка П.В., Титова Ю.А. Печная дверца «Готика» из Свято-Успенского монастыря // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (в печати).
20. Muzyczuk A., Bicz-Suknarowska M. Odkrycie dwóch obiektów architektury monumentalnej na Rynku w Krośnie // Rzeszowska Teka Konserwatorska. Rzeszów, 2002. T. III–IV. S. 39–63.
21. Muzyczuk A., Gancarski J. Średniowieczny Rynek w Krośnie w świetle badań archeologicznych. Uwagi wstępne // Gancarski J. Późne średniowiecze w Karpatach polskich. Krosno, 2007. S. 419–440.
22. Осипов Д.О. Обувь московской земли XII–XVIII вв. : материалы охранных археолог. иссл. М. : Ин-т археологии РАН, 2006. Т. 7. 202 с.

23. Уланов В. Западное влияние в Московском государстве // Три века. Россия от смуты до нашего времени : в 6 т. / сост. А.М. Мартышкин, А.Г. Свиридов. [Репринт. изд.-е]. М. : ГИС, 1991. Т. 2: XVII век. Вторая половина. С. 39–76.
24. Нечаев В. Малорусско-польское влияние в Москве и русская школа XVII века // Три века. Россия от смуты до нашего времени: в 6 т. / сост. А.М. Мартышкин, А.Г. Свиридов. [Репринт. изд.-е]. М. : ГИС, 1991. Т. 2: XVII век. Вторая половина. С. 77–105.
25. Бочкарёв В. Экономический быт России XVII века // Три века. Россия от смуты до нашего времени : в 6 т. / сост. А.М. Мартышкин, А.Г. Свиридов. [Репринт. изд.-е]. М. : ГИС, 1991. Т. 2: XVII век. Вторая половина. С. 251–286.

Chernaya Maria P. Tomsk State University (Tomsk, Russia); Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: mariakreml@mail.ru

THE EUROPEAN COMPONENT IN THE ETHNIC AND CULTURAL DIALOG OF SIBERIAN SOCIETY: THE ARCHAEOLOGICAL AND HISTORICAL CONTEXT.

Keywords: Siberia and Europe; ethnic and cultural interaction; “Russian goods”; archaeology.

The article is dedicated to the detection on archaeological data of a European component in the ethnic and cultural interaction of the peoples in the age of colonization. This subject is new to the Russian archaeology of Siberia. Introduction of archaeological sources for scientific use allows taking new approaches to studying Russian development of the region, and let see unnoticed before aspects or to consider them from another point of view. One of such aspects is studying “Russian” import or “Russian” goods, which had been the name for all the goods delivered into Siberia, both domestic and foreign ones. Penetration of the Russian import into Siberia is archaeologically fixed on aborigine sites already on the edge of the 1st and 2nd millenniums A.D. Among “Russian” goods occurred to autochthons also were European items. Long-termed half-millennium connections prepared successful colonization of Siberia in the end of the XVI and XVII centuries. Excavations of the Russian sites also provide materials for “Russian” import, in which European items have been included besides domestic production. Ethnic and cultural interaction of the Siberian peoples with the Western world embraced not only trade and exchange relations, yet also by Europeanization strengthening of the country, all spectrum of everyday life. Not only the fact of European productions spreading is important, but also taking of them by Russian and since the XVII century by Siberian society. The main carriers of elements of the western culture were willing and unwilling European migrants and the key translators of various culture (including European) traditions were Russians. Western patterns infiltrated through the social elite and the traders and dissipated among all the estates and country territory, filtered by own national and state interests, traditions and experience. The taking process was not reduced to importation of western patterns and was not a straight adoption. Russian culture began to produce ideas, principles, and mechanisms stage close to European ones. Western trends penetration into Siberia has found an archaeological reflection in various interior items, costume details, household things, such as tiled stoves, glass ware, “Pole” or “Hungarian” fashion. The renovation process that had taken Russia took Siberia too. Through many voices and multilingual ethnic and cultural dialog, in which Russians were connecting environment, came Siberian aborigines’ adoption to the elements of European culture and Europeans’ acquaintance with the local original culture. The discovery of Siberia and its peoples and cultures for European West had become the epoch result of Russian colonization.

REFERENCE

1. Bakhrushin, S.V. (1928) Zadachi istoricheskogo izucheniya Sibiri [Objectives of the Siberian historical studies]. In: Anson, A.A. & Cheremnykh, G.I. (eds) *Trudy I Sibirskogo kraevogo nauchno-issledovatel'skogo s'ezda* [Proceedings of I Siberian Regional Research Congress]. Novosibirsk: Society for the Study of Siberia and its productive forces. p. 62.
2. Pokrovskiy, N.N. (1971) O glavnykh napravleniyakh izucheniya istochnikov po istorii Sibiri feodal'nogo perioda v sovetskom istochnikovedenii [On principal trends in the study of sources on Siberian feudal history in the Soviet source studies]. In: Okladnikov, A.P. (ed.) *Itogi i zadachi izucheniya istorii Sibiri dosovetskogo perioda* [Results and problems of studying Siberian history of the pre-Soviet period]. Novosibirsk: Nauka.
3. Vilkov, O.N. (1990) *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri kontsa XVI – nachala XVIII v.* [Essays on the socio-economic development of Siberia in the late 16th – early 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
4. Chernaya, M.P. (2008) Russkaya arkheologiya kak novoe napravlenie v sibirskoye izucheniye [Russian archeology as a new direction in Siberian Studies]. In: Batalov, A.L. & Krenke, N.A. (eds) *Moskovskaya Rus'. Problemy arkheologii i istorii arkhitektury* [Moscow Rus. Problems of archeology and history of architecture]. Moscow: Institute of Archaeology.
5. Vilkov, O.N. (1965) “Russkie” tovary na Tobol'skom rynke v XVII v. [“Russian” goods on the Tobolsk market in the 17th century]. In: Shunkov, V.I. (ed.) *Ekonomika, upravlenie i kul'tura Sibiri XVI – XIX vv.* [Economy, management and culture of Siberia in the 16th – 19th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
6. Vilkov, O.N. (1971) Problema vs Rossiyskogo rynka i sibirskaya trgovlya i promyshlennost' XVII v. [The problem of the nationwide market and Siberian trade and industry in the 17th century]. In: Okladnikov, A.P. (ed.) *Itogi i zadachi izucheniya istorii Sibiri dosovetskogo perioda* [Results and problems of studying Siberian history of the pre-Soviet period]. Novosibirsk: Nauka.
7. Kulisher, I.M. (1923) *Ocherk istorii russkoy trgovli* [An essay on the history of Russian trade]. St. Petersburg: Ateney.
8. Melgunov, P.P. (1905) *Ocherki po istorii russkoy trgovli IX–XVIII vv.* [Essays on the history of Russian trade in the 9th – 18th centuries]. Moscow: Sotrud. shk. A.K. Zaleskoy.
9. Zakharov, V.N. (1996) *Zapadnoevropeyskie kuptsy v Rossii. Epokha Petra I* [West European merchants in Russia. The era of Peter I]. Moscow: ROSSPEN.
10. Mogilnikov, V.A. (1991) Kontakty naseleniya lesnoy polosy Priural'ya i Zapadnoy Sibiri v kontse I – nachale II tysyacheletiya n.e. [The contacts of the population in the forest Urals and Western Siberia in the late 1st – early 2nd millennia BC]. In: Mogilnikov, V.A. (ed.) *Problemy arkheologii Evrazii* [Problems of archeology of Eurasia]. Moscow: Nauka. pp. 57–105.
11. Molodin, V.I. (2006) *Mech Karolingov* [The Carolingian Sword]. Novosibirsk: INFOLIO.
12. Oparina, T.A. (2007) *Inozemtsy v Rossii XVI–XVII vv. Ocherki istoricheskoy biografii i genealogii* [Foreigners in Russia in the 16th – 17th centuries. Essays on historical biography and genealogy]. Moscow: Progress-Traditsiya.
13. Lyutsidarskaya, A.A. (2005) Pol'skie pereselentsy v sel'skokhozyaystvennom osvoenii Tomskogo uezda [Polish immigrants in the agricultural development of Tomsk Uezd]. In: Bolonev, F.F. (ed.) *Problemy transmissii i bytovaniya etnokul'turnykh traditsiy slavyanskogo naseleniya Sibiri XVIII–XX vv.* [Problems of transmission and existence of ethnic and cultural traditions of the Slavic population in Siberia in the 18th – 20th centuries]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography RAS. pp. 24–32.
14. Rezun, D.Ya. (1996) Vykhodtsy iz stran Tsentral'noy i Zapadnoy Evropy na russkoy kazach'ey sluzhbe v Sibiri XVII v. [Immigrants from Central and Western Europe at the service of the Russian Cossacks in Siberia in the 17th century]. In: Vyatkin, A.R. (ed.) *Gumanitarnaya nauka v Rossii: Sorosovskie laureaty: Istoriya. Arkheologiya. Kul'turnaya antropologiya. Etnografiya* [Humanities in Russia: Soros laureates: History. Archeology. Cultural Anthropology. Ethnography]. Moscow: [s.n.]. pp. 125–129.

15. Belyaev, L.A. (2005) Ot Ivana III k Petru Velikomu: "Moskovskaya kul'turnaya model" v epokhu ranney globalizatsii (arkhitekturno-arkheologicheskaya versiya) [From Ivan III to Peter the Great: The "Moscow cultural model" in the era of early globalization (the architectural and archaeological version)]. In: Bongard-Levin, G.M. & Polykovskaya, V.P. (eds) *Vestnik istorii, literatury i iskusstva* [Bulletin of the History, Literature and Art]. Vol. 1. Moscow: Sobranie; Nauka. pp. 185-197.
16. Chernaya, L.A. (1999) *Russkaya kul'tura perekhodnogo perioda ot srednevekov'ya k novomu vremeni: Filosofsko-antropologicheskii analiz russkoy kul'tury XVII – pervoy treti XVIII v.* [Russian culture of the transition from the medieval to modern times: The philosophical and anthropological analysis of Russian culture of the 17th – early 18th centuries]. Moscow: Yaz. rus. kul'tury.
17. Baranova, S.I. (2011) Izraztsy iz Kolomenskogo dvortsa: primer transformatsii khudozhestvennykh impul'sov [Tiles from the Kolomenskoye Palace: An example of the transformation of artistic impulses]. In: Kolesnikova, L.P. (ed.) *Kolomenskoe: Materialy i issledovaniya* [Kolomenskoye: Materials and Research]. Issue 13. Moscow: [s.n.]. pp. 197-215.
18. Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [The voivode homestead in Tomsk in the 1660–1760-s: The historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: D'Print.
19. Mandryka, P.V. & Titova, Yu.A. (2016) Pechnaya dvertsya "Gotika" iz Svyato-Uspenskogo monastyrya [The furnace door "Gothic" of the Holy Dormition Monastery]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5 (in print).
20. Muzyczuk, A. & Bicz-Suknarowska, M. (2002) Odkrycie dwóch obiektów architektury monumentalnej na Rynku w Krośnie [The discovery of two buildings of monumental architecture on the market in Krosno]. *Rzeszowska Teka Konserwatorska*. 3-4. pp. 39-63.
21. Muzyczuk, A. & Gancarski, J. (2007) Średniowieczny Rynek w Krośnie w świetle badań archeologicznych. Uwagi wstępne [Medieval Market in Krosno in the light of archaeological research. Introductory remarks]. In: Gancarski, J. (ed.) *Późne średniowiecze w Karpatach polskich* [Late Middle Ages in the Polish Carpathians]. Krosno. pp. 419-440.
22. Osipov, D.O. (2006) *Obuv' moskovskoy zemli XII–XVIII vv.: materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy* [The footwear of the Moscow land in the 12th – 18th centuries: Materials of archaeological research]. Vol. 7. Moscow: Institute of Archaeology RAS.
23. Ulanov, V. (1991) Zapadnoe vliyanie v Moskovskom gosudarstve [Western influence in Muscovy]. In: Martyshkin, A.M. & Sviridov, A.G. (eds) *Tri veka. Rossiya ot smuty do nashego vremeni: v 6 t.* [Three centuries. Russia from the turmoil to the present. In 6 vols]. Vol. 2. Moscow: GIS. pp. 39-76.
24. Nechaev, V. (1991) Malorusso-pol'skoe vliyanie v Moskve i russkaya shkola XVII veka [Little Russian-Polish influence in Moscow and the Russian school of the 17th century]. In: Martyshkin, A.M. & Sviridov, A.G. (eds) *Tri veka. Rossiya ot smuty do nashego vremeni: v 6 t.* [Three centuries. Russia from the turmoil to the present. In 6 vols]. Vol. 2. Moscow: GIS. pp. 77-105.
25. Bochkarev, V. (1991) Ekonomicheskiy byt Rossii XVII veka [The economic life of Russia in the 17th century]. In: Martyshkin, A.M. & Sviridov, A.G. (eds) *Tri veka. Rossiya ot smuty do nashego vremeni: v 6 t.* [Three centuries. Russia from the turmoil to the present. In 6 vols]. Vol. 2. Moscow: GIS. pp. 251-286.

С.И. Баранова

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ МОСКОВСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ИЗРАЗЦА

Статья посвящена проблеме генезиса московского изразца, в том числе попыткам проследить раннюю традицию изделий, зачастую не имеющих твердой атрибуции, функциональной характеристики и даты, но, несомненно, связанных с русским изразцом. Их изучение показало, что генезис московского изразца обладает значительной, более столетия, протяженностью, с конца XV до начала XVII в., и является не прогрессивно-эволюционным, но импульсивным процессом.

Ключевые слова: изразец; генезис; терракота; глазурь.

В середине XIX в., в эпоху закрепляющегося в общественном сознании историзма, интерес к национальному наследию обрел черты научного подхода, а изразец был осознан как одно из самобытных проявлений русской средневековой культуры. С начала изучения русского изразца появились первые рассуждения о его генезисе, в которых часто встречается упоминание о западных корнях русского изразцового искусства. Так, в 1874 г. об изразцовом декоре Крутицкого теремка писали следующее: «Что изразцы не все в Москве деланы, об этом и говорить нечего; на некоторых из них встречаются даже чисто западные украшения: лапы с мечами, личины зверей, никогда не встречавшихся в русских орнаментах и, напротив того, характерные для чисто-западного орнамента XVI века» [1. С. 35]. Близка этому и оценка немецкого автора XIX в.: «Русская керамика находится в зависимом положении от немецкой. <...> Немецкие гончары работали как в самой России, так и для нее; немецкие печные изразцы послужили образцами, правда значительно огрубленными для орнамента» [2. С. 145].

Отдельные попытки обратиться к истории русского изразца с оценкой его генезиса наблюдаются на протяжении следующего столетия, но они зачастую носят противоречивый характер. В 1926 г. в ходе дискуссии о происхождении древнерусских изразцов на заседании ученой комиссии «Старая Москва» были высказаны полярные мнения, например, А.М. Васнецова: «На Западе изразцы появились через Россию, которая получила их с Востока», и одного из крупнейших исследователей русского изразца А.В. Филиппова: «У Востока не учились ничему. Все восточные глазури щелочные, у нас свинцовые» [3. Л. 38].

Сегодня эта тема приобретает все большую полноту в работах исследователей, а для обсуждения привлекается несравненное по богатству обилие фактов из малоизученных музейных собраний, археологических отчетов, сводов европейских изделий¹. Это связано и с раскрытием потенциала изразца как исторического источника, позволяющего по-новому взглянуть на данное уникальное явление русской культуры и его эволюцию [10], особенно ярко проявившегося в Москве.

Нельзя утверждать, что Москва уникальна как производственная зона, в которой шла апробация новых технологий и форм в области изразцового дела, единственный центр индукции для всей Руси. Наряду с ней такими центрами были в более ранние периоды Псков, а также Смоленск и, вероятно, подобные ему пограничные с Литвой города, где усвоение импульсов было обеспечено уже сложившимся гончарным производством, а местные гончары, занятые в производстве бытовой керамики, накопили технологический опыт. Однако именно московские изразцы стали одной из знаковых, универсальных черт культуры Московского государства эпохи его высшего расцвета.

Все русские изразцы Позднего Средневековья можно разделить на две функциональные группы: первая традиционно именуется архитектурной, вторая – печной и строительной. Следует иметь в виду, что подобное деление весьма условно, поскольку обе группы представляют собой часть единого производственного и строительного комплекса. При этом, если печные изразцы достаточно часто встречаются в фасадном убранстве, то архитектурные значительно реже, скорее случайно, попадали на поверхность печей. Можно, однако, выделить универсальные изделия, одинаково популярные и в печном, и в архитектурном варианте.

Конкретно-исторические формы бытования обеих групп были связаны с определенным течением событий раннего этапа развития московского изразца: последовательными и яркими в социокультурном отношении эпизодами введения изразца как статусного элемента в декор монументальных объектов (с конца XV и до начала XVII в.); историей применения глазури для производства керамики; формированием устойчивой традиции использовать изразцы как конструктивный и демонстрационный элемент печи (с конца XVI в.). Развитие этих трех конкретно-исторических форм и позволило родиться и развиваться изразцу как характерному явлению московской культуры.

Первый известный, давно привлекавший внимание и поэтому довольно подробно описанный эпизод – распространение в конце XV – начале XVI в. рельефных терракотовых плит. С некоторой осторожностью можно назвать эти терракотовые, не имеющие румпы пли-

ты – самые ранние образцы керамического архитектурного декора Московской Руси – изразцами². Они, как правило, связаны с конкретными памятниками, воспринимаясь как реплики резного белокаменного (и керамического, западноевропейского по происхождению) декора и поэтому хорошо датируются (рис. 1).

Рис. 1. Плита терракотовая. 1547 г. Из церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Медведевой Пустыни. Собрание МГОМЗ

Рис. 2. Изразцы поливные из декора собора Покрова на Рву в Москве. 1561 г., частично XVII в. Собрание МГОМЗ

Декор русских, главным образом московских (подмосковных), плит схож с терракотовым декором зданий Милана, Павии, Сиены, Феррары и Болоньи, что проявляется в деталях – фризах, оформлении проемов, порталах. Можно говорить о сложившемся в Московской Руси в конце XV в. новом виде декора, впитавшем в себя черты итальянского Ренессанса. Что немаловажно – через довольно узкое «окно», «прорубленное» благодаря приезду итальянцев, Россия поднялась на новую ступень в своем сближении с европейской культурой.

По последним данным, терракотовые рельефные пояса в Московской Руси датируются не позднее чем серединой XVI в.³ Это обусловлено прежде всего изменениями общего стиля архитектуры, в котором объединились две тенденции – новейшая «ренессансная» и архаизирующая «домонгольская». Ни для той ни для другой знаменитые рельефные трехрядные пояса, знакодeterminатив раннемосковского зодчества, не характерны.

Второй эпизод связан с появлением глазурованной (поливной) керамики на Руси. С исчезновением терракотовых фасадных плит расширяется круг случаев, связанных с экспериментами – другое слово здесь подобрать трудно – адаптации техники глазури к архитектурным деталям. Хорошо известная на Востоке поливная архитектурная керамика совершенно отсутствовала в средневековой Москве, имевшей прочные связи с миром ислама, хотя поливные гончарные изделия привозились с Востока и были известны москвичам.

Однако у московских поливных изразцов были другие предшественники. Это первые керамические поливные плитки, которые появились в Киевской Руси в X–XII вв. [13. С. 34]. Наряду с мозаичными наборами они использовались для облицовки полов, а иногда и стен, в богатых жилищах. Из Киева производство поливной керамики распространилось по территории Древней Руси; она применялась всеми архитектурными школами домонгольского периода.

Глазурованную керамику широко использовали в строительном деле псковские мастера, опередившие Москву в ее производстве почти на полтора столетия. Глазурованные плиты изготавливались в Пскове уже с конца XV в., а в XVI–XVII вв. в слободах Псково-Печерского монастыря существовало хорошо налаженное производство керамических надгробий, что могло быть результатом тесных политических и торговых связей Пскова с западными странами [14. С. 21–25; 15; 16].

А.В. Филиппов еще в 1915 г. отмечал, что глазуровка, или муравление, глиняных изделий в Московской Руси началось в XVI в., с появлением поливных изразцов на шатре Храма Василия Блаженного в Москве и на Борисоглебском соборе в Старице [17. С. 3]. Почти одновременное появление поливных изделий на фасадах собора Покрова на Рву (1561) (см. рис. 2) и Борисоглебского собора в Старице (1558–1561)⁴ до сих пор остается загадкой, привлекающей постоянное внимание исследователей [17–19]. Три близкие по характеру рельефные керамические иконы сохранились на стенах Успенского собора в Дмитрове (начало XVI в.): круглое изображение «Чуда святого Георгия о змие» и два «Распятія». Как предполагают архитекторы М.Б. Чернышев и В.В. Кавельмахер, эти уникальные изделия также происходят из древнего Борисоглебского собора в Старице, после разборки которого они были перевезены в Дмитров [20]. Основанием для такого предположения послужила гипотеза А.В. Филиппова о

едином происхождении старицкой и дмитровской керамики.

Во время археологических работ на территории Московского Кремля в 1995–1998 гг., при исследовании остатков комплекса Великокняжеского дворца, включенного ныне в состав Большого Кремлевского дворца, были обнаружены фрагменты орнаментальных изразцов из светлой глины, покрытых прозрачными глазурями желтого и зеленого цветов. Они являлись элементами архитектурного декора дворцового комплекса середины XVI в. (в 1547 г. дворец восстановили после пожара). Изразцовые детали представляют собой фрагменты профилированного антаблемента с рельефным растительным орнаментом ренессансного характера, который выполнен уверенной рукой опытного мастера. По-видимому, они составляли керамические рамочные оконные наличники в южной части дворцового комплекса [5, 6]. Находки отличает значительное сходство со старицкой керамикой.

Можно лишь предполагать, что в Москве 1550–1560-х гг. существовала, пусть недолго, «государева» керамическая мастерская, располагавшаяся в Кремле, в которой керамика для Великокняжеского дворца была изготовлена по старицким формам. С этой мастерской, однако, трудно связать керамику собора Покрова на Рву – между этими поливными изделиями нет никакого сходства. Возможно, это были две мастерские, где работали иностранцы, владевшие техникой изготовления поливной фасадной керамики. Каково было их происхождение, сказать трудно, однако здесь следует видеть вторую после 1480–1530-х гг. волну итальянского влияния – именно в Италии XVI в. особое распространение получила глазурованная керамика, причем выполненная из глины светлого обжига и покрытая свинцовой глазурью. Возврат строителей Москвы к итальянизирующему языку построек эпохи Василия III, наблюдающийся в 1550-е гг., связан, вероятно, со строительством собора Покрова на Рву. Можно предположить, что его строительство стало катализатором нового освоения итальянских форм в московском каменном зодчестве.

Недостаточный размах в то время в Москве производства глазурованной керамики, связанный с дороговизной используемого сырья и, возможно, со смертью или отъездом мастера, видимо, заставил завершить первый этап эксперимента по включению изразцов в фасады зданий – в XVI в. мы более не видим поливного декора. Это может быть связано как с реальным прекращением строительства, так и с неполнотой наших знаний об этом периоде (в последние годы эта лакуна постепенно заполняется). Но с середины XVI в. заказчики уже не теряли интереса к многоцветным керамическим элементам зданий, и вскоре можно будет наблюдать некоторые весьма неожиданные и нетрадиционные для русского строительства решения. Например, использование в тимпанах кокошников церкви Троицы в селе Хорошеве (1597–1598), вотчине Бориса

Годунова, «изникских» (произведенных в г. Изник – знаменитом центре турецкой художественной керамики) фаянсовых блюд с яркой многоцветной росписью. Этот прием, неизвестный в русской архитектуре, родился в Италии эпохи готики и Ренессанса и широко применялся по всему Средиземноморью [7], в том числе в поздних и поствизантийских монастырях.

Другие примеры использования изразца в убранстве зданий Москвы XVI в. пока неизвестны. Зато постепенно накапливаются отдельные находки, помогающие преодолеть известную дискретность истории русского изразца в XVI в., которая представлена тремя-четырьмя сохранившимися зданиями [21]. Эти находки относятся к малым архитектурным формам, т.е. к печам. Их отсутствие в материалах XVI в. давно вызывает вопросы, поскольку изразцовые печи широко известны в Европе, по крайней мере, с XIII–XIV вв., так что есть все основания ожидать спорадического их появления в Москве того времени.

Обозревая формирование традиции использования печных изразцов, нельзя не отметить серию не выходящих за хронологические рамки XV–XVI вв. изделий, близких по типу к изразцам, не имеющих твердой атрибуции, функциональной характеристики и даты, но, несомненно, связанных с русским изразцом раннего периода. Речь идет о периоде, материал которого специально не систематизировался вследствие малочисленности древнерусских аналогов, а их атрибуция опирается в первую очередь на датировку слоя (сопутствующий материал, стратиграфию) и на постепенно складывающееся представление о стилистике и характере рельефа. Эту группу артефактов можно назвать «плитки с рельефом», функция которых до конца не определена: плитка из раскопок в Зарядье [22. С. 41]; из собрания МГОМЗ (рис. 3) [23. С. 43], серия плиток, найденных на территории московской Гончарной слободы в 1992 и 1997 гг. Поиски аналогов изображений на некоторых из них, например грифона, приводят к изображениям, в изобилии встречающимся на европейских плитках и изразцах⁵.

Отметим, что появление на Руси ранних керамических изделий с не вполне объяснимой функцией характерно не только для Москвы. В Новгородском государственном объединенном музее-заповеднике хранится около 200 красноглиняных предметов, стратиграфически датированных концом XII–XV вв. Предполагается, что «эти предметы, использовавшиеся тем или иным образом в печах другого типа и имевшие отличную от изразцов форму и декор, могут быть определены, по всей видимости, только как “протоизразцы”» [25. С. 8]. Скорее всего, они были сделаны по западным образцам – как и первые печные изразцы, пришедшие в Московию с Запада.

На Западную Русь изразцы, самыми ранними из которых являются «горшковые» с цилиндрической румпой и круглым устьем, попали, как полагают многие исследователи, из нижней Германии – родины печного

изразца. Примером наиболее ранних и близких Московии экземпляров таких изделий являются полощкие сосудобразные высокие изразцы с круглым устьем⁶. Уже в XV в. горшковые изразцы стали постепенно вытесняться изразцами нового типа – с румпой коробчатой формы.

Рис. 3. Плитка керамическая. Москва. XVI в. Собрание МГОМЗ

Таким образом, ранние печные изразцы в Москве должны были быть, по аналогии с Европой, горшковые. Конечно, период бытования в Москве горшковых изразцов мог быть непродолжителен, и поэтому их трудно обнаружить. В 2003 г. при раскопках в Зачатьевском монастыре в Москве были найдены фрагменты красноглиняного бело-ангобированного сосуда с ажурно прорезанной по-сырому заглушкой [8], стратиграфически датируемые концом XV – серединой XVI в. По форме находки сопоставимы с некоторыми типами изразцов с ажурными решетками-заглушками, известными в Западной Руси значительно раньше (рис. 4). И все же случаи обнаружения артефактов, трактуемых нами как горшковые и тарелкообразные изразцы, пока спорны и единичны.

Рис. 4. Фрагменты изразца (?). Москва, Зачатьевский монастырь в Москве. XVI в. Раскопки экспедиции ИА РАН в 2005 г. под руководством Л.А. Беляева

С большим основанием к эпохе XVI в. можно отнести «красные» московские изразцы, указывающие на широкое распространение в городе достаточно примитивных по устройству печей так называемого готического типа (рис. 5). История красных изразцов полна белых пятен, а их визуальные характеристики и символика если и прочитаны, то не до конца поняты. «Немногословность» красных изразцов отмечали многие исследователи. А.В. Филиппов писал: «Датировка красных изразцов представляет ряд трудностей, так как, во-первых, они в своей массе не связаны с определенными, датированными памятниками архитектуры и в большинстве являются более или менее случайными археологическими находками, а во-вторых, древние письменные источники почти ничего не говорят об этих изделиях» [14. С. 63].

Рис. 5. Изразец печной красный. Москва. Начало XVII в. Собрание МГОМЗ

Археологи находят красные изразцы в культурных слоях разного времени, в том числе и XVII в. [31]. Археолог Р.Л. Розенфельдт, разработавший типологию изображений на красных изразцах, относит их к XVII в. [32. С. 58–68]. Н.А. Бакланова, основываясь на анализе документов XVI–XVII вв., отрицает наличие собственного изразцового производства в Москве вплоть до XVII в. [33]. Большинство исследователей сходится в том, что первые московские красные изразцы могли появиться в относительно спокойный период в истории русского государства – последние годы XVI в. Особенно обнадеживают недавние находки, сделанные в ходе археологических раскопок под руководством Н.А. Кренке (Институт археологии РАН) на Романовом дворе на Никитской улице в Москве [34]. Главным итогом работы экспедиции стала фиксация находок красных изразцов в слоях, относящихся к концу XVI в.

Интересно отметить, что технологически красные изразцы гораздо проще, чем можно было бы ожидать. Их уровень очень далек от неоднократно демонстриро-

ванного в XVI в. качества, которое подтверждало несомненное знакомство московских гончаров со всем спектром технологий производства изразцовых изделий, в том числе поливных. Вспомним, что среди «предшественников» красных изразцов есть изделия гораздо более совершенные и сложные: вставки собора Покрова на Рву и церкви Сергия Радонежского в Богоявленском монастыре в Кремле, фасадные изразцы Большого Кремлевского дворца, керамические иконы Старицы и Дмитрова.

Можно ли считать такой поворот событий регрессом, вызванным полным затишьем после бурного всплеска 1550–1560-х гг.? Растянувшийся более чем на полстолетия перерыв можно объяснять по-разному, в том числе уменьшением крупного строительства в период Ливонской войны, последовавшей разрухой, отъездом старых и трудностью привлечения новых мастеров⁷.

Однако для обеспечения повседневных потребностей москвичей возможностей Гончарной слободы, видимо, хватало, и в момент распространения спроса на красные изразцы, в основном печные, местные керамисты смогли ответить на вызов времени. Однако нельзя думать, что московские гончары ввели «моду» на новые типы изразцов самостоятельно. За вспышкой частных заказов стоит распространение нового типа печи – более крупной, чем раньше, сложенной из кирпича и следовавшей правильной форме. Такая печь (вне зависимости от определения ее как «позднего готической» или «ранней ренессансной») была сложной конструкцией и прошла долгий путь развития. Ее внезапное появление и быстрое распространение свидетельствуют о переносе из Европы на Русь готовой системы «печь с облицовкой», типологически примыкающей к архитектуре западноевропейских печей, с последующей апробацией и адаптацией к местным условиям. Важная деталь этой картины – активное и окончательное внедрение изразцов в частное жилище. Скорее всего, такие печи в домах у «знатных и богатых» московитов увидел в 1608 г. Петр Петрей [37. С. 6]. Но как они выглядели, точно не известно, так как ни одной такой печи не сохранилось⁸.

Таким образом, вопрос о комплексах печных изразцов второй половины XVI в. остается открытым, но эпизодическое появление в Москве печей с горшкообразными или красными коробчатыми изразцами, по крайней мере, очень вероятно. С большой определенностью можно говорить о ранних печах готического типа в Кремле, по крайней мере, в эпоху правления первого царя из династии Романовых. Оставшиеся от них изразцы, правда, не «красные» в буквальном смысле слова (они даже не из красножгущейся глины), но тип печи (или печей), которой они принадлежали, несомненно, готический – в печном наборе присутствуют изразцы-перемычки, повторяя обычный витой орнамент, так же как его повторяют прочие типы: растительный орнамент городков, изображения двуглавых

орлов в круге стенных изразцов и т.д. Этот набор найден в середине 1990-х гг. во время натурных исследований у северного корпуса Великокняжеского кремлевского дворца. Изразцы выполнены из светлой глины и покрыты прозрачной глазурью. Эти дорогие «орлистые» печи, по мнению исследователей, были выложены для царя Михаила Федоровича в конце 1620-х – 1630-е гг. Видимо, они простояли недолго и погибли во время пожара, о чем свидетельствует местами сильная оплавленность глазури [6] (рис. 6).

Трудно говорить об узких датировках и о самом существовании печного изразца до конца XVI в. Видимо, в течение примерно столетия мастера уже пытались применить те виды изразцов, которые были в состоянии произвести для повышения уровня комфорта интерьеров (полы, ранние формы облицованных печей, возможно, части стен) и статуса построек в целом (прежде всего, конечно, это декор фасадов). Судя по всему, это были именно опыты, причем обычно связанные с импульсами, получаемыми извне. Массовое производство первых печных изразцов не сложилось, но, возможно, они предварили производство красных печных изразцов и почти одновременное им, но значительно меньшее по масштабам изготовление глазурованных белоглиняных изразцов кремлевских комплексов.

Рис. 6. Изразцы печные поливные. Московский Кремль. Первая треть XVII в. Найдены в ходе натурных исследований в 1995–1998 гг. группой специалистов ЦНРИМ под руководством Б.Л. Альтшуллера и С.С. Подъяпольского

Видимо, существовал период, когда изразцы попадали в Москву и на Русь с западных и юго-западных территорий эпизодически, время от времени, хотя до сих пор не ясно, какими путями. Скорее всего, не через импорт готовых изделий, а благодаря приезду мастеров, располагавших технологией, инструментарием, а возможно, и формами для оттиска изразцов. Яркий пример – события середины XVI в., связанные с созданием керамических икон Старицы и Дмитрова и фа-

садных изразцов Большого Кремлевского дворца. «Растворяется», исчезает и другая мастерская с собственным почерком, существовавшая почти одновременно и выполнявшая заказы на изразцы для собора Покрова на Рву и церкви Сергия в Богоявленском монастыре в Московском Кремле, не имеющие какого-либо сходства с изделиями «кремлевской мастерской», работавшей для Старицы и Дмитрова. Наблюдается ряд попыток внедрения изразца в культуру Москвы, которые выглядят цепочкой разрозненных событий или даже сравнительно длительных и широко представленных исторических эпизодов, также, однако, замкнутых в своем кругу и не получающих продолжения, не выходящих за определенные временные рамки.

Поэтому серия эпизодов, характеризующих новые запросы и отвечающие им приемы (появившиеся на месте или импортированные) – при полном или почти полном отсутствии их дальнейшего развития, – не представляется случайной, «фоновой» для Москвы. В момент, когда сложатся благоприятные условия для более широкого распространения изразцов в среде московского городского населения, возникнет немедленная реакция, которая вызовет к жизни первый и самый яркий, самый активный, действительно региональный эффект массового производства. Эта ясно различимая стадия тиражного производства изразцов не в порядке индивидуального заказа, не для конкретного здания, а «на рынок» – этап господства на Руси «красных изразцов».

Генезис московского изразца обладает значительной, более столетия, протяженностью, с конца XV до начала XVII в. Процесс был не прогрессивно-эволюционным, но импульсивным и, тем не менее, демонстрировал неуклонное стремление москвитов овладеть технологией и художественной формой европейской фасадной терракоты и майолики. Эта серия непродолжительных, не связанных друг с другом и не получивших развития, но ярких в социокультурном отношении опытов введения фасадной декоративной керамики как статусного элемента в монументальные и бытовые объекты в итоге привела к постепенному превращению изразца в устойчивый элемент национальной культуры. Предпосылками к этому стала организационная и технологическая готовность гончарного производства Москвы к удовлетворению возникавшей потребности в принятии двором и Церковью элементов «культурного кода» городов Европы.

Интерес к фасадной керамике возродится в Москве только в 1630-е гг. (церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Медведкове). Завершает ранний период появления ключевого сооружения XVII в. – церкви Троицы в Никитниках, на фасадах которой использованы рельефные многоцветные изразцы, обозначившие начало нового периода (1634–1650-е гг.). Намечившаяся к середине XVII в. линия использования цветных вставок из поливной керамики уже не угаснет как прежде, но будет продолжена «золотым веком» русского изразца.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Среди исследователей можно назвать Ю.М. Овсянникова [4], Г.С. Евдокимова, Е.И. Рузаеву, Д.Е. Яковлева [5, 6], Л.А. Беляева [7, 8], Вл.В. Седова [9].

² В.П. Выголов прямо называет их изразцами [11].

³ Список памятников, декорированных терракотовыми плитами, опубликован [12. С. 36–42].

⁴ В начале XIX в. храм был разобран, но две керамические иконы из него разместили на стенах нового Борисоглебского собора, построенного в 1820-е гг.: на южном фасаде – «Распятие» (143×74 см), на восточном – «Спас Нерукотворный» (126×122,5 см).

⁵ Это один из самых распространенных персонажей немецкого «кафельного» bestiaria, имеющий множество вариантов [24].

⁶ Были обнаружены П.А. Раппопортом при изучении княжеского дворца XII в. (первая изразцовая печь из деревянной пристройки к кирпичному зданию дворца датируется 1304 г.) [26–28]. Более поздние горшковые изразцы были найдены, например, в Смоленске [29]. В Пскове в слое XV в. обнаружены фрагменты сосудобразных изразцов с прямоугольной формой устья [30].

⁷ История приглашения в XVI в. европейских архитекторов и ремесленников исследована А.Л. Баталовым [35, 36].

⁸ Известны две музейные реконструкции печей из красных изразцов в Москве: первая (в настоящее время разобрана) – выставка «Русский изразец», ГИМ, 1980–1997 гг.; вторая – Старый Английский двор, 1980-е гг., авторы И.И. Казакевич, Е.П. Жаворонкова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вестник Общества древнерусского искусства. М., 1874.
2. Bottmann R. Die Keramik in der Baukunst. Stuttgart, 1897.
3. Протоколы заседания ученой комиссии «Старая Москва» // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 402. Д. 5.
4. Овсянников Ю.М. Русские изразцы. Л.: Художник РСФСР, 1968.
5. Евдокимов Г.С., Рузаева Е.И., Яковлев Д.Е. Архитектурная керамика в декоре московского великокняжеского дворца в XVI в. // Русское искусство Позднего Средневековья XVI в.: тез. докл. междунар. конф. (Москва, 12–14 января 2000 г.). СПб., 2000. С. 6–9.
6. Евдокимов Г.С., Рузаева Е.И., Яковлев Д.Е. Архитектурная керамика в декоре московского великокняжеского дворца в середине XVI в. // Древнерусское искусство. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 24: Русское искусство позднего Средневековья: XVI в. С. 120–129.
7. Беляев Л.А. «Бачини»: бытовая глазурированная керамика в архитектуре позднего Средневековья // Российская археология. 2007. № 3. С. 133–140.
8. Беляев Л.А., Кренке Н.А. Раскопки в Зачатьевском монастыре в Москве // Археологические открытия 2003 г. М., 2004. С. 149–152.
9. Седов Вл.В. Изразцы церкви Георгия со Взвоза в Пскове и готическая архитектура Заморья // Архитектурное наследие. М.: Эдиториал УРСС, 2011. Вып. 55. С. 25–38.
10. Баранова С.И. Московский изразец в пространстве городской культуры конца XV – XVII века: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014.
11. Выголов В.П. Русская архитектурная керамика конца XV – начала XVI в.: (О первых русских изразцах) // Древнерусское искусство. М.: Наука, 1975. Т. 9: Зарубежные связи. С. 282–317.
12. Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.: Изд-во МГОМЗ, 2013.

13. 1000-летие русской художественной культуры. М. : Schloss Gottorf, 1988.
14. Филиппов А.В. Древнерусские изразцы. М. : Изд-во Всесоюз. Академии архитектуры, 1938. Вып. 1.
15. Плешанова И.И. Керамическое надгробие из Псково-Печерского монастыря // Краткие сообщения Института археологии. М. : Наука, 1963. Вып. 96. С. 113–115.
16. Спегальский Ю.П. Псковские керамические киоты // Избранные статьи. Псков, 2009. С. 48–51.
17. Филиппов А.В. Русские поливные изразцы XVI в. М. : Товарищество Типографии А.И. Мамонтова, 1915.
18. Жизневский А. Изразцы на Старицком соборе, построенном в 1561 г. Тверь : Типография Губернского правления, 1888.
19. Рындина А.В. Историко-художественное значение изразцов Успенского собора в г. Дмитрове // Древнерусское искусство. М., 1970. Т. 5: Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств XIV–XVI вв. С. 561–472.
20. Кавельмахер В.В., Чернышев М.Б. Древний Борисоглебский собор в Старице. М. : Моск. учеб., 2008.
21. Баранова С.И. Новые данные о ранних видах московского керамического декора // Московская Русь: Проблемы археологии и истории архитектуры. М. : Ин-т археологии РАН, 2008. С. 374–393.
22. Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М. : Наука, 1968.
23. Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М. : Изд-во МГОМЗ, 2012.
24. Strauss K. Die Kachelkunst des 15. bis 17. Jahrhunderts in europäischen Ländern. München, 1983. Bd. 3. Taf. 2–15.
25. Яковлева Л.П., Жегурова О.В. Изразцы в собрании Новгородского музея: Каталог выставки Великий Новгород : Моби Дик, 2006.
26. Раппопорт П.А. Полоцкое зодчество XII в. // Советская археология. 1980. № 3. С. 142–161.
27. Раппопорт П.А., Шолохова Е.В. Дворец в Полоцке // Краткие сообщения Института археологии. М. : Ин-т археологии АН СССР, 1981. Вып. 164. С. 95–98.
28. Паничева Л.Г. Изразцы и изразцовые печи позднесредневекового Полоцка // Советская археология. 1981. № 3. С. 274–280.
29. Сергина Т.В. Изразцы XV–XVII вв. из раскопок в Смоленске // Тверь. Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 1996. Вып. 1. С. 246–252.
30. Паничева Л.Г. Архитектурно-декоративная керамика позднесредневекового Пскова: (печные изразцы) // Проблемы изучения древнерусского зодчества (по материалам архитектурно-археологических чтений, посвященных памяти П.А. Раппопорта). СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. С. 169–171.
31. Дубынин А.Ф., Соболева Д.А. Археологические работы в Зарядье. Москва (1957–1961 гг.) // Краткие сообщения Института археологии. М., 1963. Вып. 96. С. 55–63.
32. Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М., 1991.
33. Бакланова Н.А. Обстановка московских приказов в XVII в. // Труды Государственного исторического музея. М., 1926. Вып. 3. С. 53–100.
34. Кренке Н.А. Надворные печи-очаги XVI в. из раскопок на Романовом дворе в Москве // Московская Русь: Проблемы археологии и истории архитектуры. М. : Ин-т археологии РАН, 2008. С. 356–373.
35. Баталов А.Л. Итальянизирующая архитектура без итальянцев на Руси в XVI в. // Пинакотекa. 2003. № 16–17. С. 40–43.
36. Баталов А.Л. Литвины польской короны на службе московского царя: К постановке проблемы // Пинакотекa. 2005. № 1. С. 190–193.
37. История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года. М., 1867.

Baranova Svetlana I. The Moscow State Integrated Museum-Reserve; Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).
E-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

STUDY ON THE GENESIS OF THE MOSCOW MEDIEVAL CERAMIC TILES.

Keywords: ceramic tile; genesis; terracotta; enamel.

The studies on Russian ceramic tiles (*izrazets*) from the very beginning of the XIX century were among other focused on the origin of this applied art form, which was often considered as a part of European art history. The genesis of the Russian medieval ceramic tile consists of few remarkable episodes, one of which is spreading of the terracotta relief tiles at the turn of XVI century. The old Russian monuments decorated with the terracotta were strongly influenced by the Italian architectural tradition. The other case is the development of enameled ceramics in medieval Russia. Enameled ceramic tiles in Muscovy (re)emerged as an architectural decoration in the middle of XVI century after the relatively long oblivion from the era of Kievan Rus. The enameled tiles on the St. Basil's Cathedral tabernacle (1561) and the ceramic icons of the Staritsa Cathedral (1558–1561) show the important impulses gained by Russian culture in that period. The latest archaeological excavations at the Moscow Kremlin made it possible to assume that in 1550s – 1560s there was a court ceramic workshop that produced enameled tiles. The important part of the Russian ceramic tiles genesis was the tiled stoves development. The end of the XVI century is signified with the so-called “red” Moscow ceramic tiles. It seems that during the XVI century Russian artisans were trying to implement ceramic tiles, that they were able to make, to the buildings' interiors (floors, early stove forms, perhaps wall coatings) as well as exteriors to show the owner's status. The genesis of the Moscow tile has a large, more than a century, stretching from the end of the XV century. There was a time when the tiles were brought to Moscow and to Russia from the western and south-western areas occasionally, although it is still unclear in what ways. Most likely, it was not the import of completed products, but rather a migration of skilled artisans equipped with technology, tools, and possibly printing forms for ceramic tiles. These cases were short, unrelated to each other and did not developed further, but they introduced decorative ceramics as a status item. As a result Russian ceramic tile was gradually transformed into a stable element of the national culture. A prerequisite for this was the organizational and technological readiness of Moscow potters to meet emerging demand among the court and the clergymen to adopt the “cultural code” of European cities.

REFERENCES

1. *Vestnik Obshchestva drevnerusskogo iskusstva* [Bulletin of the Society of Old Russian art]. 1874.
2. Borrmann, R. (1897) *Die Keramik in der Baukunst* [Ceramics in architecture]. Stuttgart: A. Bergsträsser.
3. Department of Written Records of the State Historical Museum. (n.d.) *Protokoly zasedaniya uchenoy komissii “Staraya Moskva”* [Minutes of the meeting of the Academic Commission “Old Moscow”]. Fund 402. File 5.
4. Ovsyannikov, Yu.M. (1968) *Russkie izraztsy* [Russian tiles]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR.
5. Evdokimov, G.S., Ruzaeva, E.I. & Yakovlev, D.E. (2000) [Architectural ceramics in the decoration of the Moscow Great Prince's palace in the 16th century]. *Russkoe iskusstvo pozdnego Srednevekov'ya XVI v.* [Russian art of the late Middle Ages: The 16th century]. Proc. of the International Conference. Moscow, 12–14 January 2000. St. Petesburg. pp. 6–9. (In Russian).

6. Evdokimov, G.S., Ruzaeva, E.I. & Yakovlev, D.E. (2003) Arkhitekturnaya keramika v dekore moskovskogo velikoknyazheskogo dvortsa v seredine XVI v. [Architectural ceramics in the decoration of the Moscow Great Prince's palace in the mid 16th century]. In: Dobrynina, E.N. (ed.) *Drevnerusskoe iskusstvo* [Old Russian art]. Vol. 24. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 120-129.
7. Belyaev, L.A. (2007) "Bachini": bytovaya glazurovannaya keramika v arkhitekture pozdnego Srednevekov'ya ["Baccini": Household glazed ceramics in the architecture of the late Middle Ages]. *Rossiyskaya arkhеologiya – Russian Archeology*. 3. pp. 133-140.
8. Belyaev, L.A. & Krenke, N.A. (2004) Raskopki v Zachat'evskom monastyre v Moskve [Excavations in Zachatyevsky Monastery in Moscow]. In: Sedov, V.V. (ed.) *Arkheologicheskie otkrytiya 2003 g.* [Archaeological discoveries 2003]. Moscow: Nauka. pp. 149-152.
9. Sedov, V.I. (2011) Izraztsy tserkvi Georgiya so Vzvoza v Pskove i goticheskaya arkhitektura Zamor'ya [Tiles from St. George Church in Pskov and Gothic architecture of Zamorie]. In: Bondarenko, I.A. (ed.) *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural heritage]. Vol. 55. Moscow: Editorial URSS. pp. 25-38.
10. Baranova, S.I. (2014) *Moskovskiy izrazets v prostranstve gorodskoy kul'tury kontsa XV – XVII veka* [Moscow tiles in the urban culture in the late 15th – 17th centuries]. History Doc. Diss. Moscow.
11. Vygolov, V.P. (1975) Russkaya arkhitekturnaya keramika kontsa XV – nachala XVI v.: (O pervykh russkikh izraztsakh) [Russian architectural ceramics in the late 15th – early 16th centuries]. In: Popov, V.G. (ed.) *Drevnerusskoe iskusstvo* [Old Russian art]. Vol. 9. Moscow: Nauka. pp. 282-317.
12. Baranova, S.I. (2013) *Russkiy izrazets. Zapiski muzeynogo khranitel'ya* [Russian tiles. Notes of a museum curator]. Moscow: MGOMZ.
13. Ryndina, A.V. (ed.) *1000-letie russkoy khudozhestvennoy kul'tury* [1000 years of Russian culture]. Moscow: Schloss Gottorf.
14. Filippov, A.V. (1938) *Drevnerusskie izraztsy* [Old Russian tiles]. Moscow: All-Union Academy of Architecture.
15. Pleshanova, I.I. (1963) Keramicheskoe nadgrobie iz Pskovo-Pecherskogo monast'ya [The ceramic tombstone of the Pskov-Caves Monastery]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhеologii*. 96. pp. 113-115.
16. Spegalskiy, Yu.P. (2009) *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Pskov. pp. 48-51.
17. Filippov, A.V. (1915) *Russkie polivnye izraztsy XVI v.* [Russian glazed tiles of the 16th century]. Moscow: A.I. Mamontov.
18. Zhiznevskiy, A. (1888) *Izraztsy na Staritskom sobore, postroennom v 1561 g.* [Tiles on Staritsa Cathedral built in 1561]. Tver: Typography of the Provincial Office.
19. Ryndina, A.V. (1970) Istoriko-khudozhestvennoe znachenie izraztsov Uspenskogo sobora v g. Dmitrove [Historical and artistic value of the tiles of the Assumption Cathedral in Dmitrov]. In: Podobedova, O.I. (ed.) *Drevnerusskoe iskusstvo* [Old Russian Art]. Vol. 5. Moscow: Institute of Art History. pp. 561-472.
20. Kavelmaher, V.V. & Chernyshev, M.B. (2008) *Drevniy Borisoglebskiy sobor v Staritse* [The ancient Sts. Boris and Gleb Cathedral in Staritsa]. Moscow: Moskovskiy uchebnik.
21. Baranova, S.I. (2008) Novye dannye o rannikh vidakh moskovskogo keramicheskogo dekora [New data on the earliest types of ceramic decoration]. In: Batalov, A.L. & Krenke, N.A. (eds) *Moskovskaya Rus'. Problemy arkhеologii i istorii arkhitektury* [Moscow Rus. Problems of archeology and history of architecture]. Moscow: Institute of Archaeology. pp. 374-393.
22. Rozenfeldt, R.L. (1968) *Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv.* [Moscow ceramic production of the 12th – 18th centuries]. Moscow: Nauka.
23. Baranova, S.I. (2013) *Russkiy izrazets. Zapiski muzeynogo khranitel'ya* [Russian tiles. Notes of a museum curator]. Moscow: MGOMZ.
24. Strauss, K. (1983) *Die Kachelkunst des 15. bis 17. Jahrhunderts in europäischen Ländern* [The tile art from the 15th to the 17th century in European countries]. München.
25. Yakovleva, L.P. & Zhegurova, O.V. (2006) *Izraztsy v sobranii Novgorodskogo muzeya: Katalog vystavki* [Tiles in the collection of the Novgorod Museum: The Exhibition Catalogue]. Velikiy Novgorod: Moby Dik.
26. Rappoport, P.A. (1980) Polotskoe zodchestvo XII v. [Polotsk architecture of the 12th century]. *Sovetskaya arkhеologiya*. 3. pp. 142-161.
27. Rappoport, P.A. & Sholokhova, E.V. (1981) Dvoret v Polotske [The Palace in Polotsk]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhеologii*. 164. pp. 95-98.
28. Panicheva, L.G. (1981) Izraztsy i izraztsovy pechi pozdnesrednevekovogo Polotska [Tiles and tiled stoves in the late medieval Polotsk]. *Sovetskaya arkhеologiya*. 3. pp. 274-280.
29. Sergina, T.V. (1996) Izraztsy XV–XVII vv. iz raskopok v Smolenske [Tiles of the 15th – 17th centuries from the excavations in Smolensk]. In: Khokhlov, A.N. & Khukharev, V.V. (eds) *Tver'. Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya* [Tver. The Tver land and adjacent territories in the Middle Ages]. Tver: Staryy gorod. pp. 246-252.
30. Panicheva, L.G. (1996) Arkhitekturno-dekorativnaya keramika pozdnesrednevekovogo Pskova: (pechnye izraztsy) [Architectural and decorative ceramics in the late medieval Pskov (the stove tiles)]. In: Volkov, V.S. (ed.) *Problemy izucheniya drevnerusskogo zodchestva: (po materialam arkhitekturno-arkheologicheskikh chteniy, posvyashchennykh pamyati P.A. Rappoport)* [The study of ancient architecture: (based on the architectural and archaeological readings dedicated to the memory of P.A. Rappoport)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 169-171.
31. Dubynin, A.F. & Soboleva, D.A. (1963) Arkheologicheskie raboty v Zaryad'e. Moskva (1957–1961 gg.) [Archaeological investigations in Zaryadie. Moscow (1957–1961)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhеologii*. 96. pp. 55-63.
32. Rozenfeldt, R.L. (1991) *Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv.* [Moscow ceramic production of the 12th – 18th centuries]. Moscow: Nauka.
33. Baklanova, N.A. (1926) Obstanovka moskovskikh prikazov v XVII v. [The situation in Moscow Prikazes (in the 17th century)]. *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya*. 3. pp. 53-100.
34. Krenke, N.A. (2008) Nadvornye pechi-ochagi XVI v. iz raskopok na Romanovom dvore v Moskve [The street ovens of the 16th century from the excavations at the Romanov Dvor in Moscow]. In: Batalov, A.L. & Krenke, N.A. (eds) *Moskovskaya Rus'. Problemy arkhеologii i istorii arkhitektury* [Moscow Rus. Problems of archeology and history of architecture]. Moscow: Institute of Archaeology. pp. 356-373.
35. Batalov, A.L. (2003) Ital'yaniziruyushchaya arkhitektura bez ital'yantsev na Rusi v XVI v. [Italian-style architecture without the Italians in Russia in the 16th century]. *Pinakoteka – Pinakothek*. 16–17. pp. 40-43.
36. Batalov, A.L. (2005) Litviny pol'skoy korony na sluzhbe moskovskogo tsarya: K postanovke problemy [The Litvins of the Polish crown in the service of the Moscow tsar: to the problem]. *Pinakoteka – Pinakothek*. 1. pp. 190-193.
37. Erlezunda, de P. & Shemyakin, A.N. (1867) *Istoriya o velikom knyazhestve Moskovskom, proiskhozhdenii velikikh russkikh knyazey, nedavnikh smutakh, proizvedennykh tam tremya Lzhedmitriyami, i o moskovskikh zakonakh, npravakh, pravlenii, vere i obryadakh, kotoruyu sobral, opisal i obnarodoval Petr Petrey de Erlezunda v Leyptsige 1620 goda* [The history of the Grand Duchy of Moscow, the origin of the great Russian princes, the recent turmoils organized there by three False Dmitry, and Moscow laws, customs, direction, faith and ceremonies gathered, described and made public by Petr de Erlezunda in Leipzig in 1620]. Moscow: Katkov and K.

А.В. Головин

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ (РОССИЙСКИЙ РАКУРС)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
(научный проект № 16-01-18070 «Динамика этничности на Урале: ЭтноЭкспедиция – 2016»).*

Российская этнология и западная антропология расходятся по времени рождения (соответственно XVIII и XIX вв.) и основной тематике: главным героем российской этнографии выступал конкретный народ, западной антропологии – универсальный человек. По сей день этничность остается ведущей темой отечественной этнологии, в чем выражается ее ориентация на практику. Для понимания «анатомии полиэтничности» эффективен метод антропологии движения, обращенный не на статичные картины, а на мотивы поведения и сценарии взаимодействия этнических сообществ и их лидеров.

Ключевые слова: этничность; полиэтничность; антропология; этнология; Россия.

Формализовать понятие «потенциал» сложно, поскольку речь идет о возможностях, реализация которых зависит не только от наличия и количества ресурсов, но и от их ситуативных комбинаций, внешних вызовов, внутренних драйверов, активности действующих лиц, сценариев проектного осуществления. Особенно проблематичен расчет гуманитарного потенциала, часто описываемого в категориях «духа» и «настроения», а тем более в поле этничности, где мотивация нередко скрыта (иногда даже от ее носителя) или густо оплетена символами и условностями.

Среди гуманитарных феноменов этничности досталась роль джокера (помимо ее собственной функции). С одной стороны, она представляется устойчивым явлением; с другой – ее изменчивость, выражающаяся иногда в бурных ренессансах или эпизодической ледяной, обнаруживает свойство наполнять или окрашивать собой самые разные сферы и грани социальной деятельности. В тех или иных обстоятельствах этничность может стать мотивом или принять облик национально-освободительного движения, революции, национально-освободительного движения, революции, национально-освободительного движения, конкуренции элит, партийной идеологии, религиозного течения, экономического проекта, брендинга, группировки криминала. Подобные превращения этничности не только впечатляют, но и пугают, отчего диапазон ее характеристик варьирует в широком спектре между полюсами «ангел-хранитель» и «демон-губитель».

Граничащая с непредсказуемостью амбивалентность этничности вызывает у людей, ответственных за порядок, синдром этностраха или этнофобии. При этом недавний революционер-националист, добившись власти и укрепив ее, стремится избавиться от колющей одежды национализма и обрядиться в державную тогу, на которой этничность вкраена в прочие орнаменты. Все мировые идеологии и религии, империи и иные государственные системы пытались преодолеть или подчинить этничность, отмечая ее рудиментарность и предвещая ее закат. Однако в то же время нарождающиеся или жаждущие реванша идеологии и движения

вооружались национализмом и нередко добивались успеха (затем цикл повторялся). Речь, как видно, идет не об ошибках теории и не о казусах истории, а о регулярности противоречий в этничности. На других уровнях и орбитах (общинном, корпоративном, семейном, персональном) этничность также испытывает колебания, однако, при всей своей подвижности, сохраняет потенциал и актуальность.

Если под народом понимать самобытное и самовоспроизводящееся сообщество, то главным в его феноменологии оказывается познание не отличительных внешних признаков, а механизма самоорганизации. В этом механизме особенно значимо то, что обеспечивает коммуникацию, причем не только на уровне информации и сигналов, но и в системе ценностей, структурах иерархии и зависимости, ритмах сплоченности и разобщенности. Этничность обеспечивает безопасность и самореализацию участников сообщества. При этом народ не монолитен, его внутренние и внешние отношения полны конкуренции и ситуативности, что придает этничности многообразие и гибкость.

Сложность и актуальность этой проблематики образуют предметное поле современной этнологии, которая возвращается от недавней концептуальной растерянности к своему прямому назначению – исследованию этничности, полиэтничности, этносообществ и других проявлений феномена *этно*. Сегодня стирается грань между фундаментальной и прикладной наукой, подтверждая мудрость Б. Малиновского: «Если теория истинна, то она одновременно является и прикладной». Этнология изучает феномен этно в разных эпохах, ситуациях и проявлениях, включая глобальную геополитическую напряженность (во многом связанную с актуализацией этнических и конфессиональных позиций и противоречий), а также алгоритмы и сценарии реализации этнокультурного потенциала.

Расхождение антропологии и этнологии. На прошедшем недавно в Хорватии (Дубровник, 2–9 мая, 2016 г.) международном интерконгрессе антропологических и этнологических наук состоялась сессия,

посвященная практической антропологии и этнологии. Мой доклад «Практичное и практикуемое в российской антропологии/этнологии» обозначил уже привычный российский крен в этничность на фоне популярных в западной антропологии «общечеловеческих» тем вроде питания, насилия, миграций, беженцев, самопознания и организации науки. При этом проблематика этничности нашла живой отклик среди экспертов из Индии, Индонезии, Филиппин, ЮАР и других полиэтнических стран.

В постсоветское время пристрастие отечественных этнографов к этносу, этногенезу, этноистории и этническим процессам представлялось следствием пресловутого отставания от западной антропологии. Предпринятые шаги по исправлению ситуации – переименование специальности в «этнографию, этнологию и антропологию», развитие направлений социальной и культурной антропологии – принесли свои плоды (например, слово «антропология», означавшее прежде физическую антропологию, дополнилось новыми смыслами и измерениями). Однако, как и в советской этнографии, тема этничности осталась доминирующей; и даже в новых направлениях (юридической антропологии, теории нациестроительства, изучении миграций, антропологии города и медиа) она занимает видное место. У новейшей отечественной антропологии, ориентированной на западные образцы, все же упрямо торчат «уши этничности», и это можно считать своего рода «российским реализмом».

И в СССР, когда после этнобума 1920-х гг. этнографию разжаловали во вспомогательные исторические дисциплины, принудив заниматься первобытным коммунизмом и бытовой культурой [1], она настойчиво пробивала себе тематическое русло «этногенеза и этнической истории». Не остановили ее ни политические установки на «окончательное решение национального вопроса», ни курс на стирание национальных граней при коммунизме. Более того, среди гуманитарных марксистско-ленинских наук именно этнография позволяла себе вольнодумство относительно, например, стадиальности, диффузий, матриархата. Вольностью в эпоху советского интернационализма было и повышенное внимание к этноспецифике, характеризовавшей практическую ориентацию этнографов в поле «социалистического реализма».

Этнический уклон отечественной науки имеет глубокие корни, обособляющие российское народоведение от общего генезиса европейской антропологии и этнологии. Классическая антропология родилась в середине XIX в. в лоне европейского эволюционизма, что постулируется в учебниках по этнологии для университетов Германии, России, США и других стран. Например, в учебнике Московского университета раздел «Становление науки этнологии» открывается фразой: «Этнологическая наука сформировалась как самостоятельная отрасль знания в середине XIX в.» [2. С. 9]; немецкий учебник университетов Гёттингена и Мюнхена содер-

жит сходное утверждение: «Институционализация антропологии на фоне естественных наук произошла в конце XIX и начале XX веков благодаря трудам ряда основоположников (Бастиана, Боаса, Риверса, Малиновского)» [3. С. 16]. Англоязычные тексты содержат вариации на ту же тему, связывая начала антропологии и этнологии с выходом в свет «Der Mensch in der Geschichte» А. Бастиана в 1860 г., «Primitive Culture» Э. Тайлора в 1871 г., «Ancient Society» Л.Г. Моргана в 1877 г.

Между тем в России фундаментальные труды по народоведению появились веком ранее. Речь идет о сочинениях Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа и, особенно, четырехтомного труда И.Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» (1776–1780) на немецком и русском языках. По мнению Х. Фермойлена, само понятие *Ethnographie* было сформулировано в XVIII в. в связи с экспедициями по Российской империи [4. С. 101, 107]. В «Истории русской этнографии» С.А. Токарев охарактеризовал труд Георги как «первую сводную этнографическую работу – обозрение всех народов России, описание их хозяйства, образа жизни». В Европе сопоставимый по масштабам систематический обзор К. Чернига «Этнография Австрийской монархии» появился почти на столетие позже, в 1855–1857 гг. [5. С. 103; 6. С. 113].

Российская этнография и западная антропология расходятся не только по времени рождения, но и по мотивациям и практикам. Российское народоведение рождалось как эмпирико-практическое знание, заданное целями самопознания и самоорганизации империи: Екатерина II силами приглашенных академиков-немцев проводила инвентаризацию имперских ресурсов, в том числе человеческих. Для монархии, ее предшественников и современников это знание было «имперским реализмом». Этнография по-русски – картина многонародности империи – создана исследователями-путешественниками XVIII в., а одному из них, И.Г. Георги, довелось завершить длинную траекторию становления науки фундаментальным этнографическим сводом. Когда в 1797 г. академик Г. Шторх восторгался этнографическим многообразием России, отмечая, что «никакое другое государство на земле не имеет такого разнородного населения» [7. С. 58], основанием его пафоса были достижения российской этнографии. С тех пор эта традиция народоведения укоренилась и, скорее всего, неискоренима в российской науке [8. С. 59, 67].

Европейская наука о человеке и народах тоже рождалась «в тени колониализма» (по выражению К. Леви-Стросса), но приобрела облик не эмпирической этнографии, а универсальной антропологии. Российское народоведение фокусировалось на отдельном народе и имперской палитре народов, тогда как западная антропология синтезировала общий ход эволюции человечества из фрагментов разных культур. Иначе говоря, главным героем российской этногра-

фии выступал конкретный народ, западной антропологии – универсальный человек. В трудах западных эволюционистов XIX в. фигурировали не народы (как у российских академиков XVIII в.), а стадии прогресса человечества от дикости к цивилизации, для иллюстрации которых культуры народов мира служили лишь базой данных. Таким образом, рожденная в XVIII в. российская эмпирическая этнография существенно расходится с рожденной в XIX в. западной универсальной антропологией.

Сегодняшний тематический приоритет этничности в отечественной этнологии – дань не только научной традиции, но и сохраняющейся практичности науки. Этот реализм меняет политические зонты (имперский, социалистический, российский), но остается на своем месте. В XVIII в. империя создала народоведение как средство самопознания и нациестроительства, в XX в. «национальный вопрос» был мощным драйвером политических и социальных преобразований. Не случайно СССР был образован как союз народов, а Верховный Совет составлен из двух палат – Совета Союза и Совета Национальностей. Как Запад опирается на многопартийность, так Россия/СССР – на многонародность, и этнические мотивы по сей день служат главным противовесом политическому централизму.

Анатомия полиэтничности. Многонациональность России – устойчивый образ, представленный метафорами «семья народов», «тюрьма народов», «дружба народов», «братство народов». Штампом официальной риторики давно стала фраза об изобилии народов (обычно «больше ста»), населяющих тот или иной «многонациональный край». Привычка, даже на бытовательском уровне, считать полиэтничность достоянием уживается со стремлением унифицировать народонаселение под эгидой династии, империи, православия, социализма, федерации. В балансе державности и этничности заметны колебания: по переписям, в периоды политического кризиса число народов растет, во времена расцвета централизма – сокращается. В условиях революционного «этнобума» перепись 1926 г. зафиксировала 175 народов, переписи эпохи тоталитаризма 1959–1989 гг. – от 121 до 128, постсоветские переписи 2002 и 2010 гг. – 182 и 194 соответственно. Понятно, что эти колебания во многом зависят от государственной «политики переписи», однако сами по себе управленческие установки предопределяются национальными движениями, их подъемами и спадами. Державность и этничность – не антагонисты; их конкурентное взаимодействие относится скорее к разряду взаимно стимулирующего и играет роль системы сдерживания и противовесов.

По наблюдению В.А. Тишкова, «культурная сложность» (этнокультурное многообразие гражданской нации) «сжимается в годы политической централизации и общегражданских потрясений и обретает актуализированное старое и вновь обретенное разнообразие в эпоху демократизации, деколонизации и массовых

миграций» [9. С. 168]. Впрочем, было бы упрощением считать, что державности всегда свойственна центростремительность, а этничности – центробежность: то и другое имеют обратные проекции и образуют сложное векторное сплетение. Например, в столице и крупных городах складываются активные сообщества представителей «окраинных народов» и диаспор, играющие роль «этнических лобби» в регулировании межэтнических контактов и конфликтов, позиционировании и продвижении этнокультурного потенциала (в формате фестивалей, медийных и других проектов).

Демографический тон в суждениях о множестве народов создает таблично-статистическую картину, в которой теряются индивидуальность и самобытность каждого народа. Этот подход по-своему оправдан, поскольку дает обзор «массива», однако, без этнографической конкретизации, напоминает древнее представление о плоской Земле, годное для самоуспокоения, но пренебрегающее сущностными реалиями. В историческом контексте верные в своей основе суждения о том, что Россия испокон веку была многонациональным государством, настраивают на восприятие полиэтничности как данности, не требующей изысканий и разъяснений. На обыденном уровне это дает возможность абстрактному чиновнику реагировать на запрос абстрактного народа с выражением недоумения и даже укоризны: «Да вы поймите, вас же больше ста...».

Массиву народов в демографических и социологических построениях противостоит этнографическая индивидуализация народа. Ни то ни другое само по себе недостаточно для считывания сценариев межэтнического взаимодействия, а друг с другом эти подходы, как говорят кинематографисты, «не монтируются». Для понимания «анатомии полиэтничности» может быть полезен метод антропологии движения, обращенный не на статичные картины, а на мотивы поведения и сценарии взаимодействия этнических сообществ и их лидеров. Для демонстрации этого метода я позволю себе краткий экскурс в теорию движения (в том числе колонизации) применительно к истории Руси/России [10, 11].

Антропология движения выявляет универсальный алгоритм формирования обширных сложных обществ, основанный на взаимодействии магистральных и локальных культур. Локальная культура осваивает биоресурсы (экоадаптация), магистральная – социокультурные ресурсы локальных культур (экосоциоадаптация). Они различаются стратегией и масштабом контроля над пространством: локальная культура «возделывает» конкретную эконишу, магистральная – синтезирует локальные группы в сети коммуникации и сложные сообщества, часто приобретающие облик государств. Главную роль в посредничестве играет военнополитическая, жреческая или торговая элита. Язык магистральной культуры становится, как правило, вторым языком охватываемых ею локальных групп; нередко то же самое происходит с культом и системой власти. Ло-

кальной культуре земледельца, рыболова или ремесленника присуще бережное отношение к границам дома, селения, культ родного края с его озерами, рощами, духами, мифами. Магистральная культура обладает технологиями пересечения границ, вторжения в чужой мир, власти над пространством. Этому соответствует характер идентичности: если земледелец или рыболов в своей локальности может позволить себе выбор одной устойчивой идентичности, то торговец или политик на перекрестке социальных связей обречен на маневр между различными позициями, их комбинирование и менеджмент. Впрочем, различение локальности и магистральности – не классификация культур, а обозначение полюсов спектра, в котором возникает масса промежуточных (смешанных) вариаций.

Полиэтничность Руси и России в пространстве Северной Евразии сложилась благодаря охвату локальных сообществ мобильными магистральными культурами, условно называемыми норд-русской и орд-русской. Первая, имея в качестве исходного очага Скандинавию, сложилась в Балто-Понтийском междуморье в готское время, но наиболее ярко проявилась в эпоху викингов на основе взаимодействия (симбиоза) норманнов и славян (прежде всего словен). В этом альянсе варяги (ладожане, новгородцы) играли магистральную роль создателей обширной военно-торгово-государственной сети коммуникаций, а славяне обеспечивали освоение локальных ниш, в том числе вновь колонизованных. В стиле, близком к греко-полисному, северные колонии множились и порождали свои подбоя, образуя сеть коммуникаций на принципах торгово-политического партнерства. Вторая, орд-русская, традиция, связанная корнями со степным миром, воздействовала на Русскую равнину с неолита, но наиболее отчетливо в виде мощной магистрали выразилась в монгольскую эпоху. Монголы покорили Русь не только военными набегами, но и посредством «приручения» знати и введения своего закона (ясы, ясака). Орд-русская магистральность свойственны жесткая иерархия, военно-административное подчинение, позднее (в московскую эпоху) – «чиновничий стиль» управления. Орд-русская традиция в московской версии обеспечила успешную экспансию за счет ордынской по своим корням магистральности и славянской адаптивности.

Особую роль сыграла православно-русская (понтийская) магистральность, распространившаяся с христианством через Причерноморье и принявшая облик теополитики, связавшей государственной религией народы Русской равнины, а затем Российской империи. Понтийская магистраль была не только руслом религии, но и генератором православно-русской мифологии. По ней на Русь передавалась идеология Царьграда как нового Иерусалима и нового Рима, Киева как нового Царьграда, из которой произросли идеи «Русь – новый Израиль», «Москва – новый Иерусалим», «Москва – третий Рим». За редкими исключениями, вроде митрополита Илариона, церковными иерархами на Руси

были греки. Чужеземная отстраненность греков-иерархов позволяла им «по воле божьей» освящать любую власть, в согласии с которой проводилась христианизация. В ордынскую эпоху церковь, обладавшая монополией на идею «царства», освятила господство хана, позднее – московского царя и российского императора.

Три магистрали Руси, обозначаемые как нордизм, ордизм и понтизм, стали силовые линии, связавшие множество локальных культур и сообществ Северной Евразии. Возможно, именно разнородность трех магистралей сделала возможным их совмещение при «дизайнерской» роли теополитики: в триаде нордизм–ордизм–понтизм именно третий элемент сыграл роль посредника и примирителя контрастов нордизма и ордизма; кроме того, он обладал своим выразительным голосом и институтом волеизъявления (клиром), отлаженной риторикой и интеллектуальной стратегией. Разнородность трио не помешала, а в известной мере способствовала выработке эклектичных, но эффективных методов контроля над огромным и многообразным социальным пространством. Партнерско-сетевой стиль нордизма (в лице новгородцев, а затем поморов) настраивал взаимодействие на уровне межличностных и групповых торгово-экономических контактов, военно-административный стиль ордизма обеспечивал подчинение и иерархию, миссионерский стиль понтизма освящал контролируемое пространство теополитической идеологией. Потенциал магистральных культур в их взаимодействии и взаимной конкуренции обеспечил быструю колонизацию и охват огромного пространства Евразии.

Магистральная триада была не только двигателем экспансии, но и механизмом взаимодействия с местными сообществами. Например, в колонизации Урала по-своему развернулись все три магистрали: нордизм – в промышленной практике Строгановых, ордизм – в завоевательных стратегиях Москвы и других ханств/царств, понтизм – в миссионерстве Стефана Пермского и его последователей. Соответственно выстраивались взаимоотношения разных русских с местными народами, среди которых обозначались противники и союзники разных оттенков, длинные цепочки зависимости и кооперации. Все народы Северной Евразии в контакте с русскими испытали существенные преобразования, вплоть до «этногенеза»: например, пермяне разделились на коми-зырян, коми-пермяков и удмуртов; в конфликте с русскими и крещеными пермянами обособились «безверные вогуличи»; в союзе с русскими служилые остяки Коды стали элитой Приобья, приобрели новые вотчины и владения; коми-зыряне в альянсе с русскими распространились по всему уральскому Северу и добрались до Тихого океана. В антропологическом измерении колонизация Урала, включая Сибирское взятие – многоголосие, в котором соучаствовали, помимо Ермака и Строгановых, сибирские царевичи и мурзы, вогульские и остяцкие князья,

мятежные черемисы и зырянские торговцы-проводники.

Русские по ходу экспансии и адаптации обогатили собственное «культурное многообразие»: москвичи и новгородцы, казаки и поморы, старообрядцы многих согласий, чалдоны, севрюки, устынцы – малая часть отличающихся друг от друга, иногда до противостояния, русских. Другим измерением многообразия стало сословное деление, усложнившее «русскую этнопанораму». В Смуте и колонизации Сибири особенно ярко обозначились замысловатые сценарии комбинационно-состязательного взаимодействия русских. Например, за Енисеем последовал разгул колонизации, в котором смешались интересы северных промышленных людей, южных казаков и олицетворявших волю центра воевод. Восточная Сибирь превратилась в «дикий восток», где делили угоды разные партии любителей «ничейных земель» и ясака. Затем последовали волны новых переселений, еще больше усложнивших этнокультурную картину, но сохранивших принцип полиэтничности как во внутренних, так и во внешних связях русских. Большевицкая революция с активным участием «угнетенных инородцев» сотрясла и существенно преобразовала русское сообщество, заменив его элиту (в чем, собственно, и состояла революция), но в очередной раз выявила базовое этническое свойство русских образовывать не локальный народ, а обширное многообразное сообщество, существующее во взаимоотношениях с другими народами.

Сложную этнокультурную систему внутренних и внешних связей русских невозможно представить как простую и лаконичную картину культуры (что, кстати, вызывает у русских самоиронию). В этой картине лес и поле, Аввакум и Толстой, нефть и космос, православие и коммунизм, вече и крепостничество, смерды и князья, водка и матрешка. Именно матрешку, по материалам Уральской этноэкспедиции, русские уральцы обозначили на верхней позиции этнических брендов [12. С. 8], что не в последнюю очередь связано с ее символикой многослойности.

Внутренняя сложность сообщества русских, будучи исходно следствием многоликости, обусловила их предрасположенность к межэтническим альянсам и качества народа-посредника. По материалам той же Уральской этноэкспедиции, соседние народы ценят в русских прежде всего доброжелательность и дружелюбие, а сами русские замечают за собой особенное (порой избыточное) благорасположение к иноплеменникам и иностранцам.

При рассмотрении русских в сочетании с другими народами России удобно использовать понятие «этноценоз». В экологии биоценоз обозначает «совокупность всех популяций биологических видов, принимающих существенное (постоянное или периодическое) участие в функционировании данной экосистемы» [13. С. 220]; по сходству, этноценоз (от др.-греч. κοινός «общий») подразумевает сложноорганизованное сообщество, в

котором народы и их группы обладают самобытностью и занимают собственные пространственные и функциональные ниши¹. Они различаются опытом экосоциальной адаптации, стратегией этнического поведения и этнокультурным потенциалом. Этот подход настраивает не на биологизаторство или поиск «кастовости», а на выявление деятельностных реалий самобытности (этничность – не только умозрительное причисление себя к какой-либо общности, но и адекватная деятельность). В зависимости от расселения, численности, сплоченности, культурно-хозяйственной специализации, религиозной традиции, языкового поведения и других особенностей народы играют свои роли в этноценозе. Эти роли могут изменяться и обновляться, но именно они выявляют и обеспечивают самобытность народа в окружающей социальной среде.

Как отметил В.А. Тишков, применительно к языкам «можно и нужно говорить о равноправии языков, но не о равенстве». Существуют мировые языки (top world languages), значимость которых определяется числом носителей, созданным на них «культурным капиталом», общественно-политической и коммуникативно-международной ролью. Не менее важную (в своем измерении) роль для этнической солидарности чеченцев, якутов, тувинцев, бурят играют их «мощные языки со своей письменностью, литературой, фольклором и даже с местной бюрократией по обеспечению “национального языка” и “национального образования” в соответствующих республиках» [15. С. 295, 298]. Языковое поведение, включающее двуязычие (многоязычие), определяет коммуникативную сеть полиэтничного сообщества, формируя этноязыковые ниши и магистрали.

Столь же значимым для народа оказывается этнически самобытное поведение в измерениях родства, пола, власти, религии, экономики, быта, этики, эстетики, а для полиэтничного сообщества – взаимная адаптация этих граней самобытности. Реализация этнокультурного потенциала, не отменяя принципа равных возможностей, создает условия для оптимизации и диверсификации использования природных, хозяйственных и социокультурных ресурсов (примеров этнически эффективного разделения труда немало в истории и современности). Естественной в таких условиях конкуренции придают стимулирующий, а не разрушительный характер сложившиеся и обновляемые нормы этнодиалога и этнодипломатии. На Урале, например, она регулируется обычаями «сдержанного диалога» между этнически различными соседями. Агрессия обычно проявляется в случаях, когда лидеры местного сообщества обнаруживают внешнюю угрозу своему контролю над социальным пространством.

В оттенках этнического поведения отмечаются проявления экстравертности и интровертности. Материалы Уральской этноэкспедиции показывают, что стремление предъявить свой этнокультурный потенциал свойственно отнюдь не численно доминирующим народам (например, русским), а этническим

меньшинствам, заявляющим свое право на самобытность (например, нагайбакам) [12. С. 8].

Впрочем, подобные установки изменчивы. Ненцы, известные в прошлом этнокультурной интровертностью (особенно в части традиционной религии), под воздействием масс-медиа и новых технологий распахнули двери своих чумов для этнотуризма. Тундровая этнотуризм дустрия быстро развивается, хотя оленеводы ощущают

конфликт между старым этикетом, когда гостевание обходилось без предупреждения и оплаты, и новыми нормами коммерческого приема и оказания этноуслуг. Еще недавно этнокультурная самобытность была сокровенным достоянием народа и не мыслилась как товар; сегодняшняя ее коммерциализация, соответствующая глобальному тренду, вносит новые акценты во взаимоотношения между народами и в феномен полиэтничности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Л.Н. Гумилев, использовавший это понятие, вкладывал в него иной смысл: «в этноценоз... входят наряду с людьми те или иные домашние животные, окультуренные растения и вещи... Эскимосы немислимы без собак, иглу и каяков... тунгусы связаны с оленями и лайками, арабы – с верблюдами, индейцы пуэбло – с початками маиса и т.д. Нарушение этноценоза, если оно невелико, только деформирует этнос, а если достаточно велико – разрушает. Иногда, но далеко не всегда, разрушение этноценоза вызывает вымирание этноса, а вместе с тем связанных с ним животных и растений» [14. С. 300].

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX в. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1998. 298 с.
2. Этнология: учеб. пособие. М.: Академ. проект, Альма Матер, 2006. 624 с.
3. Heidemann F. Ethnologie. Eine Einführung. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht UTB, 2011. 285 s.
4. Фермойлен Х.Ф. Происхождение и институционализация понятия *Völkerkunde* (1771–1843). Возникновение и развитие понятий «*Völkerkunde*», «*Ethnographie*», «*Volkskunde*» и «*Ethnologie*» в конце XVIII и начале XIX веков в Европе и США // Этнографическое обозрение. 1994. № 4. С. 101–109.
5. Токарев С.А. История русской этнографии. Дооктябрьский период. 2-е изд. М.: Либроком, 2012. 456 с.
6. Токарев С.А. Первая сводная этнографическая работа о народах России // Вестник Московского университета. 1958. № 4. С. 113–128.
7. Суни Р.Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 36–82.
8. Головнёв А.В., Киссер Т.С. Этнопортрет империи в трудах П.С. Палласа и И.Г. Георги // Уральский исторический вестник. 2015. № 3 (48). С. 59–69.
9. Тишков В.А. Российская полиэтничность в мировом контексте // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации: XIII Международные Лихачевские научные чтения, 16–17 мая 2013 г. СПб.: СПбГУП, 2013. С. 168–173.
10. Головнёв А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.
11. Головнёв А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: Волот, УрО РАН, 2009. 496 с.
12. Головнёв А.В. Уральские этнодиалоги // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 4–15.
13. Федоров В.Д., Гильманов Т.Г. Экология. М.: МГУ, 1980. 464 с.
14. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990. 528 с.
15. Тишков В.А. Языки нации // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86, № 4. С. 291–303.

Golovnev Andrei V. Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia). E-mail: andrei_golovnev@bk.ru

ETHNO-CULTURAL POTENTIAL AND MULTI-ETHNICITY (RUSSIAN DIMENSION).

Keywords: ethnicity; multi-ethnicity; anthropology; ethnology; Russia.

Russian ethnology and Western anthropology differ by time of their origin (XVIII and XIX centuries, respectively) and by the main theme: a chief protagonist of Russian ethnography is the particular people, as far as that of Western anthropology is the universal person. Even in USSR, when after the “ethno-boom” of 1920s, the ethnography has been degraded into “subsidiary historical discipline” and pushed to study primordial communism and domestic culture, the ethnographers persistently developed a thematic field of “ethnogenesis and ethnic history.” Up to a day the ethnicity remains the leading theme of Russian ethnology marking its practical orientation. In XX century the “national question” was the powerful driver of political and social reforms. Not accidentally, the USSR was created as unit of peoples, and its Supreme Council was consisted of two chambers, Council of Union and Council of Nationalities. As the West relies on multiparty system, the Russia/USSR relies on multiethnic one, and ethnic motives serves as counterbalance to political centrism. In balancing central power and ethnicity a fluctuation can be traced, even statistically: according to censuses, the number of peoples was growing in periods of political crises and decreasing in periods of centralism peaks. For understanding the “anatomy of multi-ethnicity” a method of anthropology of movement seems to be efficient, since it focuses on motives of behaviors and scenarios of interactions of ethnic communities and their leaders, rather than on static pictures. Interior complexity of Russian community, being multifaceted by emergence, provided their bending toward interethnic alliances in a role of intermediary-folk. In analysis of Russians’ and other Russia’s peoples’ relationship a notion of ethno-cenosis (partly borrowed from ecology) could be applied; it designates a complex community, in which peoples and their groups maintain their self-being and specific spatial and functional niches. These groups differ from each other by the experience of eco-social adaptations, strategies of ethnic behavior and ethno-cultural potential. The peoples play their parts in ethno-cenosis depending on distribution, number, solidarity, cultural-economic profile, religious tradition, linguistic behavior and other features. These roles could change and upgrade, but they identify and provide the people’s self-being in social environment. For each people ethnically distinguishable behavior in dimensions of kinship, sex, power, language, religion, economy, everyday life, ethics, aesthetics is significant, as well as the mutual adaptation of theses peculiarities is important for multi-ethnic community.

REFERENCES

1. Solovey, T.D. (1998) *Ot "burzhuaznoy" etnologii k "sovetskoy" etnografii. Istoriya otechestvennoy etnologii pervoy treti XX v.* [From the "bourgeois" ethnology to the "Soviet" ethnography. The history of national ethnology of the early 20th century]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology.
2. Mis'kova, E.V., Mekhedov, N.L. & Pimenov, V.V. (eds) *Etnologiya* [Ethnology]. Moscow: Akademicheskii proekt, Al'ma Mater.
3. Heidemann, F. (2011) *Ethnologie. Eine Einführung* [Ethnology. An Introduction]. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht UTB.
4. Fermoylen, Kh.F. (1994) Proiskhozhdenie i institutsionalizatsiya ponyatiya Völkerkunde (1771–1843). Vozniknovenie i razvitie ponyatiy "Völkerkunde", "Ethnographie", "Volkskunde" i "Ethnologie" v kontse XVIII i nachale XIX vekov v Evrope i SShA [The origin of the concept and the institutionalization of "Völkerkunde" (1771-1843). The emergence and development of concepts "Völkerkunde", "Ethnographie", "Volkskunde" and "Ethnologie" in the late 18th and early 19th centuries in Europe and the USA]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 4. pp. 101-109.
5. Tokarev, S.A. (2012) *Istoriya russkoy etnografii. Dooktyabr'skiy period* [The history of Russian Ethnography. The Pre-October period]. 2nd ed. Moscow: Librokom.
6. Tokarev, S.A. (1958) Pervaya svodnaya etnograficheskaya rabota o narodakh Rossii [The first collective ethnographic work on the Russian peoples]. *Vestnik Moskovskogo universiteta – The Moscow University Herald*. 4. pp. 113-128.
7. Suni, R.G. (2007) Imperiya kak ona est': imperskiy period v istorii Rossii, "natsional'naya" identichnost' i teorii imperii [Empire as it is: The imperial period in the history of Russia, "national" identity and the theory of empire]. In: Tishkov, V.A. & Shnirelman, V.A. (eds) *Natsionalizm v mirovoy istorii* [Nationalism in the world history]. Moscow: Nauka. pp. 36-82.
8. Golovnev, A.V. & Kisser, T.S. (2015) The ethno-portrait of the empire in the writings by Peter Pallas and Johann Georgi. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 3(48). pp. 59-69. (In Russian).
9. Tishkov, V.A. (2013) [Russian multi-ethnicity in the global context]. *Dialog kul'tur: tsennosti, smysly, kommunikatsii* [The dialogue of cultures: Values, meanings, communication]. Proc. of the Thirteenth International Likhachev Scientific Readings. May 16–17, 2013. St. Petersburg: St. Petersburg University of the humanities and Social Science. pp. 168-173.
10. Golovnev, A.V. (2015) *Fenomen kolonizatsii* [The phenomenon of colonization]. Ekaterinburg: RAS.
11. Golovnev, A.V. (2009) *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Evrazii)* [Anthropology of motion (Ancient Northern Eurasia)]. Ekaterinburg: Volot, RAS.
12. Golovnev, A.V. (2013) Ural etno-dialogues. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 2(39). pp. 4-15. (In Russian).
13. Fedorov, V.D. & Gilmanov, T.G. (1980) *Ekologiya* [Ecology]. Moscow: Moscow State University.
14. Gumilev, L.N. (1990) *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
15. Tishkov, V.A. (2016) Yazyki natsii [Languages of the nation]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 4(86). pp. 291-303.

Л.И. Шерстова

ЗНАЧЕНИЕ ЭТНОНИМОВ В СТРУКТУРИРОВАНИИ «КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЙ» ЕВРАЗИИ

Рассматривается социальная структура «кочевых» народов Центральной Азии и Южной Сибири. Ставится проблема о значимости этнонима в сохранении этнического единства тюрко-монгольскими народами и его роли в дальнейшем структурировании их социумов как в рамках собственной государственности, так и в условиях вхождения в состав иноэтничных полиэтничных государств. Делается вывод о необходимости дальнейшего осмысления роли этнонимов и сущности социально-политических институтов, ими обозначенных, в традиционных обществах народов Евразии.

Ключевые слова: Центральная Азия; Евразия; «кочевые» народы; этноним; государственность; род; политика «невмешательства»; традиционное общество.

В отличие от оседлых обществ, для кочевых народов территория сама по себе не была базой для воспроизводства и дальнейшего функционирования социально-политических институтов. В условиях подвижного скотоводческого образа жизни, сменявших друг друга «кочевых империй», сопровождавшихся перетасовками человеческих коллективов, сохранение этносоциального единства не могло базироваться на привязанности к конкретной территории или единой экономике. Связи с этнической или производственной территорией были менее зримы внешне – они не определялись пространством «возделанной земли» и не носили характера постоянного присутствия.

Этническая территория была совокупностью различных маркеров, чаще природного происхождения, которые были «втянуты» в реальную или мифическую историю народа. Названия гор, рек, перевалов связывались с именами героев или божеств, с событиями прошлого, с историей отдельных семей и их потомков. В условиях ограниченного использования письменности «своя» территория сама по себе была источником знания о прошлом, и сезонные ее посещения оживляли связи между поколениями, а ритуалы закрепляли внутриэтнические связи.

Ядром же государственного строительства были сами человеческие коллективы, а объединяющим началом для них служили названия различных этнических образований, которые осмысливались как показатели общности происхождения, основанного на реальных или вымышленных кровнородственных связях, что находило отражение в наличии «родовой» организации и развитых генеалогиях всех «степных», вернее, кочевых народов – от древних евреев до более поздних казахов, туркмен, алтайцев и т.д.

В советской историографии проблема генезиса государственности у кочевых народов решалась либо в рамках универсальной концепции феодализма и, следовательно, собственность на землю была главным условием этого процесса, либо выдвигалось мнение относительно собственности на скот. Одним из первых ученых, кто обратил внимание на значимость человеческих коллективов как фактора государствообразова-

ния, был Е.М. Залкинд. В 1970-х гг. он писал: «Поскольку границы кочевий не были четко определены, то пожалование уделов (при Чингисхане. – Л.Ш.) не могло копировать аналогичный акт в оседлых странах. Там короли жаловали земли вместе с обитающими на них людьми, у кочевых же происходило наоборот: люди жаловались вместе с осваиваемыми ими пастбищными территориями» [1. С. 174].

Гибель очередной «кочевой державы», уничтожение правящей элиты могли приводить к временному «всплыванию» архаических социальных институтов. Происходило оживление значимости, казалось бы, уже ставших неактуальными кровнородственных отношений – этой универсальной форме организации социума в условиях слома более развитых социально-политических структур. Показательно, что и у современных народов общее происхождение, вернее представление об общем происхождении, может выступать этнообъединительным фактором в условиях распада полиэтничных государств. Распад Югославии и СССР убедительно это продемонстрировал. Гражданская идентичность, как идентичность более высокого уровня, уступила место этнической. И народы достаточно развитых полиэтничных государств разошлись по «своим, национальным квартирам».

В более ранние периоды, тем более в результате слома государственности, наступала внешняя архаизация общества, что создавало ложное представление об уровне развития народов степной Евразии. Но накопленные традиции государственности быстро возрождались, когда, вследствие разных причин, та или иная общность, оказавшись в результате «стягивания» своих одноплеменников достаточно многочисленной, «вышла» [2. С. 118]. Она брала инициативу создания «нового» государства, в состав которого входили бывшие подданные прежнего, и давала ему свое этническое название. В любом случае народы, находившиеся в сфере влияния уже существовавших политических образований, произвольно накапливали и сохраняли элементы государственности. И этот политический опыт, закрепленный в их социально-фискальных институтах, позволял в благоприятных условиях его ре-

анимировать, продолжая собственное моделирование отдельных элементов государственности даже после вхождения в состав новых, как правило, иноэтничных государств.

Находясь уже в составе Российской империи, тюркоязычное население Горного Алтая продолжало воспроизводить такую политическую модель, которая прочно опиралась на центральноазиатскую (джунгарскую) политическую традицию. Это проявилось не только в бытовании названий административно-фискальных единиц – дючин и сохранявшейся джунгарской титулатуры правящей верхушки – зайсанов, демичи, шуленг, но и в дальнейшем структурировании собственного социума, моделью которого была «степная» традиция. Этот механизм проявился в процессе выделения шестой и седьмой дючин в начале XIX в. «Стягивание» телесов, входивших во вторую, преимущественно, кыпчакскую дючину, и майманов, сосредоточенных в пятой – иркутской дючине, неизбежно привело к увеличению их численности и стремлению обособиться в рамках собственных административно-фискальных образований. Так, в 1801 г. появилась шестая – телеская, а в 1819 г. – седьмая – майманская – дючины.

Важным условием устойчивости аборигенного общества было не только сохранение этнонимов, что наглядно показывают этнографические материалы, так как и алтайские телесы и майманы (найманы) – это осколки средневековых этносов, но бытование родовых и семейных родословных и, соответственно, соблюдение преемственности в наследовании зайсанских должностей. В новой седьмой дючине власть демичи пятой дючины Юдеки Таингашева – бывшего инициатором этого процесса – наследовал его сын – Кускулек Юдекин. Генеалогии зайсанов пяти старых дючин уходили в джунгарское время, когда возглавившие их люди – Кутук, Пуктуш, Куккуш, Пюдюке – выступили сторонниками перехода тюркоязычного населения Горного Алтая в российское подданство. Древность генеалогий, предания о героических делах зайсанов, демичи, богатырей джунгарского времени являлись важнейшим фактором легитимности власти и народно-го уважения их потомков.

Вплоть до 1880 г. алтайские дючины управлялись наследственными зайсанами. Попытки сократить срок их пребывания в этих должностях российскими властями до трех лет, а также именование их должностей в официальных документах «родовыми старостами» вызвали возмущения в алтайском обществе. Несмотря на то что с этого времени управлявших дючинами выбирали, обычно это превращалось в переборы одних и тех же лиц, а сами они по-прежнему именовались в соответствии с джунгарской титулатурой [3. С. 201–204].

Особенностью положения зависимых этнических групп, согласно центральноазиатской политической традиции, сохранявшейся и в евразийском наследии Российского государства, было минимальное вмеша-

тельство власти в их внутреннюю структуру при полном и безоговорочном политическом и экономическом подчинении господствующему этносу на протяжении как московского, так и имперского периодов. Этот принцип нашел свое отражение в «Уставе об управлении инородцев» (1822). Несмотря на то что начиная с XVIII в. господствующей концепцией в образованных слоях как европейского, так и российского общества был эволюционизм, теоретически оправдывавший обязательное вмешательство европейцев в жизнь «примитивных» народов, т.е. политику колониализма, в «Уставе...» закреплялись права аборигенов на земли, «ими обитаемые», на создание собственных органов самоуправления (Инородные управы, Степные Думы), у них продолжали функционировать обычное право и свобода вероисповедания [3. С. 128–129]. Истоки принципа «невмешательства» Российского государства во внутреннюю структуру и образ жизни покоренных народов базировались на «ордынской» модели взаимоотношений разноэтничного населения в рамках одного государства [4. С. 10–11].

В Монгольской империи отражением принципа «невмешательства» было существование такого специфического института, как «унаган богол», которым обозначалась завоеванная (присоединенная) иноэтничная общность [5. С. 81]. Это приводило к накоплению зависимым населением опыта государственности при сохранении достаточно архаичных внутренних связей. Такая традиция взаимоотношений подчиненных и господствующих этносов (родов, кланов, племен, патриархальных семей и т.д.) в ситуации гибели последних легко позволяла первым интегрироваться в новые политические образования либо возглавлять их.

При этом правители Степи прекрасно понимали значение этнонима как фактора, символа единства этнической общности, как условие возможного объединения в благоприятных условиях всех ее членов и политического усиления данной общности. Как рассказывается в «Сокровенном сказании», после очередного восстания мэргэдов (меркитов) Чингис-хан «повелел тогда своим <...> мужам иных из мэргэдов погубить, остальных поделить между собой <...> И молвил тогда Чингисхан: “Позволили мэргэдам мы жить вместе, на роды их, на семьи их не делили, они же предательски восстали”. И сказав так, Чингисхан поделил средь мужей своих всех недругов-мэргэдов до единого и разослал их в разные концы улуса своего» [6. С. 159]. В другом случае, желая наградить своего подданного, Чингисхан спросил о его желании. И Унгур сказал: «Коли позволено мне выбрать пожалованье хана, хотел бы я всех баягулов, сродников своих, которые теперь разбросаны повсюду собрать и ими править». И повелел Чингисхан: «Что ж, будь по твоему, Унгур. Ты баягулов собери и тысяцким над ними будь» [Там же. С. 177].

В подвижных обществах размеры территории еще не определяли значимость и богатство их правителей.

Военная сила «кочевых империй» народов Центральной Азии определялась как можно большей численностью зависимого населения и базировалась на величине улуса, под которым понимались не столько размеры территории, сколько «владение», «народ, данный в феодалное держание» [7. С. 118]. В таких аморфных, полиэтничных государствах какие-либо формы насильственной аккультурации со стороны «этноса-элиты» могли оказаться губительными для ее власти, и поэтому от покоренных народов требовались политическая преданность и безусловное выполнение всех указаний при сохранении их внутренней социальной структуры и привычного образа жизни.

Традиция «невмешательства» начала складываться еще в древнем Китае в период Чжоу и, особенно, Хань, когда хуася, а затем и хань, окруженные варварами, вынуждены были налаживать с ними мирные отношения. Заинтересованность в получении престижных товаров заставляла «кочевую» элиту приносить дань как знак зависимости китайскому императору, но полученные подарки по своей стоимости превосходили привезенную дань. То есть это был архаичный дарообмен, при котором отдарок ценился выше подарка. Совершив соответствующие обряды при ханьском дворе, варвары возвращались к себе, продолжая жить по своим обычаям и традициям.

Однако в результате таких контактов, длившихся столетиями, они оказывались втянутыми в экономические, политические, культурные отношения китайского социума, медленно подвергаясь аккультурации, в результате становясь «цивилизованными». Именно в Китае в Раннем Средневековье появилось представление о том, что показателем цивилизованности является не ханьское происхождение, а следование конфуцианству. Следовательно, варвар-конфуцианец становился ханьцем, а ханец, соблюдавший обычаи варваров, – варваром. Таким образом, даже не этническая принадлежность делала «чужого» своим, а следование «универсальному» конфуцианству [8. С. 186–189].

Аналогичный процесс – включение сначала народа, а потом и его территории – хорошо прослеживается при колонизации Сибири русскими в XVII в. Разновременное вхождение в состав России населения и его территории – явление нередкое в сибирской истории. С этим, например, связана проблема определения даты включения Хакасии. Таковой может считаться начало XVII в., когда часть предков хакасов была объяснена из Кетска и Томска, и в одностороннем порядке, на правах ясачных (оставаясь кыштымами енисейских киргизов) вошла в структуру российского общества и государства. Или же 1680 г., когда киргизы признали права на своих подданных и со стороны Москвы, и те стали двоеданцами. Или 1703 г., когда, наконец, тюркоязычные группы Обь-Енисейского междуречья, фактически уже целое столетие платившие русским ясак, заполнили опустевшие после увода киргизов джунгарами земли: качинцы и аринцы с севера, моторы-

койбалы с востока, сагайцы с верховьев Томи, бельтиры с юга. При этом сибирские власти не предприняли никаких мер, ограничивавших эти миграции. Наконец, датой вхождения Хакасии в Российское государство можно считать 1707 или 1709 гг., когда основанные русскими Абаканский и Саянский остроги четко обозначили территориальные границы России в бассейне Верхнего Енисея [3. С. 88]. Следовательно, в некоторых случаях следует различать время вхождения в российское подданство сибирских аборигенов и окончательное присоединение территорий, на которых ныне обитают их потомки, что находит прямые аналогии в китайской истории, во взаимоотношениях варваров и ханьцев и объясняется «несвязанностью» населения и территории их обитания при включении в состав иноэтничных государств.

В то же время именно осознание принадлежности к той или иной этнической группе поддерживало ее внутреннее единство. Отсюда характерное для центральноазиатского этнокультурного ареала сохранение этнонимов с Раннего Средневековья. При прерывистой традиции письменности, тем не менее, такие этнонимы, как аба, аз (ач), дубо, байегу, кыргызы, теле (в форме теленгиты, телеуты, телесы) сохранились в Сибири с древнетюркского времени до прихода русских и позже.

Именно стремление «рассеяться», «распылится» непокорные народы, разослать их в разные концы улусов правителей привело к тому, что со временем эти осколки некогда крупных этнических общностей становились «строительным материалом» для новых этнических образований, сохраняя при этом свой общий этноним. Так, средневековые кипчаки вошли в состав современных алтайцев, киргизов и казахов, иркиты встречаются у алтайцев, тувинцев, монголов, маймана (найманы) – у алтайцев и казахов и т.д.

Из этого следует, что этнонимы играли важнейшую роль в структурировании подвижных социумов, подтверждением чему является сохраняемая народами Центральной Азии и Южной Сибири так называемая этнонимическая «родовая» организация, особенностью которой является бытование средневековых этнонимов в качестве уже «родовых» названий. Экзогамность таких «родов» не должна вводить в заблуждение и быть аргументом в пользу их примитивности и архаичности. При определенных условиях экзогамность выступала одним из механизмов расширения социальных связей данного коллектива и механизмом структурирования социума в условиях его подвижности. Она помогала сохранить как его внутреннюю целостность, так и способность коллективного встраивания в разнообразные социально-политические системы – от древнетюркских каганатов до Российской империи.

Включение фрагментов предыдущих этносов в форме «родов» в разнотничные новообразования позволяло «родовой» организации быть не столько «пержитком» прошлого, сколько отражением динамичного этноисторического развития кочевых народов.

Отождествление отечественными этнографами «родовой организации» тюркоязычных народов Сибири с родовой структурой догосударственных обществ приводило к ошибочному пониманию уровня их социально-политического развития. Отрицание возможности деградации культуры не вписывалось в формационную (эволюционную) схему хода истории человечества. Деградация комплексного хозяйства сибирских народов вследствие ее переориентации на пушной промысел (ясак) существенно архаизировала их облик к началу XX в. Наличие якобы «родовой» собственности на охотничьи угодья подводило «экономическую» основу для отождествления рода (сеока) народов Саяно-Алтая с первобытным родом, а его экзогамность укрепляла такое понимание.

Между тем «родовая» собственность, прежде всего на территории промысла пушного зверя, как и появившаяся во второй половине XIX – начале XX в. «родовая» собственность на кедррачи, были следствием, в первом случае, ясачной политики государства, во-втором – втягиванием аборигенного населения в российские торгово-экономические отношения, т.е. формирование «родовой собственности» было вызвано внешними факторами. Экономика же подвижных обществ Центральной Азии базировалась на семье, которая была и основной фискальной единицей. Таким образом, «возврат» к «родовой собственности» был следствием политики России, которая архаизировала социально-экономическую структуру аборигенов [3. С. 95–100].

Безусловным признаком «классического» рода является экзогамия. Однако этнографические материалы показывают ее наличие в различных по численности условиях образования социальных общностях, так как экзогамия является важнейшим регулятором вообще всех социальных отношений в традиционных обществах. Вряд ли стоит каждую экзогамную группу относить к «классическому» роду. Так, при численности современных хакасов – около 76 тыс. человек – насчитывается более 150 родов. У корейцев в начале XX в., численность которых была несколько десятков миллионов человек, также сохранялись «роды». Под словом «род» корейцы подразумевали «одинаковое происхождение и одинаковую фамилию». Тем не менее у них было 104 рода и всего 42 фамилии [9. С. 20–28].

Таким образом, вопрос о сущности такого социального института традиционных обществ, как «род», нуждается в серьезном переосмыслении. Это относится и к этнонимическим «родам». Использование термина «вторичный род» не решает проблему его качественного отличия от «первобытного» рода, причины его сохранения в условиях развитой государственности степных народов Центральной Азии и оседлых народов Восточной Азии, а также его роль в структурировании государственности.

Вопрос о языковой принадлежности таких «родов» не может решаться однозначно: в условиях подвижности общества и особенностей политических процессов

смена языка не влекла за собой обязательного изменения этнонима и отказа от прежнего образа жизни. Минимальное вмешательство господствующих этносов полиэтнических государств Центральной Азии во внутренние отношения подвластных им народов приводило к тому, что, подчинившись политически и экономически, они продолжали воспроизводить свою культурную специфику, даже сменив языковую принадлежность. Монголоязычные майманы эпохи Чингисхана, потеряв впоследствии этническое единство, в качестве уже тюркоязычных родов вошли в состав современных казахов и алтайцев, но при этом сохранили свой средневековый этноним.

Более того, имеются примеры, когда этносы (этнические группы), использующие один этноним, могли отличаться языковой принадлежностью и хозяйственными характеристиками. Так, разные группы урянхайцев Восточного Казахстана, Горного Алтая и Западной Монголии середины XVIII в., несмотря на наличие общего этнонима, существенно отличались друг от друга. В хозяйственном плане урянхайцы верхнего Иртыша, как свидетельствует русский документ того времени, делились на две группы. «Урянхайцы бывают пешие и питаются сараною и марьиным корнем; которые же имеют скот, те стоят по местам, где есть корм для скота и звериный промысел» [10. С. 156]. Показательно, что в документе не смешиваются два хозяйственно-культурных типа, и если второй соответствует подвижному скотоводству и соотносится с центральноазиатским «кочевым миром», то первый является достаточно полным описанием образа жизни охотников и собирателей горно-таежной зоны Сибири, в том числе и жителей «страны Баргуджин-Токум», т.е. урянхайцев Прибайкалья [11. С. 121–124]. Возможно, что уже тогда среди них были распространены как тюркские, так и монгольские языки.

Поэтому определять языковую принадлежность тех или иных этнических групп Центральной Азии и Южной Сибири можно только применительно к конкретному хронологическому периоду. При этом сохранение этнонима не может свидетельствовать о сохранении прежней языковой или культурной принадлежности. Ситуация, при которой утрачивается язык, но сохраняется этноним, а значит, удерживается и определенное этническое единство, еще раз подчеркивает его значимость в подвижном обществе, что и определяло устойчивость этнонимии народов Центральной Азии и Южной Сибири.

Итак, значение этнонима и социально-политических институтов, которыми он обозначался, для народов степной Евразии заключалось как в сохранении представления об определенной этнической целостности, несмотря на пространственную «распыленность», так и в понимании его как важнейшего фактора структурирования общества и его дальнейшего этноисторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Залкинд Е.М. Очерк генезиса феодализма в кочевом обществе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. 242 с.
2. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркское время. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
3. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005.
4. Шерстова Л.И. Восприятие русской власти аборигенами Сибири в XVII в.: евразийский аспект // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 8–17.
5. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. М. ; Л., 1934. 233 с.
6. Сокровенное сказание монголов // Чингисхана. Свод свидетельств современников. М. : ЭКСМО, 2009. С. 17–256.
7. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. 178 с.
8. Шерстова Л.И. Россия и Китай: подходы к переосмыслению полиэтничности // Востокведные исследования на Алтае. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. Вып. VIII. С. 185–189.
9. Конрад Н.И. Неопубликованные работы, письма. М. : РОССПЭН, 1996. 544 с.
10. Потанин Г.Н. Пространство Северного Казахстана и Сибири по документальным публикациям Г.Н. Потанина. Томск : Том. гос. ун-т, 2013. 314 с.
11. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М. : Ладомир, 2000. Т. 1, кн. 1. 221 с.

Sherstova Lyudmila I. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: sherstova58@mail.ru

THE SIGNIFICANCE OF ETHNONYMS IN THE STRUCTURING OF EURASIAN 'NOMADIC EMPIRES'.

Keywords: Cenral Asia; Eurasia; 'nomads'; etnonym; state system; clan; principle of 'non-intervention'; traditional society.

In the present article the problem of the significance of 'clans' ethnonymic names in 'nomadic' societies in Eurasia is discussed based on the analysis of Russian documents of the XVII–XX centuries, Mongolian written sources of the XIII century, ethnographic materials that were collected in Gorny Altai in the XX century. In contrast to settled societies, for nomads the territory was not the basis for reproduction and the further functioning of socio-political institutions. In conditions of mobile cattle-breeding way of life, 'nomadic empires' that replaced one after another and it was accompanied by the moving of human groups, the preservation of ethno-social unity could not be based on the attachment to a specific territory or a single economy. Human groups were the core of state-building. Names of different ethnic groups were unifying principle for these groups. Names of different ethnic groups were perceived as indicators of common origin that based on real or invented kinship. It was reflected in the presence of 'clan' organization and advanced genealogies of all 'steppe peoples', more precisely, of all nomads (from ancient Hebrews to later Kazakhs, Turkmens, Altai people, etc.). According to the Central Asia political tradition, dominant ethnic groups' principle of non-intervention to internal socio-political structure of joined (conquered) peoples was a peculiarity of subordinate ethnic groups' status. The principle of 'non-intervention' began to take shape in Ancient China during Zhou dynasty and especially during Han dynasty, when Huaxia and then Han people were surrounded by barbarians and were compelled to establish peaceful relations with them. In the Mongol Empire the principle of 'non-intervention' was reflected in the presence of specific institution as 'unagan bogol', which indicated conquered (joined) 'other ethnic' group. It led to the accumulation of statehood experience by subordinate people in situation of preserving quite archaic internal relations. This tradition of relations between subordinate and dominant ethnic groups (kin, clans, tribes, patriarchal families etc.) allowed subordinate ethnic groups quickly create their own state or easily became a part of 'other-ethnic' empires in case of dominant ethnic group's fall. The principle of 'non-intervention' is reflected in Russian policy relating to Aboriginal people in Siberia since the XVII century. Later it was recorded in the 'Charter on the management of foreigners' (1822). As a result of this policy the peoples of Siberia preserved ethnonymic names of fiscal and administration institution, which originated from ancient Turkic time, until the beginning of the XX century and they also continued to structure their societies on the basis of 'Central Asian model' but as a part of Russia. For the steppe people of Eurasia the significance of ethnonym and socio-political institutions which ethnonym indicated was in preserving the idea of particular ethnic unity, in spite of territorial 'dispersion', and also was in perception the ethnonym as an important factor in structuring society and state and its further ethno-historical development.

REFERENCES

1. Zalkind, E.M. (2012) *Ocherk genезisa feodalizma v kochevom obshchestve* [An essay of the genesis of feudalism in the nomadic society]. Barnaul: Altai State University.
2. Savinov, D.G. (1984) *Narody Yuzhnoy Sibiri v drevnetyurkskoe vremya* [The peoples of South Siberia in the ancient times]. Leningrad: Leningrad State University.
3. Sherstova, L.I. (2005) *Tyurki i russkie v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII – nachala KhKh veka* [The Turks and Russian in Southern Siberia: The ethno-political and ethno-cultural dynamics of the processes of the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk. 2005.
4. Sherstova, L.I. (2013) *Vospriyatie russkoy vlasti aborigenami Sibiri v XVII v.: evraziyskiy aspekt* [Perception of Russian authorities by the indigeneous population of Siberia in the 17th century: The Eurasian aspect]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Studies*. 1. pp. 8-17.
5. Vladimirtsov, B.Ya. (1934) *Obshchestvennyy stroy mongolov* [The social system of the Mongols]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
6. Anon. (2009) *Sokrovennoe skazanie mongolov* [Secret History of the Mongols]. In: Melekhin, A. (ed.) *Chingisiana. Svod svidetel'stv sovremennikov* [Chingisiana. The collection of evidence by the contemporaries]. Translated by A. Melekhin. Moscow: EKSMO. pp. 17-256.
7. Fedorov-Davydov, G.A. (1973) *Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordy* [The social system of the Golden Horde]. Moscow: Moscow State University.
8. Sherstova, L.I. (2014) *Rossiya i Kitay: podkhody k pereosmysleniyu polietnichnosti* [Russia and China: Rethinking the approaches to multiethnicity]. *Vostokovednye issledovaniya na Altae*. 8. pp. 185-189.
9. Konrad, N.I. (1996) *Neopublikovannye raboty, pis'ma* [Unpublished works, letters]. Moscow: ROSSPEN.
10. Potanin, G.N. (2013) *Prostranstvo Severnogo Kazakhstana i Sibiri po dokumental'nym publikatsiyam G.N. Potanina* [Northern Kazakhstan and Siberia in the documents of G.N. Potanin]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Rashid-ad-Din. (2000) *Sbornik letopisey* [Collection of Histories]. Vol. 1(1). Moscow: Ladimir.

И.В. Октябрьская, Е.В. Самушкина

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ РЕНЕССАНС В СОВРЕМЕННОЙ СИБИРИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ И РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ)

Статья выполнена по Программе Госзадания 186, проект № 0329-2014-0010

«Традиционное мировоззрение коренных народов Южной Сибири во взаимодействии с мировыми, национальными и новыми религиями: способы устойчивости, пути изменений (XX – нач. XXI в.)».

Дается общая характеристика феномена «этнического ренессанса» Сибири рубежа XX–XXI вв. и на примере Республики Алтай и Республики Хакасия рассматриваются реальные социо- и этнокультурные программы, определяющие его содержание. Делается вывод, что начиная с 1990-х гг. категория «этнический ренессанс» была использована для обозначения процессов этнополитической суверенизации народов постсоветского пространства (в том числе Сибири) и роста их самосознания. Согласно программным разработкам региональных элит, модели этнического ренессанса опирались на концепцию «этнической личности». На протяжении 1990–2010-х гг. повсеместно были приняты законы, актуализирующие этнические ценности и институты, а также законы, направленные на сохранение и популяризацию культурного (в том числе нематериального) наследия. Современную социокультурную жизнь Сибири характеризуют традиционалистские и инновационные тенденции. В пространстве макрорегиона «этнический ренессанс» становится формой и механизмом модернизации его полиэтнического сообщества и интеграции этого сообщества в российское и мировое социокультурное пространство.

Ключевые слова: Сибирь; коренное население; Республика Алтай; Республика Хакасия; «этнический ренессанс»; историко-культурное наследие; неотрадиционализм.

Понятие «возрождение» в научный обиход ввел в середине XIX в. французский историк Жюль Мишле. Оно употреблялось и раньше, имея метафорический характер; но со второй половины XIX в. стало использоваться для обозначения социокультурных трансформаций Европы нового времени; вошло в широкий публицистический, а затем в академический дискурс.

Сущностными характеристиками ренессанса были, кроме прочего, признаны: утверждение классической древности в качестве высшей ценности, культурный синтез и гуманизм с акцентом на индивидуальное творчество в поисках истины. При этом произошла своего рода его «сакрализация» в качестве эпохи открытия мира и человека; а затем категория обрела расширительную трактовку – была распространена на социально-политическую сферу.

Категория «этнический ренессанс» стала использоваться в мировой науке, и прежде всего в политологии, с 1960–1970-х гг. Согласно официальной риторике, в глобальном историческом и геополитическом масштабе «этнический ренессанс» стал образным обозначением процесса усиления борьбы народов, не имеющих собственной государственности, за самостоятельность и территориальный суверенитет. Катализаторами этого процесса, по мнению экспертов, являлись: рост социальной и политической конкуренции по поводу ресурсов, экономики и власти; этнокультурное разделение труда; экономическая и культурная экспансия в этнических средах; и как следствие – этническая консолидация и усиление этнических элит.

В широкий российский дискурс категория «этнический ренессанс» («этнический парадокс современно-

сти») вошла в 1990-е гг. для обозначения процессов этнополитической суверенизации народов постсоветского пространства (в том числе Сибири) и роста их самосознания. Она определила теоретические и практические разработки в области сохранения (ревитализации) традиционных социокультурных ценностей.

В ходе обсуждения процессов этнического ренессанса были актуализированы следующие его характеристики: признание абсолютной ценности этноса как одной из базовых форм самоорганизации человечества; актуализация этнической идентификации в формировании структуры идентичностей современного российского общества.

В академическом, и главным образом в общественном, дискурсе рассматривали «этнический ренессанс» Сибири в противовес размыванию объективных основ этничности (территории, культуры, языка) в контексте глобализации, социально-экономической интеграции и культурной унификации, как реакцию на смену государственного строя, идеологии и национальной политики России рубежа XX–XXI вв.

В 1990-е гг. характер «этнического возрождения» определила политизация этнической сферы – в этот период происходило становление автономий, представляющих интересы титульного коренного населения; масштабный характер приобрело движение малочисленных народов. Эти процессы были общими для многих регионов Сибири, в том числе для Республики Хакасия и Республики Алтай.

В 1990-е гг. в Хакасии был учрежден ряд организаций, включая Ассоциацию хакасского народа «Тун» / «Возрождение», Съезд хакасского народа и др. [1. С. 5]. В дея-

тельности этих объединений, в том числе в работе съезда, с момента его создания, обсуждались проблемы исторического развития титульного этноса, его современное состояние, пути выхода из кризиса, восстановление традиций, обычаев и религии. В этих обсуждениях акцент делался на задачах консолидации хакасов.

На заседаниях Съезда хакасского народа на протяжении 1990-х гг. выработывалась идеология, содержание которой определяли три основные парадигмы: оценка прошлого, отношение к будущему и пересмотр политических и культурных ценностей. Актуализация исторической памяти народа, возвращение к истокам, к героическому прошлому стали главными лозунгами «этнического ренессанса» Хакасии [2. Л. 6].

Пафос возрождения и этнизации определил направленность общественно-политического движения в Республике Алтай [3. С. 4]. Из двадцати с лишним общественных организаций, официально зарегистрированных здесь в середине 1990-х гг., около половины составляли ассоциации и центры, отстаивающие социальные, экономические и культурные права коренного населения. Крупнейшим среди этих объединений являлось общество «Эне Тил», созданное в 1989 г. на базе одного из направлений экоклуба «Катунь» и ориентированное на решение вопросов, связанных с возрождением алтайского народа [4. С. 215].

Лидер «Эне Тил» начала 1990-х гг. Э. Чолоков так сформулировал цели объединения: «Задача общества – объединить возможно большее число жителей области вокруг идеи нравственного, экономического и политического возрождения Горного Алтая. На земле своих предков мы не можем оставаться пассивными наблюдателями тех процессов, от протекания которых так или иначе будет зависеть судьба народов» [5. С. 2].

Программа возрождения общества «Эне Тил» включала: просветительскую работу среди населения в области народного образования и культуры; обучение родному языку на всех ступенях образования; охрану памятников природы, истории и культуры; защиту интересов коренного населения в проекты социально-экономического развития региона [6. Д. 331. Л. 59, 60].

Разработки моделей будущего в документах, принятых «Эне Тил», были ориентированы на актуализацию прошлого и ценности традиционной культуры. Эти положения были зафиксированы в «Концепции национальных школ Республики Алтай» (1993) и в Законе «Об историко-культурном наследии народов Республики Алтай» (1994).

Идея национального возрождения стала основной в деятельности «Курултая алтайского народа». Его Учредительный съезд состоялся в октябре 1997 г.; он проходил под девизом: «Один помысел – одна судьба». Цель этого общественного объединения состояла в возрождении и развитии самобытной культуры и языка туба, теленгит, чалканду, куманды, телеут, алтай-кижи при условии консолидации всех этих групп как единого алтайского народа [Там же. Д. 438].

В 1990-е гг. в Республике Алтай был создан общественный фонд «Тюрк-кабай» («Колыбель тюрков») в целях развития алтайского народа и его интеграции в мировое сообщество тюркских народов [Там же. Д. 475. Л. 12].

Наряду с организациями, представляющими интересы алтайского этноса в целом, существовали структуры, отстаивающие интересы коренных малочисленных народов региона. Они возникли еще в 1980-е гг., когда впервые обозначились проблемы субэтносов, составляющих алтайский этнос. Актуализация идеологии «этнического ренессанса» повлекла за собой центробежные процессы в регионе. В 1990 г. была создана Ассоциация малочисленных коренных народов Горного Алтая, куда вошли представители кумандинцев, чалканцев, тубаларов, телеутов и теленгитов. Основными положениями программы Ассоциации стали «Возрождение культурно-экологического климата этносов через создание национальных школ, прекращение уничтожения природных ресурсов в районах расселения малых народов» [3].

В 1992 г. возникла Ассоциация северных алтайцев, в которую вошли представители тубаларов, челканцев и кумандинцев. Ее цель была определена очень широко: «возрождение материальной и духовной культуры малочисленных североалтайских этносов, определение статуса северных диалектов алтайского языка, защита мест традиционного проживания и определение права на них коренного населения» [Там же].

Постепенно движение возрождения приобретало все более дифференцированный характер. К началу 2000 г. появились общественные объединения «Возрождение тубаларского народа Республики Алтай», «Возрождение кумандинского народа Республики Алтай», «Возрождение челканского народа Республики Алтай», Ассоциация коренных малочисленных народов теленгитов «Эре-Чуй», Сибирская общественная организация коренных малочисленных народов «Шуну Хан» [6. Д. 335, 635].

Эти организации, согласно официальным документам, были призваны обеспечить устойчивое развитие коренных малочисленных народов Республики Алтай «в духе верности национальной культуре, традициям и обычаям своего народа» [Там же. Д. 621, 335, 640].

Параллельно с этническими организациями развивалось родовое движение. В контексте этнополитических процессов на Алтае 1990–2000-х гг. произошла актуализация традиционных социальных институтов, которые стали рассматриваться как гарантия и условие самосохранения и развития алтайского народа. Все наиболее значимые родовые объединения (сеоки) Алтая – майман, мундус, кыпчак, төлөс, ирkit, тодош, сагал – провели свои съезды.

Возникли и были официально зарегистрированы ассоциации «Төлөстар», «Мундустар» и «Оток сеока майман», а также «партии рода» – например, «Керил-Берлик» и «Тодош» [7. С. 52]. Родовое движение стало формой восстановления генеалогической и историче-

ской памяти и самоорганизацией в духе неотрадиционализма.

Согласно воззваниям лидеров движения, оно должно было способствовать «консолидации всех сил для культурно-духовного и экономического процветания исторической родины, в воссоздании и сохранении мировой гармонии «Человек–Природа» в возрождении коренных народов и сохранении ими национально-традиционного облика, в сбережении историко-археологических и природных памятников» [4. С. 217].

Речь шла о воспитании духовности и возвращении культа древних божеств Уч-Курбустан, Ульген, Умай-эне, об укреплении межродовых отношений как гаранта стабильности гражданского общества, о самобытности родов с их атрибутикой и «тотемными» признаками, о воссоздании мест поклонения [Там же. С. 217; 6 Д. 120. Л. 16].

В рамках процесса актуализации родовых структур произошло восстановление зайсаната – института родовых старшин, восходящего к структуре Джунгарского государства XVII–XVIII вв. В 1990-е гг. его роль бурно дискутировалась в общественно-политической жизни Алтая [8. С. 114]. В 1993 г. была создана общественная организация «Төргоо зайсанов Алтая» [9]. Совместно с Курултаем она выступила в оппозиции к структурам власти. Это сформировало кризис в развитии общественных отношений и привело к созданию в 2011 г. новой организации «Конгресс алтайского народа», поставившей вопрос о деполитизации родового движения.

Сходные процессы разворачивались в Хакасии. В конце 1990-х гг. сначала спонтанно, а затем организованно в республике начинает разворачиваться родовое движение, создаются советы старейшин.

В 1997 г. было зарегистрировано Хакасское республиканское движение «Совет старейшин родов хакасского народа», в 2003 г. переименованное в «Хакасское региональное общественное движение родов хакасского народа». Первоначально его миссия сводилась к организации встреч, проведению родовых праздников и объединению родов хакасского народа. В настоящее время движение ставит перед собой более масштабные задачи, среди них: развитие процесса культурного и духовного возрождения; поддержка традиционных форм хозяйствования; борьба за повышение уровня жизни коренного этноса Хакасии и т.д. [7. С. 4].

Результатом деятельности общественного движения явилась принятая в 1999 г. программа «Родовое движение хакасов как фактор консолидации и развития этноса. 2001–2005 гг.», в которой род рассматривался как один из важнейших факторов самосохранения народа на всех этапах его развития [10]. Реализация программы стала предметом пристального внимания съездов хакасского народа. В отчете о деятельности съездов с 2006 по 2011 г. была обозначена их главная цель – «обеспечение развития нации и воспитание потомков на основе национальных обычаев и традиций» и налаживание межэтнического взаимодействия в регионе [11].

В апреле 2016 г. состоялся XIII съезд хакасского народа, поставивший задачи экологической безопасности, сохранения родного языка и консервации культурного наследия. Большое внимание съезд уделил подрастающему поколению, во имя будущего которого был разработан (на основе фольклора) кодекс чести хакасов, цель которого – утверждение высоких духовных качеств и унификация жизненных принципов на основе этнических традиций [12].

Архаизация с установкой на ценности традиционного общества в контексте адаптации родового движения и его институтов к стандартам современного мира и политизации определили идеологию и практики этнического возрождения в республиках Южной Сибири и во многом всего региона в целом. Проблемы культуры, языка и образования, деятельность по сохранению этнической памяти и историко-культурного наследия определили его содержание.

Категория «культурного наследия» (его сохранение и популяризация) стала ключевой в разработке моделей будущего сибирских регионов. Она формировалась и интерпретировалась на основе концепций, разработанных в масштабах мирового сообщества (на уровне ЮНЕСКО и ООН).

Проблема сохранения аутентичных культурных ценностей была актуализирована еще во второй половине XX в. В 1972 г. ЮНЕСКО была принята Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. Несколько десятилетий разработок в этой области сделали концепцию «культурного» наследия основой формирования уникальных образов отдельных этносов и полиэтнического сообщества России в целом.

Само понятие культурно-исторического наследия трактуется как «совокупность доставшихся человечеству от прошлых эпох культурных ценностей, критически осваиваемых... в контексте конкретно-исторических задач современности»; к элементам наследия относятся предметы материальной культуры, культурные и природные ландшафты, а также образ жизни, фольклор и обычаи, которые могут быть сохранены только в пространстве этнического сознания и культуры [13. С. 319].

На Алтае проблемы сохранения культурного наследия декларируются в нормативных документах, среди которых – закон «Об историко-культурном наследии Республики Алтай»; программа «Проблемы сохранения и приоритеты развития культуры Республики Алтай»; законы «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай»; «Об охране объектов культурного наследия в Республике Алтай» и пр.

В соответствии с Федеральным законодательством, объектами культурного наследия считаются результаты жизнедеятельности людей в исторической перспективе, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, социальной культуры, эт-

нологии или антропологии и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинным источником информации о зарождении и развитии культуры.

Согласно документу, понятие культурного наследия включает в себя обычаи, форму представления и выражения знаний и навыков, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, не имеющие индивидуального авторства. Особо подчеркивается, что явления духовной культуры должны быть признаны сообществами, группами или индивидами; передаваться из поколения в поколение; воссоздаваться в определенном экологическом пространстве; формировать у этнических групп, проживающих в республике, «чувство самобытности»; вырабатывать чувство уважения к культурному разнообразию региона [Там же].

Основными видами нематериального культурного наследия Республики Алтай считаются традиции, исполнительские искусства, обычаи, обряды, народные праздники, знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами, являющиеся культурными ценностями народов региона. Принятый в 2009 г. закон «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай» определяет практики выявления, возрождения, сохранения и использования объектов нематериального культурного наследия; устанавливает полномочия органов государственной власти в данной области, декларирует создание государственного реестра таких объектов [14].

В продолжение положений о нематериальном культурном наследии в 2011 г. был разработан проект «Концепции по сохранению и развитию сакральных мест (священных земель), природно-культурных объектов Республики Алтай», призванный обеспечить их охрану, содействовать развитию культурного туризма и духовно-экологическому воспитанию подрастающего поколения. В перечень сакральных мест, обозначенных как национальное достояние алтайцев, были включены традиционно почитаемые природные объекты, археологические и исторические памятники (горы, перевалы, целебные источники (аржаны) и т.д.).

В документе «Проблемы сохранения и приоритеты развития культуры Республики Алтай» отмечалось: «Алтай является местом становления и развития древних культур и этносов, распространившихся затем на обширные пространства Евразийского материка, местом взаимодействия индоевропейских, тюркских и тунгусо-маньчжурских народов» [15. Л. 103–104].

В силу уникальных особенностей Горный Алтай наделяется статусом духовного центра – «сердца Евразии». Будучи «святыней планетарного масштаба» он становился центром мессианских идей в мировом масштабе [Там же]. При этом программы сохранения культурного наследия приобретают религиозно-мифологическую составляющую – традиционные образы экстраполируются в сферу культурной политики,

превращая Алтай в «пуповину планеты Земля», откуда и начнется возрождение [16].

Реально региональные практики по сохранению археологического, фольклорного и этнографического наследия предусматривают создание историко-культурных и ландшафтных зон, призванных стать основой для организации музейных комплексов, проведения фольклорных праздников, возрождения народных промыслов и ремесел с целью развития историко-культурного туризма. Подобные процессы повсеместно происходят в Сибири.

На уровне Министерства культуры Республики Хакасия на протяжении 1990–2000-х гг. разрабатываются программы по сохранению культурного наследия. Это закон Республики Хакасия от 21 октября 1994 г. «О культуре»; целевая программа «Развитие культуры и сохранение культурного наследия Республики Хакасия на 2008–2010 годы»; Закон Республики Хакасия «О Республиканской целевой программе «Популяризация культурного наследия и развитие культурного туризма в Республике Хакасия на 2009–2013 годы».

Девиз программы гласит: «Культура Хакасии – начало перемен». При этом культуры региона рассматриваются как ресурс социально-экономического и культурного развития [17. С. 51].

Стартовой площадкой для развития становятся культурно-ландшафтные комплексы Хакасии – музеи под открытым небом, археологические и этнографические комплексы [18]. Идея их использования в качестве туристических объектов родилась еще в советские времена. Она принадлежала известным ученым-археологам Л.Р. Кызласову и Я.И. Сунчугашеву, благодаря которым в 1986 г. в Красноярском крае был утвержден перспективный план музеефикации до 1995 г., куда были включены 12 археологических объектов, включая Большой Салбыкский курган, Боярскую и Сулекскую писаницы и комплекс памятников на горе Сундуки.

Первый этноархеологический музей появился в 1996 г. в Аскизском районе Республики Хакасия. Им стал Хакасский республиканский национальный музей-заповедник в с. Казановка. Позже был создан Полтаковский музей наскального искусства (2003) и Анхаковский муниципальный музей под открытым небом «Улуг Хуртуях Тас» (2003), Музей под открытым небом «Усть-Сос» (2010).

Музей «Улуг Хуртуях Тас» занимает особое место в программах сохранения историко-культурного наследия и этнического возрождения Республики Хакасия и всей Сибири. Главным экспонатом его является окуневское изваяние (II–III тыс. д.н.э.), практика почитания которого сложилась уже к XVIII в.: «Улуг Хуртуях Тас» / «Большая каменная старуха» почиталась коренным населением как прародительница хакасов и подательница плодородия. Изваяние продолжали почитать и в XX в., даже когда оно было перевезено из степи в экспозицию Абаканского краеведческого музея.

В постсоветскую эпоху вопрос о возвращении «Улуг Хуртуях Тас» на прежнее место в улус Анхаков не раз обсуждался на съездах хакасского народа. В сентябре 2003 г. изгнание было возвращено на исконное место [19]. В общественном дискурсе Республики Хакасия его судьба стала символом этнического возрождения: с возвращением «Улуг Хуртуях Тас» на родную землю, сюда должно вернуться счастье и изобилие [20. С. 3].

В сентябре 2003 г. в с. Анхаков Аскизского района Республики Хакасия впервые был проведен праздник в честь «возвращения Богини Материнства и Детства домой, на родную землю». Его открывали в то время председатель Правительства Республики Хакасия А.И. Лебедь и Председатель Совета старейшин родов хакасского народа В.М. Торосов.

С того времени музей «Улуг Хуртуях Тас» стал символом возрождения. Сегодня он, как и многие другие музейные комплексы Хакасии и Алтая, выполняет функцию консолидации республиканского сообщества не только по этническому, но и по региональному принципу. Концепт культурного наследия в массовом сознании связывает образы древнего прошлого с современностью, формируя ощущение родины.

Подобная ситуация в целом характерна для многих сибирских территорий. На протяжении 1990-х гг. повсеместно в Сибири были приняты законы о сохранении и популяризации культурного (в том числе нематериального) наследия. Они были согласованы с программами сохранения уникальных историко-культурных ландшафтов, с охраной и воссозданием традиционных святынь (достопримечательных / священных мест) и религиозных святынь, а также с программами развития территорий на основе как традиционных технологий (в рамках этнического предпринимательства / фермерства), так и современных рекреационных практик.

Согласно программным разработкам региональных элит, прожективная модель формирования культурного человека предполагала обязательное освоение традиционных моделей жизнедеятельности и опиралась на концепцию «этнической личности». Однако фрагментированный характер традиционных культур Сибири рубежа XX–XXI вв. делал проблематичным их естественную ревитализацию. Неотрадиционализм и реконструкции во многих регионах стали основой методологии этнического ренессанса.

В результате процесс возрождения в Сибири определил различные тенденции: рост интереса к древним традициям и эксперименты на актуальные темы; попытки воссоздания аутентичной этники и стилизация, нивелирующая локальные различия; сакрализация культурного наследия и его активная интеграция в рекреационные и коммерческие региональные схемы. Повсеместно реальностью и результатом этнического ренессанса стали театрализованные праздники и фестивали, центры ремесел, фольклорное движение, эко-стоянки, эко- и этномузеи. В ходе реконструкции и моделирования этнокультурной среды на основе аутентичных версий и авторских разработок происходили обмен традициями и их широкое распространение в масштабах историко-этнографических областей и провинций. Сибирской универсалией стали неошаманизм, святилища у дорог и на перевалах, сувенирный вал.

В конечном итоге «ренессанс» рубежа XX–XXI вв. стал формой и механизмом модернизации этнических и – шире – региональных (полиэтнических) сообществ и их интеграции в российское и мировое социокультурное пространство. Так же, как и в Новое время, процессы социальной модернизации, связанные с перспективой освобождения личности, были откорректированы в пользу родовых, этнических нормативов. Совмещение традиционалистского и инновационного определило противоречивый характер этнического ренессанса в современной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хакасия: содружество наций / Комитет национальной политики при Правительстве Республики Хакасия. Абакан, 2002.
2. Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив»: материалы IX внеочередного съезда хакасского народа. Ф. П-884. Оп. 1. Д. 72.
3. Панорама культурной жизни регионов России в сети Интернет. Республика Алтай. 2002. URL: <http://www.altai-republic.com/modules.php?op=modload&name=Sections&file=index&req=viewarticle&artid=28&page=1>, свободный (дата обращения: 01.02.2008).
4. Казанцев А.Ю. Этнополитические процессы в Республике Алтай в конце XX века // Политическая история Горного Алтая и Г.И. Чорос-Гуркин. 1900–1940 гг. Горно-Алтайск, 2005.
5. «Эне Тил» – это возрождение // Звезда Алтая. 1991. № 37. С. 2.
6. Архив Управления Министерства юстиции РФ по Республике Алтай.
7. Октябрьская И.В. Тюрки Алтая: проблемы межнационального сообщества // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 48–61.
8. Кыдыева В.Я. Институт зайсанства у алтайцев. Алтай – Россия: через века в будущее: матер. конф. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. Т. I. С. 113–116.
9. Открытие культурного Центра в Чемальском районе // Республика Алтай. Официальный интернет-портал. URL: www.altai-republic.com/print.php?sid=1484&POSTNUKESID=80b02191988294d5231d8ac38fb118e8-5k, свободный (дата обращения: 14.11.2006).
10. Родовые праздники весеннего цикла. Методические рекомендации для специалистов учреждений культуры. Абакан: Хакас. книж. изд-во, 2004. 44 с.
11. Материалы XII съезда хакасского народа // Сайт «Совета старейшин родов хакасского народа». URL: http://www.star19.ru/index.php?option=com_content&view=frontpage, свободный (дата обращения: 11.09.2011).
12. Материалы XIII съезда хакасского народа // Сайт «Совета старейшин родов хакасского народа». URL: <http://sovetsstar19.ru/2016/04/15>, свободный (дата обращения: 30.05.2016).
13. Алякина К.В. Культурное наследие как гипертекстуальное пространство // Контексты социального знания: сб. науч. статей к 15-летию социол. факультета Самар. гос. ун-та. Самара: Универс-групп, 2005. С. 317–326.

14. Закон «Об охране объектов культурного наследия в Республике Алтай» от 16 сентября 2003 г. URL: http://zakon.scl.ru/ru/legal_texts/legislation_RF/index.php?do4=document&id4=08b4af1d-f751-465a-b53c-ff766607a62f, свободный (дата обращения: 12.02.2011).
15. Государственное казенное учреждение Республики Алтай «Национальный архив». Ф. Р-190. Оп. 8. Д. 20.
16. Мамыев Д.И. Духовная культура Алтая – экология жизни. Горно-Алтайск: [б.и.], 2003.
17. Окольникова С.А. Культурное наследие Хакасии как объект региональных программ и проектов // Вопросы культурологии. 2009. № 3. С. 51–58.
18. Тараканов В. Хакасия – музей под открытым небом. URL: <http://www.gazeta19.ru/node/841>, свободный (дата обращения: 23.09.2014).
19. В Хакасии для культового памятника – «Степной богини» построили юрту. РИА Сибирь. URL: <http://www.ria-sibir.ru>, свободный.
20. Бахман О. И пусть к тебе извечною тропой идет народ с надеждою и верой! // Хакасия. 2003. № 187. С. 3.

Oktyabrskaya Irina V. Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: siem405@yandex.ru; *Samushkina Ekaterina V.* Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: Khakassie@yahoo.com

ETHNIC-CULTURAL RENAISSANCE IN SIBERIA NOWADAYS: GENERAL DESCRIPTION AND REGIONAL SPECIFICITIES (A CASE STUDY OF THE ALTAI AND KHAKASSIA REPUBLICS).

Keywords: Siberia; Altai Republic; Khakassia Republic; indigenous people; ethnic renaissance; historical-cultural heritage; neotraditionalism.

The paper presents a general description of the phenomenon of the “ethnic renaissance” in Siberia at the threshold of the XX–XXI centuries. The real social, ethnic and cultural programs involved in the ethnic renaissance process are described on the examples of the Autonomous Republics of Altai and Khakassia. The authors conclude that the notion of the ethnic renaissance has been used to denote processes of ethnic and political sovereignization of peoples of the post-Soviet entity (including indigenous peoples of Siberia) and increasing national self-consciousness since the 1990s. The ethnic renaissance models have been based on the concept of “ethnic individuality” that was proposed by national elites. Social and scientific notion of ethnic renaissance in Siberia emerged as an opposition to diffusion of the objective bases of ethnicity (territory, culture and language) in the context of globalization, social-economic integration and cultural unification. It was a reaction to the change of the political system and national policy of Russia in the late XX – early XXI centuries. Depolitization of the social movement for the ethnic revival in Siberia took place in the early XXI century. The process was aimed at revival of national culture, language and education. The category of “cultural heritage” (preservation, research, interpretation and popularization) has become the key topic in elaboration of the future development models of Siberian regions. Ideology and practices of cultural heritage preservation have been based on the concepts proposed by international (UNESCO and UNO), Russian and regional institutions. Laws on revival of ethnic values and institutions and legal acts on preservation and popularization of cultural (including non-material) heritage have been adopted by regional governments throughout Siberia since the 1990s. Regional renaissance programs have been aimed at preservation of historical and cultural landscapes and sacred places as well as regional development on the basis of both traditional and modern technologies. The proposed programs represent a combination of various trends: increasing interest to archaic features and modernism; attempts to reconstruct authentic practices and stylization; cultural heritage sacralization and integration of traditional practices into recreational and commercial local programs. The features of ethnic renaissance in Siberia are ethnic performances at various local festivals, handicraft centers, folklore movements, ecological and ethnological museums. The “ethnic renaissance” of the threshold of the XX – XXI centuries has become the form and method of modernization of the ethnic and poly-ethnic regional communities and their integration in the Russian and global social and cultural entity.

REFERENCES

1. National Policy Committee at the Government of the Republic of Khakassia. (2002) *Khakasiya: sodruzhestvo natsiy* [Khakassia: The Commonwealth of Nations]. Abakan.
2. The Government of the Republic of Khakassia, a state-owned institution “National Archives”. Fund P-884. List 1. File 72.
3. The Republic of Altai. (2002) *Panorama kul'turnoy zhizni regionov Rossii v seti Internet. Respublika Altay* [The map of the cultural life in Russian regions on the Internet. Altai Republic]. [Online] Available from: <http://www.altai-republic.com/modules.php?op=modload&name=Sections&file=index&req=viewarticle&artid=28&page=1>. (Accessed: 1st February 2008).
4. Kazantsev, A.Yu. (2005) Etnopoliticheskie protsessy v Respublike Altay v kontse XX veka [Ethno-political processes in the Republic of Altai in the late 20th century]. In: *Politicheskaya istoriya Gornogo Altaya i G.I. Choros-Gurkin. 1900–1940 gg.* [The political history of Gorny Altai and G.I. Choros-Gurkin. 1900–1940]. Gorno-Altaysk.
5. *Zvezda Altaya*. (1991) “Ene Til” – eto vrozozhdenie [“Ene Til” - a revival of the Altai]. 37. p. 2.
6. The Archive of the Russian Federation Ministry of Justice Office of the Republic of Altai.
7. Oktyabrskaya, I.V. (1997) Tyurki Altaya: problemy mezhnatsional'nogo soobshchestva [The Turks of Altai: the problem of international community]. In: Derevyanko, A.P., Alekseev, N.A., Gemuev, I.N. & Oktyabrskaya, I.V. (eds) *Narody Sibiri: prava i vozmozhnosti* [The peoples of Siberia: the rights and opportunities]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 48–61.
8. Kydyeva, V.Ya. (2006) Institut zaysanstva u altaytsev [Institute of Zaisan in Altai]. *Altay – Rossiya: cherez veka v budushchee* [Altay - Russia: through the centuries into the future]. Proc. of the Conference. Vol. 1. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 113–116. (In Russian).
9. The Republic of Altai. (n.d.) *Otkrytie kul'turnogo Tsentra v Chermal'skom rayone* [The opening of the cultural centre in Chermal]. [Online] Available from: www.altai-republic.com/print.php?sid=1484&POSTNUKESID=80b02191988294d5231d8ac38fb118e8 - 5k. (Accessed: 14th November 2006).
10. Tutatchikova, A.S. (2004) *Rodovye prazdniki vesennego tsikla. Metodicheskie rekomendatsii dlya spetsialistov uchrezhdeniy kul'tury* [Family holidays of the spring cycle. The guidelines for professionals of cultural institutions]. Abakan: Khakassia Book Publ.
11. The Council of Elders of Khakass people. (n.d.) *Materialy XII s"ezda khakasskogo naroda* [Proc. of the 12th Congress of the Khakass people]. [Online] Available from: http://www.star19.ru/index.php?option=com_content&view=frontpage. (Accessed: 11th September 2011).
12. The Council of Elders of Khakass people. (n.d.) *Materialy XIII s"ezda khakasskogo naroda* [Proceedings of the 13th Congress of the Khakass people]. [Online] Available from: <http://sovetstar19.ru/2016/04/15>. (Accessed: 30th May 2016).
13. Alyakina, K.V. (2005) Kul'turnoe nasledie kak gipertekstual'noe prostranstvo [The cultural heritage as a hypertextual space]. In: Machnev, V.Ya. (ed.) *Konteksty sotsial'nogo znaniya* [The contexts of social knowledge]. Samara: Univers-grupp. pp. 317–326.

14. The Republic of Altai. (n.d.) *The Law "On protection of cultural heritage in the Republic of Altai" of September 16, 2003*. [Online] Available from: http://zakon.scli.ru/ru/legal_texts/legislation_RF/index.php?do4=document&id4=08b4af1d-f751-465a-b53c-ff766607a62f. (Accessed: 12th February 2011). (In Russian).
15. The State Public Institution of the Altai Republic "National Archives". Fund R-190. List 8. File 20.
16. Mamyev, D.I. (2003) *Dukhovnaya kul'tura Altaya – ekologiya zhizni* [Spiritual culture of Altai – the ecology of life]. Gorno-Altaysk: [s.n.].
17. Okolnikova, S.A. (2009) Kul'turnoe nasledie Khakasii kak ob"ekt regional'nykh programm i proektov [Khakassian cultural heritage as an object of regional programs and projects]. *Voprosy kul'turologi*. 3. pp. 51-58.
18. Tarakanov, V. (n.d.) *Khakasiya – muzey pod otkrytym nebom* [Khakassia – an open air museum]. [Online] Available from: <http://www.gazeta19.ru/node/841>. (Accessed: 23rd September 2014).
19. RIA Sibir'. (n.d.) *V Khakasii dlya kul'tovogo pamyatnika – "Stepnoy bogini" postroili yurtu* [A yurt was built in Khakassia for the cult monument of the "Steppe Goddess"]. [Online] Available from: <http://www.ria-sibir.ru>.
20. Bakhman, O. (2003) *I pust' k tebe izvechnoyu tropoy idet narod s nadezhdoyu i veroy!* [And let the people with hope and faith come to you along the eternal path!]. *Khakasiya*. 187. p. 3.

УДК 94:316.7(571.1/.5)
DOI: 10.17223/19988613/42/14

В. Ольшевски

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ОТНОШЕНИЯ ПОЛЯКОВ К ЖИТЕЛЯМ СИБИРИ

*Статья написана в рамках научного проекта № 8.1.19. 2016,
выполненного при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.*

Появление поляков в Сибири относится к тому периоду, когда только начиналась российская колонизация этой земли. Для того, чтобы понять позиции поляков, их отношение к другим жителям Сибири, надо отдавать себе отчет в том, что само слово «поляки» на протяжении нескольких столетий имело разный смысл, различное культурологическое наполнение. В статье, методология которой основана на дифференциации культурно-исторических контекстов, особое внимание обращается на то, как особенности культурной идентичности различных групп поляков и процессы эволюции этой идентичности в их группах преопределяли их отношение к жителям Сибири.

Ключевые слова: Сибирь; поляки; культурная идентичность.

Вопросы «Как воспринимали поляки, оказавшиеся в Сибири, ее жителей?» и «Как они к ним относились?» не являются вопросами, которые касаются определенного, неизменного контингента поляков и, соответственно, их установок по отношению к иному, отличному от них самих культурному окружению. Ответы на эти вопросы возможны только при учете внутренней дифференциации в самой среде «сибирских поляков».

Польские отношения с Сибирью, особенно на протяжении последних двух столетий, вследствие всех исторических и политических сложностей, были и остаются важным элементом, формирующим представления поляков о России и Советском Союзе, о русских и россиянах в целом [1–4]. Поэтому неудивительно, что данная проблема постоянно оказывается в поле интересов как польских, так и российских исследователей.

Однако в данной статье я хотел бы сосредоточить внимание не столько на самом отношении поляков к жителям Сибири, сколько на том, какое влияние на позиции поляков в этом вопросе имела сама конструкция (организация) их культурной идентичности. Я убежден, что это поможет понять поступки, поведение, установки поляков, особенно такие их позиции, которые исследователям (а также польской общественности) порою кажутся трудно объяснимыми или совсем непонятными [5. С. 130–148]. В своих анализах я буду опираться прежде всего на гуманистическое направление в польской антропологии первой половины XX в. Предпринятые в то время новаторские по своему характеру теоретические исследования, прежде всего касающиеся проблематики культурной идентичности и отношений между разными культурами, в значительной мере до сих пор сохранили свою актуальность и научный потенциал. Не устарели и не исчерпали себя выработанные в то время подходы к вопросам польской национальной идентичности и отношения поляков с соседними народами, этническими группами и меньшинствами¹.

Начну с краткой характеристики двух важнейших в контексте нашей проблематики форм организации об-

щественной группы, бывших одновременно формами становления и выявления ее идентичности. Первая из этих форм – этническая группа, вторая – народ (нация). Разумеется, выделение таких моделей связано с некоторым упрощением действительности, ибо реальная общественная и культурная жизнь всегда бывает гораздо более сложной и богатой, чем схема научной классификации. Но я все же буду вести речь именно о данных формах, явившихся результатом определенного моделирования ситуации и теоретических обобщений.

Этническую группу можно определить как группу *неорганизованную*. Она лишена как тех форм общегрупповой организации, которые характерны для родо-племенных сообществ, так и элементов организации, очевидных в более сложных социальных структурах, прежде всего здесь отсутствуют такие механизмы и групповые институты, которые служили бы проведению собственной культурной политики, обеспечивали бы сознательную и целенаправленную деятельность, устремленную к тому, чтобы не только сохранить, но дать толчок к дальнейшему развитию своей культуры и пропагандировать ее ценности среди соседних групп.

Принадлежность индивидуума к группе в таком ее понимании определяется соответствием данного индивидуума идеальному культурному образцу. Общественно-культурные границы этнической группы простираются до той черты, которая определяется сознанием ее культурного единства, отличия от соседних групп и противостояния им. Эти границы зависят от радиуса культурно-общественной компетенции членов этой группы. Там, где начинается мир культурной некомпетенции, мир чужих ценностей, – возникает уже другая, чужая группа. Динамика культурного развития этнической группы, ее способность к освоению нового, реализации культурных инноваций, в целом, невелики, и процессы такого рода протекают медленно. Само существование такой группы и мыслится, и реализуется как максимально точное и верное воспроизведение сложившегося прежде идеального культурного образ-

ца. На страже этого идеала стоят признанные в данной группе авторитеты и общественное мнение. Их задачей является забота о сохранении установившегося status quo [7. С. 11; 8. С. 181–193; 9. С. 15]².

В отличие от этнической группы, основой организации народа (нации) и его идентичности являются не следование идеальным культурным образцам, а механизмы и институция культурного руководства (лидерства) и активное, творческое, признанное окружающим миром, сознательное участие всех членов группы в развитии общей культуры.

Как писал в 1935 г. Флориан Знанецкий (Florian Znaniecki), «сохранение отличительных особенностей и единства группы, которое на уровне этнической группы достигается ненормированной деятельностью однородной массы ее членов, в народе (нации) оказывается достижимым посредством и благодаря специальным институциям культурных лидеров (вождей) народа. <...> Язык становится упорядоченным литературно, искусство, религия, философия из анонимных и не подверженных критике форм народного творчества поднимаются на тот уровень, где они становятся продуктом передовой общественной мысли всей нации, осознавшей необходимость их создания и развития. <...> На место народного обычая приходит не право (как это наблюдается в организации государства), а национальная мораль, которая реализуется в поступках и поведении людей, признанных нравственно безупречными лидерами, и формулируется в произведениях моралистов. Легенды <...>, в которых отражались знания или заблуждения этнической группы, касающиеся ей прошлого, вытесняются национальной историей (развивающейся на научной основе). Педагоги выстраивают новые системы и школы, определяющие направление национального воспитания. <...> И все это происходит даже в том случае, если народ (нация) формируется независимо от государства, в котором он существует, или вопреки политике этого государства. Общественное мнение опирается на признанные авторитеты, способные указать массам выход и решение по каждому, существенному для нации вопросу» [7. С. 13–14].

Народ поддерживает своих лидеров, если считает их действия правильными, в противном же случае он их свергает. Внутренние обязательства, которые каждый член группы имеет по отношению к народу (нации), в отличие от обязательств по отношению к государству, имеют не правовой, а моральный характер. Более того, национальные институции нередко действуют независимо друг от друга и даже оказываются в конфликте друг с другом. Но это не наносит ущерб народу, напротив, обогащает его культуру. Народ-нация в отличие от государства является группой, которая не зависит от централизованной власти и ее организации, а руководствуется сознательно принятыми моральными обязательствами. Именно это дает ему преимущества над государством, с одной стороны, и этнической группой – с другой. Добровольно приня-

тые обязательства всегда действуют сильнее, чем следование закону и праву, будь то государственное законодательство или обычное право. Именно поэтому народ (нация) обладает большим потенциалом развития и экспансии. Не боясь потерять свою идентичность, он может свободно черпать вдохновение и импульсы, исходящие от соседних и отличных от него культур, и одновременно сам он хочет заинтересовать этих соседей собственными культурными ценностями. Важным элементом силы народа (нации) является его экономический потенциал, развивающийся на основе частной собственности. Благодаря этим качествам народ (нация), будучи экспансивной группой, всегда имеет преимущества в действии своего ассимиляционного потенциала при соприкосновении с этнической группой, которая по самой своей природе остается исключительной (не способной к ассимиляции новых членов) [Там же. С. 60–66].

Посмотрим теперь, как формировалась польская национальная идентичность в период переселения поляков в Сибирь. Начавшиеся в польских этнических группах, как считает Ф. Знанецкий, в XII в. процессы, направленные на формирование народа-нации, привели уже в XV в. к формированию сильной польской национальной идентичности. Между прочим, результатом этого стала позднейшая постепенная добровольная полонизация русской, белорусской и литовской шляхты.

Польский народ складывался, однако, как «народ дворянский», открытый по отношению к шляхте иного этнического происхождения (и добившийся больших успехов на пути ее интеграции и ассимиляции), но с трудом – в силу своего исключительного сословного положения – принимавший другие группы и слои польского общества. Именно в силу этих обстоятельств значительная часть этнических поляков (прежде всего крестьянского населения) еще не обладала национальной идентичностью, сохраняя все признаки этнической группы.

Перелом наступил в XIX в., после январского восстания, когда польская шляхта окончательно потеряла способность выполнять роль национального лидера. Способствовали этому две причины – внутренняя (заключавшаяся в указанной выше неспособности этой группы преодолеть свою сословную ограниченность) и внешняя, вытекавшая из того, что захватившие и «разделившие» Польшу державы умышленно подрывали экономический потенциал польской шляхты, а ведь этот потенциал был национальным достоянием. Однако этот удар, видимо сознательно нанесенный захватчиками по польским дворянским именам, парадоксальным образом привел к усилению и быстрому развитию польской национальной идентичности. На место шляхты в роли национального лидера пришла (разночинная) интеллигенция, которая, впрочем, первоначально происходила из дворянских кругов. Смена лидерства привела к тому, что в течение полувека польская национальная идентичность распространилась на

все общественные группы, и польский народ, хотя и лишенный собственного государства и жестоко угнетаемый захватчиками, достиг своего географического апогея, причем во всех пограничных областях. Несмотря на это, еще в начале XX в. существовали значительные группы этнических поляков, чья идентичность в большей мере соответствовала их положению в качестве этнической группы, нежели нации-народа [7] (более подробно о процессах формирования идентичности на польских восточных окраинах – Kresach и о том, как отражались эти процессы в научной литературе, см.: [11; 12. С. 175–268]).

В контексте представленных выше теорий, касающихся национальной идентичности, посмотрим, как формировались взгляды поляков, ставших сибирскими ссыльными после разгрома восстаний. Очевидно, что они принадлежали к национальной элите, к группе «культурных предводителей» народа. Следовательно, они должны были быть настолько же уверенными в собственной культурной идентичности и приверженными ей, насколько также открытыми по отношению к тому культурному окружению, в котором они оказались. Более того, они должны были черпать из этого окружения импульсы и инспирации для обогащения собственной национальной культуры. Однако Светлана Мулина, российская исследовательница истории и судьбы польских ссыльных после январского восстания 1863–1864 гг., их жизни и общественного признания в Сибири, отмечает, что они сознательно ограничивали свои контакты с местным населением, а в своих письмах и дневниках создавали негативные стереотипы жителей Сибири и способствовали распространению таких стереотипов. Она утверждает, что польские ссыльные не видели возможности и не выражали желания сближения с местным населением. С.А. Мулина пишет: «Поляки постоянно подчеркивали культурную дистанцию между собою и местными жителями» и приводит примеры такого рода их отношения и поведения:

“Влекомый любопытством, <...> пошел я в амбар, преобразованный в театр, – иронизировал М. Жаба – и, ручаясь вам, выпался бы хорошо, если бы меня не будили выкрикивания актёров на сцене”. Другой повстанец <...> иронично отзываясь о литературно-музыкальном вечере, данном “москалями”, на котором он присутствовал только “из вежливости”. “Легко себе вообразить, какой это был вечер, как он мог быть исполнен здешними чиновниками, я имел несчастье тоже быть на нем. Везде отупелость и мрак”. <...> Даже будучи вхож в дома к местным жителям, где его неплохо принимали, М. Жаба с завидным упорством продолжал выискивать недостатки сибирского общества: “Нет той сердечности, которая характеризует наши польские дома, где человек проводит время с пользой для сердца и ума, и это, потому что не только сплетни составляют тему разговора...”» [5. С. 130].

Далее С.Ф. Мулина обращает внимание на действующие в среде польских ссыльных неформальные

объединения и товарищества, которые занимались организацией помощи нуждающимся товарищам и заботились о сохранении национальных традиций и ценностей в среде ссыльных. Важнейшие запреты, обязательные для польских ссыльных – членов таких объединений, цель которых состояла в защите национального достоинства поляков, были наложены на пьянство и азартные игры. Существовал еще третий запрет, не менее важный. «Одним из неперемennых пунктов устава польских организаций являлось требование не иметь связей с распутными женщинами и не вступать в брак. Отрицательное отношение польских ссыльных к браку с православной обнаруживается довольно часто. Так, в письме, изъятом полицией у Ксаверия Сосулича, жеманство на “сибирских развратницах” названа «публичной насмешкой над религией и чувствами вырубленного народа, преступлением, за которое нет прощения, бесчестьем. <...> Польские тайные организации возражали даже против внебрачных связей ссыльных земляков с русскими женщинами» [Там же. С. 135].

Далее российская исследовательница обращает внимание на то, что многие из ссыльных не соблюдали этих запретов, а также на то, что их религиозная жизнь не вполне соответствовала требованиям католической церкви.

Что же, значит, польские теоретики, занимавшиеся национальной проблематикой, ошибались? Для ответа на поставленный таким образом вопрос мы должны принять во внимание несколько обстоятельств. Ссыльные у себя на родине принадлежали к группе национальных лидеров, т.е. к той группе, которая предлагала своему народу культурные образцы, разрабатывала направления творческих преобразований этих исходных образцов. В положении ссыльных, в условиях ссылки эти люди лишились двух важнейших атрибутов своей группы – силы общественной поддержки и своей экономической силы. В довершение ко всему они лишились свободы. Следует помнить, что январское восстание пришлось на то время, когда, согласно Ф. Знанецкому, потенциал шляхты как польского национального лидера если и не был еще до конца исчерпан, то такое исчерпание уже намечалось, т.е. на время, которое можно назвать переходным, а может быть, даже кризисным. Все это нашло выражение в установках, поведении, взглядах ссыльных. Здесь очевидно наступает кризис ценностей, что ведет к деморализации части этих людей, а других заставляет выбрать путь построения собственной карьеры в Российской империи ценой принятия православия, т.е. ценой отказа от одной из важнейших национальных ценностей, приводящего со временем к их русификации.

Однако мы наблюдаем в этой ситуации и прямо противоположные процессы. Как справедливо заметил Антоний Кучинский (Antoni Kuczyński), в среде ссыльных после январского восстания раньше, чем в среде поляков, оставшихся на родине, произошел перелом, связанный с отказом от представлений об исключительной роли шляхты в национальном движении [1].

Именно в ссылке, в кризисной ситуации, из дворянства быстрее стала выделяться новая группа национальных лидеров – интеллигенция.

Тайные объединения ссыльных были типичными национальными институциями, задачей которых были выработка и предложение своим соотечественникам идеальных культурных образцов. Это были организации, стремившиеся не только к сохранению национального status quo, но к усилению национального фактора. В условиях чрезвычайной, угрозы, нависшей над национальными ценностями, и крайне ограниченных возможностей самозащиты, в ситуации, когда не оставалось никаких шансов на культурную экспансию, в целях сохранения национальной идентичности лидеры польского народа принимают оборонительную стратегию, что, вообще, характерно для этнических групп, находящихся под угрозой. В эту стратегию входит установка на избегание контактов с окружением, поскольку это окружение представляет угрозу для польских национальных ценностей. Отсюда и проистекает то негативное, критическое отношение ко всему, с чем приходится сталкиваться полякам в Сибири. Это неприятие и негативное отношение распространяются даже на такие вещи, отрицательное отношение к которым может показаться странным. Это касается, например, типа женской красоты или характера русской музыки, русского театрального искусства – искусства, которое поляки, даже не симпатизирующие России, обычно высоко ценили (см. об этом: [13]).

Не следует забывать о том, что национальные стереотипы и предрассудки, как справедливо заметил Ф. Знанецкий, основаны не на незнании и не являются «ошибочными суждениями», а формируются как сознательные и целенаправленные действия оборонительного, самозащитного характера, предпринимаемые группой, поскольку слишком близкие контакты с иной культурной группой представляют для нее опасность. Слишком близкие контакты могут угрожать национальным ценностям данной группы и даже вести к ее деморализации³.

В известной мере подобная ситуация имела место во время Второй мировой войны. Тогда советская власть старалась вывезти в Сибирь, Казахстан и в другие отдаленные области Советского Союза прежде всего представителей польской национальной элиты (оказавшейся на территории, на которой распространялась компетенция советской власти), причем элиты не обязательно в экономическом, но прежде всего в идеологическом измерении. Эта власть стремилась также как можно сильнее унижить ссыльных, растоптать их национальные и религиозные ценности. И в этом случае важнейшей формой самообороны против унижений было формирование убеждения в собственном моральном, культурном и цивилизационном превосходстве поляков над окружающим, чужим (сибирским) населением, чему и служили соответствующим образом выстраиваемые стереотипы. В этих стереотипах имели место различия (в пред-

ставлениях поляков о советском государстве, о его функционерах, чиновниках, о простых российских гражданах и русских людях), но каждый из таких стереотипов и все они вместе формировались в соответствии с поставленной целью охраны и спасения собственной идентичности (см. об этом: [1–3])⁴.

Я уже упоминал о том, что распространение польской национальной идентичности на другие общественные группы (не только на шляхту) было длительным процессом, ускорение которого произошло лишь на рубеже XIX и XX вв. Проведенные до настоящего времени исследования еще не позволяют точно определить, каков был характер и уровень культурной идентичности польского населения, проживавшего в сибирских деревнях в XIX и начале XX в.

Однако мы точно знаем, что оказавшиеся в Сибири поляки, происходившие из разных областей Первой Речи Посполитой (Польского государства, существовавшего до его «разделов»), в культурном отношении весьма сильно отличались друг от друга. Различной была сама их польская культурная идентичность как в этническом, так и в общенациональном ее измерении. Эти различия оказывали свое влияние на их отношение к тому окружению, в котором они оказались в Сибири, к местному населению.

Все известные нам источники (сообщения, письменные и устные свидетельства ссыльных поляков), причем как Новейшего времени, так и относящиеся к концу XIX и к началу XX в., единодушно указывают на тот факт, что польские крестьяне, оказавшиеся в Сибири, гораздо быстрее, буквально стремительно поддавались русификации, чем представители интеллигенции и дворянства. Имея в виду неоднородность польского населения в Сибири, мы должны проводить углубленные, дифференцированные исследования, обращая внимание на каждый конкретный случай. В таких исследованиях еще ощущается заметный дефицит, однако уже сегодня мы можем указать на определенную закономерность.

В тех группах ссыльных поляков, чья модель идентичности ближе к «этнической группе», нежели к пониманию своей принадлежности к народу-нации, за основу выживания принимается максимально последовательное претворение в жизнь идеальных культурных образцов, контролируемое общественным мнением и авторитетами, признанными в данной группе. Правда, в новой, сибирской, обстановке знание и опыт этих признанных авторитетов, например, людей старшего возраста, не всегда могли пригодиться, а контакты с такими традиционными в крестьянской среде авторитетами, как представители католического духовенства, были ограничены или вовсе прерваны. Это вело, особенно в условиях сравнительно близкого по языку русского окружения, к такому явлению, которое Станислав Орсини-Розенберг назвал распадом культурного образца, способствовало быстрой ассимиляции, растворению в доминирующем окружении. При этом он имел в виду рас-

пад собственного культурного образца и его вытеснение чужим, признанным более пригодным [9. С. 8–9].

Совершенно иную картину видим мы, к примеру, в польско-сибирской деревне Вершина, наиболее известной ныне современной общественности. Проживающие в ней поляки были рабочими, шахтерами; не обладали они необходимыми знаниями и опытом для ведения сельского хозяйства, но обладали национальной польской идентичностью. Хорошие отношения с соседями им были еще более нужны, чем польским крестьянам, оказавшимся в Сибири.

В то же время сильная национальная идентичность позволяла им сохранять культурный status quo, что не мешало добрым отношениям с окружающим населением, а резкие культурные различия между поляками и бурятами только облегчали достижение этой цели. Самая известная сегодня в Сибири польская деревня остается польской именно потому, что была она заселена

людьми, мало приспособленными к местным условиям жизни, но обладающими польской национальной идентичностью, развитой в гораздо большей степени, чем у многих польских крестьян, оказавшихся в Сибири.

Я привел лишь несколько примеров, показывающих, что проблема отношения «сибирских» поляков к тому иному (чужому) культурному окружению, в которое они попали, теснейшим образом связана с проблемами эволюции их собственной идентичности, с процессами изменения этой идентичности. Убежден, что на всю историю польско-сибирских отношений надо взглянуть еще раз, приняв во внимание именно данный аспект. Эта тема так широка, что на ней можно и даже нужно написать отдельную монографию. Дело это мне представляется чрезвычайно важным не только для выяснения того, что было в прошлом, но также для понимания нынешних и построения будущих польско-русских отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основные теоретические положения этого направления я уже представил в России [6].

² Станислав Орсини-Розенберг (Stanisław Orsini-Rosenberg), имея в виду названные особенности и природные черты этнической группы, назвал ее *группой конформистской*, характеризуя как «сумму людей, угнетенных их общественным положением и силой определенных, общих для этой группы, объективных культурных условий как бы приговоренных к соответствующему образу мыслей и действий» [9. С. 15]. В то же время Леон Василевский (Leon Wasilewski) применял для обозначения этнической группы ударный, хотя и заимствованный из современной ему социологии термин «этнографическая масса» (или «этнографический материал») – *masa etnograficzna, material etnograficzny* [10. С. 11–12].

³ Своим студентам, для иллюстрации этого механизма, я часто привожу пример из области исследования польско-цыганских отношений (в таких исследованиях я участвовал в 1970 и 1980-х гг. под руководством профессора Леха Мроза из Варшавского университета). Все наши информаторы подтверждали, что в детстве их пугали рассказами о том, что цыгане похищают детей. Большинство из них повторяли эти рассказы для устрашения своих детей. При этом никто из них в это не верил. Данный стереотип просто помогал избежать неконтролируемой деморализации, слишком близким контактам между детьми, за которыми занятые работой родители не имели возможности постоянно следить, сближению с цыганами, имеющими свою систему ценностей, не принятую поляками. Таким образом, этот стереотип играл типичную роль общественного регулятора.

⁴ Подобный оттенок имели стереотипы русских и граждан Советского Союза, распространенные в Польше после Второй мировой войны. Они начали понемногу ослабевать после 1989 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kuczyński A. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Wrocław : Atla, 1998. 435 с.
2. Rzepkowska A. Sybiracy: wspólnota – pamięć – narracja. Studium antropologiczne. Łódź : PTL, 2009. 227 с.
3. Ольшевски В. Жители Сибири и Казахстана в сообщениях польских ссыльных периода Второй мировой войны (в контексте польских стереотипов Сибири) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : сб. науч. тр. Омск : Изд. дом «Наука», 2014. Ч. I. С. 441–446.
4. Ольшевски В. Исследование польской диаспоры в Сибири. Дилеммы антропологии // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. С. 34–38.
5. Мулина С.А. Мигранты поневоле. Адаптация ссыльных участников польского восстания 1963 года в Западной Сибири. СПб. : Алетея, 2012. 199 с.
6. Ольшевский В. Культурная идентичность: избранные аспекты // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность : сб. науч. тр. Омск : Издатель-Полиграфист, 2011. С. 68–87.
7. Znaniecki F. Socjologia walki o Pomorze. Toruń : Instytut Bałtycki, 1935. 48 с.
8. Obrębski J. Problem grup etnicznych w etnologii i jego socjologiczne ujęcie // Przegląd Socjologiczny. 1936. № 4 (1–2). С. 177–195.
9. Orsini-Rosenberg S. Procesy rozkładowe w grupach etnicznych niezorganizowanych. Warszawa : Drukarnia L. Nowaka, 1933. 41 с.
10. Wasilewski L. Sprawy narodowościowe w teorii i życiu. Warszawa : Towarzystwo Wydawnicze w Warszawie, 1929. 232 с.
11. Bardach J. O świadomości narodowej Polaków na Litwie i Białorusi w XIX–XX w. // Między Polską etniczną a historyczną. Wrocław : Ossolineum, 1988. С. 225–272.
12. Olszewski W. Tożsamość kulturowa Kresów w humanistycznym nurcie polskiej myśli etnologicznej do roku 1939. Studium z zakresu antropologii stosowanej. Toruń : Wydawnictwo UMK, 2007. 325 с.
13. Lepecki M. Sybir bez przekleństw. Sybir wspomnień. Warszawa : Wydawnictwo LTW, 2012. 300 с.

Olszewski Wojciech. Nicolaus Copernicus University in Toruń (Toruń, Poland); Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: wojol@umk.pl

HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXTS OF POLES' ATTITUDES TOWARDS THE INHABITANTS OF SIBERIA.

Keywords: Siberia; Poles; cultural identity.

Poles have been presented in Siberia ever since Russia began to colonise the land. In order to understand their attitudes and demeanour towards the inhabitants of Siberia, including both indigenous peoples and Russians, it is important to bear in mind that the word “Poles”

has meant vastly different cultural qualities over that period spanning several hundred years. Historians have addressed the social differences among Poles coming to Siberia and the diversity of places (regions) they were coming from, with a particular emphasis on the varied circumstances in which these people arrived and stayed in Siberia. However, they have not given sufficient consideration to the important issue of how diverse the Poles were in terms of identity, and how their cultural identity influenced their relationship with the indigenous population. Nation-building processes within Polish ethnic groups led to the establishment of a strong Polish national identity as early as in the XV century. That nation, however, consisted mainly of nobility. While open to nobles of different ethnic origin, it was reluctant to accept other Polish social groups due to its class exclusivism. As a result, a large proportion of the ethnographically Polish population continued to associate their identity with ethnicity rather than nationality. A breakthrough occurred in the aftermath of the January Uprising (1863–1864), when the gentry ultimately lost their ability to lead the nation. The reasons were twofold: the gentry's inability to overcome class exclusivism, and the destruction of their economic potential (considered a national treasure) by the partitioning powers. Paradoxically, by striking against nobles' estates, the occupying forces contributed to the strengthening and rapid development of Polish national identity, since gentry was replaced by the intelligentsia as the nation's leadership class. Within half a century, the change in leadership helped extend Polish national identity to all social groups, and allowed the Polish nation, devoid of its own state at the time, to reach a geographical apogee on all its borders. Nevertheless, even at the beginning of the XX century, there still existed sizable groups of ethnographically Polish population whose identity was more ethnic than national. Polish researchers dealing with issues of nationality emphasised as early as in the 1920s and 1930s that cultural identity is not a state, but rather a process, and that the manner in which group identity is organised has a profound impact on the group's (or its members') attitudes towards a culturally different environment. Taking into account the varied cultural and historical contexts, this paper pays special attention to the manner in which the cultural identity of each group of Poles and the identity processes occurring within it have translated into the group's attitude towards the inhabitants of Siberia. The author believes that the entire history of Polish-Siberian relations should be revisited in order to take into account that particular aspect. Arguably, this is important not only to the understanding of the past, but also to the understanding of the current and the improvement of the future Polish-Russian relations.

REFERENCES

1. Kuczyński, A. (1998) *Syberia. 400 lat polskiej diaspory* [Siberia. The Polish diaspora is 400]. Wrocław: Atla.
2. Rzepkowska, A. (2009) *Sybiracy: wspólnota – pamięć – narracja. Studium antropologiczne* [The Siberians: Community – memory – narrative. Anthropological studies]. Łódź: PTL.
3. Olszewski, W. (2014) Zhiteli Sibiri i Kazakhstana v soobshcheniyakh pol'skikh ssl'nykh perioda Vtoroy mirovoy voyny (v kontekste pol'skikh stereotipakh Sibiri) [Residents of Siberia and Kazakhstan in the reports of Polish exiles during World War II (in the context of Polish stereotypes of Siberia)]. In: Tomilov, N.A. & Chernyavskaya, N.K. (eds) *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya* [The Siberian village: History, current state and prospects for development]. Omsk: Nauka. pp 441-446.
4. Olszewski, W. (2014) Issledovanie pol'skoy diaspory v Sibiri. Dilemmy antropologii [Polish diaspora in Siberia. Anthropological dilemmas]. In: Tautova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in archaeological research]. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 34-38.
5. Mulina, S.A. (2012) *Migranty ponevole. Adaptatsiya ssl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1963 goda v Zapadnoy Sibiri* [Involuntary migration. Adaptation of the exiled members of the Polish uprising of 1963 in Western Siberia]. St. Petersburg: Aletya.
6. Olszewski, W. (2011) Kul'turnaya identichnost': izbrannye aspekty [Cultural identity: Selected aspects]. In: Zhigunova, M.A. & Danchenko, E.M. (eds) *Naselenie Sibiri: mezhnatsional'nye otnosheniya, obrazovanie i kul'turnaya identichnost'* [Siberian population: Ethnic relations, education and cultural identity]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist. pp. 68-87.
7. Znaniecki, F. (1935) *Socjologia walki o Pomorze* [Sociological struggle for Pomerania]. Toruń: Instytut Bałtycki.
8. Obrębski, J. (1936) Problem grup etnicznych w etnologii i jego socjologiczne ujęcie [The problem of ethnic groups in ethnology and sociological approach]. *Przegląd Socjologiczny*. 4(1-2). pp. 177-195.
9. Orsini-Rosenberg, S. (1933) *Procesy rozkładowe w grupach etnicznych niezorganizowanych* [Decomposition processes in unorganized ethnic groups]. Warsaw: Drukarnia L. Nowaka.
10. Wasilewski, L. (1929) *Sprawy narodowościowe w teorii i życiu* [Ethnic affairs in theory and life]. Warsaw: Towarzystwo Wydawnicze w Warszawie.
11. Bardach, J. (1988) O świadomości narodowej Polaków na Litwie i Białorusi w XIX–XX w. [The national consciousness of Poles in Lithuania and Belarus in the 19th–20th centuries.]. In: Wrzesiński, W. (ed.) *Między Polską etniczną a historyczną* [Between ethnic and historical Poland]. Wrocław: Ossolineum. pp. 225–272.
12. Olszewski, W. (2007) *Tożsamość kulturowa Kresów w humanistycznym nurcie polskiej myśli etnologicznej do roku 1939. Studium z zakresu antropologii stosowanej* [The borderlands of cultural identity in the humanities stream of Polish ethnological thought before 1939. The study in the field of applied anthropology]. Toruń: Wydawnictwo UMK.
13. Lepecki, M. (2012) *Sybir bez przekleństw. Sybir wspomnień* [Siberia without profanity. Siberian memories]. Warsaw: Wydawnictwo LTW.

УДК 572.2+572.941+572.951
DOI: 10.17223/19988613/42/15

А.Н. Багашев

МЕЖГРУППОВАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕВЕРНЫХ САМОДИЙЦЕВ И КЕТОВ

В современной систематике надпопуляционных общностей Северной Евразии отнесение некоторых народов к той или иной таксономической категории является предметом дискуссий. Это касается, в частности, северосамодийских народов (ненцев, энцев и нганасан) и кетов и обусловлено недостатком имеющихся антропологических материалов. Появление новых данных об особенностях физического облика тазовских и лесных ненцев с севера Западной Сибири дало возможность рассмотреть характер их межгрупповой изменчивости. Выявленные закономерности позволяют рассматривать северных самодийцев и кетов в качестве самостоятельного третьего антропологического типа – ямало-енисейского – в составе западносибирской антропологической формации наряду с обь-иртышским и уральским.

Ключевые слова: антропология; популяция; систематика; таксономия; Северная Евразия; северные самодийцы; кеты.

Современное аборигенное население Северной Евразии относится к различным этнолингвистическим образованиям (самодийцы, финно-угры, тюрки, кеты, палеоазиаты), в традиционной культуре представлены разнообразные хозяйственно-культурные типы присваивающего и производящего хозяйств. Как велико разнообразие их культур и природно-климатических условий обитания, так велики и антропологические различия между ними, что в целом говорит о различных путях их этногенеза. Антропология освещает лишь одну из сторон происхождения племен – историю формирования особенностей их физического облика, в реконструкции которой важное место занимает таксономическая классификация антропологических общностей, так как она отражает элементы общности и различий в генезисе и исторических судьбах популяций.

Систематике антропологических общностей Северной Евразии уделяется большое внимание начиная с конца XIX в. Наибольшую известность получила систематика И. Деникера [1], которая позднее дополнялась и конкретизировалась Г.Ф. Дебецем, А.И. Ярхо, В.В. Бунаком, Н.Н. Чебоксаровым, В.П. Алексеевым и др. Ими отмечена тенденция ослабления степени выраженности европеоидных особенностей с запада на восток, а Евразийская промежуточная зона обозначена как территория формирования смешанных европеоидно-монголоидных форм в результате длительного контакта и взаимодействия народов запада и востока. Поэтому в качестве основного механизма их генезиса постулируется метисация. Применительно к южносибирским популяциям это доказано, смешение между монголоидными и европеоидными группами на территории Южной Сибири и Казахстана фиксируется с эпохи неолита [2–4]. А вот механизм формирования северных популяций Евразийской промежуточной зоны (выделенных И. Деникером в угорскую, а позднее В.В. Бунаком в уральскую антропологическую общность) трактуется неоднозначно. Одни исследователи в качестве основного фактора их формирования рассматривают смешение [5, 6], другие придерживаются мнения о консервации в их генофонде древних недиффе-

ренцированных элементов [7, 8]. Объединение популяций в один таксон – уральскую расу, вывело уровень её изменчивости на сходный с другими, что соответствовало принципам классификации К. Линнея.

Однако накопление новых данных об антропологии популяций уральской общности (по тюркам и финнам Приуралья, обским уграм, западносибирским и южносибирским тюркам, северным и южным самодийцам) существенно увеличило уровень её межгрупповой изменчивости, варибельность приобрела значительный уровень трансгрессии. Для исправления ситуации было предложено в составе этой совокупности популяций выделить варианты – субуральский, лапоноидный, сублапоноидный, западносибирский, собственно уральский, североалтайский. Однако анализ массива данных показал, что общая изменчивость не уменьшилась, а возросла. В этой связи автором было предложено отказаться от понятия уральской расы как совокупности субуральских (приуральских), североалтайских, западносибирских популяций и кетов [9]. Было обосновано субуральские группы рассматривать в качестве восточного типа североευропейской (беломоро-балтийской) совокупности европеоидных популяций, североалтайские – в качестве особого антропологического типа южносибирской формации, наряду с алтае-сайским и казахстанским. Западносибирские народы (угры, тюрки и южные самодийцы, кроме северных) выделены в локальную западносибирскую общность. Северных самодийцев и кетов было предложено условно отнести к западному варианту североазиатских монголоидов – енисейскому типу [Там же]. Изменчивость новых таксонов снизилась до сопоставимого, однако в связи с недостатком данных направление расогенетических связей и таксономическое положение северных самодийцев и кетов оставались неопределёнными.

Появление новых краниологических материалов по сибирским ненцам, в частности из Надымской и Тазовской тундры [10, 11], позволило обратиться к рассмотрению вопроса о характере межгрупповой изменчивости ненцев и кетов и их месту в системе надпопуляционных общностей Северной Евразии.

Таблица 1

Сравнительные краниологические материалы по североазиатским популяциям

№ по Мартину, или Условное обозначение	Западносибирская антропологическая формация																			
	Уральский антропологический тип						Обь-иртышский антропологический тип						Ямало-енисейский антропологический тип							
	Манси северные		Ханты северные		Ханты восточные		Тоболо- барабинские тюрки		Томско-чулымские тюрки		Нарымские селькупы		Ненцы тундровые		Ненцы тазовские		Северные самодийцы		Кеты	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1.	183,9	174,4	181,9	174,4	182,3	178,8	181,6	173,0	178,4	170,2	178,0	170,2	179,2	171,0	183,3	171,3	178,4	172,9	179,6	173,0
8.	139,5	134,2	140,3	135,4	140,2	136,7	143,4	136,9	143,4	138,0	144,2	137,4	146,6	140,7	148,0	140,9	146,4	141,2	144,8	143,0
17	126,1	120,6	126,6	123,3	130,9	125,2	131,7	125,9	131,4	126,2	133,1	127,1	129,0	121,3	131,6	125,5	128,9	123,3	128,7	127,3
8:1.	76,6	77,2	77,2	77,8	76,6	76,6	79,0	79,2	79,0	81,2	80,8	80,7	81,9	82,4	80,1	82,3	82,1	81,6	80,7	82,8
5.	100,1	94,3	100,4	96,2	101,8	96,8	101,6	96,0	99,6	95,4	101,7	97,2	98,7	96,0	102,9	96,0	98,7	94,0	100,3	96,6
9.	92,8	92,1	95,1	90,8	95,5	93,6	94,5	91,6	94,5	91,6	96,8	93,4	94,2	88,8	93,0	91,8	93,7	90,6	94,7	93,3
32.	79,3	83,4	79,5	81,9	81,3	83,7	80,6	83,0	81,3	83,5	80,1	82,0	81,8	82,4	76,2	80,4	80,7	84,6	80,7	84,7
40.	98,9	93,7	100,7	95,1	102,0	98,3	99,5	94,2	98,8	93,9	99,9	95,8	101,1	96,9	101,7	96,8	101,5	95,4	99,5	93,2
45.	135,3	127,7	136,2	128,3	135,2	127,0	137,5	127,2	137,7	127,8	140,0	129,7	139,1	130,3	142,2	132,9	141,3	134,1	137,2	131,0
48.	70,8	65,1	70,9	65,5	70,6	66,3	72,2	66,8	69,7	64,8	69,4	67,9	73,9	69,5	74,7	68,6	71,3	69,0	71,6	65,6
48:45.	52,3	50,1	52,0	51,1	52,4	52,3	52,6	52,7	50,8	50,8	49,7	50,3	53,1	53,3	52,6	51,9	51,2	53,0	52,2	50,1
72.	86,5	86,3	84,4	83,6	84,2	83,1	86,0	85,6	84,8	84,4	84,4	84,3	86,1	86,6	81,7	82,0	84,5	84,7	84,8	86,1
77.	142,1	142,8	143,4	144,7	142,2	140,7	142,7	142,8	144,0	144,2	144,6	144,4	146,4	147,4	145,9	146,3	150,3	150,4	146,3	144,6
zm'.	135,0	135,9	135,2	134,4	133,9	133,8	133,5	133,2	134,5	134,9	135,2	134,8	135,8	135,6	132,0	131,2	136,0	136,0	133,7	135,6
51.	41,8	40,6	43,0	41,6	42,8	41,1	43,8	42,0	43,2	41,4	43,8	42,0	42,7	40,9	43,2	40,6	42,1	42,1	42,8	41,7
52.	34,3	33,6	34,4	34,4	34,1	32,7	33,9	33,4	33,6	33,1	33,7	33,2	34,4	33,7	35,5	34,7	34,4	34,7	34,2	34,3
55.	52,5	48,5	52,5	49,7	51,3	48,1	52,8	49,0	51,4	47,8	51,7	48,7	53,0	51,0	54,5	51,8	52,8	50,9	52,8	48,7
54.	26,3	24,9	25,5	25,0	26,3	25,5	26,0	25,0	26,0	24,8	26,0	25,1	25,0	25,4	25,7	25,2	25,8	24,7	25,7	24,7
75(1).	20,2	16,4	20,8	17,7	18,9	14,8	21,0	17,5	20,1	18,0	18,2	17,1	23,3	18,2	21,8	18,6	26,7	20,3	18,9	16,5
SC.	7,2	7,0	7,2	6,5	7,1	7,1	7,8	7,6	7,9	7,8	8,0	8,0	7,1	7,2	6,6	7,5	6,8	6,6	7,3	8,7
SS.	2,8	2,3	2,6	2,1	3,0	2,7	3,6	3,2	3,2	2,8	3,2	2,8	2,7	2,7	2,9	2,5	3,3	2,3	2,7	3,0
DC.	21,3	20,1	20,9	19,3	20,4	19,7	21,4	20,2	21,5	20,3	21,9	20,4	21,0	19,6	21,6	20,2	19,4	18,2	22,0	20,6
DS.	10,1	9,0	9,2	8,3	10,0	9,4	10,4	9,1	10,6	9,4	10,7	9,2	9,4	8,9	10,2	9,7	9,6	7,3	8,7	8,9
Ср. Числ.	28	21	145	111	66	55	243	231	177	143	153	138	38	16	10	11	21	19	17	14

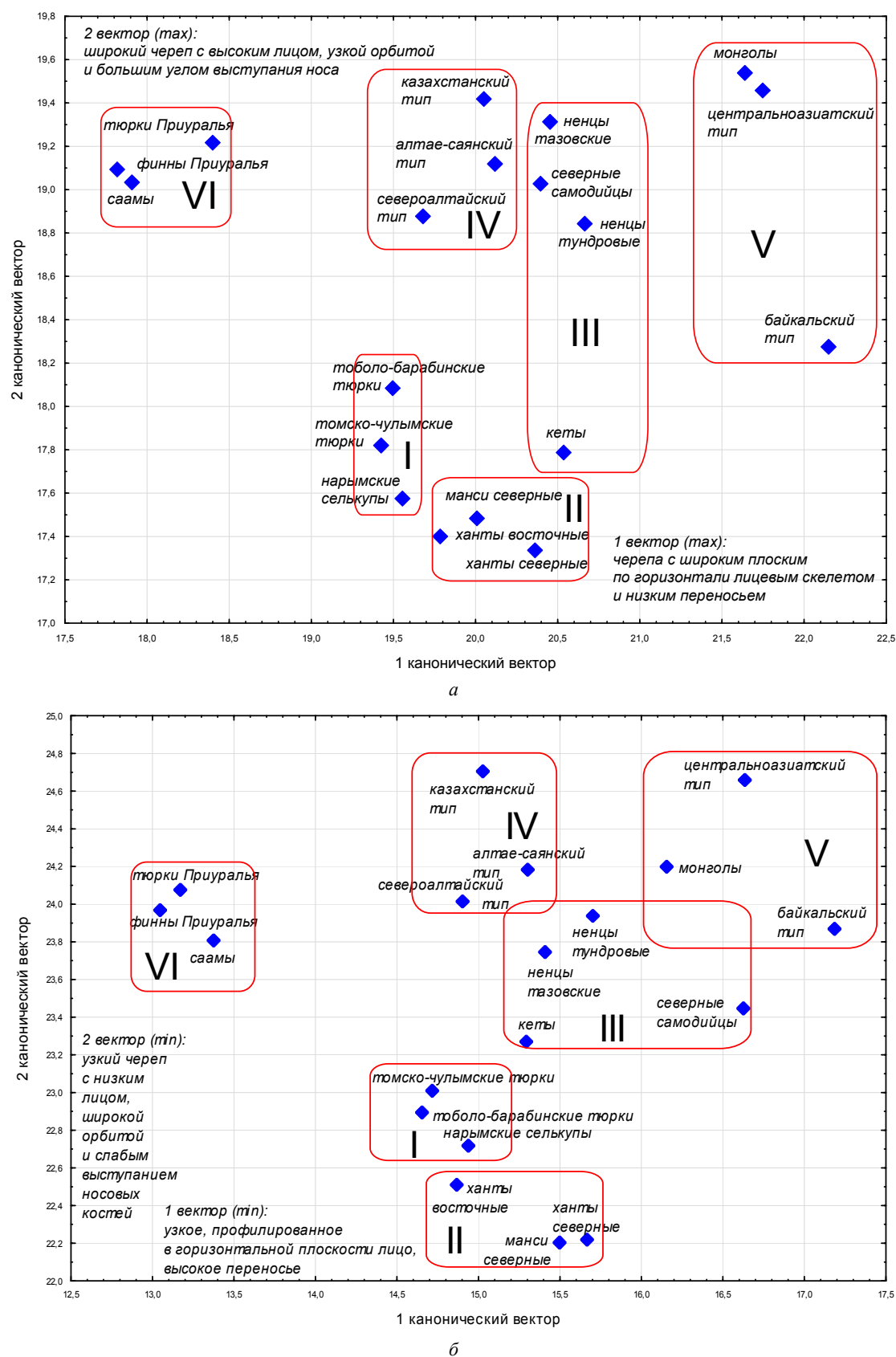

Рис. 1. Расположение мужских (а) и женских (б) североазиатских групп в корреляционном поле 1-го и 2-го канонических векторов:

- I – обь-иртышский антропологический тип западносибирской антропологической формации;
- II – уральский антропологический тип западносибирской антропологической формации;
- III – ямало-енисейский антропологический тип западносибирской антропологической формации;
- IV – южносибирская антропологическая формация; V – североазиатская антропологическая формация;
- VI – приуральский антропологический тип беломоро-балтийской антропологической формации

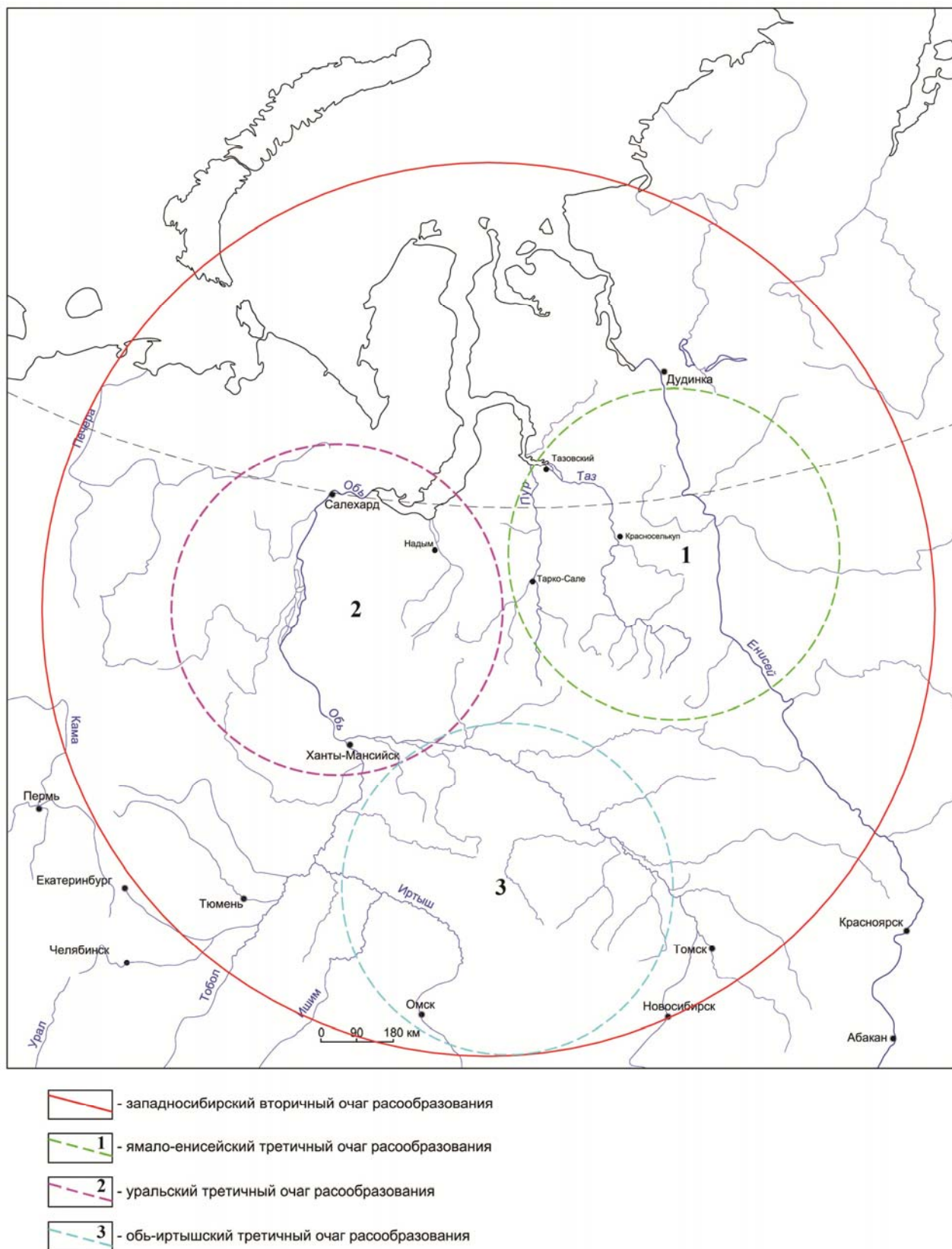

Рис. 2. Западносибирский вторичный очаг расообразования с дочерними третичными:
 1 – ямало-енисейский третичный очаг расообразования;
 2 – уральский третичный очаг расообразования;
 3 – обь-иртышский третичный очаг расообразования

Таблица 2

Величины нагрузок по 1-му и 2-му каноническим векторам

№ по Мартину, или Условное обозначение	1-й канонический вектор		2-й канонический вектор	
	♂	♀	♂	♀
1. Продольный диаметр	0,1172	-0,0040	0,0206	0,0184
8. Поперечный диаметр	0,2371	0,1590	0,4805	0,5692
17. Высотный диаметр (<i>ba-b</i>)	-0,1600	-0,1193	0,2066	0,1799
45. Скуловой диаметр	0,3449	0,3841	-0,1161	-0,1096
48. Верхняя высота лица	0,3167	0,2096	0,5556	0,5786
77. Назомалярный угол	0,3694	0,3449	-0,0084	0,1032
∠zm'. Зигмаксиллярный угол	0,3876	0,4371	-0,0177	0,0753
51. Ширина орбиты от <i>mf</i> .	-0,0357	-0,0688	-0,3542	-0,3314
52. Высота орбиты	0,1503	0,2517	-0,0200	-0,1102
75(1). Угол выступания носа	-0,2020	-0,2626	0,4650	0,3249
SS. Симотическая высота	-0,2898	-0,2957	0,1670	0,0963
DC. Дакриальная ширина	-0,1809	-0,2006	-0,0376	0,1293
DS. Дакриальная высота	-0,4660	-0,4407	0,1788	0,1632
Собственные значения	262,95	174,61	91,76	70,21
% описываемой изменчивости	56,7	52,9	19,8	21,3

Выделены максимальные нагрузки.

Для выяснения общих закономерностей межгрупповой изменчивости североазиатских народов их морфологические особенности проанализированы с помощью многомерной статистики – канонического анализа (использовалась программа Ю.К. Чистова). Для стабилизации изменчивости краниологические данные по надпопуляционным общностям суммированы невзвешенно, чтобы отразить вклад каждой выборки в обобщенный морфологический тип. Таким образом обобщены мужские и женские серии по байкальскому [12, 13], центральноазиатскому [Там же], алтае-саянскому [13, 14], североалтайскому [12–14], казахстанскому [13], обь-иртышскому (тоболо-барабинские тюрки [15, 16]), томско-нарымскому (томско-чулымские тюрки [17, 18] и нарымские селькупы [19–21]), уральскому (северные манси [12], северные [12, 22] и восточные [23] ханты) и приуральскому (тюрки [24, 25] и финны [26] Приуралья, саамы [27]) антропологическим типам. Материал по северным самодийцам сгруппирован следующим образом: ненцы тундровые [12], ненцы тазовские [10] и сборная серия по северным самодийцам (нганасаны [28], ненцы надымские [11], ненцы Яр-Сале и р. Щучья [22]). Кетская серия используется по данным И.И. Гохмана и В.А. Дремова [22, 29]. Краниологические характеристики образованных мужских и женских обобщенных групп представлены в табл. 1.

Первые два вектора описывают 76,5% общей дисперсии мужских выборок и 74,2% женских, причем особенности изменчивости по мужским и женским материалам практически полностью совпадают. И в той и в другой совокупностях наибольшие нагрузки по 1-му каноническому вектору приходятся на серии, где преобладают черепа с широким и уплощенным по горизонтали на обоих уровнях лицевым скелетом с низким переносом, а минимальные, соответственно, наоборот (табл. 2). Данным комплексом признаков выборки дифференцируются по степени выраженности монголоидных/европеоидных черт, максимально дистанцируются

в данном случае североазиатские монголоиды и европеоиды Приуралья, западносибирские, северосамодийские и южносибирские выборки занимают между этими крайними вариантами промежуточное положение (рис. 1).

Комплекс признаков 2-го канонического вектора дифференцирует группы по ширине черепа, высоте лицевого скелета, ширине орбиты и углу выступания носа. Максимальные нагрузки приходятся на брахикранные черепа с высоким лицевым скелетом и сильно выступающим носом, минимальные – на черепа долихокранные с лептоморфным строением лица и слабым выступанием носовых костей. Эти признаки также таксономически важны при дифференциации европеоидов и монголоидов, но именно они отделяют южносибирскую совокупность от западносибирской (см. рис. 1).

Обобщенно видно, что гармоничное сочетание признаков характерно для классических монголоидов и европеоидов. Относительно дисгармоничное сочетание признаков наблюдается в южносибирской совокупности, когда монголоидные особенности строения черепной коробки и лица сочетаются с европеоидным строением горизонтального профиля лицевого скелета в сочетании с выступающим переносом и носовыми костями. Для западносибирских групп свойственно еще более дисгармоничное сочетание монголоидного комплекса (слабое выступание носовых костей, плоского по горизонтали лица и переноса) с европеоидными чертами строения мозговой коробки (долихокраний череп с узким и низким лицом). Но именно данное сочетание особенностей определяет антропологическую специфику западносибирских популяций, особенно уральского типа, что служит индикатором былого расогенетического единства. Этот же комплекс характерен (но в ослабленном виде и с тяготением в сторону южносибирских популяций, особенно по мужским черепам) для северосамодийских групп. Данное наблюдение еще раз может выступать свидетельством древ-

него алтае-саянского происхождения северных самодийцев. Интересно, что по женским материалам эта тенденция едва просматривается. Для краниологического типа кетов свойственно в целом сочетание признаков, характерное для западносибирских групп, но с рядом особенностей, которые сближают их все-таки с северосамодийскими выборками (см. рис. 1).

Антропологическую специфику северных самодийцев, с учетом отмеченных тенденций, как и всех западносибирских популяций, особенно уральского типа, определяет один и тот же фактор, что служит индикатором былого генетического единства. Однако особенности их межгрупповой изменчивости, особенно по мужским материалам, позволяют видеть в данной совокупности популяций два краниологических варианта. Один характерен для северных самодийцев, поэтому его логично обозначить как ямальский, другой свойствен кетам, его предлагается обозначить как енисей-

ский. Обе категории могут быть объединены в один таксон, который предлагается рассматривать в качестве третьего антропологического типа в составе западносибирской антропологической формации под названием ямало-енисейского. Соответственно в составе западносибирского вторичного очага расообразования может быть выделен дополнительный третичный очаг – ямало-енисейский, наряду с обь-иртышским и уральским (рис. 2).

Судя по характеру рассеивания южносибирские популяции, действительно, сформировались в результате длительного взаимодействия монголоидных и европеоидных форм, тогда как в генезисе западносибирских народов, включая северных самодийцев и кетов, заметную роль сыграла консервация недифференцированных элементов, а метисационные процессы оказали свое влияние только на финальных этапах их формирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деникер И.Е. Человеческие расы. СПб., 1902. 724 с.
2. Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М. : Наука, 1972. 372 с.
3. Гохман И.И. Роль андроновского компонента в формировании южносибирской расы // Советская этнография. 1973. № 2. С. 96–106.
4. Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970. 240 с.
5. Дебец Г.Ф. О принципах классификации человеческих рас // Советская этнография. 1956. № 4. С. 129–142.
6. Алексеев В.П. О смешанном происхождении уральской расы // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1961. Вып. 1. С. 117–120.
7. Бунак В.В. Человеческие расы и пути их образования // Советская этнография. 1956. № 1. С. 86–105.
8. Бунак В.В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. М. : Наука, 1980. 328 с.
9. Багашев А.Н. Антропологические общности, их систематика и особенности расообразовательных процессов // Очерки культурогенеза коренного населения Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 4 : Расогенез коренного населения. С. 303–327.
10. Багашев А.Н., Слепченко С.М. Материалы по краниологии тазовских ненцев // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень, 2015. Вып. 3. С. 6–10.
11. Багашев А.Н., Ражев Д.И. Надымский городок. Палеоантропологическое исследование // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 111–124.
12. Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Труды Института этнографии. 1951. Т. 17. 264 с.
13. Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М. : Наука, 1984. 208 с.
14. Дремов В.А., Ким А.Р. Население северных предгорий Алтая // Очерки культурогенеза коренного населения Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 4 : Расогенез коренного населения. С. 84–94.
15. Ким А.Р. Барабинские татары // Очерки культурогенеза коренного населения Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 4 : Расогенез коренного населения. С. 84–94.
16. Багашев А.Н. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. Новосибирск : Наука, 1993. 152 с.
17. Дремов В.А. Томские и чулымские тюрки // Очерки культурогенеза коренного населения Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 4 : Расогенез коренного населения. С. 67–84.
18. Багашев А.Н. Антропологический тип средневековых тюрков Нижнего Притомья (могильник Астраханцево) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень, 2003. Вып. 4. С. 68–73.
19. Дремов В.А. Нарымские селькупы // Очерки культурогенеза коренного населения Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 4 : Расогенез коренного населения. С. 110–111.
20. Багашев А.Н. Хронологическая изменчивость краниологического типа нарымских селькупов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2000. Вып. 3. С. 159–174.
21. Багашев А.Н. Антропологический состав населения Прикетья (Лукияновский и Максимогорский могильники) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень, 2002. Вып. 3. С. 40–43.
22. Дремов В.А. Расовая дифференциация угорских и самодийских групп Западной Сибири по данным краниологии // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. Л. : Наука, 1984. С. 106–132.
23. Дремов В.А. Краниология среднеобских хантов // Обские угры: Ханты и манси. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1991. С. 10–28.
24. Юсупов Р.М. Краниология башкир. Л. : Наука, 1989. 200 с.
25. Алексеев В.П. Очерк происхождения тюркоязычных народов Восточной Европы в свете данных антропологии // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань : Татар. кн. изд-во, 1971. С. 232–271.
26. Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. М. : Наука, 1969. 324 с.
27. Хартанович В.И. Новые материалы к краниологии саамов Кольского полуострова // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1980. Т. 36. С. 35–47.
28. Алексеев В.П. К краниологии нганасанов // Краткие сообщения Института этнографии. 1955. Вып. 24. С. 7–65.
29. Гохман И.И. Антропологические аспекты кетской проблемы: Результаты антропометрических и краниологических исследований // Кетский сборник. Л. : Наука, 1982. С. 9–42.

Bagashev Anatoly N. Institute of Problems of Development of the North Siberian Branch the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russia). E-mail: bagashev@mail.ru

INTERGROUP VARIABILITY OF CRANIAL SPECIAL FEATURES OF THE NORTHERN SAMOYEDS AND KETS.

Keywords: Anthropology; population; systematics; taxonomy; Northern Eurasia; Northern Samoyeds; Kets.

Indigenous population of Northern Eurasia consists of various ethno-linguistic entities (Samoyeds, Finno-Ugric, Turkic, Kets, Paleo-Asiatics). Historical anthropology, studying stages of formation of special characteristics of their physical appearance, attaches great significance to classification of anthropological communities, as it reflects common elements and differences in the genesis and historical background of populations. Therefore, systematics of anthropological communities receives much attention. As to the territory of Northern Eurasia, the most famous taxonomy was made by I. Deniker, which was later supplemented and specified. He separated northern populations of the region into the Ugric community, later V.V. Bunak allocated them into the Ural anthropological community. However, accumulation of new significant data on the anthropology of the population of the Ural community in the XX century has significantly increased the level of its inter-group variability. It was suggested to specify a number of variants within this community in order to remedy situation (Subural, Lapponoid, Sublapponoid, West Siberian, Ural, Northern Altai). However, the overall variability has not diminished, but increased. In this regard, the author suggested to abandon the notion of the Ural community as a combination Subural, Northern Altai, West Siberian populations and Kets. Variability of new taxa decreased to a comparable level, but taxonomic positions of the Northern Samoyeds and Kets remained uncertain due to the lack of data about their variability. New materials on these groups specified the location of the Northern Samoyeds and Kets in the system of superpopulational communities of Northern Eurasia. One and the same factor determines their anthropological specificity, as well as the specificity of all Western Siberian populations, especially of the Ural type, which serves as an indicator of preceding genetic unity. Therefore, Northern Samoyeds and Kets are suggested to be considered as the third anthropological type within the West Siberian anthropological formation and to be called Yamal-Yenisei along with the Ob-Irtysh and Ural types. Respectively, it is necessary to allocate an additional tertiary center (Yamalo-Yenisei) within the West Siberian secondary center of morphogenesis.

REFERENCES

- Deniker, I.E. (1902) *Chelovecheskie rasy* [Human race]. St. Petersburg: Bol'shakov i Golova.
- Ginzburg, V.V. & Trofimova, T.A. (1972) *Paleoantropologiya Sredney Azii* [Paleoanthropology in Central Asia]. Moscow: Nauka.
- Gokhman, I.I. (1973) Rol' andronovskogo komponenta v formirovaniye yuzhnosibirskoy rasy [The role of the Andronovo component in the formation of the South Siberian race]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 96-106.
- Ismagulov, O. (1970) *Naselenie Kazakhstana ot epokhi bronzy do sovremennosti* [The population of Kazakhstan from the Bronze Age to the present]. Alma-Ata: Nauka.
- Debets, G.F. (1956) O printsipakh klassifikatsii chelovecheskikh ras [On the principles of human race classification]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 129-142.
- Alekseev, V.P. (1961) O smeshannom proiskhozhdenii ural'skoy rasy [On the mixed origins of the Ural race]. In: Gening, V.F. (ed.) *Voprosy arkheologii Urala* [The Archeology of the Urals]. Issue 1. Sverdlovsk: Urals State University. pp. 117-120.
- Bunak, V.V. (1956) Chelovecheskie rasy i puti ikh obrazovaniya [Human races and the ways of their formation]. *Sovetskaya etnografiya*. 1. pp. 86-105.
- Bunak, V.V. (1980) *Rod Homo, ego vozniknovenie i posleduyushchaya evolyutsiya* [Homo, its origin and evolution]. Moscow: Nauka.
- Bagashev, A.N. (1998) Antropologicheskie obshchnosti, ikh sistematika i osobennosti rasoobrazovatel'nykh protsessov [The anthropological communities, their taxonomy and race-formation processes]. In: Bagashev, A.N. (ed.) *Ocherki kul'turogeneza korennoy naseleniya Zapadnoy Sibiri* [Essays on the cultural genesis of the indigenous peoples of Western Siberia]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 303-327.
- Bagashev, A.N. & Slepchenko, S.M. (2015) [Craniology of the Taz Nenets]. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya* [Man and the North: Anthropology, Archeology, Ecology]. Proc. of the Third All-Russian Conference. Tyumen, 6-10 April 2015. Tyumen. pp. 6-10. (In Russian).
- Bagashev, A.N. & Razhev, D.I. (2009) The Nadym fortified settlement. A paleoanthropological investigation. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 11. pp. 111-124. (In Russian).
- Debets, G.F. (1951) Antropologicheskie issledovaniya v Kamchatskoy oblasti [The anthropological studies in Kamchatka Region]. *Trudy Instituta etnografii*. 17.
- Alekseev, V.P. & Gokhman, I.I. (1984) *Antropologiya aziatskoy chasti SSSR* [Anthropology of the Asian part of the USSR]. Moscow: Nauka.
- Dremov, V.A. & Kim, A.R. (1998) Naselenie severnykh predgoriy Altaya [The population of the northern foothills of Altai]. In: Bagashev, A.N. (ed.) *Ocherki kul'turogeneza korennoy naseleniya Zapadnoy Sibiri* [Essays on the cultural genesis of the indigenous peoples of Western Siberia]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University.
- Kim, A.R. (1998) Barabinskii tatars [The Baraba Tatars]. In: Bagashev, A.N. (ed.) *Ocherki kul'turogeneza korennoy naseleniya Zapadnoy Sibiri* [Essays on the cultural genesis of the indigenous peoples of Western Siberia]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 84-94.
- Bagashev, A.N. (1993) *Etnicheskaya antropologiya tobolo-irtyshskikh tatar* [The ethnic anthropology of Tobol-Irtysh Tatars]. Novosibirsk: Nauka.
- Dremov, V.A. (1998a) Tomskie i chulymskie tyurki [Tomsk and Chulym Turks]. In: Bagashev, A.N. (ed.) *Ocherki kul'turogeneza korennoy naseleniya Zapadnoy Sibiri* [Essays on the cultural genesis of the indigenous peoples of Western Siberia]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 67-84.
- Bagashev, A.N. (2003) [The anthropological type of medieval Turks of the Lower Tom (the Astrakhansevo Burial)]. *Problemy vzaimodeystviya cheloveka i prirody sredy* [Problems of interaction between Man and nature]. Proc. of the Final Scientific Session of the Institute of the Problems of North Development. Issue 4. Tyumen. pp. 68-73.
- Dremov, V.A. (1998b) Narymskie sel'kupy [The Narym Selkups]. In: Bagashev, A.N. (ed.) *Ocherki kul'turogeneza korennoy naseleniya Zapadnoy Sibiri* [Essays on the cultural genesis of the indigenous peoples of Western Siberia]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 110-111.
- Bagashev, A.N. (2000) Khronologicheskaya izmenchivost' kраниологического типа narymskikh sel'kupov [The chronological variability of the craniological type of the Narym Selkups]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 3. pp. 159-174.
- Bagashev, A.N. (2002) Antropologicheskii sostav naseleniya Priket'ya (Luk'yanovskiy i Maksimovskiy mogil'niki) [The anthropological composition of the Prikyte population (Lukyanovo and Maksimovsk Burials)]. *Problemy vzaimodeystviya cheloveka i prirodnoy sredy* [Problems of interaction between Man and nature]. Proc. of the Scientific Session of the Institute of the Problems of North Development. Issue 3. Tyumen. pp. 40-43.
- Dremov, V.A. (1984) Rasovaya differentsiatsiya ugorskikh i samodiskikh grupp Zapadnoy Sibiri po dannym kраниологии [The racial differentiation of Ugric and Samoyed groups of Western Siberia by craniology]. In: Gokhman, I.I. (ed.) *Problemy antropologii drevnego i sovremennogo naseleniya severa Evrazii* [Problems of anthropology of ancient and modern population of Northern Eurasia]. Leningrad: Nauka. pp. 106-132.
- Dremov, V.A. (1991) Kраниология sredneobskikh khantov [Craniology of the Middle Ob Khanty]. In: Sokolova, Z.P. (ed.) *Obskie ugry: Khanty i mansi* [The Ob Ugric peoples: Khanty and Mansi]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. pp. 10-28.
- Yusupov, R.M. (1989) *Kраниология Bashkir* [Craniology of the Bashkirs]. Leningrad: Nauka.
- Alekseev, V.P. (1971) Ocherk proiskhozhdeniya tyurkoyazychnykh narodov Vostochnoy Evropy v svete dannykh antropologii [An essay on the origin of the Turkic-speaking peoples of Eastern Europe in terms of anthropology]. In: Khalikov, A.Kh. (ed.) *Voprosy etnogeneza tyurkoyazychnykh narodov Srednego Povolzh'ya* [Problems of ethnogenesis of Turkic-speaking peoples of the Middle Volga]. Kazan: Tatar Book Publ. pp. 232-271.
- Alekseev, V.P. (1969) *Proiskhozhdenie narodov Vostochnoy Evropy* [The origin of the Eastern European peoples]. Moscow: Nauka.
- Khartanovich, V.I. (1980) Novye materialy k kраниologii saamov Kol'skogo poluostrova [New materials to the craniology of the Saami in the Kola Peninsula]. In: Reshetov, A.M. (ed.) *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [The Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 36. pp. 35-47.
- Alekseev, V.P. (1955) K kраниologii nganasanov [On the craniology of the Nganasan]. *Kratkie soobshchenie Instituta etnografii*. 24. pp. 7-65.
- Gokhman, I.I. (1982) Antropologicheskie aspekty ketskoy problemy: Rezul'taty antropometricheskikh i kраниологических issledovaniy [Anthropological aspects of the Kets problems: The results of anthropometric and cranial studies]. In: Uspenskiy, B.A. (ed.) *Ketskiy sbornik* [The Kets collection]. Leningrad: Nauka. pp. 9-42.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКИХ ТРАДИЦИЙ. НЕОЛИТ – РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

УДК 902. 01

DOI: 10.17223/19988613/42/16

Н.П. Макаров

КРАСНОЯРСКО-КАНСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР НЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Анализируются материалы эпохи неолита – бронзового века Красноярско-Канской лесостепи. На основе источников, накопленных в последние десятилетия, и новейших материалов поселения-могильника Нефтепровод 2 в окрестностях Канска автор пришел к следующим выводам. Неолитические культуры региона формируются в V тыс. до н.э. на базе местного мезолита. Каменный инвентарь, сосуды с техническим орнаментом, сетки-плетенки и керамика посольского типа указывают на значительное влияние восточносибирских культур. Распространение в развитом неолите и ранней бронзе керамики с овально-зубчатыми отрисками, гладкого вогнутого штампа, шагающей гребенки свидетельствует о миграции в Среднюю Сибирь западносибирских племен. В конце II – начале I тыс. до н.э. в Красноярско-Канской лесостепи формируется самобытная культура поздней бронзы, испытывающая сильное влияние карасукоидных культур Южно-Сибирской и Западно-Сибирской культурных провинций.

Ключевые слова: Средняя Сибирь; археология; неолит; бронза.

Красноярско-Канская лесостепь, являясь географически составной частью Средней Сибири, в различные периоды была зоной культурных контактов древних племен Западно-Сибирской и Восточно-Сибирской историко-культурных провинций.

В раннем неолите Красноярско-Канской лесостепи, датируемом по современным данным V тыс. до н.э., продолжает развиваться автохтонная культура, имеющая корни в местном мезолите. При этом весь комплекс артефактов стоянок Казачка, Пещера Еленева, Шалунин бык и других памятников региона имеет аналогии в многочисленных памятниках Восточной Сибири. Прежде всего это проявляется в сходстве основных форм орудий: тесел и каменных топоров с ушками, наконечников стрел, скребков, нуклеусов, костяных вкладышевых наконечников [1. С. 149–159]. Керамика раннего неолита обоих регионов представлена двумя основными технологическими традициями: сетчатой и шнуровой. Но если технический орнамент сетки-плетенки одновременен для обоих регионов, то шнуровая керамика посольского типа имеет более древние для Средней Сибири радиоуглеродные датировки [2. С. 67–72]. Отсутствие данной керамики в Западной Сибири позволяет обозначить район Красноярско-Канской лесостепи на этапе раннего неолита входящим в ангаро-байкальскую неолитическую общность, но имеющую при этом определенные особенности.

С распадом некогда единой Западно-Сибирской неолитической культурной общности начинается миграция части древних племен этого региона в бассейн Среднего Енисея. Это приводит в среднем неолите к формированию двух культурных неолитических общностей: красноярско-канской и прибайкальской. Отмеченные А.П. Окладниковым в середине XX столетия [3.

С. 26–55] западносибирские аналогии подъемному материалу стоянок Енисея дополнились в последние десятилетия неолитическими комплексами стационарно раскопанных и хорошо стратифицированных памятников на р. Кан и в окрестностях Красноярска [4. С. 136–142; 5. С. 149–171]. В бассейне Среднего Енисея широко распространяется керамика с личиночным орнаментом и различными вариантами отрисков овального и зубчатого штампов, покрывающих всю поверхность сосудов. По опорным памятникам – Мостовое, Пещера Еленева, Казачка и другим стоянкам – обозначенная керамика появляется на рубеже V–IV тыс. до н.э. и распространяется на всем протяжении IV тыс. до н.э. Красноярско-Канская лесостепь становится территорией, испытывающей влияние древних племен как Западной, так и Восточной Сибири.

В позднем неолите – ранней бронзе здесь распространяется керамика с отрисками гладкого вогнутого штампа и шагающей гребенки. При этом наряду с западносибирскими аналогиями плоскодонные сосуды баночной формы стоянок Боровое, Усть-Дружиниха, Усть-Мана и других памятников Енисея наиболее близки керамике памятников ранней бронзы Минусинской котловины. В то же время все погребения ранней бронзы Красноярско-Канской лесостепи не имеют характерных для окуневской культуры каменных ящиков, оград и курганных насыпей. Таким образом, в Красноярско-Канской лесостепи в эпоху ранней бронзы культурные связи с Восточной Сибирью хотя и не исчезают полностью, но начинают затухать, а с Западной и Южной Сибирью, напротив, преобладать.

К эпохе поздней бронзы, к одному из вариантов карасукской культуры, Э.Р. Рыгдылоном были отнесено

погребение у с. Ладейки в черте современного Красноярска [6. С. 129–134]. В конце XX столетия в окрестностях Красноярска были раскопаны погребения поздне-бронзового века у д. Дрокино, пос. Усть-Мана и р. Подъемная [7. С. 19–20; 8. Р. 235–248]. Полученные в полевом сезоне 2015 г. материалы поселения и могильника поздней бронзы памятника Нефтепровод 2 под г. Канском существенно расширили источниковедческую базу этого времени [9. С. 571–574]. Среди находок: кельты, ножи, украшения и другие карасуко-

идные бронзовые изделия в сочетании с каменными теслами, ножами, наконечниками стрел и костяными гарпунами. При этом все захоронения были грунтовыми и отличались от карасукских отсутствием каменных ящиков, оград и земляной курганной насыпи. Преобладала ориентировка костяков с запада на восток, почти параллельно реке Кан, головой против течения реки. Встречены отдельные захоронения черепов. Над умершими насыпалась кладка из небольших по размерам камней.

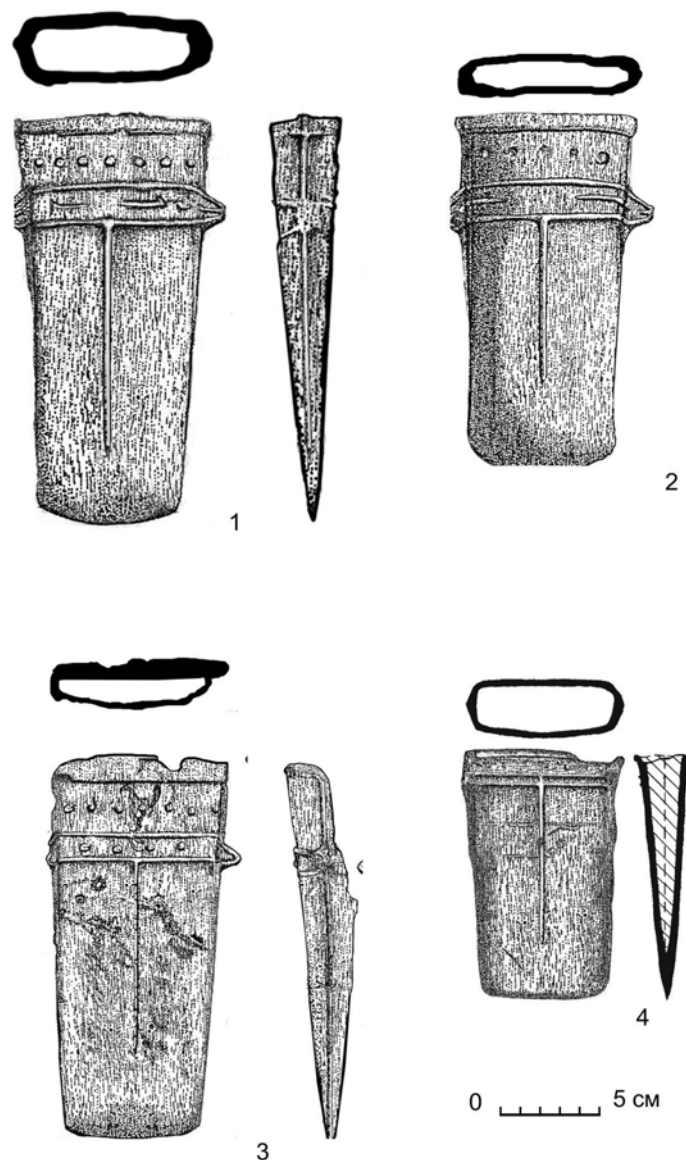

Рис. 1. Кельты Красноярско-Канской лесостепи.
Поздний бронзовый век: 1 – Ладейки; 2 – Дрокино; 3 – Базаиха; 4 – Нефтепровод 2

Не находят аналогий в Минусинской котловине и оригинальные кельты поздней бронзы Красноярско-Канской лесостепи [10. С. 32–36]. Все они относятся к типу поясковых ложноушковых кельтов. На всех экземплярах один или два горизонтальных ряда выпуклин-жемчужин. От горизонтальных линий-валиков по цен-

тру щек кельтов спущены вертикальные линии разделителей (рис. 1, 1–4). При этом раннетагарские кельты Новопятницкого клада Канско-Рыбинской лесостепи существенно отличаются от позднебронзовых. Они имеют в два раза меньшие размеры, наличие трех разделителей и пояс треугольных фестонов [11. С. 196–198].

Таким образом, в эпоху поздней бронзы в Красноярско-Канской лесостепи формируется самобытная культура, испытывающая влияние карасукоидных культур Южно-Сибирской и Западно-Сибирской культурных провинций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаров Н.П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Известия Лаборатории древних технологий. 2005. № 3. С. 149–171.
2. Макаров Н.П. Керамика посольского типа в Байкальской и Средней Сибири: 2012 г. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы III Международной научной конференции (Улан-Батор, 5–9 сентября 2012 г.). Улан-Батор : Изд-во Монгол. гос. ун-та. 2012. Вып. 3. С. 67–72.
3. Окладников А.П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея (к вопросу о происхождении самодийских племен) // Советская археология. 1957. № 1. С. 26–55.
4. Савельев Н.А., Генералов А.Г., Абдулов Т.А. Многослойное археологическое местонахождение Казачка как основа для периодизации голоценовых культур Канско-Рыбинской котловины // Проблемы исследования каменного века Евразии : тез. докл. Краевой конф. Красноярск, 1984. С. 136–142.
5. Макаров Н.П., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д. Пещера Еленева – многослойный голоценовый памятник на среднем Енисее. Краткие итоги изучения // Пещеры: охрана, история исследований, культура, туризм, современное состояние и перспективы научных исследований в пещерах на территории бывшего СССР / Материалы научно-практической конференции : сб. науч. тр. Красноярск, 2009. С. 81–105.
6. Рыгдылон Э.Р. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1955. Вып. 60. С. 129–134.
7. Новых Л.В., Макаров Н.П., Петренко А.Л. Новые материалы позднебронзового века из окрестностей Красноярска // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока : тез. докл. / под ред. В.С. Зубкова. Абакан, 1993. С. 19–20.
8. Makarov N.P., Batashev M.S. Cultural origins of the middle Yenisei // Languages and Prehistory of Central Siberia / ed. by Edward J. Vajda. Western Washington University. 2004. P. 235–248.
9. Выборнов А.В., Славинский В.С., Цыбанков А.А., Грачев И.А., Гревцов Ю.А., Журавков С.П., Лысенко Д.Н., Макаров Н.П., Марковский Г.И., Матвеев В.Е., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Фокин С.М. Спасательные археологические раскопки под городом Канском в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 571–574.
10. Харин С. Кельты эпохи поздней бронзы Минусинской котловины // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 1999. Т. LVIII. С. 32–36.
11. Макаров Н.П. К вопросу о культурной принадлежности, территории распространения и времени существования бронзовых кельтов красноярско-ангарского типа // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний : материалы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол.-этнограф. конф. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 196–198.

Makarov Nikolai P. Krasnoyarsk Regional Museum (Krasnoyarsk, Russia). E-mail: mnp@kkkm.ru

THE KRASNOYASK AND KANSK FOREST STEPPE AND ITS PLACE IN THE CULTURAL DIALOGUE OF NEOLITHIC PERIOD AND BRONZE AGE IN WESTERN AND EASTERN SIBERIA.

Keywords: central Siberia; archeology; Neolithic; Bronze Age.

In the article an analysis of artifacts from forest-steppe of Central Siberia is given. The main source of information for the article is obtained from the results of a few decades of archeological excavations at the settlement and burial of Nefteprovod 2 in the vicinity of Kansk. According to the author, during the early Neolithic Period an autochthonous culture continues to develop in the Krasnoyarsk and Kansk forest-steppe having its roots in the local Mesolithic. Furthermore, the whole complex of artifacts and sites of the region also has analogies in various historical monuments across East Siberia. This is apparent from similarities in the main types of tools: adzes and stone axes with eyelets, arrowheads, scrapers, lithic cores, bone arrowhead inserts. Early Neolithic pottery has the features of lacing and netting techniques. As this type of pottery is not typical for West Siberia, the author points out that the Krasnoyarsk and Kansk forest-steppe in Early Neolithic Age was a part of the Angara and Baikal Neolithic group having, however, specific features. Pottery from the Eleneva cave and the Kazachka site is dated to 5,000 B.C. using ¹⁴C. The distribution in the late Neolithic and the Early Bronze Age of pottery with elliptical toothed impressions, smooth indented prints, and comb-shaped patterns with specific intervals confirms A.P. Okladnikov's theory on the migration of West Siberian tribes into the Yenisei valley. Using archeological evidence from the 2015 field season, the author corrects the conclusions of E.R. Rygdylon, G.A. Maksimenkov and other archeologists concerning the late Bronze Age. He states that all burials at Nefteprovod 2 are earthen with a setting of small stones. They differ from Karatuz burials, which use stone boxes, earthen enclosures and a burial mound. The archeological finds include fine socketed axes, knives, ornaments, and other bronze articles typical of the Karasuk culture, alongside with stone adzes, knives, arrowheads, and bone harpoons. This expressive material enables the author to conclude that at the end of 2,000 B.C. and early 1,000 B.C. there was a unique late Bronze Age culture in the forest-steppe of Krasnoyarsk and Kansk. It was strongly influenced by the Karasuk cultures of southern Siberia and West Siberia.

REFERENCES

1. Makarov, N.P. (2005) Khronologiya i periodizatsiya epokhi neolita i bronzy Krasnoyarskoy lesostepi [The chronology and periodization of the Neolithic and Bronze Krasnoyarsk forest]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*. 3. pp. 149–171.
2. Makarov, N.P. (2012) [The pottery of Posolskaya type in Baikal and Central Siberia: 2012]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri* [Ancient Cultures of Mongolia and Baikal in Siberia]. Proc. of the Third International Scientific Conference. Ulaanbaatar. September 5–9, 2012. Ulan-Bator: National University of Mongolia. pp. 67–72. (In Russian).
3. Okladnikov, A.P. (1957) Iz istorii etnicheskikh i kul'turnykh svyazey neoliticheskikh plemen Srednego Eniseya (k voprosu o proiskhozhdenii samodiyskikh plemen) [From the history of ethnic and cultural ties between the Neolithic tribes of the Middle Yenisei (on the origin of the Samoyed tribes)]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1. pp. 26–55.
4. Savelyev, N.A., Generalov, A.G. & Abdulov, T.A. (1984) [The multilayer archeological location Kazachka as the basis for periodization of the Holocene cultures in the Kansk-Rybinsk Basin]. *Problemy issledovaniya kamennogo veka Evrazii* [Problems of research of the Stone Age in Eurasia]. Proc. of the Territorial Conference. Krasnoyarsk. pp. 136–142. (In Russian).
5. Makarov, N.P., Martynovich, N.V. & Ovodov, N.D. (2009) [The Elenev Cave – a Holocene multilayer monument in the middle Yenisei. The brief results of the study]. *Peshchery: okhrana, istoriya issledovaniy, kul'tura, turizm, sovremennoe sostoyanie i perspektivy nauchnykh issledovaniy v*

- peshcherakh na territorii byvshego SSSR* [Caves: preservation, history of research, culture, tourism, current state and prospects of scientific research of the caves of the former Soviet Union]. Proc. of the Research Conference. Krasnoyarsk. pp. 81-105. (In Russian).
6. Rygdyon, E.R. (1955) Zametki o karasukskikh pamyatnikakh iz okrestnostey Krasnoyarska [Notes on the Karasuk monuments near Krasnoyarsk]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief reports of the Institute of History of Material Culture]. Issue 60. Moscow: USSR AS. pp. 129-134.
 7. Novykh, L.V., Makarov, N.P. & Petrenko, A.L. (1993) Novye materialy pozdnebronzovogo veka iz okrestnostey Krasnoyarska [New materials of the Late Bronze Age near Krasnoyarsk]. In: Zubkov, V.S. (ed.) *Materialy po arkheologii i etnografii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Materials on archeology and ethnography of Siberia and the Far East]. Abakan: Abakan State Pedagogical University. S. 19–20.
 8. Makarov, N.P. & Batashev, M.S. (2004) Cultural origins of the middle Yenisei. In: Vajda, E.J. (ed.) *Languages and Prehistore of Central Siberia*. Washington: Western Washington University. pp. 235-248.
 9. Vybornov, A.V., Slavinskiy, V.S., Tsybankov, A.A., Grachev, I.A., Grevtsov, Yu.A., Zhuravkov, S.P., Lysenko, D.N., Makarov, N.P., Markovskiy, G.I., Matveev, V.E., Stasyuk, I.V., Tomilova, E.A. & Fokin, S.M. (2015) Spasatel'nye arkheologicheskie raskopki pod gorodom Kanskom v 2015 godu [The salvage archaeological excavations near Kansk in 2015]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 571-574.
 10. Kharin, S. (1999) Kel'ty epokhi pozdney bronzy Minusinskoj kotloviny [The celts of the Late Bronze in the Minusinsk depression]. In: *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Reports of the State Hermitage]. St. Petersburg: The State Hermitage. pp. 32-36.
 11. Makarov, N.P. (2010) [On the question of cultural identity, territory of distribution and lifetime of bronze Celtic of the Krasnoyarsk-Angara type]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a system in its historical context: The experience of the West-Siberian archaeological and ethnographic meetings]. Proc. of the Fifteenth International West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference. Tomsk: Agraf-Press. pp. 196-198. (In Russian).

Е.А. Васильев

ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХИ НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА

Более двух тысяч лет на Севере Западной Сибири существовали удивительно устойчивые и своеобразные традиции, обозначенные нами как «длинные» и «транскультурные». На сегодняшний день можно говорить о трех подобных культурных феноменах: особом стиле в орнаментации керамики, наличии оригинальных по форме ладьевидных сосудов, своеобразном каноне в изображении птиц на стенках глиняных горшков. Они почти не связаны с культурой жизнеобеспечения, но неотделимы от мифа, ритуала, искусства. Есть основания полагать, что традиции маркируют не только культурный, но и этнокультурный ареал.

Ключевые слова: Северо-Западная Сибирь; традиции; стиль; неолит; ранний бронзовый век; этнокультурный ареал; археологическая культура.

Север Западной Сибири относится к числу таких регионов, где география определяет историю и культуру в гораздо большей степени, чем где бы то ни было. Эта территория характеризуется суровыми, а в арктической части экстремальными для человека условиями обитания. С учетом этого обстоятельства, вплоть до середины 1970-х гг. некоторые археологи склонны были рассматривать приполярные, а тем более заполярные области Западной Сибири как маргинальные ареалы южных культурных феноменов, своеобразные резервации, где доживали свой век этнокультурные группы, вытесненные на негостеприимную окраину более продвинутыми конкурентами.

Реальное археологическое открытие Северо-Западной Сибири, случившееся за последние 40 лет, продемонстрировало не только существование здесь оригинальных и достаточно развитых культур, но и позволило поставить проблему особенностей северного культурогенеза. Одна из них – наличие особых региональных традиций, которые могут быть определены как «длинные» и «транскультурные». Длинными эти традиции обозначены в силу значительной продолжительности во времени. Некоторые из них сформировались в неолите (конец V–IV тыс. до н.э.) и сохранялись вплоть до периода ранней бронзы (первая половина II тыс. до н.э.). За более чем двухтысячелетний период сменились не только археологические эпохи, но произошли существенные культурные трансформации, основными субъектами которых были культуры чэс-тый-ягская (культурный тип, неолит) [1. С. 59–60; 2. С. 19], ясунская (энеолит) [3. С. 112–114], сартыньинская и вары-хадыта (ранняя бронза) [4. С. 40–62; 5. С. 212–214].

Арктические и субарктические территории между Уралом и нижней Обью (включая правобережье) развивались преимущественно, но не исключительно эндогенно, демонстрируя скорее динамичные, чем застойные или консервативные тенденции. Тем более ярким феноменом представляется наличие ряда традиций, сохранявшихся во всех или нескольких из пере-

численных культур и потому определенных как «транскультурные».

Число традиций, обозначенных нами как «длинные» и «транскультурные», невелико, что естественно и не требует особых комментариев. На сегодняшний день можно говорить о трех подобных культурных феноменах: особом стиле в орнаментации керамики, наличии оригинальных по форме ладьевидных сосудов, своеобразном каноне в изображении птиц на стенках глиняных горшков, содержательный план которых составляли не менее устойчивые мифологические образы и персонажи.

Понятие стиля, при всем разнообразии его определений, все более оказывается востребованным в отечественной археологии. С помощью этого понятия реализуется запрос на характеристику культурных явлений через признаки, не всегда поддающиеся формально типологическому анализу, но понятные посвященным. Стиль в данной работе, применительно к исследованию древней орнаментики, – это, во-первых, воспроизводимость на протяжении длительных периодов времени; во-вторых, характерность и своеобразие; в-третьих, предпочтение набору особых орнаментальных мотивов и композиций при нейтральности к способам нанесения декора. Если прибегнуть к этимологически прозрачной метафоре, то стиль – это не столько почерк, сколь определенная манера расстановки слов в предложении.

Отдельные элементы северного стиля уходят корнями в неолитическую эпоху. Значительную долю орнаментальных композиций поселения Чэс-тый-яг составляют сложные геометрические узоры из ромбовидных фигур, нанесенных волнистыми прочерченными линиями (рис. 1, 1). Развитие своеобразного геометризма – ключевая тенденция в эволюции стиля, основы которого сложились в энеолитическое время в рамках ясунской культуры. Абсолютно большая часть ясунского декора выполнена в технике печати с использованием искусственных (гребенчатые и фигурные штампы) и естественных (челюсти, кости животных и рыб) орнаменти-

ров. Безусловными композиционными доминантами выступают геометрические мотивы: усложненные зигзаги, сложно структурированные треугольные фигуры, крупные шестиугольники-«соты». Но основополагаю-

щей структурной единицей являлся ромб. Он многочислен и разнообразен в пропорциях и оформлении, формирует самостоятельные мотивы и вписывается в качестве элемента в более крупные и сложные фигуры.

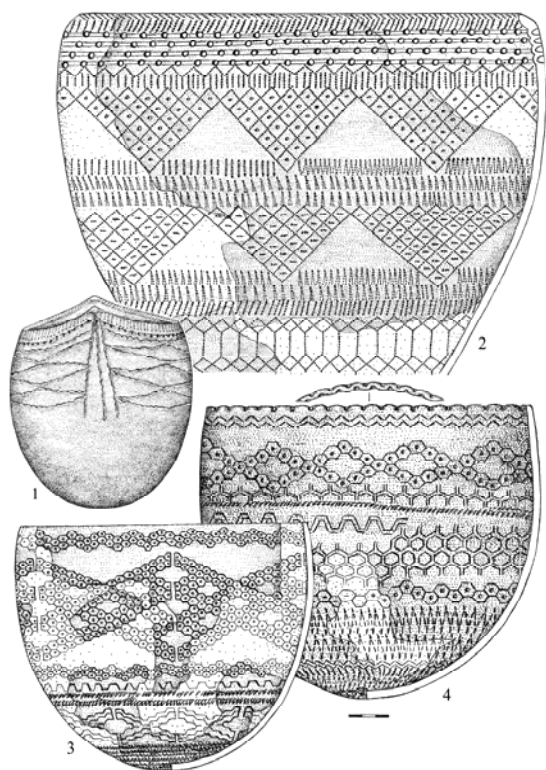

Рис. 1. Керамика, орнаментированная в стиле северного «сотового» геометризма:
1 – поселение Чэс-тый-яг; 2 – Ясунское поселение;
3–4 – поселение Вары-хадьта II

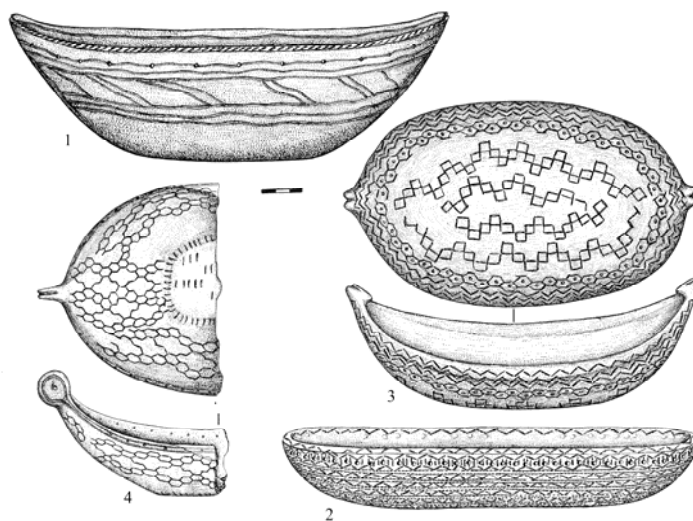

Рис. 2. Лодьевидные сосуды:
1 – поселение Чэс-тый-яг; 2 – Ясунское поселение;
3–4 – поселение Вары-хадьта II

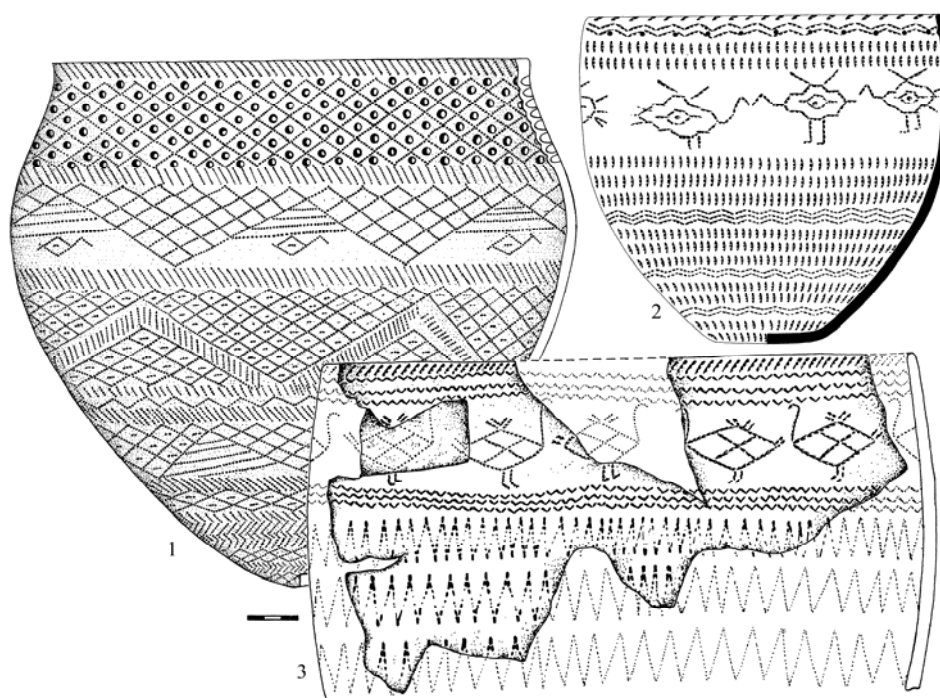

Рис. 3. Сосуды с орнитоморфными изображениями:
1 – Ясунское поселение; 2 – поселение Малый Атлым-I; 3 – поселение Вары-хадьта II

Расцвет стиля и обретение им абсолютной уникальности пришлось на ранний бронзовый век. В орнаментации культур сартыньинской и вары-хадыта при сохранении всего ранее выработанного фонда геометрических мотивов эксклюзивными и определяющими становятся сложнейшие композиции, составленные из многоугольников-«сот» (рис. 1, 3, 4; 2, 4). Для ясности: при всей своей оригинальности шестиугольники-соты эпизодически и единично проявляются в орнаментальных системах разных эпох и культур, но только в культурах раннего бронзового века Северо-Западной Сибири они являются массовыми и структурно определяющими. Именно они маркируют тот изысканный и своеобразный декоративный феномен, который мы обозначаем как стиль специфического (сотового) северного геометризма.

Не менее яркой длинной и транскультурной традицией является практика изготовления оригинальных керамических емкостей, классифицируемых нами как ладьевидные сосуды. В отличие от других лесных территорий Северной Евразии, где подобные изделия исключительно редки, в западносибирских арктических и субарктических культурах доля ладьевидных сосудов необыкновенно высока и колеблется от 10 до 15%. В неолите традиция выглядит вполне сформировавшейся: на поселении Чэс-тый-яг ладьевидные сосуды многочисленны, морфологически однообразны и близки к предполагаемому прототипу – реальным лодкам – каное (рис. 2, 1). В энеолитическую эпоху остроугольные модели лодок трансформировались в блюда с овальным устьем (см. рис. 2, 2), и лишь незначительная часть изделий сохраняла классическую форму. Декор чэс-тый-ягских и ясунских ладьевидных сосудов стилистически идентичен орнаментам стандартных емкостей, а композиционные отличия заданы их формой (см. рис. 2, 1, 2).

В культурах раннего бронзового века ладьевидные сосуды не только репрезентативны (всего более ста единиц), но замечательно разнообразны. Наряду с емкостями, имеющими овальное и остроугольное устье, здесь представлены абсолютно эксклюзивные блюда сложной конструкции с вариативно оформленными венчиками [6. С. 5–9]. Удивительное для первобытного гончарства разнообразие форм сочеталось с изысканной геометрией сотовых композиций (см. рис. 2, 3, 4) и скульптурными элементами в виде фигурок или головок животных (см. рис. 2, 3) либо округлых выступов-налетов (см. рис. 2, 4). Впрочем, жесткой связи между двумя традициями (ладьевидными сосудами и стилем северного геометризма) не фиксируется. В культуре вары-хадыта, многокомпонентной по происхождению, часть овально-подпрямоугольных блюд декорирована в иной изобразительной манере.

Третья из обозначенных традиций – особая иконография орнитоморфных изображений – наименее продолжительна и охватывает только эпоху энеолита и ранний бронзовый век. Водоплавающие птицы – одни

из излюбленных персонажей в первобытном искусстве Северной Евразии, а среди изображений на керамике они абсолютно доминируют. При этом известно тяготение этого образа к определенной географической зоне (леса Финляндии, Восточной Прибалтики, европейской части России, Урала, Западной Сибири) и единому хронологическому периоду (неолит – ранняя бронза) [7. С. 36–45]. В пределах обозначенной территории обычно выделяют три центра сосредоточения орнитоморфов: озерные края Финляндии, междуречье Оки и Волги, горно-лесное Зауралье [8. С. 46]. Западная Сибирь оценивается как область, где подобные сюжеты редки [9. С. 86]. Последнее утверждение нуждается в корректировке. На сегодняшний день на Севере Западной Сибири известно более десяти изображений водоплавающих птиц. С учетом слабой изученности региона подобный показатель позволяет предполагать наличие самостоятельного нижнеобского очага (традиции) орнитоморфных изображений на керамике. И решающее значение здесь имеет даже не численность, а особая «манера письма».

«Орнитоморфная» изобразительная традиция зародилась и развивалась в рамках представленного орнаментального стиля, являясь его своеобразной эманацией. Основными инвариантными элементами, из которых формировалось тело птицы, были ромбы и шестиугольники-соты (рис. 3). Наиболее ранние (ясунские) изображения состояли из одиночных ромбов (см. рис. 3, 1), а поздние (сартыньинские, вары-хадыта) конструировались из тех же ромбов и шестиугольников, сформированных в сложносоставные фигуры (см. рис. 3, 2, 3).

Вне всякого сомнения, сосуды с птицами имели особый статус. Мы склонны рассматривать их как пластические и графические идеограммы, вместившие в себя важнейшие мифологические тексты. Следовательно, стилистическое единство изображений – это не только указание на общее культурное пространство, но и доказательство выработки единых мировоззренческих представлений.

Таким образом, более двух тысяч лет на таёжных территориях между Обью и Уралом к северу от устья Иртыша существовали удивительно устойчивые (сильные) и оригинальные (иногда уникальные) традиции. Они проявились в тех сферах древнего бытия, которые почти не связаны с культурой жизнеобеспечения, но неотделимы от мировоззренческих представлений, ритуальных практик, изобразительного искусства. Духовная культура в гораздо большей степени, чем материальная, связана с речевыми коммуникациями. Поэтому есть основания полагать, что традиции, которые мы квалифицировали как длинные и транскультурные, маркируют не только культурный, но и этнокультурный ареал.

Понятие «этнокультурный ареал» применительно к анализу древних культур Северной Евразии обосновано В.Н. Чернецовым [10. С. 10–17]. Оно предполагает, во-

первых, доказанную генетическую связь нескольких археологических культур в пределах одной территории, а во-вторых, их увязку, хотя бы гипотетическую, с той или иной языковой семьей. В контексте выполненного исследова-

ния первый алгоритмичный шаг сделан, и линия преемственности от неолита до раннего бронзового века обозначена описанными традициями. Шаг второй будет обдуман, его результаты планируются к публикации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Е.А. Поздний неолит Нижнего Приобья // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М. : Наука, 1987. С. 59–60.
2. Косинская Л.Л. Неолит таёжной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург ; Ханты-Мансийск : Чароид, 2006. С. 16–40.
3. Васильев Е.А., Глызин И.П. Энеолит Нижнего Приобья: проблемы культурогенеза // Труды III (XIX) всероссийского археологического съезда. Санкт-Петербург ; Москва ; Великий Новгород, 2011. Т. I. С. 112–114.
4. Васильев Е.А. Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983. С. 40–62.
5. Васильев Е.А. Культура вары-хадьта и проблемы культурогенеза Северо-Западной Сибири в раннем бронзовом веке // Труды III (XIX) всероссийского археологического съезда. Санкт-Петербург ; Москва ; Великий Новгород, 2011. Т. I. С. 212–214.
6. Васильев Е.А. Ладьевидные сосуды эпохи ранней бронзы из Нижнего Приобья // Искусство и фольклор народов Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 5–17.
7. Гурина Н.Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // Краткие сообщения Института археологии. 1972. Вып. 131. С. 36–45.
8. Викторова В.Д., Чаиркина Н.М., Широков В.Н. Гора и водоплавающая птица в мировидении древнего уральского населения // Уральский исторический вестник. Екатеринбург : УрО РАН, 1997. № 4. С. 46.
9. Чаиркина Н.М. Антропо-и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. 1998. Вып. 23. С. 86.
10. Чернецов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. : Наука, 1973. С. 10–17.

Vasilev Eugeniy A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: eavasilev@mail.ru

TRANSCULTURAL TRADITIONS OF NORTH-WEST SIBERIA IN NEOLITHIC AND EARLY BRONZE AGE.

Keywords: North-West Siberia; traditions; style; Neolithic Age; Early Bronze Age; ethno cultural area; archaeological culture. More than two thousand years ago there were surprisingly stable, strong and unique traditions in existence in the North of West Siberia. We define them as long and transcultural. They are known as long, due to the substantial duration in time. Some of them began in the Neolithic Age (end of V – IV millennium BC) and existed up until Early Bronze Age (the first half of II millennium BC). They are defined as transcultural as they survived a consequent change of a few archeological cultures: Neolithical Ches-Tiy-Yag culture, Eneolithical Yasunskaya culture, Early Bronze Sartynyinskaya culture and Vari-Hadita. By far we can note three traditions of the defined above type: special style of ornamentation of ceramic, presence of uniquely boat-shaped vessels, specific style of bird drawings on pottery vessels. A refined and specific decorative phenomenon, which we define as a style of Specific (Honeycomb type) North Geometrizm has its routes in the Neolithic Age, but reached its zenith in the Early Bronze Age. Its signature features are complex geometrical compositions, comprising of rhombuses and honeycomb type structures. A no less colorful tradition is the practice of the manufacture of boat-shaped vessels. In contrast to other forest areas of Northern Eurasia where such items are extremely rare, in the West Siberian arctic and subarctic cultures their share is unusually high and ranges from 10 to 15%. In the Neolithic Age boat-shaped vessels are close to their proposed prototype – real boats – canoes. In the Eneolithic era model boats transformed into dishes with an oval mouth. In the cultures of the Early Bronze Age, boat-shaped vessels were remarkably diverse. Along with containers having an oval and sharp-cornered mouth, there were absolutely exclusive dishes of complex design with sculptural decoration beaters, which were present in these cultures. “Ornithomorphic” decoration tradition was born and developed in the framework of the mentioned above ornamental style, this being its peculiar emanation. Rhombuses and hexagons (honeycombs) were the main unchangable elements of which the body of the bird was formed. Without a doubt, vessels with birds had a special status. We tend to regard them as figurative and graphical ideograms which were comprised from important mythological texts. The above mentioned traditions have very little to do with the culture of life-maintenance, but instead are inseparable from myth, ritual and art. There are reasons to believe that they mark not only cultural, but also ethnic and cultural area.

REFERENCES

1. Vasiliev, E.A. (1987) [The Late Neolithic of the Lower Ob]. *Zadachi sovetskoy arkheologii v svete resheniy XXVII s'ezda KPSS* [Problems of the Soviet archeology in the light of the 27th Congress of the CPSU]. Proc. of the All-Soviet Conference. Suzdal, 1987. Moscow: Nauka. pp. 59-60. (In Russian).
2. Kosinskaya, L.L. (2006) Neolit taezhnoy zony Zapadnoy Sibiri [The Neolithic Age of the taiga zone in Western Siberia]. In: Stefanov, V.I., Perevalova, E.V. (eds) *Arkheologicheskoe nasledie Yugry* [The Yurga archaeological heritage]. Ekaterinburg; Khanty-Mansiysk: Charoid. pp. 16-40.
3. Vasiliev, E.A. & Glyzin, I.P. (2011) Eneolit Nizhnego Priob'ya: problemy kul'turogeneza [The Chalcolithic of the Lower Ob: The problem of cultural genesis]. In: Makarov, N.A. & Nosov, E.N. (eds) *Trudy III (XIX) vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda* [Proceedings of III (XIX) All-Russian Archaeological Congress]. Vol. 1. St. Peterburg; Moscow; Velikiy Novgorod: RAS. pp. 112-114.
4. Vasiliev, E.A. (1983) Khronologiya i kul'turnaya prinadlezhnost' pamyatnikov epokhi rannego metalla v basseynе Severnoy Sos'vy [Chronology and cultural belonging of the monuments of the early metal era in the North Sosva basin]. In: Glushkov, I.G. et al. (eds) *Enokul'turnye protsessy v Zapadnoy Sibiri* [Ethno-cultural processes in Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 40-62.
5. Vasiliev, E.A. (2011) Kul'tura vary-khadyta i problemy kul'turogeneza Severo-Zapadnoy Sibiri v rannem bronzovom veke [The culture of Vary-hadyt and problems kul'turogeneza North-Western Siberia in the early Bronze Age]. In: Makarov, N.A. & Nosov, E.N. (eds) *Trudy III (XIX) vserossiyskogo*

- arkheologicheskogo s"ezda* [Proceedings of III (XIX) All-Russian Archaeological Congress]. Vol. 1. St. Peterburg; Moscow; Velikiy Novgorod: RAS. pp. 212-214.
6. Vasiliev, E.A. (1984) Lad'evdnye sosudy epokhi ranney bronzy iz Nizhnego Priob'ya [The boat-shaped vessels from the early Bronze Age of the Lower Ob]. In: Lukina, N.V. (ed.) *Iskusstvo i fol'klor narodov Zapadnoy Sibiri* [The art and folklore of the peoples of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5-17.
 7. Gurina, N.N. (1972) Vodoplavayushchaya ptitsa v iskusstve neoliticheskikh lesnykh plemen [The waterfowl in the art of the Neolithic forest tribes]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 131. pp. 36-45.
 8. Viktorova, V.D., Chairkina, N.M. & Shirokov, V.N. (1997) Gora i vodoplavayushchaya ptitsa v mirovidenii drevnego ural'skogo naselenii [The mountain and waterfowl in the worldview of the ancient Ural population]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 4. p. 46.
 9. Chairkina, N.M. (1998) Antropo-i zoomorfnye obrazy eneoliticheskikh kompleksov Srednego Zaural'ya [Anthropo-zoomorphic images of the Eneolithic complex of the Middle Trans-Urals]. *Voprosy arkheologii Urala*. 23. p. 86.
 10. Chernetsov, V.N. (1973) Etno-kul'turnye arealy v lesnoy i subarkticheskoy zonakh Evrazii v epokhu neolita [Ethno-cultural areas in the forest and subarctic regions of Eurasia in Neolithic archeology]. In: Gening, V.F. (ed.) *Problemy arkheologii Urala i Sibiri* [Problems of archeology of the Urals and Siberia]. Moscow: Nauka. pp. 10-17.

И.В. Ковтун

КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИХ ГРУППИРОВОК

Статья посвящена оригинальным разновидностям кинжалов сейминско-турбинской эпохи, различающихся морфологически, а также по иконографическим и стилистическим особенностям их зооморфных наверший. Рассматриваются характерные особенности статусного клинкового оружия сейминско-турбинских группировок. Особое место отведено кинжалам сопкинско-каракольского типа. Распространение данных изделий соотносится с доминантным меридиональным направлением межкультурных взаимодействий на ранних этапах сейминско-турбинской эпохи. Высказана идея о необходимости удревления хронологических рамок Центральноазиатской металлургической провинции.

Ключевые слова: кинжалы; копьё; морфология; сейминско-турбинский феномен; хронология.

В 2014–2015 гг. в научный оборот была введена серия дат по ^{14}C [1. С. 464–466; 2. С. 105; 3. Р. 598, Tab. 1; Р. 599, Fig. 3, 2], позволяющих переосмыслить изложенные ранее представления [4. С. 322–325] о генерации и хронологии оригинальных кинжалов из могильника Сопка II (Сопка-2/4Б, В). Культурно-хронологической переоценке подлежит и типологически аналогичная сопкинским изделиям серия алтайских и центральноазиатских кинжалов, в том числе и с фигурными навершиями.

Появление такого особого типа кинжалов у кротовского населения Барабы соответствует исторической логике аналогичного процесса у всех сейминско-турбинских сообществ. Сочетание технологии литой «слепой» втулки и «рёбер жёсткости», олицетворяющих сейминско-турбинскую металлургическую традицию, воплощено в триаде бронзовых изделий с условным грифом «Три “К”»: кельты, копьё и клинки. Но не кельты и копьё, а именно клинковое оружие главным образом выступает символом и индикатором этнокультурного своеобразия сейминско-турбинских группировок.

Каждой культурной группе или мультикультурному сообществу металлургов, отнесённых к сейминско-турбинскому феномену, наряду с утилитарными формами, присущи и оригинальные типы клинкового оружия: статусных ножей и / или кинжалов, чаще со скульптурным навершием. Такие клинки собственно сейминско-турбинского облика представлены выгнуто-обушковыми ножами с двух- или трёхфигурными композициями в навершии либо без них (Сейма, Турбино II, Ростовка, р. Джумба, из-под г. Омска, Увэр-Хангайский аймак, Центральная Монголия) (рис. 1, 1–6). Смысловое значение каждой скульптурной группы уникально, но общим знаменателем данных изображений представляется идея жертвоприношения коня, барана, лося и, возможно, даже человека.

Галичский локус символизируют кинжалы с фигурно-парциальными рукоятями-навершиями, конструктивно напоминающие протососново-мазинскую форму (Галич, Сейма, Пермь) (рис. 2, 7–9). Семантические

планы скульптурно-изобразительных композиций этих изделий соотносятся с моделью мироздания и архаичными вариациями змее/драконоборческого мифа.

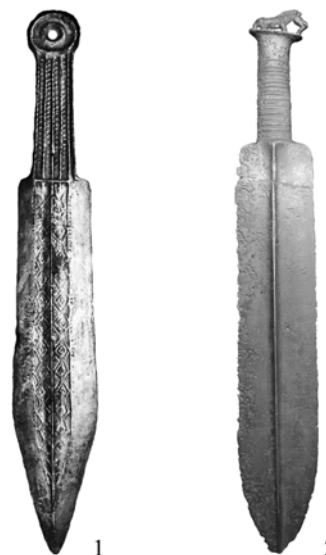

Рис. 1. Кинжалы: 1 – из-под г. Омска [5. С. 67. Рис. 17]; 2 – г. Шемонаиха [4. Фото 161, 2]

Елунинские прямолезвийные ножи с парциальными навершиями (Елунино I, Усть-Мута) (рис. 2, 10, 11) также не имеют параллелей за пределами Алтая. Наиболее близкие мифологические параллели стилизованных конских скульптурок обоих ножей, на мой взгляд, связаны с образами ведийского коня Эша и коня-змееборца.

Совершенно особая форма отличает кинжалы из разрушенного могильника под г. Омском (Ростовка ?) и из г. Шемонаихи [4. С. 325; 5. С. 68], один с навершием и оба с семантически значимой орнаментацией клинка и рукояти соответственно (см. рис. 1). Идеиное значение орнаментальной композиции омского клинка и скульптурное навершие шемонаихского экземпляра содержательно дополняют друг друга. Полагаю, они символизируют конское жертвоприношение, близкое ашвамедхе, приносимое во время полнолуния.

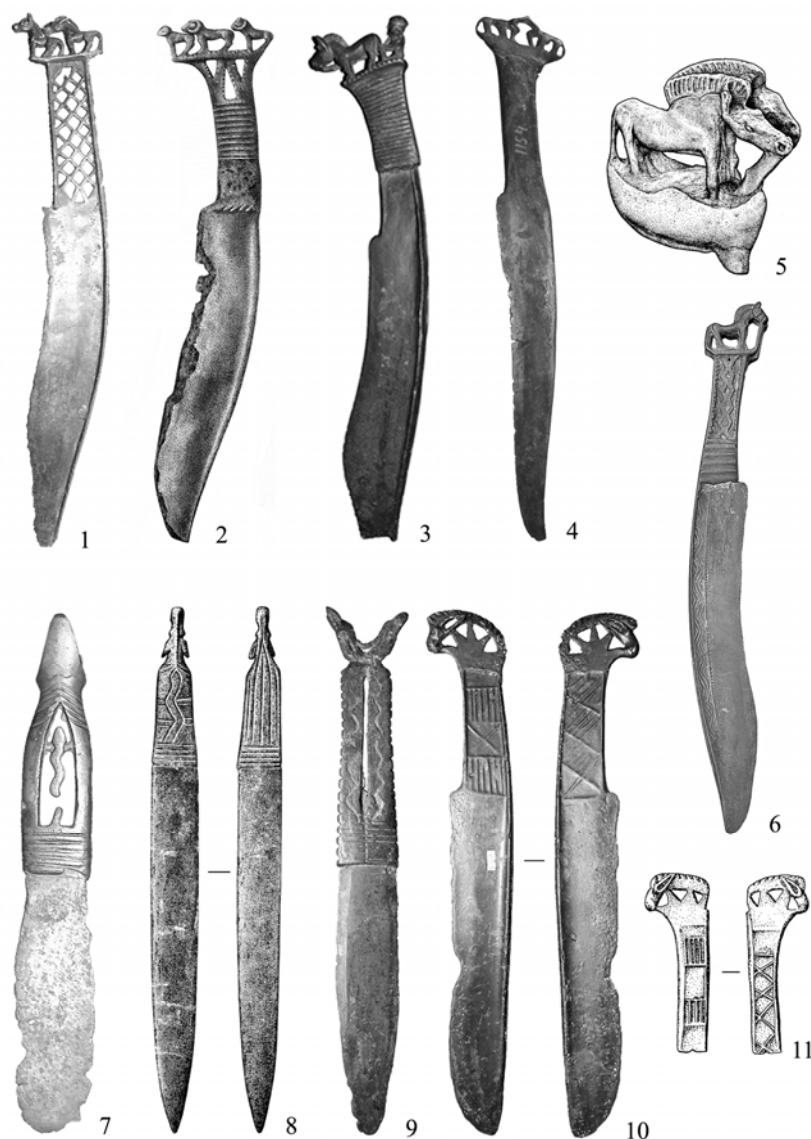

Рис. 2. 1 – Сейма [4. Фото 32]; 2 – Турбино II [10. Рис. 113]; 3 – Ростовка [4. Фото 47]; 4 – р. Джумба [4. Фото 151];
5 – Увэр-Хангайский аймак (Центральная Монголия) [11. С. 143, рис. 2, 5]; 6 – из-под г. Омска [4. Фото 67];
7 – Галичский клад [4. Фото 6, 1, 2]; 8 – Сейма [12. С. 116, рис. 50]; 9 – г. Пермь [4. Фото 18]; 10 – Елунино I [4. Фото 1];
11 – Усть-Мута [13. С. 166]

Наконец, особенной морфологией и территориальной локализацией [6. С. 98, рис. 1] выделяются сопкинско-каракольские кинжалы с двутавровыми или подовальными рукоятями (рис. 3). Их неординарный статус удостоверяется экземплярами с монофигурными навершиями и связью с образами детей (погребённых, богов, героев и т.п.) [4. С. 331–336; 7. С. 277–284]. В этой сводке кинжалы сопкинско-каракольского типа адекватны парадигме, присущей всей сейминско-турбинской металлургической традиции и сочетающей унификацию номенклатурного ряда с оригинальностью и даже уникальностью его отдельных образцов.

Для сопкинско-каракольских изделий характерно широкое распространение в меридиональном направлении, что отличается от локализации собственно сейминско-турбинских клинков выгнутообушковых форм.

Вероятно, это указывает на доминанту транскультурных связей, присущих времени генерации и/или бытования кинжалов подобного типа. Полагаю, период распространения и ареал данных изделий соотносимы с территориально-хронологическим континуумом Центральноазиатской (Восточноазиатской) металлургической провинции, подлежащей удревнению с карасукского времени до сейминско-турбинской эпохи [4. С. 23, 31 и др.].

Сейминско-турбинская атрибуция кинжалов сопкинско-каракольского типа придаёт данной идее существенный аргумент и новые предметные формы. Это соотносится и с концептуальным выводом о вхождении кротовской культуры в северо-восточную оконечность ареала весьма специфичной традиции металлургического производства культур ранней – развитой бронзы Евразии [8. С. 117].

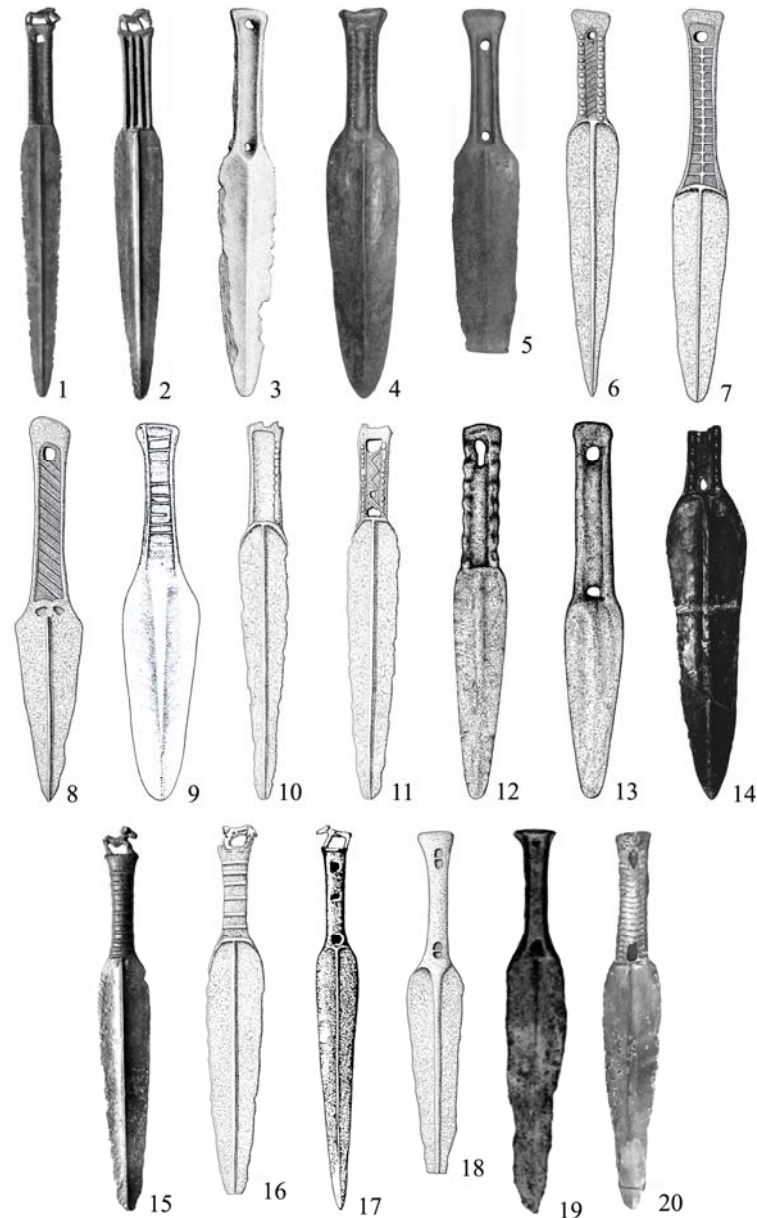

Рис. 3. Кинжалы: 1 – с. Чарышское [4. Фото 162, 1]; 2 – Второй Каракольский клад [4. Табл. 4, 1]; 3–5 – Сопка-2/4Б, В [9. С. 5–6, рис. 1–3 (фото И.В. Ковтуна)]; 6 – сов. «Урожайный» [4. Табл. 111, 3]; 7 – б. Енисейская губ. [4. Табл. 111, 7]; 8 – Восточный Казахстан [4. Табл. 111, 8]; 9 – с. Павлодарское [14. С. 16, рис. 4, 1; цв. вкл. IX, 5]; 10 – Второй Каракольский клад [4. Табл. 111, 10]; 11 – Второй Каракольский клад [4. Табл. 111, 11]; 12, 13 – уезд Тяньшуй провинции Ганьсу (КНР) [11. С. 143, рис. 2, 2, 3]; 14 – окрестности с. Конево, Краснозёрский р-н, Новосибирской обл. [15. С. 67]; 15, 16 – Второй Каракольский клад [4. Табл. 111, 13, 14]; 17 – Курчум [4. Табл. 111, 15]; 18 – Семипалатинск [4. Табл. 111, 16]; 19 – долина р. Или, пригород Цюлакерек [16. С. 276, рис. 161В, 4]; 20 – Змеиногорск-IV [14. Цв. вкл. IV, 8]

Морфология клинков сопкинско-каракольских кинжалов сопоставима с пропорционально-параметрическими характеристиками перьев сейминско-турбинских копий [9. С. 9]. Это особенно заметно по ширине клинка одного из сопкинских кинжалов [6. С. 98], возможно, самого архаичного экземпляра в серии [4. С. 323]. Поэтому в качестве составной части сейминско-

турбинского оружейного комплекса [6. С. 104–105] сопкинские находки могут быть древнейшими среди известных сейчас кинжалов подобного типа. Отмеченное соответствие означает собственно сейминско-турбинские истоки данного типа клинкового оружия, генерация которого, вероятно, восходит к «общей матрице» с сейминско-турбинскими копьями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марченко Ж.В., Молодин В.И., Гришин А.Е., Орлова Л.А. Погребальные комплексы с предметами сейминско-турбинского и кенкольского типов в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) и их радиоуглеродная хронология // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. С. 463–468.

2. Молодин В.И. Феномен бронзовых кинжалов из погребальных комплексов кротовской культуры (хронология, территория распространения, истоки) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 97–107.
3. Marchenko Z.V., Orlova L.A., Panov V.S., Zubova A.V., Molodin V.I., Pozdnyakova O.A., Grishin A.E., Uslamin E.A. Paleodiet, radiocarbon chronology, and the possibility of fresh-water reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, Western Siberia: preliminary results // Radiocarbon. 2015. Vol. 57, № 4. P. 595–610.
4. Ковтун И.В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово, 2013. 702 с.
5. Молодин В.И., Нескоров А.В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3 (43). С. 58–71.
6. Молодин В.И. Феномен бронзовых кинжалов из погребальных комплексов кротовской культуры (хронология, территория распространения, истоки) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 97–107.
7. Ковтун И.В. Изображение младенца с кинжалом (постсейминский тип кинжалов в контактной зоне Евразийской и Центральноазиатской металлургических провинций) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X, ч. I. С. 277–285.
8. Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 5: Археология и этнография. С. 104–119.
9. Молодин В.И. Новый вид бронзовых кинжалов в погребениях кротовской культуры // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 4–16.
10. Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964. 176 с.
11. Ковалёв А.А. Новые данные о связях культур Западной Сибири, Монголии и Китая в первой половине II тыс. до н.э. // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013. С. 140–146.
12. Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970. 176 с.
13. Киреев С.М., Кудрявцев П.И. Новые находки эпохи бронзы из Горного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 164–168.
14. Грушин С.П., Мерц В.К., Папин Д.В., Пересветов Г.Ю. Материалы эпохи бронзы из Павлодарского Прииртышья // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 4–17.
15. Из музейных собраний Новосибирской области. Каталог / сост. Н.В. Ермакова, М.А. Овчарова / под ред. А.В. Шаповалова. Новосибирск, 2009. 158 с.
16. Новоженев В.А. Чудо коммуникации и древнейший колёсный транспорт Евразии. М., 2012. 500 с.

Kovtun Igor V. Institute of Human Ecology of the FSBSI The Federal research center of coal and coal chemistry of Siberian Branch of the RAS (Kemerovo, Russia). E-mail: ivkovtun@mail.ru

BLADED WEAPON OF SEYMINO-TURBINO GROUPS.

Keywords: daggers; spears; morphology; Seymino-Turbino phenomena; chronology.

The article deals with the original types of daggers of Seymino-Turbino time, which differ in morphology, as well as in iconographic and stylistic peculiarities of their zoomorphic knobs. Some characteristics of status blade weapon of Seymino-Turbino groups are analyzed. A special attention is given to Sopkino-Karakol type of daggers. The spread of such objects is associated with the dominant meridional direction of inter-cultural interactions of early stages of Seymino-Turbino time. Appearance of such special dagger type in Krotovo population of Baraba corresponds to the historical logic of the similar process in all Seymino-Turbino communities. It is the blade weapon which is the symbol and indicator of ethno-cultural specifics of Seymino-Turbino groups. Such blades are knives with or without ornamental compositions on the knobs (Seyma, Turbino II, Rostovka, r. Dzhumba, near Omsk, Övörkhangaï Province, Central Mongolia). Daggers with body part knobs symbolize Galich location (Galich, Seyma, Perm). Elunino straight blade knives (Elunino I, Ust-Muta) do not have parallels outside Altai. Daggers from the ruined burial mound of Omsk area and Shemonaikha have a special form. Finally, Sopkino-Karakol daggers have a special morphology and territorial location. Their special status is proven by some of them with ornamented knobs and association with child images (buried people, gods, heroes etc). The period of spread and area of these objects are correlated with Central Asia (Eastern Asia) metallurgical province, which dates have to be changed from Karasuk period to Seymino-Turbino time. The morphology of Sopkino-Karakol dagger blades can be compared with proportions and parameters of Seymino-Turbino spear points. The most noticeable characteristic is the width of the blade of a Sopkino dagger, perhaps the most archaic one within the range. Therefore, as a component of Seymino-Turbino weapon complex, Sopkino findings can be the most ancient ones among known daggers of this type. This noticed correspondence indicates to Seymino-Turbino origins of the blade weapon of this type, which apparently has the “common matrix” with Seymino-Turbino spears.

REFERENCES

1. Marchenko, Zh.V., Molodin, V.I., Grishin, A.E. & Orlova, L.A. (2014) Pogrebal'nye komplekсы s predmetami seyminsko-turbinskogo i kenkol'skogo tipov v Barabinskoy lesostepi (Zapadnaya Sibir') i ikh radiouglerodnaya khronologiya [Funerary complexes with objects of the Seima-Turbino and Kenkolsk types in Baraba forest-steppe (Western Siberia) and their radiocarbon chronology]. In: Sitdikov, A.G., Makarov, N.A. & Derevyanko, A.P. (eds) *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani* [Proceedings of the Fourth All-Russian Archeological Congress in Kazan]. Kazan: Otechestvo. pp. 463–468.
2. Molodin, V.I. (2015) The Neolithic of forest-steppe Transurals and Irtysh area: Latest research and periodization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 6(2). pp. 97–107. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2015-2-108-113
3. Marchenko, Z.V., Orlova, L.A., Panov, V.S., Zubova, A.V., Molodin, V.I., Pozdnyakova, O.A., Grishin, A.E. & Uslamin, E.A. (2015) Paleodiet, radiocarbon chronology, and the possibility of fresh-water reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, Western Siberia: preliminary results. *Radiocarbon*. 57(4). pp. 595–610. DOI: 10.2458/azu_rc.57.18435
4. Kovtun, I.V. (2013) *Predystoriya indoiryaskoy mifologii* [Prehistory of Indo-Aryan mythology]. Kemerovo: Human Ecology Institute of Russian Academy of Sciences.
5. Molodin, V.I. & Neskorov, A.V. (2010) Kolleksiya seyminsko-turbinskikh bronz iz Priirtysh'ya (tragediya unikal'nogo pamyatnika – posledstviya bugrovshchichestva XXI veka) [The collection of Seima-Turbino bronzes of the Irtysh Area (The tragedy of the unique monument – the consequences of illegal excavations in the 21st century)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 3(43). pp. 58–71.
6. Molodin, V.I. (2015) The phenomenon of bronze daggers from burial complexes of the Krotovo culture (chronology, area of distribution, beginnings). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 6(2). pp. 97–107. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2015-2-97-107

7. Kovtun, I.V. (2004) Izobrazhenie mladentsa s kinzhalom (postseyminskiy tip kinzhalov v kontaktnoy zone Evraziyskoy i Tsentral'noaziatskoy metallurgicheskikh provintsiy) [The image of a baby with a dagger (the Postseyminsk type of daggers in the contact zone of the Eurasian and Central Asian metallurgical provinces)]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Vol. 10(1). Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. pp. 277-285.
8. Molodin, V.I., Durakov, I.A., Mylnikova, L.N. & Nesterova, M.S. (2012) Proizvodstvennyy kompleks krotovskoy kul'tury na poselenii Vengerovo-2 (Barabinskaya lesostep') [The industrial complex of Krotovo culture at Vengerovo-2 (the Baraba forest-steppe)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik of Novosibirsk State University. History and Philology*. 11(5). pp. 104-119.
9. Molodin, V.I. (1993) Novyy vid bronzovykh kinzhalov v pogrebeniyakh krotovskoy kul'tury [A new type of bronze daggers in the graves of the Krotovo Culture]. In: Medvedev, V.E. & Khudyakov, Yu.S. (eds) *Voennoe delo naseleniya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka* [The military art of the peoples in Southern Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka. pp. 4-16.
10. Bader, O.N. (1964) *Drevneyshie metallurgi Priural'ya* [The ancient metallurgists of the Urals]. Moscow: Nauka.
11. Kovalev, A.A. (2013) Novye dannye o svyazyakh kul'tur Zapadnoy Sibiri, Mongolii i Kitaya v pervoy polovine II tys. do n.e. [New data on the links between Western Siberian, Mongolian and Chinese cultures in the early 2nd millennium BC.]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziyskoy arkheologii* [Modern solutions for urgent problems of Eurasian archeology]. Barnaul: Altai State University. pp. 140-146.
12. Bader, O.N. (1970) *Basseyn Oki v epokhu bronzy* [The Oka Basin in the Bronze Age]. Moscow: Nauka.
13. Kireev, S.M. & Kudryavtsev, P.I. (1988) Novye nakhodki epokhi bronzy iz Gornogo Altaya [New finds of the Bronze Age in Gorny Altai]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Khronologiya i kul'turnaya prinalozhnost' pamyatnikov kamennogo i bronzovogo vekov Yuzhnoy Sibiri* [Chronology and cultural belonging of the Stone and Bronze Age monuments in Southern Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 164-168.
14. Grushin, S.P., Merts, V.K., Papin, D.V. & Peresvetov, G.Yu. (2006) Materialy epokhi bronzy iz Pavlodarskogo Priirtysh'ya [Materials of the Bronze Age from Pavlodar Region]. In: Grushin, S.P. et al. *Altay v sisteme metallurgicheskikh provintsiy bronzovogo veka* [Altai in the system of metallurgical provinces of the Bronze Age]. Barnaul: Altai State University. pp. 4-17.
15. Shapovalov, A.V. (ed.) (2009) *Iz muzeynykh sobraniy Novosibirskoy oblasti* [From the museum collections of Novosibirsk Region]. Novosibirsk: Siberian Museum Agency, Taler-Press.
16. Novozhenov, V.A. (2012) *Chudo kommunikatsii i drevneyshiy kolesnyy transport Evrazii* [The wonders of communication and the ancient wheel transport in Eurasia]. Moscow: TAUS.

В.В. Бобров, А.Г. Марочкин

КРОХАЛЕВСКАЯ КУЛЬТУРА РАННЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ (СПЕЦИФИКА МАТЕРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА И ХРОНОЛОГИЯ)

Исследование выполнено в рамках государственного задания № 33.1175.2014/К.

Дается всесторонняя характеристика поселений периода ранней бронзы, расположенных на территории Кузнецкой котловины. Обоснована культурная дифференциация поселений лесостепной зоны с ложнотекстильной керамикой (крохалевская культура) и поселений Горной Шории с керамикой с ногтевыми насечками (мундыбашский тип керамики периода ранней бронзы). Выявлены специфические черты крохалевских поселений Кузнецкой котловины в сравнении с древностями крохалевской культуры Новосибирского Приобья. С опорой на данные радиоуглеродного датирования определена абсолютная хронология крохалевской культуры в пределах последней четверти III – первой половины II тыс. до н.э. Обозначена проблема возможных сценариев сосуществования в лесостепном Приобье крохалевских сообществ с более развитым населением самусьской, елунинской и кротовской культур.

Ключевые слова: ранняя бронза; крохалевская культура; абсолютная хронология; Кузнецкая котловина; лесостепное Приобье.

В 1992 г. В.В. Бобровым была предложена схема развития культур эпохи бронзы Кузнецко-Салаирской горной области, согласно которой ранняя бронза Кузнецкой котловины была представлена поселениями крохалевской культуры [1]. К ней были отнесены памятники с так называемой ложнотекстильной плоскодонной керамикой (1-я группа) в лесостепной зоне и плоскодонной посудой с орнаментом в виде ногтевых насечек (2-я группа) в лесных районах Горной Шории [Там же. С. 9].

Новые источники подтверждают ландшафтную локализацию поселений с посудой 1-й и 2-й групп, при этом смешанные комплексы так и не обнаружены (рис. 1). «Чистые» «ложнотекстильные» комплексы зафиксированы на юге Нижнего Притомья на памятниках Долгая-1, Долгая-2, Ивановка-1, Ивановка-2, Синеречка-1 и в верхнем течении р. Ини на поселении Поморцево-2. В совокупности с материалами поселений Иня-2 и Танай-4 (Восточное Присалаирье), Лебеди-1 (среднее течение р. Ини) и Кузнецк-1/1 (юг Среднего Притомья) это очерчивает ареал «ложнотекстильных» памятников, занимающих всю территорию котловины (рис. 1, 4–12). В Среднем Притомье изучено поселение Крутая Яма, керамический комплекс которого идентичен посуде 2-й группы Печергол-2 и Мундыбаш в Горной Шории [2]. В этом же районе на памятнике Пашкино-1 керамика рассматриваемых групп занимает разные стратиграфические позиции и ложнотекстильная посуда выступает несколько более поздней [3. С. 12]. Предгорья Шории и юг Среднего Притомья, в таком случае, представляются зоной контакта носителей двух керамических традиций. По всей видимости, следует оставить обозначение *крохалевские* только для лесостепных памятников 1-й группы и задуматься о признании культурной самобытности таежных поселений 2-й группы. Это предлагалось ранее одним из авторов

статьи [1. С. 10] и было поддержано некоторыми специалистами [3. С. 11–12]. Условно обозначим посуду горно-таежных поселений как *мундыбашский* тип керамики периода ранней бронзы.

Доля «ложнотекстильного» компонента в посуде эпонимного памятника Крохалевка-4 достигает всего 28,6%, а на поселении Иня-2 его доля доходит до 32,1% [4. Табл. 2]. Остальная часть керамики поселений Новосибирского Приобья демонстрирует черты, генетически близкие ирбинским комплексам позднего неолита – энеолита, что свидетельствует в пользу их автохтонного происхождения с участием пришлого компонента [4. С. 26; 5. С. 73; 6. С. 45]. Для памятников внутренних районов Кузнецкой котловины повышается роль собственно «ложнотекстильной» посуды [1. С. 9–10]. В материалах разновременных поселений Лебеди-1 и Танай-4 «ложнотекстильная» выбивка представлена на очень крупных баночных сосудах с бедным декором – насечками по срезу, одинарными рядами «жемчужин» или округлых вдавлений по венчику. Керамика подобного облика формирует «чистые» комплексы на поселениях Кузнецк-1/2, Долгая-2, Ивановка-1 и Ивановка-2 (рис. 2, 1–3).

На стоянке Долгая-1 крохалевская «ложнотекстильная» и ирбинская посуда обособлены планграфически и стратиграфически. Это вновь ставит вопрос о содержании *крохалевского типа* керамики и культурогенезе его компонентов [1. С. 10]. В частности, для «текстильных» керамических комплексов Западной Сибири предлагалось как западное, так и восточное происхождение (обзор см.: [7. С. 79; 8. С. 71–74]). Доминирование «чистых» «ложнотекстильных» комплексов в Кузнецкой котловине, т.е. на юго-восточной окраине Западносибирской равнины, может свидетельствовать в пользу «восточносибирской» версии.

Все рассматриваемые поселения расположены на невысоких береговых террасах. Остатки углубленных в

землю жилища отсутствуют, как и на памятниках Приисалаирья [4. С. 24]. Для комплексов юга Нижнего Притомыя характерна черта – наличие округлых или подпрямоугольных галечных выкладок и неглубоких ям неизвестного предназначения, а также выравнивающих сланцево-галечных помостов. На поселении Долгая-2 зафиксирован крупный помост подквадратной формы с остатками очага в центре и несколькими столбовыми ямами по периметру. На поселениях Ивановка-1, Ивановка-2, Кузнецк-1/1, Долгая-2 обнаружены крупные площадки, связанные с обработкой камня. Это характеризует крохалевские памятники Кузнецкой котловины как производственно-поселенческие центры.

Каменный инвентарь встречен повсеместно и в очень большом количестве (рис. 2, 4–16). На поселениях Притомыя важную роль играет галечное сырье. Большую часть коллекции занимают желваки с нерегулярными снятиями, первичные сколы, отщепы. Орудийный набор включает галечные отбойники, ножи на крупных отщепах, скребки на отщепах, песчаниковые плитчатые абразивы, крупные топоры-рубилы, шлифованные тесла, крупные орудия дробящего действия, наконечники-

бифасы подтреугольной и листовидной форм, единичные шлифованные ножи прибайкальского типа. Доля пластин и орудий из них минимальна, что подтверждает ранее сделанные наблюдения [Там же. С. 24].

Бронзолитерное производство не централизовано. Для крохалевских поселений Новосибирского Приобья и Приисалаирья характерны единичные предметы металлургии (обзор см.: [8. С. 71–73]). В Кузнецкой котловине на крохалевских памятниках обнаружены фрагменты сердечников (Кузнецк-1/2, Ивановка-1), льячек (Кузнецк-1/2), литейных форм (Кузнецк-1/2, Долгая-1, Долгая-2, Ивановка-1). На поселении Ивановка-1 фрагменты сразу нескольких литейных форм и сердечников сконцентрированы в небольшой яме. На некоторых фрагментах присутствуют «ложнотекстильные отпечатки» (Кузнецк-1/2, Ивановка-1). Форма со стоянки Долгая-1 (рис. 1/ 17), по аналогии с поселением Умна-6 в Новосибирском Приобье, свидетельствует об изготовлении кельтов-лопаток [9; 10. С. 165]. Ю.В. Ширин отмечает для литейных форм поселения Кузнецк-1/2 черты, характерные для сейминско-турбинских копий [3. С. 10–11].

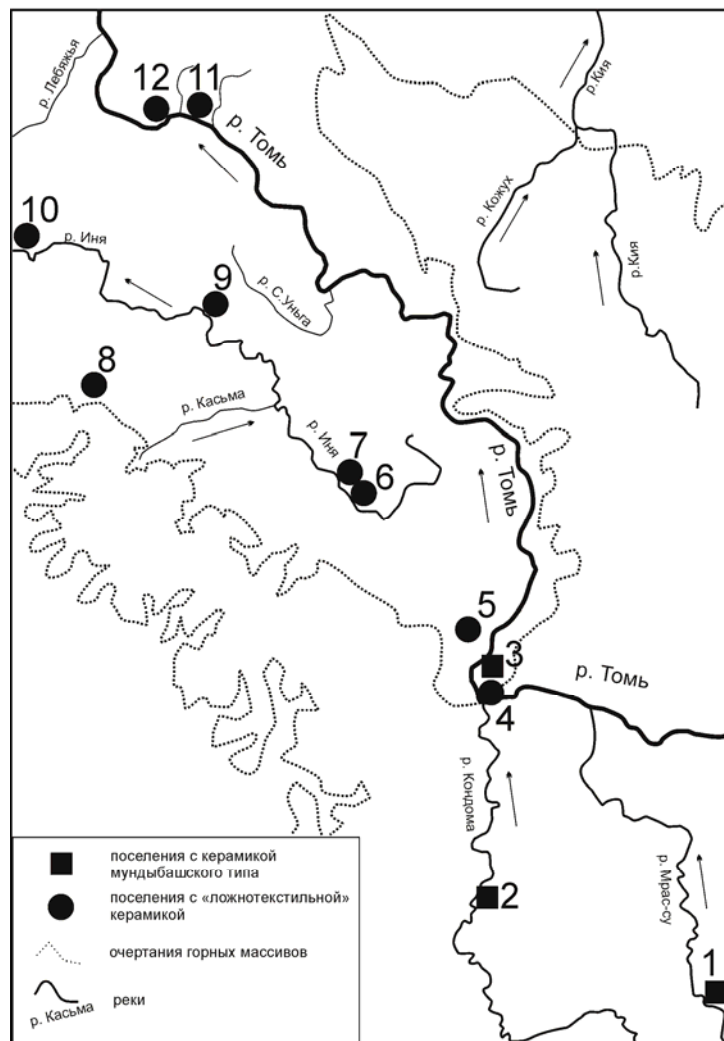

Рис. 1. Поселения периода ранней бронзы на территории Кузнецкой котловины и Горной Шории
1 – Печергол-2; 2 – Мундыбаш; 3 – Крутая яма; 4 – Кузнецк-1/2; 5 – Пашкино-1; 6 – Усть-Уроп-1; 7 – Поморцево-2; 8 – Танай-4; 9 – Лебеди-1; 10 – Иня-2; 11 – Ивановка-1, Ивановка-2; 12 – Долгая-1, Долгая-2

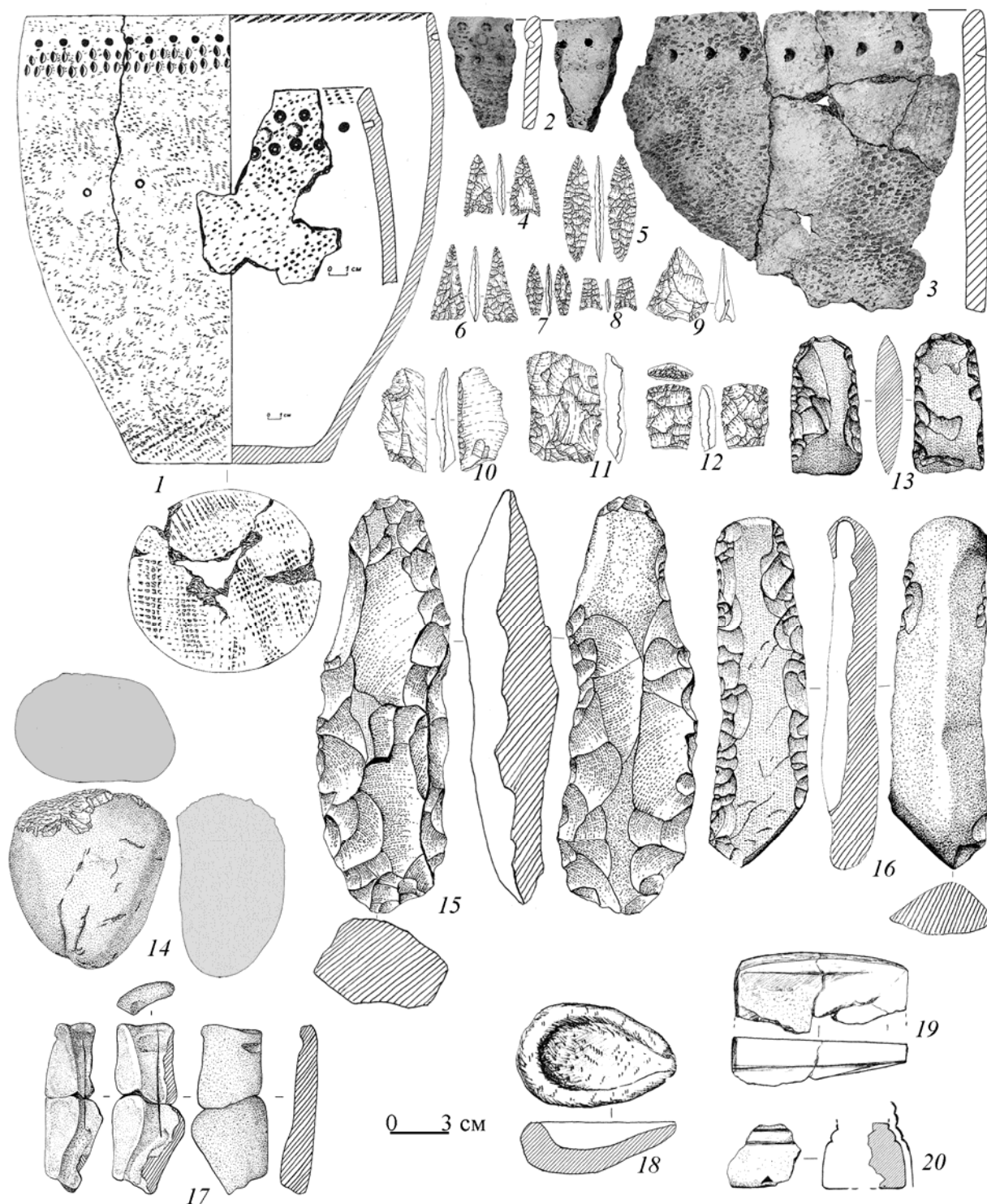

Рис. 2. Материалы крохалевской культуры на территории Кузнецкой котловины:
 1–3 – керамическая посуда; 4–8 – каменные наконечники; 9–12 – каменные ножи; 13, 15, 16 – каменные топоры;
 14 – каменный отбойник; 17, 19 – фрагменты керамической литейной формы;
 18 – керамический тигель; 20 – обломок глиняной литейной шišки.
 1, 18, 19, 20 – поселение Кузнецк 1/2 (по: [3. Рис. 5, 6]); 2 – поселение Ивановка 2; 3–12, 14–16 – поселение Ивановка 1;
 13, 17 – стоянка Долгая 1

Большинство исследователей поддержали датировку культуры в пределах первой половины II тыс. до н.э. [4. С. 26; 5. С. 74; 6. С. 46]. Датировка в рамках второй трети II тыс. до н.э. предложена И.Г. Глушковым [11.

С. 126–127]. В.В. Бобров датировал крохалевские поселения Кузнецкой котловины первой четвертью II тыс. до н.э. [1]. С этим согласились И.В. Ковтун и А.Г. Марочкин, связавшие «ложнотекстильные» ком-

плексы с началом сейминско-турбинского периода, т.е. с предсамусьским временем [8].

В Изотопном центре кафедры геологии и геоэкологии РГПУ им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург) впервые получены три даты для «ложнотекстильной» посуды поселений юга Нижнего Притомья: SPb_1532 (Ивановка-1, керамика) – 3469±120, или в калиброванных значениях 2058–1504 гг. до н.э. (2 σ – 92,8%) и 1937–1638 гг. до н.э. (1 σ – 68,2%); SPb_1533 (Ивановка-2, керамика) – 3599±120, или в калиброванных значениях 2296–1638 гг. до н.э. (2 σ – 95,4%) и 2135–1868 гг. до н.э. (1 σ – 55,6%); SPb_571 (Долгая-1, нагар) – 3550±100, или в калиброванных значениях 2200–1600 гг. до н.э. (2 σ – 95,4%) и 2030–1750 гг. до н.э. (1 σ – 68,2%). Таким образом, диапазон вероятных значений включает большую часть первой половины II тыс. до н.э., но не исключает удревнения комплексов

с «ложнотекстильной посудой» до последней четверти III тыс. до н.э.

Синхронизация крохалевских комплексов с древностями кротовской, самусьской и елунинской культур уже предлагалась специалистами [4. С. 26; 6. С. 45–46; 10. С. 165; 12. С. 34; 13. С. 33–34; 14. С. 54]. Полученные абсолютные датировки в своих верхних пределах не противостоят этой идее. Известны случаи взаимовстречаемости на поселениях крохалевской посуды и керамики самусьской и кротовской культур (Лебеди-1, Преображенка-6 и др.), но нет типологически «смешанных» комплексов. Материальная культура крохалевцев архаична, что проявляется в огромном значении каменной индустрии и отсутствии специализированных металлургических центров. Возникает вопрос о возможных механизмах сосуществования в единой экологической нише лесостепного Приобья обществ, находящихся на разном уровне исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. 41 с.
2. Ширин Ю.В. Материалы археологических разведок на р. Томи // Из кузнецкой старины. Новокузнецк : ООО «Лотус-Пресс», 2015. Вып. 6. С. 4–75.
3. Ширин Ю.В. Древние памятники на месте Кузнецка // Кузнецкая старина. 2008. Вып. 10. С. 6–20.
4. Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск : Наука, 1997. 132 с.
5. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск : Наука, 1977. 173 с.
6. Полосьмак Н.В. Керамический комплекс поселения Крохалево-4 // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. С. 36–46.
7. Бобров В.В., Молодин В.И., Журба Т.А., Колонцов С.В., Кравцов В.М., Кравцов Ю.В., Соболев В.И. Археологические памятники Тогучинского района Новосибирской области. Новосибирск : Науч.-производств. центр по сохранению культурного наследия, 2000. 101 с.
8. Ковтун И.В., Марочкин А.Г. Арчекаский кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Марининской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1. (45). С. 69–76.
9. Марочкин А.Г. Материалы раскопок у Новоромановской писаницы: комплекс крохалевской культуры эпохи ранней бронзы // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы междунар. науч. конф. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011. Т. 1. С. 124–127.
10. Бородавский А.П. Литейная форма кельта-лопатки самусьско-сейминского времени из Новосибирского Приобья // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура : сб. науч. тр. / под ред. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 163–166.
11. Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). 2-е изд., испр. Сургут : РИО СурГПУ, 2009. 190 с.
12. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.
13. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2002. 294 с.
14. Грушин С.П. Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье в эпоху ранней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. Кн. 1. С. 49–56.

Bobrov Vladimir V. Kemerovo State University, Federal Coal and Coal Chemistry Research Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russia). E-mail: klae@kemsu.ru; *Marochkin Aleksey G.* Federal Coal and Coal Chemistry Research Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russia). E-mail: comcon@yandex.ru

EARLY BRONZE AGE KROKHALEVO CULTURE ON THE TERRITORY ON KUZNETSK DEPRESSION (MATERIAL COMPLEX AND CHRONOLOGY SPECIFICS).

Keywords: early Bronze Age; Krokhaievo culture; absolute chronology; Kuznetsk Depression; forest-steppe Ob Region.

In 1992, V.V. Bobrov proposed a schedule of genesis of the Bronze Age cultures in Kuznetsk-Salair mountain area according which in Kuznetsk basin there were Krokhaievo culture settlements. This culture includes the sites with so called “false textile” flat-bottomed ceramics (1st group) in forest-steppe zone and flat-bottomed ware ornamented with nail incisions (2nd group) in forest areas of Gornaya Shoriya: “Pure” “false textile complexes” are found in the South of Lower Tom River area and at Dolgaya-1, Dolgaya-2, Ivanovka-1, Ivanovka-2, Sinerechka-1 sites and at the upstream end of the River Inya on the settlement Pomortsevo-2 and Ust-Urop. Together with the Inya-2 and Tanay-4 (Eastern Salair area), Lebedi-1 (middlestream of River Inya) and Kuznetsk-1/2 (South of Middle Tom River area) settlements, this limits the area of the sites with “false-textile” ware occupying the whole territory of the depression. Mountain regions of Shoriya and the South of Middle Tom River area were a contact zone for both traditions. Attributing the term “Krokhaievo” for forest-steppe sites with the first group ware, let us outline the cultural specifics of Taiga settlements within Mundybash type of ceramics of the Early Bronze Age. A part of “false-textile” ceramics on the Kuznetsk basin settlements can approach 100 % while on the Krokhaievo settlements of Novosibirsk Ob River region it does not exceed 32.1 %. It again raises a question about the content of Krokhaievo type ceramics and the cultural genesis of its components. All Krokhaievo culture settlements are situated on low riverside terraces. There are no remains of dwellings in-depth in soil as on the Salair area sites. A specific characteristic of the Southern Lower Tom River area complexes are roundish or subrectangle pebble lining and shallow middens, as well as schistic-pebble pathways. On the settlements of Tom River area (Ivanovka -1, Ivanovka-2, Kuznetsk-1/2, Dolgaya-2), large locations for stone treatment have been found. This defines the Krokhaievo sites of Kuznetsk basin as industrial settled centers. Stones tools were found everywhere and in very big

amount. On the Tom River area settlements pebble material was very important. The most part of the collection are aerites with irregular removals, cortex flakes, flakes. Tool set includes pebble hammerstones, big flake knives, end-scrapers on flakes, sandstone abrasive slabs, large handaxes, grinded adzes, large crushing tools, subtriangular and leaf-like bifaces, single grinded knives of Baikal type. The part of blades among them is minimal. Bronze-casting production was not centralized. In Kuznetsk basin on the Krokholevo sites, as well as Novosibirsk Ob River region and Salair region settlements, single objects have been found which are associated with bronze-casting – core fragments, smelting ladles, casting moulds. Some fragments have “false-textile marks” similar to those on the ware. Some casting moulds fragments from Dolgaya-1 settlement similarly to Umna-6 settlement in Novosibirsk Ob River area prove the production of spade-like celts. For the first time in the Isotope Center of the Department of Geology and Geo-Ecology in Herzen State Pedagogical University (Saint-Petersburg) three dates for “false-textile” culture ware from the South of Lower Tom River area were obtained: SPb_1532 (Ivanovka-1, ceramics) – 3469 ± 120 , in calibrated values 2058–1504 BC ($2\sigma - 92,8\%$) and 1937–1638 BC ($1\sigma - 68,2\%$); SPb_1533 (Ivanovka-2, ceramics) – 3599 ± 120 , or 2296–1638 BC ($2\sigma - 95,4\%$) and 2135–1868 BC ($1\sigma - 55,6\%$); SPb_571 (Dolgaya-2, deposits) – 3550 ± 100 , or 2200–1600 BC ($2\sigma - 95,4\%$) and 2030–1750 BC ($1\sigma - 68,2\%$). Thus, the range of probable values includes the most of the first half of II millennium BC, but the complexes of “false-textile ware” could be dated to the last quarter of III millennium BC. This partly proves the synchronization of Krokholevo complexes with Krotovo, Samus and Elunino artifacts proposed earlier. In some cases, Krokholevo ware and Samus and Krotovo cultures ceramics have been found at the same settlements (Lebedi-1, Preobrazhenka-6 etc.), there are not typologically “mixed” complexes. A question arises about some possible mechanisms of coexistence of Krokholevo people with their relatively archaic culture and more developed Samus, Krotovo and Elunino people in the common ecological niche of forest-steppe Ob River area.

REFERENCES

1. Bobrov, V.V. (1992) *Kuznetsko-Salairskaya gornaya oblast' v epokhu bronzy* [The Kuznetsk-Salair mountain area in the Bronze Age]. Abstract of History Doc. Diss. Novosibirsk.
2. Shirin, Yu.V. (2015) Materialy arkheologicheskikh razvedok na r. Tomi [Materials of the archaeological investigations on the Tom]. In: Shirin, Yu.V. (ed.) *Iz kuznetskoy stariny* [From Kuznetsk Antiquity]. Vol. 6. Novokuznetsk: Lotus-Press. pp. 4-75.
3. Shirin, Yu.V. (2008) Drevnie pamyatniki na meste Kuznetska [Ancient monuments upon the modern Kuznetsk]. In: Shirin, Yu.V. (ed.) *Kuznetskaya starina* [Kuznetsk Antiquity]. Vol. 10. pp. 6-20.
4. Zakh, V.A. (1997) *Epokha bronzy Prislair'ya (po materialam Izylinskogo arkheologicheskogo mikrorayona)* [The Bronze Age of the Salair area (a case study of Izylinsky archaeological district)]. Novosibirsk: Nauka.
5. Molodin, V.I. (1977) *Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya* [The Neolithic and Bronze epochs of the steppe Ob-Irtysh]. Novosibirsk: Nauka.
6. Polosmak, N.V. (1978) Keramicheskiy kompleks poseleniya Krokholevka-4 [The ceramic complex of Krokholevka-4]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri* [The ancient culture of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 36-46.
7. Bobrov, V.V., Molodin, V.I., Zhurba, T.A., Kolontsov, S.V., Kravtsov, V.M., Kravtsov, Yu.V. & Sobolev, V.I. (2000) *Arkheologicheskie pamyatniki Toguchinskogo rayona Novosibirskoy oblasti* [Archaeological sites of Toguchinsky District, Novosibirsk Region]. Novosibirsk: Research-Production Center for Cultural Preservation.
8. Kovtun, I.V. & Marochkin, A.G. (2011) The Archekas Celt and the Issue of the Seima-Turbino Period in the Kuznetsk Basin and in the Achinsk-Mariinsk Forest-Steppe. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 1(45). pp. 69-76. (In Russian).
9. Marochkin, A.G. (2011) [Excavation materials from Novoromanovskaya Pisanitsa: the Krokholevo Culture]. *Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoy pisanitsy* [The Early Bronze Age rock art in the contemporary society. To the 290th anniversary of the discovery of the Tomsk petroglyphs]. Vol. 1. Proc. of the International Research Conference. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 124-127.
10. Borodovskiy, A.P. (2002) Liteynaya forma kel'ta-loparki samus'sko-seyminskogo vremeni iz Novosibirskogo Priob'ya [The Samus Seima mold celt blades from the Ob ara near Novosibirsk]. In: Kiryushin, Yu.F. & Tishkin, A.A. (eds) *Severnaya Evraziya v epokhu bronzy: prostranstvo, vremya, kul'tura* [Northern Eurasia during the Bronze Age: Space, time, culture]. Barnaul: Altai State University. pp. 163-166.
11. Glushkov, I.G. & Glushkova, T.N. (2009) *Tekstil'naya keramika kak istoricheskiy istochnik (po materialam bronzovogo veka Zapadnoy Sibiri)* [Textile ceramics as a historical source (a case study of the Bronze Age in Western Siberia)]. 2nd ed. Surgut: Surgut State Pedagogical University.
12. Molodin, V.I. (1985) *Baraba v epokhu bronzy* [The Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka.
13. Kiryushin, Yu.F. (2002) *Eneolit i rannaya bronza yuga Zapadnoy Sibiri* [Chalcolithic and Early Bronze in the south of Western Siberia]. Barnaul: Altai State University.
14. Grushin, S.P. (2003) Etnokul'turnaya situatsiya v Verkhnem Priob'e v epokhu ranney bronzy (po materialam keramicheskikh kompleksov) [The ethno-cultural situation in the Upper Ob in the Early Bronze Age (a case study of ceramic complexes)]. In: Kiryushin, Yu.F. & Tishkin, A.A. (eds) *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri* [The historical experience of economic and cultural development of Western Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 49-56.

И.Н. Коробейников

ХРОНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ

*Статья написана в рамках научного проекта № 8.1.19. 2016,
выполненного при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.*

В бронзовом веке наблюдается неравномерность социально-экономического развития разных районов Западной Сибири. Выделение археологической культуры вары-хадьта, основанное на результатах работ последних лет, способствует пониманию преемственности традиций местного населения в эпоху раннего бронзового века, а также уровню контактов со смежными культурами. Культурогенез Севера Западной Сибири заметно отличается от сопредельных территорий. Причиной тому могли быть периферийное положение и более низкая степень заселенности Ямала.

Ключевые слова: Нижнее Приобье; культура вары-хадьта; памятники раннего бронзового века.

Север Западной Сибири в археологическом отношении продолжает оставаться одним из наименее исследованных регионов России. Но, невзирая на суровые природные условия, это регион с богатой историей и своеобразными археологическими культурами. Несмотря на то что пока мы не можем отметить здесь наличие значительного количества памятников, имеющих материалов вполне достаточно для того, чтобы выявить общие тенденции культурогенеза на этой территории в интересующий нас период.

В эпоху бронзового века особенно заметной становится неравномерность социально-экономического развития разных районов Западной Сибири. На юге этот период характеризуется становлением и развитием местной металлообработки меди и бронз, основанной на привозном сырье; на севере бронзовые изделия не носят массового характера. В присваивающем хозяйстве все большее значение приобретает рыболовство; характер охоты и собирательства также влиял на географию расселения местного населения. Становление металлообработки на сопредельных территориях неизбежно способствовало расширению и развитию культурных контактов.

Выделяя историографические вехи в процессе познания древней истории обозначенной местности, отметим, что здесь сложно четко отделить этапы накопления материала от его интерпретации и систематизации, поскольку эти процессы происходили параллельно. Сравнительно слабая археологическая изученность региона (по сравнению с таежными широтами или средним Зауральем) неизменно приводила к тому, что ряд исследователей (на отдельных этапах это связано с полным отсутствием прямых аналогий материальной культуры) проецировали историко-культурные реконструкции с более изученных территорий на Нижнее Приобье. Такой подход обусловлен ограниченным количеством имеющихся данных, но в то же время может быть отражением ландшафтных особенностей расселения.

Исследователи, характеризуя эпоху перехода от неолита к эпохе достаточно широкого распространения металлических предметов и способов металлообработки, употребляют самые разные понятия: «эпоха раннего металла», «ранний бронзовый век», «энеолит». Однако большинство памятников, отнесенных к этому периоду, металлических предметов, как и следов его обработки, не содержат, поэтому все заключения основаны на анализе массового керамического материала, орудий и различных способах датирования. В связи с появлением новых материалов и их различных интерпретаций, очевидно, назрела необходимость в выработке критериев с учетом региональных особенностей для вышеперечисленных определений. Сам термин «эпоха раннего металла» ввел М.Ф. Косарев для обозначения переходных памятников рубежа III–II тыс. до н.э. в лесостепном и южнотаежном Приобье [1. С. 19]. Позже он употребляется другими исследователями для хронологической атрибуции комплексов в различных ландшафтных зонах [2. С. 35–48; 3. С. 3–7; 4. С. 3–4].

Первым открытым памятником эпохи раннего металла в Нижнем Приобье стала «Салехардская стоянка», открытая М. Штекелисом в 1926 г. [5. С. 5] и исследованная Д.Н. Редриковым в конце 1920-х гг. Материалы эти были опубликованы, что привлекло внимание к древностям Нижнего Приобья. Первые стационарные исследования были проведены в 1946 г. В.Н. Чернецовым [6. С. 8] и В.И. Мошинской [7. С. 179–188, табл. III–IV]. Находки, происходящие из нижнего слоя стоянки, были отнесены к энеолиту – раннему бронзовому веку.

Периодом энеолита и бронзы также датируются случайно открытые стоянка на р. Йоркута-яха в юго-западной части Ямала [8. С. 80] и стоянка на р. Хэ-яха – притоке р. Щучья. На материалах стоянки Йоркуты-яха был выделен йоркутинский культурный тип, хронология которого до сих пор остается спорной.

Первая попытка систематизации имеющихся данных была предпринята Л.П. Лашуком и Л.П. Хлобыстиным [9. С. 43–45]. Культурную принадлежность ряда памятников раннего металла исследователи, с одной стороны, выделяли в пернашорский вариант ортинской культуры, подчеркивая, таким образом, связи с территориями, лежащими к западу от Уральского хребта. С другой стороны, на севере Западной Сибири существовали поселения сартыньинской культуры, происходящие из таежных территорий [10. С. 40–62].

Основываясь на результатах работ последних лет, на территории Нижнего Приобья Е.А. Васильевым выделена культура раннего бронзового века, получившая название «вары-хадыта» (по одноименному памятнику) [11. С. 212]. Предполагается, что в первой половине – середине II тыс. до н.э. культура занимала заполярные территории Нижнего Приобья и южной части п-ова Ямал. Генезис этой культуры связывается прежде всего с сартыньинской культурой, носители которой на одном из этапов ее развития мигрировали в более северные широты [Там же. С. 214]. Вероятно, именно пришельцы принесли сюда навыки металлообработки, сотовый геометризм в орнаментике и традицию изготовления ладьевидных сосудов.

К настоящему времени в ареал культуры вары-хадыта включаются следующие памятники: стоянка Салехард I (нижний стратиграфический слой памятника) [7. С. 179–188], развешное поселение Вары-хадыта I [12. С. 24, 26], поселение Вары-хадыта II [Там же. С. 24–31] и открытое в 2009 г. поселение Горный Сомотнёл I [13. С. 192–194; 14. С. 233–234].

Керамический комплекс культуры очень разнообразен и встречает многообразие как по форме изделий, так и по их декоративным особенностям. Наряду с посудой стандартных форм (сосуды с круглым устьем, с прямыми и слегка изогнутыми венчиками и вертикальными стенками, плавно переходящими в округлые или уплощенные днища) получили распространение ладьевидные емкости. Среди этих изделий выделяются уникальные блюда, украшенные зооморфными налестями (преимущественно в материалах поселения Вары-хадыта II). Разнообразие форм сочетается с богатым декоративным разнообразием.

Техника нанесения узора, набор декоративных мотивов и организация орнаментального пространства определили выделение трех орнаментальных стилей – геометрического, фигурно-штампового, отступающе-накольчатого, которые обуславливают многокомпонентность культуры и отражают ее генетические связи.

«Стиль сотового геометризма», характеризующийся сложными геометрическими композициями (зигзаги, прямоугольники, ромбы, шестиугольники-соты), выполненный преимущественно гладким штампом, генетически связан с аналогичными мотивами в сартыньинской керамике.

Фигурно-штамповые узоры восходят к местной орнаментальной традиции [8; 9. С. 44]. Керамика, укра-

шенная уголковыми, дуговидными и круглыми штампами в сочетании с оттисками гребенчатых и гладких орнаментов, соотносится с материалами памятников йоркутинского типа, локализовавшихся в энеолитическое время в низовьях Оби и на Южном Ямале. Наличие орнамента шагающей гребенки в сочетании с этими штампами также указывает на йоркутинские истоки этой традиции.

Установить истоки отступающе-накольчатого стиля, наносимого палочкой или лопаточкой, в настоящий момент невозможно, так как посуда, декорированная в подобном стиле, была распространена в таежной полосе Западной Сибири едва ли не повсеместно.

Следовательно, происхождение культуры вары-хадыта – это проблема интеграции трех компонентов – сартыньинского, йоркутинского и компонента с отступающе-накольчатой керамикой, истоки которого еще предстоит определить.

Наравне с проблемой поиска истоков культуры вары-хадыта существует проблема внутреннего единства. Например, керамика, найденная на поселении Горный Сомотнёл I, обнаруживает наибольшую близость (по основным морфологическим и декоративным показателям) с керамическим комплексом поселения Вары-хадыта II, что позволяет включить этот памятник в культурный ареал. Вместе с тем она имеет некоторые специфические особенности в декорировании, в частности использование широкого плоского штампа с фигурной ячеистой нарезкой [14. С. 234], а также более древние радиоуглеродные даты, вследствие чего О.С. Кудрич относит поселение Горный Сомотнёл I к эпохе энеолита.

Культура вары-хадыта – явление уникальное для археологии Западной Сибири, показывающее, насколько удивительным может быть уровень художественного развития и эстетического восприятия у носителей данной культуры, проживавших в столь неблагоприятных условиях. Поиск, открытие новых памятников и обработка найденного археологического материала помогут очертить ареалы распространения культуры вары-хадыта, позволят судить о контактах ее носителей.

Первостепенной задачей расширения наших знаний о культуре вары-хадыта видится систематическое проведение раскопок со вскрытием значительной площади. И в этом смысле археологические работы на памятнике Горный Сомотнёл являются хорошим знаком. Итоги новых полевых сезонов позволят судить о результативности проведенной нами работы. Включение же обработанной коллекции Горного Сомотнёла в научный оборот помогут уточнить сложившуюся модель культурогенеза.

Если взглянуть на географическую карту, можно отметить большие «белые пятна» в ареале данной культуры. Проанализировав географическое положение памятников, можно сделать следующий вывод. Их местонахождение в правобережье (стоянка Салехард I на берегу р. Полуй, правом притоке р. Оби, и поселение

Горный Сомотнёв I на высокой террасе одноименного мыса) и левобережье (поселения Вары-хадьта I, II на левом берегу р. Вары-Хадьта) р. Оби подтверждает вывод о логичности продвижения из более южных широт. Поэтому вопрос о проведении археологических разведок особенно актуален. Проведенная нами в 2012 г. разведка в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа, в правобережье Оби, однако, показала отсутствие памятников данной эпохи [15], что побуждает нас сосредоточить внимание на возможностях геоморфологического подхода к решению обозначенной проблемы. Наиболее перспективным участком для поиска памятников культуры вары-хадьта и вообще памятников эпохи раннего металла нам представляется бассейн р. Щучьей с многочисленными притоками и озерами. В 1949 г. Г.А. Чернов обнаружил здесь девять стоянок [16. С. 96]. Сборы керамики на некоторых из них находят аналогии среди материалов стоянки Салехард I.

Учитывая особенности каждого памятника, мы можем предположить, что культурогенез данного регио-

на, при наличии своеобразного социально-экономического уклада, заметно отличается от сопредельных территорий. Причиной тому могли быть периферийное положение и более низкая степень заселенности Ямала. Возможно, культурные ареалы не будут иметь здесь сплошной характер.

Для эпохи раннего металла Севера Западной Сибири характерна «мозаичность» культурного пространства. В то время здесь существовало несколько культур и культурных типов, что подтверждается многообразием технологических и декоративных особенностей оформления керамических сосудов. В настоящий момент мы не можем установить, связано ли это со степенью исследования региона либо отражает реальную ситуацию в древности. Пришедшие сюда в разное время отличные по происхождению коллективы и придавали культурно-исторической картине ту «мозаичность», которая постепенно, в процессе контактов между ними, привела к относительной культурной однородности населения в эпоху финальной бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. 220 с.
2. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 174 с.
3. Кирюшин Ю.Ф. Поселение Тух-Эмтор – памятник Васюганского Приобья // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 19. С. 3–29.
4. Васильев Е.А. Энеолитическое время в бассейне р. Вах // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. С. 3–12.
5. Визгалов Г.П., Кардаш О.В. Атлас археологических памятников города Салехарда. Буклет. Салехард, 2005. 23 с.
6. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. МИА СССР. М., 1953. Вып. 35. С. 7–71.
7. Мошинская В.И. Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде // Древняя история Нижнего Приобья. МИА СССР. М., 1953. Вып. 35. С. 179–188.
8. Королев Ю.Г., Хлобыстин Л.П. Йоркутинская стоянка на полуострове Ямал. М., 1969. С. 79–83.
9. Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М., 1986. Вып. 185. С. 43–50.
10. Васильев Е.А. Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983. С. 40–62.
11. Васильев Е.А. Культура вары-хадьта и проблемы культурогенеза Северо-Западной Сибири в раннем бронзовом веке // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород, 2011. Т. I. С. 212–214.
12. Васильев Е.А. Поселение Вары-хадьта II и проблемы первобытной археологии Ямала // Материалы научно-исследовательской конференции по итогам полевых исследований 1999 года. Салехард, 2000. Вып. 3. С. 24–31.
13. Кудрич О.С. Керамика поселения Горный Сомотнёв как компонент формирования культуры населения низовой Оби в эпоху неолита – бронзы // Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2010. С. 192–194.
14. Кудрич О.С. Север Западной Сибири: новые источники по неолиту – раннему бронзовому веку низовой Оби // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород, 2011. Т. I. С. 233–234.
15. Коробейников И.Н. Отчет о научно-исследовательской работе «Археологическая разведка в Нижнем Приобье (Приуральский район Ямало-Ненецкого автономного округа) в 2012 году» // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (без номера).
16. Чернов Г.А. Археологические находки на р. Щучьей // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Вып. XL. С. 96–104.

Korobeynikov Ilya N. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: russianViking@yandex.ru

CHRONOLOGY AND CULTURAL ASSOCIATION OF ARCHAEOLOGICAL SITES IN EARLY METAL AGE OF THE LOWER OB.

Keywords: Lower Ob; archaeological culture vary-khadyta; archaeological sites of early Bronze Age.

North Western Siberia remains one of the least explored regions of Russian Federation. But we believe that the material at our disposal is enough to identify common trends in cultural genesis in this area. In the Bronze Age becomes particularly noticeable uneven socio-economic development of different regions of Western Siberia. On south this period is characterized by the formation and development of local metalworking of copper and bronze, which based on imported raw materials; on north bronze things are not widespread. In appropriating economy fishery is becoming more important role; the nature of hunting and gathering, also influenced the geography of resettlement of the local population. The formation of metalworking on contiguous territories will inevitably contribute to the expansion and development of cultural contacts. Low archaeological study of the region led to the fact that a number of researchers projected the reconstruction of historical and cultural areas with a more studied zones on the Lower Ob. Advent of new materials and their various interpretations, obviously, there is a need to develop new criteria for the concepts of “Chalcolithic”, “Early Metal Age” and “Early Bronze Age” from a regional perspective to the above definitions. Archaeological culture of Early Bronze Age, called “vary-khadyta”, that has been allocated by E.A. Vasiliev in the Lower Ob, at the first half – middle of the II millennium BC expand the Lower Ob region and the southern part of the Yamal Peninsula. The genesis of this culture is associated primarily with sartyninsk culture, which are likely

to migrate to more northern latitudes and brought here metalworking skills, geometrisms in the ornamentation and manufacturing tradition of boat-shaped vessels. The genesis of vary-khadyta culture is the problem of integration of the three components – sartyninsk, yorkutinsk and component with retreat-prick ceramics, whose genesis is not determined now. Vary-khadyta culture is a unique phenomenon in the archeology of Western Siberia. This ancient people demonstrated incredible level of artistic development and aesthetic perception, that incarnated in the various areas of material culture. Search and discovery of new archaeological sites and the processing of the found archaeological material help us to identify areas of cultural expansion of this archaeological culture.

REFERENCES

1. Kosarev, M.F. (1974) *Drevnie kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya* [Ancient cultures of the Tomsk-Narym Ob]. Moscow.
2. Molodin, V.I. (1977) *Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtys'ya* [The Neolithic and Bronze epochs of the steppe Ob-Irtys']. Novosibirsk: Nauka.
3. Kiryushin, Yu.F. (1976) Poselenie Tukh-Emtor – pamyatnik Vasyuganskogo Priob'ya [Settlement Tukh-Emtor – a monument of Vasyugan Ob Area]. In: Lukina, N.V. & Tomilov, N.A. (eds) *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3-29.
4. Vasiliev, E.A. (1978) Eneoliticheskoe vremya v bassejne r. Vakh [The Chalcolithic period in the basin of the Vakh]. In: Dremov, V.A. (ed.) *Voprosy arkheologii i etnografii Sibiri* [Problems of Archeology and Ethnography of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3-12.
5. Vizgalov, G.P. & Kardash, O.V. (2005) *Atlas arkheologicheskikh pamyatnikov goroda Salekharda* [The atlas of Salekhard archaeological monuments]. Salekhard.
6. Chernetsov, V.N. (1953) Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya [The ancient history of the Lower Ob]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii*. 35. pp. 7-71.
7. Moshinskaya, V.I. (1953) Zhilishche ust'-poluyskoy kul'tury i stoyanka epokhi bronzy v Salekharde [The residence of Ust-Poluyskaya culture and the man site of the Bronze Age in Salekhard]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii*. 35. pp. 179-188.
8. Korolev, Yu.G. & Khlobystin, L.P. (1969) *Yorkutinskaya stoyanka na poluostrove Yamal* [Yorkutinskaya man site on the Yamal Peninsula]. Moscow: [s.n.]. pp. 79-83.
9. Lashuk, L.P. & Khlobystin, L.P. (1986) Sever Zapadnoy Sibiri v epokhu bronzy [The north of Western Siberia in the Bronze Age]. In: Kruglikova, I.T. (ed.) *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR* [The brief reports of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences]. Issue 185. Moscow: Nauka. pp. 43-50.
10. Vasiliev, E.A. (1983) Khronologiya i kul'turnaya prinadlezhnost' pamyatnikov epokhi rannego metalla v bassejne Severnoy Sos'vy [The chronology and cultural belonging of the monuments of the early metal era in the North Sosva basin]. In: Glushkov, I.G., Petrov, A.I., Matyushchenko, B.I. et al. *Etnokul'turnye protsessy v Zapadnoy Sibiri* [Ethno-cultural processes in Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 40-62.
11. Vasiliev, E.A. (2011) Kul'tura Vary-Khadyta i problemy kul'turogeneza Severo-Zapadnoy Sibiri v rannem bronzovom veke [The culture of Vary-Hadyta and problems of cultural genesis of North-Western Siberia in the early Bronze Age]. In: Makarov, N.A. & Nosov, E.N. (eds) *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda* [Proceedings of the Third (19) All-Russian Archaeological Congress]. Vol. 1. Veliky Novgorod: RAS. pp. 212-214.
12. Vasiliev, E.A. (2000) Poselenie Vary-Khadyta II i problemy pervobytnoy arkheologii Yamala [Vary-Hadyt-II and the problems of prehistoric archeology in Yamal]. In: *Materialy nauchno-issledovatel'skoy konferentsii po itogam polevykh issledovaniy 1999 goda* [Proceedings of the scientific-research conference on the results of field research in 1999]. Salekhard: Krasny Sever, pp. 24-31.
13. Kudrich, O.S. (2010) [The pottery of Gornyy Samotnël in the formation of culture of the lower Ob in the Eneolithic – Bronze Age]. *Materialy XV Mezhdunarodnoy Zapadno-Sibirskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii* [Proceedings of the 15th International West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 192-194. (In Russian).
14. Kudrich, O.S. (2011) Sever Zapadnoy Sibiri: novye istochniki po eneolitu-rannemu bronzovomu veku nizoviy Obi [The north of Western Siberia: New sources for Eneolithic and early Bronze Age in the Lower Ob]. In: Makarov, N.A. & Nosov, E.N. (eds) *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda* [Proceedings of the Third (19) All-Russian Archaeological Congress]. Vol. 1. Veliky Novgorod: RAS. pp. 233-234.
15. Korobeynikov, I.N. (n.d.) *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote "Arkheologicheskaya razvedka v Nizhnem Priob'e (Priural'skiy rayon Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga) v 2012 godu"* [The report on research "Archaeological Reconnaissance of the Lower Ob (Priural'sky region of Yamalo-Nenets Autonomous District) in 2012"]. The Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia, Tomsk State University (no number).
16. Chernov, G.A. (1951) Arkheologicheskie nakhodki na r. Shchuch'ey [Archaeological finds on the river. Shchuchya]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief reports of the Institute of History of Material Culture]. Issue XL. Moscow: USSR AS. pp. 96-104.

УДК 903.6

DOI: 10.17223/19988613/42/21

А.А. Тишкин

НОВЫЕ НАХОДКИ «ОЛЕННЫХ» КАМНЕЙ В МОНГОЛИИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПАНЦИРЯ И МЕЧА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ

(проект № 16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»).

«Оленные» камни являются важными источниками для изучения системы жизнеобеспечения древних кочевых народов Центральной Азии. Значительное их число сосредоточено в Монголии и на сопредельных северных территориях, включая Алтай и его предгорья. При изучении таких изваяний выявлен основной комплекс вооружения: кинжал, чекан, лук в горите. Еще фиксируются топоры, боевые ножи и щиты. По поводу наличия других видов вооружения вопросы поднимались редко. В связи с этим особое значение имеют находки «оленных» камней, дополняющие имеющиеся сведения. В местности Энхтайван уул (Архангайский аймак Монголии) было скопировано небольшое изваяние, на всех гранях которого имеются вертикальные и горизонтальные линии, передающие контуры крупных панцирных пластин. В ходе проведения обследований в долине р. Годон-Гол (Баян-Ульгийский аймак Монголии) обнаружен «оленный» камень с изображением меча. Такие же предметы вооружения оказались на нескольких аналогичных изваяниях в Ховдском аймаке Монголии.

Ключевые слова: Монголия; «оленный» камень; копирование; вооружение; панцирь; меч.

«Оленные» камни уже на протяжении многих десятилетий являются важными источниками для изучения древней истории Евразии. Значительное их число сосредоточено в Монголии [1, 2] и на сопредельных северных территориях, включая Алтай [3–5 и др.]. Исследователями уже неоднократно отмечались локальные особенности изготовления и использования таких изваяний. Несмотря на то что сведения об этом формируются уже длительное время, процесс накопления информации, необходимой для всесторонних сопоставлений, еще продолжается. Имеющиеся в научной литературе точки зрения по поводу происхождения и оформления «оленных» камней, зафиксированных в разных регионах, в основном сложились во второй половине прошлого века [1–7 и др.]. В них отражены результаты работы, значительной по своему объему. Особенно впечатляет многолетняя целенаправленная деятельность отечественного археолога В.В. Волкова [1, 2 и др.].

В настоящее время процесс выявления и изучения «оленных» камней в Центральной Азии продолжается. В него активно включены монгольские археологи, а также их иностранные коллеги (из Японии, Франции, России и других стран). Исследования в основном проводились и реализуются на уже известных комплексах в центре Монголии [8–10 и др.]. При этом сделаны и новые открытия. Появились разные возможности для фиксации изваяний и изображений на них. Что касается Западной Монголии и, в частности, Монгольского Алтая, то на данной территории такая научная работа осуществлялась sporadически и несистемно. Определенное обобщение было сделано в ходе выявления памятников историко-культурного наследия в Баян-Ульгийском аймаке Монголии, среди которых обозначена серия «оленных» камней [11, 12]. Аналогичная деятельность намечена и реализуется в соседнем

Ховдском аймаке. Однако выполнить такой проект довольно сложно из-за значительного количества археологических памятников. Хотя уже имеются определенные результаты по первичному обобщению [2, 13] и дальнейшему документированию «оленных» камней [14–16 и др.]. Следует отметить, что часть Монгольского Алтая входит в состав Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. И там зафиксированы «оленные» камни, которые находятся в музеях и парках, а также рядом с археологическими объектами [17–20 и др.]. Изучение более западных памятников [21] также имеет важное значение для решения ряда исторических проблем и реконструкции культуры центральноазиатских народов аржано-майэмурского времени.

С 2007 г. Буянтская российско-монгольская археологическая экспедиция, организованная Алтайским (Россия), Ховдским и Улан-Баторским (Монголия) университетами, под руководством автора статьи осуществляла целенаправленные изыскания древних изваяний с внедрением различных методов их детального документирования. В результате получен объемный материал, требующий пристального рассмотрения. Исследования проводились в Западной и Центральной Монголии, а также в Синьцзяне. Дополнительно фиксировались уже известные объекты, а также выявлены десятки ранее неизвестных «оленных» камней, связанных с погребально-поминальными или мемориальными комплексами либо находящимися вне них. Особое значение имеют находки, дополняющие сведения о первоначальном месте древних изваяний в ранний период формирования культуры кочевников (1-я треть I тыс. н.э.). К сожалению, существенное количество обелисков оказалось перемещено, переиспользовано и разбито. Такая ситуация затрудняет их продуктивное изучение.

Среди изображений, имеющих на «оленных» камнях, особое значение имеют предметы вооружения. Массовые материалы демонстрируют основной комплекс боевых средств: кинжал, чекан, лук в горите. Кроме этого, фиксируются топоры, а также отмечены, по всей видимости, боевые ножи. Определенное время шла дискуссия по поводу интерпретации выбитых рисунков так называемых пятиугольных решетчатых фигур. Однако сейчас совершенно понятно, что это изображение щитов. В этом плане можно указать серию публикаций, среди которых свою последовательную позицию продемонстрировала М.А. Дэвлет [22, 23 и др.]. По поводу наличия другого защитного вооружения и иных видов наступательного оружия вопросы поднимались редко. Новые находки «оленных» камней позволяют обозначить проблему дальнейшего изучения военного дела носителей центральноазиатских культур ранних кочевников на уже имеющейся основе [2–5, 24, 25 и др.].

Особое значение в данном плане имеет небольшое изваяние, обнаруженное в местности Энхтайван уул (Батцэнгэл сомон Архангайского аймака Монголии) Т.-О. Идэрхангаем, ныне преподавателем Улан-Баторского университета. В 2014 г. оно было детально

сфотографировано и скопировано на микалентную бумагу участниками Буянтской российско-монгольской археологической экспедиции [26]. Этот «оленный» камень (рис. 1) отличается от большинства тем, что вместо изображений животных на всех его гранях обозначены вертикальные и горизонтальные линии, передающие доспех воина. Из других реалий изображены подвеска и «ожерелье», переданное двойной линией, а также «серьга» на правой грани обелиска (рис. 1). Первоначально «оленный» камень лежал на плиточной могиле, недалеко от которой расположен херексур. На то место, где он стоит в настоящее время, его переместили совсем недавно. Размеры изваяния следующие: высота (до вкопанной части) – 137 см; ширина – 29 см; толщина – 18 см. Географические координаты места нынешнего расположения, полученные с помощью GPS-приемника, такие: N – 47°46.769'; E – 101°59.931'. Высота над уровнем моря зафиксирована тем же прибором и составила 1 425 м. «Оленный» камень произвольно установлен Т.-О. Идэрхангаем в местности Энхтайван уул, расположенной в 2,5 км от сомонного центра Батцэнгэл, на берегу Хойт-Тамира, неподалеку от его слияния с р. Урд-Тамир.

Рис. 1. Энхтайван уул. «Оленный» камень с изображениями панцирных пластин, микалентная копия (фото автора)

Обнаруженные новые свидетельства о защитном вооружении, впервые зафиксированные на «оленном» камне в виде изображений панцирных пластин, требуют специального рассмотрения и детального анализа. Перспективы дальнейшего изучения защитного вооружения ранних кочевников в свое время были обозначены Э.А. Новгородовой [27].

Следующий памятник, о котором пойдет речь, обозначен как Годон-Гол-VII. Он зафиксирован в 2015 г. участниками Буянтской российско-монгольской экспедицией в Баян-Ульгийском аймаке Монголии в ходе плановых обследований территории у границы с Китаем. Объект представляет собой одиночный херексур, который расположен в 4 км к востоку от правого берега

р. Годон-Гол (Хотон-Гол). Его географические координаты такие: N – 48°31.905', E – 088°54.933'. Курган находится на холме, посередине небольшого плато, являющегося участком второй надпойменной террасы указанной реки. Общий диаметр каменного сооружения составляет 27 м, максимальная высота – 1,1 м. Диаметр центральной насыпи – 16 м. Вокруг нее фиксируется кольцо шириной до 1,2 м. Пространство между кольцом и насыпью выложено мелким плитняком, образующим своеобразную «платформу». С востока на фоне этого заполнения (от насыпи к кольцу) просматривается «луч»-дорожка, оформленная с использованием камней белого цвета. Его длина – 3 м, ширина – 0,4 м. Рядом с херексуром с северо-западной стороны располагается дуга из пяти поминальников в виде каменных колец. К юго-восточной части кургана (вплотную к кольцу) примыкает прямоугольная выкладка. У северо-западной полы насыпи «лицом» вниз лежал «оленный» камень. Он представляет собой обработанный валун серо-коричневого цвета (рис. 2, а–г). Верхняя часть изваяния искусственно закруглена, а лицевая грань заметно уплощена. Вокруг верхней части, в 9 см от макушки, выбита полоса шириной до 2 см, обозначающая повязку или маркирующая головной убор. Ниже оформлено «ожерелье» из 23 бусин с застежкой. Бусины изображены в виде лунок овальной формы. Их средние размеры 3,7х2,3 см.

Лицевая грань имеет длину 112 см, максимальную ширину 43 см. На ней выбиты три полосы, шесть бусин и меч (рис. 2, б). Полосы расположены диагонально слева (верх) направо (низ), параллельно друг другу. Верхняя полоса размерами 10,5х1,4 см, средняя – 11х1,5 см, нижняя – 11,5х1,5 см. Общая ширина этой комбинации составила 6 см. Меч наклонен справа налево, рукоятью вверх, клинком вниз. Он имеет общую длину 39 см. Длина клинка – 30,5 см, максимальная ширина его у основания – 2,5 см. Перекрестие прямое, с закругленными окончаниями (длина 7,5 см, ширина до 1,5 см). Рукоять прямоугольная, длиной 4 см, шириной 1,5 см. Навершие округлое, диаметром 3 см. Окончание клинка меча на 3 см заходит на левую сторону, а навершие немного занимает часть противоположной грани.

Правая грань имеет длину 110 см, максимальную ширину 39 см. На ней выбиты шесть бусин, серьга и чекан (рис. 2, а). Серьга округлой формы, размерами 13,5х13 см. Ширина кольца до 1,7 см. Чекан расположен почти вертикально, бойком вверх. Общая длина древка 14,2 см, ширина до 1,7 см. Рукоять до бойка занимает 12,2 см и выступает за него на 0,5 см. Ее окончание имеет небольшое расширение. Общая длина бойка 7 см. У него выделяются клинок килевидной формы (длина 4,3 см, ширина 1 см) и закругленный обух, выступающий на 1 см, шириной 1,5 см.

Левая грань имеет длину 112 см, максимальную ширину 43 см. На ней выбита серьга, шесть бусин и горит (рис. 2, в). Серьга округлой формы, диаметром 13 см. Ширина кольца до 1,7 см. Горит расположен наклонно слева направо, луком вверх. Общая его длина 24 см. Футляр имеет прямоугольную форму, с небольшим сужением ко дну, размерами 10,5х2,7 см. Выступающая часть лука по тетиве изображена длиной 7 см (по кибити 8 см). Окончание кибити изогнуто, образуя плечо и небольшой рог. Расстояние от тетивы до кибити составляет 1,7 см, ширина их выбивки 0,5–0,7 см. У днища футляра выбита кисть треугольной формы высотой 4 см, шириной по основанию 3,5 см.

Задняя грань имеет длину 117 см, максимальную ширину 34 см. На ней выбиты пять бусин и застежка (рис. 2, г). Последняя округлой формы, диаметром 5,5 см. Расстояние от нее до линии головного убора или повязки составляет 13 см.

Подробно представленный «оленный» камень очень важен для исследований, так как демонстрирует редкое изображение такого вида оружия, как меч (рис. 2, а). Аналогичные предметы вооружения оказались всего на нескольких древних изваяниях, обнаруженных в Баян-Ульгийском [12. Табл. 6, 13] и Ховдском [2. Табл. 126] районах.

Существенное количество мечей в 2015 г. зафиксировано участниками Буянтской экспедиции на комплексе Нууртын дэв, расположенном в Муст сомоне примерно в 17 км от поселка Баян зурх по дороге на северо-запад. Судя по имеющимся сообщениям, памятник был зафиксирован преподавателем Ховдского государственного университета Б. Батмунхом [13] и расположен высоко в горах (2 821 м над ур. м. по GPS-приемнику). Географические координаты памятника, полученные с помощью навигатора, такие: N – 46° 39.804'; E – 092° 05.809' (±4 м). В ходе обследований рядом никаких других археологических объектов не выявлено. Складывается впечатление, что каменные стелы туда привезли для устройства мемориального комплекса. Ряд из полуповаленных стел ориентирован по линии юг–север. Нумерация им дана с севера. В монографии Б. Батмунха [Там же. С. 55–56] обозначены пять «изваяний». Однако у двух из них лежали плиты, которые тоже оказались «оленными» камнями.

Таким образом, комплекс включает семь «оленных» камней, на трех из которых, кроме традиционных изображений предметов вооружения, отмечены изображения мечей («оленные» камни № 5–7). Введение их в научный оборот – задача следующей публикации. Здесь лишь продемонстрируем один меч (рис. 3), скопированный на микалентную бумагу. Выявленная серия находок «оленных» камней с мечами обозначает направление их отдельного и детального изучения.

Рис. 2. Годон-Гол-VII. «Оленный» камень с изображением меча и других реалий (фото автора)

Рис. 3. Нууртын дов. «Оленный» камень № 6.
Сторона с изображением меча, микалентная копия (фото автора)

Работа, проделанная участниками Буянтской российско-монгольской археологической экспедиции по выявлению «оленных» камней, дала важные результаты, которые расширяют сведения о культуре населения Монгольского Алтая и сопредельных территорий в аржано-майэмйское время. Необходима реализация дальнейшей программы по их документированию. Следует отметить, что в Туве при проведении археологических раскопок увеличилось количество «оленных» камней [28–30 и др.]. На Алтае такой процесс практически прекратился, хотя можно отметить отдельные эпизоды, связанные с изучением подобных изваяний. В частности, участниками Буянтской экспедиции впервые произвели копирование хорошо известного Чуйского «оленного» камня на микалентную бумагу. Перспективными могут стать изыскания на территории Западного и Юго-Западного Алтая в Казахстане.

Традиционно считается, что существует несколько ареалов распространения уже обозначенных (демонстрационных) типов «оленных» камней (монголо-забайкальский, саяно-алтайский и т.д.). Отмечено их пересечение. В настоящее время есть возможность рассмотрения данной ситуации в контексте социально-политического развития народов, населявших Центральную Азию (в российском географическом понимании этого региона) в так называемое аржано-майэмйское время. По всей видимости, на данной территории формировались, по сути, самые ранние формы кочевой империи, которая имела центр, периферию и периферию. Такой подход обеспечит новые возможности для оценки многочисленных археологических памятников, включая древние изваяния.

Важно в такой связи применить современные ГИС-технологии. Дополнительным аспектом изучения «оленных» камней должна стать единая и детальная классификация таких объектов. Выявление общих, особенных и единичных признаков обеспечит возможности для разработки датирования с учетом других имеющихся методов.

Исследователями отмечено, что «оленные» камни Монгольского Алтая в своем большинстве связаны с херексурами, у которых фиксируются «лучи»-дорожки [14. С. 100]. Данная тенденция подтверждалась и в ходе работ Буянтской экспедиции. В Центральной Монголии значительное количество монументальных «скульптур» связано с крупными мемориальными комплексами [10], которые были посвящены павшим воинам (это места почитания доблести и осуществления ритуальных действий). Такого рода памятники встре-

чаются и на территории Монгольского Алтая (например, в долине Годон-Гола, в Баян-Ульгийском аймаке). Но их не так много. Часть подобных мемориалов имеет меньшие размеры, а их сооружение носит несколько иной характер.

Наиболее важными источниками изучения «оленных» камней в разных районах Центральной Азии являются изображения на них. Актуальность детальной фиксации обусловлена многими проблемами, возникающими при рассмотрении реалий, а также при реконструкции и сопоставлении с обнаруженными изделиями (как правило, случайными находками). Решение таких задач обеспечивает комплекс появившихся методов документирования. Для дальнейших продуктивных исследований нужна консолидация усилий специалистов в рамках совместной международной программы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор : Изд-во Академии наук МНР, 1981. 253 с.: ил.
2. Волков В.В. Оленные камни Монголии. М. : Научный мир, 2002. 248 с.
3. Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. 108 с.
4. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск : Наука, 1979. 120 с.
5. Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1994. 208 с.
6. Ковалев А.А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М. : Геос, 2000. С. 138–180.
7. Тишкин А.А. Оленные камни Центральной Азии и изображения на них: Обзор существующих интерпретаций и новые открытия // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. Омск : Издательский дом «Наука», 2013. С. 222–228.
8. Takahama Shu, Hayashi Toshio, Kawamata Masanori, Matsubara Ryuji, Erdenebaatar D. Preliminary Report of the Archaeological Investigations in Ulaan Uushig I (Uushgiin Ovoo) in Mongolia // Bull. of Archaeology, the Univ. of Kanazawa. 2006. Vol. 28. P. 61–102.
9. Жаргалантын амны буган хошоод (Deer stones of the Jargalantyn am). Улаанбаатар: NOMKHUR, 2011. 192 т. (на монг. и англ. яз.).
10. Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Рукавишников И.В. Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн-Увэр (по результатам исследований 2013 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 1. С. 82–92.
11. Турбат Ц. Оленные камни Западной части Монгольского Алтая // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск : Томск. ун-т, 2008. Вып. 2. С. 223–233.
12. Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвэндорж Д., Баттулга Ц., Баярхуу Н., Идэрхангай Т., Жискара П.Х. Монгол Алтайн археологийн Дурсгалууд-I Баян-өлгий аймаг. Улаанбаатар: Өнгөт хэлэл, 2009. 424 т. (на монг. яз.).
13. Бантмунх Б. Монгол Алтай нуруулны тов хэсгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар : БИТПИРЕСС, 2008. 141 т. (на монг. яз.).
14. Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Две традиции ритуального использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул : Азбука, 2007. С. 99–105.
15. Тишкин А.А. Выявление, документирование и изучение «оленных» камней в долине Буянта (Монгольский Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 1 (7). С. 73–90.
16. Тишкин А.А. «Оленные» камни в долине Бодонча (Монгольский Алтай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 256–265.
17. Ван Бо. Обзор оленных камней Синьцзяна // Каогусюэ цзикань. 1995. № 9. С. 239–260 (на кит. яз.).
18. Ван Бо, Ци Сяошань. Сычоу чжи лу цаоюань шижэнь яньцзю (Исследование каменных антропоморфных изваяний степей на Шелковом пути). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2010. (Сычоу чжи лу яньцзю цуншу; Серия по исследованиям Шелкового пути) (на кит. яз.).
19. Синьцзян вэйуэр цычжицзю вэньу цзюй (Бюро культурного наследия Синьцзян-Уйгурского автономного района). Синьцзян цаоюань шижэнь ю лущи (Каменные бабы и оленные камни степей Синьцзяна). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2011. (Синьцзян вэйуэр цычжицзю ди сань ци цюаньго вэньу пуча чэнго цзичэн; Собрание результатов третьей общегосударственной кампании учета объектов культурного наследия в Синьцзян-Уйгурском автономном районе).
20. Тишкин А.А., Чжан Л. «Оленные» камни в западных отрогах Монгольского Алтая (Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 131–135.
21. Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей раннего железа. М. : Наука, 2005. 299 с.: 156 ил.
22. Дэвлет М.А. Щиты и их изображения на оленных камнях // Проблемы современной археологии. М. : Таус, 2008. С. 96–124.
23. Дэвлет М.А. Еще раз об интерпретации решетчатых фигур на оленных камнях // Археология Южной Сибири. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2012. Вып. 26. С. 123–130.
24. Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III в. до н.э.). СПб. : Филологический факультет СПбГУ, Нестор-История, 2011. 172 с., ил. (Historia Militaris).
25. Тишкин А.А. Изображения предметов вооружения на «оленных» камнях Монгольского Алтая // Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ. М. : Ин-т археологии РАН, 2012. С. 28–29.
26. Тишкин А.А., Мухарева А.Н., Идэрхангай Т.-О. Реализация программы изучения «оленных» камней // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Барнаул : Азбука, 2014. Вып. 1. С. 95–98.
27. Новгородова Э.А. К вопросу о древнем центрально-азиатском защитном вооружении // Соотношение древних культур Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Наука, 1975. С. 223–228.
28. Çugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz : Verlag Philipp von Zabern, 2010. 330 S. +153 Taf.

29. Чугунов К.В. Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени // Terra Scythica. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 358–369.
30. Рукавишников И.В. Архитектура и последовательность сооружения ритуально-погребального комплекса алды-бельской культуры // Со-временные решения актуальных проблем евразийской археологии. Банаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 217–221.

Tishkin Aleksey A. Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: tishkin210@mail.ru

NEW FINDINGS OF “DEER” STONES IN MONGOLIA DEPICTING AN ARMOR AND A SWORD.

Keywords: Mongolia; «deer» stone; copying; weaponry; armour; shield.

“Deer” stones are an important source to study the life supporting system of the ancient nomadic peoples of Central Asia. A significant number of them are concentrated in Mongolia and adjacent territories. Despite the fact that the information about these stone sculptures dated from the 1st half of the 1 millennium BC has been accumulated for many decades, the process of obtaining the data necessary for comprehensive reconstruction is still ongoing. Available in the scientific literature points of view on the design of “deer” stones were mainly formed in the 2nd half of the previous century. They reflect the results, significant in their scope. The process outlined the main complex weapons, demonstrated in the studied sculptures: a dagger, an ax hammer, a bow in a gorytos. In addition, we can mention an ax and probably a fighting knife. For some time there was a discussion about the interpretation of the images of so-called pentagonal lattice figures. Now, however, it is quite clear that this is the image of shields. With regard to the presence of other protective arms and other offensive weapons, few issues have been raised. Currently, the process of identifying and studying of “deer” stones in Central Asia continues. It actively involved Mongolian archaeologists, as well as their foreign counterparts (from Japan, France, Russia and other countries). Research is mainly carried out and implemented in the already well-known complexes in the centre of Mongolia. At the same time, and new discoveries have been made. There are different possibilities to fix the statues and images of them. In the course of work, the Buyant Russian-Mongolian archaeological expedition headed by the author of this article since 2007 carried out research using various methods of detailed documentation of ancient sculptures and produced a significant volume of materials requiring careful study. Of particular importance are the findings of “deer” stones complementing the existing information on weaponry. So in the area of the Enhtayvan uul (Arkhangai aimag in Mongolia) the copy of a small statue was made, where all the faces have vertical and horizontal lines conveying the contours of large armored plates. In 2015, the investigation in the Godon Gol valley (Bayan-Ulgii aimag of Mongolia) discovered a “deer” stone with a picture of a sword. The same pieces of weaponry were depicted on the several similar sculptures in the Hovd aimag in Mongolia. The urgency of their detailed fixation is determined by many problems that arise while considering the realities, doing the reconstruction and making comparison with the found objects (usually random findings). The solution of such problems provides a set of available documentation methods.

REFERENCES

1. Volkov, V.V. (1981) *Olennye kamni Mongolii* [The Deer stones of Mongolia]. Ulaanbaatar: Academy of Sciences of Mongolia.
2. Volkov, V.V. (2002) *Olennye kamni Mongolii* [The Deer stones of Mongolia]. Moscow: Nauchnyy mir.
3. Dikov, N.N. (1958) *Bronzovyy vek Zabaykal'ya* [The Bronze Age of Transbaikalia]. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ.
4. Kubarev, V.D. (1979) *Drevnie izvayaniya Altaya (Olennye kamni)* [The Altai ancient statues (The Deer stones)]. Novosibirsk: Nauka.
5. Savinov, D.G. (1994) *Olennye kamni v kul'ture kochevnikov Evrazii* [The deer stones in the culture of the Eurasian nomads]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
6. Kovalev, A.A. (2000) O proiskhozhdenii olennykh kamney zapadnogo regiona [On the origin of deer stones in the western region]. In: Olkhovskiy, V. S. (ed.) *Arkheologiya, paleoekologiya i paleodemografiya Evrazii* [Archaeology, paleoecology and paleodemography in Eurasia]. Moscow: Geos. pp. 138-180.
7. Tishkin, A.A. (2013) Olennye kamni Tsentral'noy Azii i izobrazheniya na nikh: Obzor sushchestvuyushchikh interpretatsiy i novye otkrytiya [The deer stones in Central Asia and images on them: The review of interpretations and new discoveries]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Tvorchestvo v arkheologicheskoy i etnograficheskoy izmerenii* [Creativity in terms of archaeology and ethnography]. Omsk: Nauka. pp. 222-228.
8. Shu, T., Toshio, H., Masanori, K., Ryuji, M. & Erdenebaatar, D. (2006) Preliminary Report of the Archaeological Investigations in Ulaan Uushig I (Uushigiin Ovur) in Mongolia. *Bulletin of Archaeology, the Univ. of Kanazawa*. 28. pp. 61-102.
9. Zhargalantyn amny bugan khoshood [Deer stones of the Jargalantyn am]. (2011) Ulaanbaatar: NOMKHUR.
10. Kovalev, A.A., Erdenebaatar, D. & Rukavishnikova, I.V. (2016) A ritual complex with deer stones at Uushigiin Uvur, Mongolia: Composition and construction stages (based on the 2013 excavations). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 1. pp. 82-92. DOI: 10.17746/1563-0110.2016.44.1.082-092
11. Turbat, Ts. (2008) Olennye kamni Zapadnoy chasti Mongol'skogo Altaya [Deer stones in Western Mongolian Altai]. In: Ozheredov, Yu.I. (ed.) *Kul'tury i narody Severnoy Azii i sopredel'nykh territoriy v kontekste mezhdisziplinarnogo izucheniya* [Cultures and peoples of North Asia and neighboring territories in the context of interdisciplinary study]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 223-233.
12. Törbat, Ts., Bayar, D., Tsevendorzh, D., Battulga, Ts., Bayarkhuu, N., Iderkhangay, T. & Zhiskar, P.Kh. (2009) *Mongol Altayn arkheologiyin Dursgaluud-I Bayan-olgiy aymag*. Ulaanbaatar: Öngöt khelel. (In Mongolian).
13. Bantmunkh, B. (2008) *Mongol Altay nuruulny tov khesgiyn arkheologiyin dursgaluud*. Ulaanbaatar: BITPRESS. (In Mongolian).
14. Kovalev, A.A. & Erdenebaatar, D. (2007) Dve traditsii ritual'nogo ispol'zovaniya olennykh kamney Mongolii [Two traditions of ritual use of deer stones in Mongolia]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Kamennaya skulptura i melkaya plastika drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii* [The stone sculpture and small plastic of the ancient and medieval peoples of Eurasia]. Barnaul: Azbuka. pp. 99-105.
15. Tishkin, A.A. (2013) Vyyavlenie, dokumentirovanie i izuchenie “olennykh” kamney v doline Buyanta (Mongol'skiy Altay) [Identifying, documenting and studying deer stones in the valley Buyant (Mongolian Altai)]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 1(7). pp. 73-90.
16. Tishkin, A.A. (2011) “Olennye” kamni v dolin Bodoncha (Mongol'skiy Altay) [The deer stones in the valleys Bodoncha (Mongolian Altai)]. In: Kharinskiy, A.V. (ed.) *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal in Siberia]. Irkutsk: ISTU. pp. 256-265.
17. Wang Bo. (1995) Obzor olennykh kamney Sin'tszyana [Overview of Xinjiang deer stones]. *Kaogusyue tszikan'*. 9. pp. 239-260.
18. Wang Bo, Qi Xiaoshan. (2010) *Sychou chzhi lu tsayuan' shizhen' yan'tszyu* [The study of the stone anthropomorphic sculptures in the steppes along the Silk Road. Urumchi: Sin'tsyzan zhen'min' chubanshe.
19. Bureau of Xinjiang Cultural Heritage. (2011) *Sin'tsyzan tsayuan' shizhen' yu lushchi* [Stone images and deer stones]. Beijing: Kesyue chubanshe.
20. Tishkin, A.A. & Chzhan, L. (2014) “Olennye” kamni v zapadnykh otrogakh Mongol'skogo Altaya (Sin'tsyzan-Uygurskiy avtonomnyy rayon Kitaya) [Deer stones in the western spurs of the Mongolian Altai (Xinjiang China)]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Drevnie i srednevekovye izvayaniya Tsentral'noy Azii* [Ancient and medieval sculptures in Central Asia]. Barnaul: Altai State University. pp. 131-135.
21. Olkhovskiy, V.S. (2005) *Monumental'naya skulptura naseleniya zapadnoy chasti evraziyskikh stepey rannego zheleza* [Monumental sculpture in the western part of Eurasian steppes in the early Iron Age]. Moscow: Nauka.

22. Devlet, M.A. (2008) Shchity i ikh izobrazheniya na olennykh kamnyakh [Shields and their images on deer stones]. In: Munchaev, R.M. et al. *Problemy sovremennoy arkheologii* [Problems of Modern Archeology]. Moscow: Taus. pp. 96-124.
23. Devlet, M.A. (2012) Eshche raz ob interpretatsii reshetchatykh figur na olennykh kamnyakh [Once again on the interpretation of lattice pieces on deer stones]. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 123-130.
24. Khudyakov, Yu.S. & Erdene-Ochir, N. (2011) *Voennoe delo drevnikh kochevnikov Mongolii (II tysyacheletie – III v. do n.e.)* [Military arts of ancient nomads in Mongolia (the 2nd millennium – the 3rd century BC)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
25. Tishkin, A.A. (2012) Izobrazheniya predmetov vooruzheniya na “olennykh” kamnyakh Mongol'skogo Altaya [Images of armaments on the Deer stones in the Mongolian Altai]. In: Gulyaev, V.I. (ed.) *Rol' voyny i voennogo dela v razviti drevnikh i srednevekovykh obshchestv* [The role of war and military arts in the development of ancient and medieval societies]. Moscow: Institute of Archeology RAS. pp. 28-29.
26. Tishkin, A.A., Mukhareva, A.N. & Iderkhangay, T.-O. (2014) Realizatsiya programmy izucheniya “olennykh” kamney [The program of the study of Deer stones]. In: Derevyanko, A.P. & Kiryushin, Yu.F. (eds) *Mezhdistsiplinarnoe izuchenie arkheologii Zapadnoy Sibiri i Altaya* [The interdisciplinary study of the archeology of Western Siberia and Altai]. Barnaul: Azbuka. pp. 95-98.
27. Novgorodova, E.A. (1975) K voprosu o drevnem tsentral'no-aziatskom zashchitnom vooruzhenii [On the ancient Central Asian armature]. In: Okladnikov, A.P. (ed.) *Sootnoshenie drevnikh kul'tur Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [The relations of ancient cultures of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: Nauka. pp. 223-228.
28. Chugunov, K.V., Parzinger, H. & Nagler, A. (2010) *Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva* [The Scythians Prince's Kurgan Arzan 2 in Tuva]. Mainz: Verlag Philipp von Zabern.
29. Chugunov, K.V. (2011) Diskretnost' postroyki “tsarskikh” memorialov Tuvy i khronologiya ranneskifskogo vremeni [Discreteness of the “royal” memorials in Tuva and the history of the early Scythian time]. In: Molodin, V.I. & Hansen, S. (eds) *Terra Scythica*. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography RAS. S. 358–369.
30. Rukavishnikova, I.V. (2013) Arkhitektura i posledovatel'nost' sooruzheniya ritual'no-pogrebal'nogo kompleksa aldy-bel'skoy kul'utry [The architecture and sequence of the Aldy-Belsky ritual and funerary complex]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziyskoy arkheologii* [Modern solutions for urgent problems of Eurasian archeology]. Barnaul: Altai State University. pp. 217-221.

А.А. Тишкин, Я.В. Фролов

ПРОУШНЫЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ТОПОРЫ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ: ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ ФОРМ В КОНЦЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ И НАЧАЛЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект №16-11-220007 «Археологические коллекции Алтайского государственного краеведческого музея») и гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

К настоящему времени на территории Обь-Иртышского междуречья обнаружено 12 вислообушных металлических топоров. Они маркируют распространение саргаринско-алексеевских и бегазинских археологических комплексов и в целом не характерны для памятников ирменской и карасукской общностей. Алтайское Приобье являлось своеобразной контактной зоной между двух ареалов культур периода поздней бронзы на юге Сибири – восточного, связанного с Минусинской котловиной, и западного, связанного со степными пространствами Прииртышья. Вислообушные топоры с петлями, возможно, были прототипами проушных петельчатых топоров, относящихся к началу скифо-сакского времени. На территории Алтая известны находки нескольких подобных изделий. Данный тип предметов можно проследить и по изображениям на «оленных» камнях. Фиксируемые связи развития форм проушных топоров поздней бронзы в начале раннего железного века свидетельствуют об этапе преемственности традиций в вооружении населения скифо-сакского времени.

Ключевые слова: металлические топоры; период поздней бронзы; скифо-сакское время; Обь-Иртышское междуречье.

Вислообушные топоры, как наиболее распространенный тип проушных топоров, часто привлекаются исследователями в качестве индикаторов для определения культурной и хронологической принадлежности памятников археологии евразийской зоны степей и сопредельных территорий. Основная проблема, возникающая при обращении к обозначенной группе источников, связана с тем, что большая часть таких металлических изделий представлена случайными находками. Лишь в небольшом количестве они фиксируются на могильниках и поселениях. В данной ситуации для установления ареала распространения тех или иных типов топоров эффективным является картографический метод, который позволяет проводить анализ на разных уровнях сопоставлений. Такая работа проделана по региону, который включает степной и лесостепной Алтай (юг Западной Сибири). Это позволило еще раз обозначить ряд вопросов о взаимодействии населения эпохи бронзы на территории Обь-Иртышского междуречья и о его культурном влиянии на традиции следующего этапа исторического развития.

В настоящее время в указанной зоне известны 12 топоров (рис. 1, 1–8, 11–14) и два киркообразных вислообушных орудия (рис. 1, 9–10). Подавляющее большинство этих предметов обнаружено в степной части (с. Ключи, с. Урлапово, с. Мамонтово, с. Бор-Форпост, поселение Крестьянское-IVa, с. Тюменцево) и предгорьях Алтая (с. Карпово, Змеиногорский рудник) [1. Рис. 13, 50; 2. Рис. 5, 1; 3. Рис. 2, 1; 4. Рис. 2, 5, 7, 1; 5. С. 84. Рис. 2; 6. С. 47–48, Рис. 3, 1; 7. Рис. 5; 8. С. 86–87, Рис. 5; 9. С. 132–144; 10. С. 99; 11. С. 91–92, рис. 1, 2]. Из других мест происходят два изделия (около с. Ляино и

пос. Северный), причем информация о них требует дополнительного прояснения. Так, топор из с. Ляино, возможно, найден в Барабе около д. Ляино (Здвинский район Новосибирской области) [9. С. 141]. Не до конца определены обстоятельства обнаружения топора около пос. Северный. Не исключено, что он происходит из Кулунды, где есть с. Северка.

Если анализировать ареал распространения топоров в других районах Западной Сибири, то можно заметить, что там они представлены единичными экземплярами. К кулундинской зоне примыкают две находки подобных изделий [12. С. 334–336; 13. С. 162]. Миниатюрная подвеска в форме вислообушного топора зафиксирована в погребении могильника Старый Тартас-4 [14. С. 60–61. Рис. 10]. Наиболее северной является находка из Томской области (пос. Золотые Юрты) [1. Рис. 13, 56]. Самые восточные вислообушные топоры обнаружены в Минусинской котловине, где известно несколько случайных находок и найдена миниатюрная подвеска на могильнике Ланин Лог [Там же. Рис. 13, 57–63].

При анализе макрозон, связанных с фиксацией топоров эпохи бронзы, исследователями выделяются два ареала распространения их основных типов: западный, где преобладают гладкообушковые экземпляры, и восточный, представленный в основном гребенчатыми изделиями [Там же. С. 10]. Гребенчатые топоры распространены в Центральном и Восточном Казахстане, Семиречье, Киргизии, Алтае, Минусинской котловине, а самые южные – в Синьцзяне [Там же. Рис. 1]. В ареале их распространения встречены и гладкообушковые топоры, но в количественном выражении они демонстрируются единичными предметами.

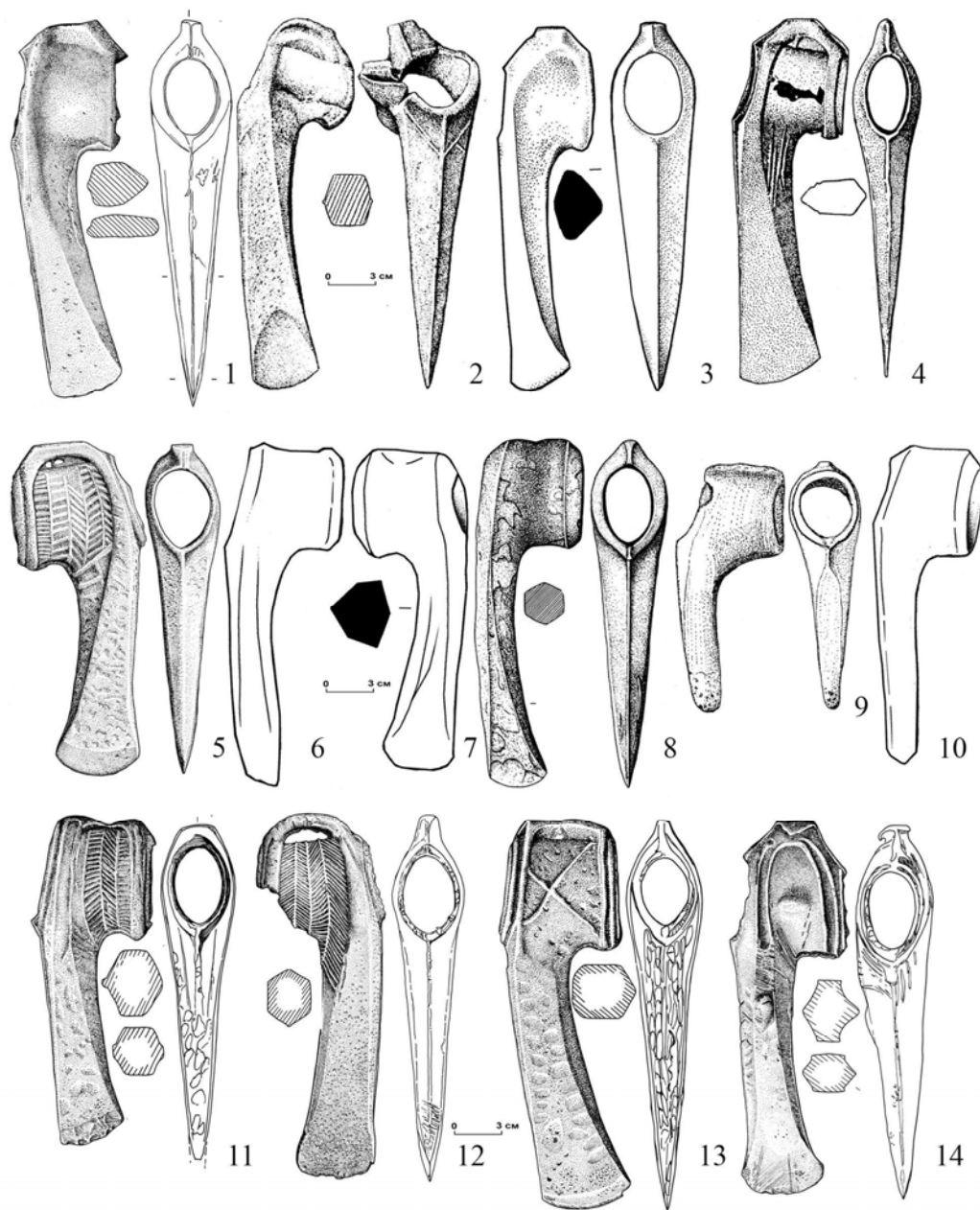

Рис. 1. Вислообушные орудия из районов лесостепного Алтая:

1 – с. Тюменцево (по: [9. Рис. 2, 2, 4]); 2 – с. Ключи (по: [8. Рис. 5, 1]); 3 – с. Лялино (Ляино) (прорисовка по: [1. Рис. 13, 52]); 4 – с. Урлапово (по: [5. Рис. 2]); 5 – район г. Змеиногорска (коллекция П.К. Фролова. Государственный Эрмитаж, № 1122, 84); 6, 7 – Алтай (коллекция Л.И. Шренка) (прорисовка по: [1. Рис. 13, 54, 55]); 8 – поселение Крестьянское-IVa (по: [4. Рис. 7, 1]); 9 – г. Змеиногорск (Змеиногорский рудник) (по: [6. Рис. 3, 1]); 10 – Алтай (Золотушинский или Змеиногорский рудники) (прорисовка по: [1. Рис. 13, 53]); 11 – с. Бор-Форпост (Районный историко-краеведческий музей им. В.М. Комарова, ОФ № 306); 12 – с. Мамонтово (Мамонтовский районный краеведческий музей, ОФ № 5642); 13 – с. Карпово (Алтайский государственный краеведческий музей ОФ №18906); 14 – пос. Северный (Алтайский государственный краеведческий музей ОФ № 11887/1)

В свое время при рассмотрении представительной подборки разных топоров Н.А. Аванесова [1] выделила типологические тенденции изменений их оформления. Наиболее ранними, по ее мнению, являются вислообушные топоры типа «А» («гладко-вислообушные»), несколько позднее использовались экземпляры типа «Б» «с утолщениями по краям втулки»), и на завершающем этапе были распространены изделия типа «В» («с гребнем») [Там же. С. 13–15]. В рамках типа «Б»

Н.А. Аванесова выделила подтипы «Б3» и «Б4» (переходные к гребенчатым). На этих топорах представлен слабо выраженный гребень без четко оформленного края [1. С. 14]. Общие сходные черты их морфологии отмечены в следующем: слабо выраженные (без четких граней в рельефе) валики по краям втулки и небольшой гребень округлой формы (без отверстия), являющийся продолжением этих валиков. В Обь-Иртышском междуречье найдено несколько подобных предметов

(с. Тюменцево, с. Лялино (Лянино), с. Ключи) (рис. 1, 1–3) [9. С. 142. Рис. 2, 3]. Похожий выступ на обухе имеет и подвеска из Старого Тартаса-4 [14. С. 60–61. Рис. 10]. Эта находка может косвенно свидетельствовать о том, что именно топоры со слабо выраженным гребнем и округлыми валиковыми утолщениями по втулке могут относиться к андроновской культуре, как это и предполагала Н.А. Аванесова [1. С. 14].

Топоры с реберчатым оформлением валиков (усилителей втулки) и выраженным гребнем или петлей датируются периодом поздней бронзы (рис. 1, 4, 5, 11–12). Еще одним фактом, подтверждающим данное предположение, стала недавняя находка топора подобного типа рядом с оградой одного из сооружений бегазинского могильника Сангыру-1 [15. С. 31. Рис. 4].

Картографирование топоров на юге Обь-Иртышского междуречья и сравнение с аналогичными данными по сопредельным регионам позволяют сделать ряд наблюдений и заключений. В Минусинской котловине представлены в основном вислообушные топоры со слабо выраженным гребнем, вероятнее всего, связанные с комплексами андроновской культуры. В степном и лесостепном Алтае фиксируются оба типа гребенчатых топоров. Судя по распределению поздних гребенчатых топоров с выраженным гребнем и реберчатым оформлением валиков на втулке, восточной границей их распространения являлась р. Обь.

Таким образом, для территории Сибири можно условно выделить два региона: западный – на юге Обь-Иртышского междуречья (степное Прииртышье) – и восточный – в Минусинской котловине. Картографирование еще раз подтверждает выводы о том, что вислообушные топоры в целом не характерны для ирменской и карасукской культур, а маркируют распространение саргаринско-алексеевских и бегазинских комплексов, что демонстрируют находки на соответствующих памятниках [1. Рис. 16; 15. С. 31. Рис. 4]. Алтайское Приобье выступает как контактная зона двух указанных ареалов культур поздней бронзы – восточного и западного.

При рассмотрении генезиса, хронологии и культурной принадлежности форм проушных топоров следует обратить внимание на то, что некоторые из них имеют петлю. Два подобных вислообушных изделия найдены на Алтае. У топора, обнаруженного у с. Мамонтово, фиксируются орнаментированная втулка и широкая петля на месте гребня на обухе (рис. 1, 12). Сходное оформление отмечается у изделия из так называемой коллекции П.К. Фролова, хранящейся в Государственном Эрмитаже (рис. 1, 5). Отверстие петли на этом предмете частично закрыто натеками литейного брака. Не исключено, что и на двух других изделиях из степного Алтая (на топорах, найденных около с. Бор-Форпост и с. Урлапово) с реберчатыми валиками планировалось сделать петлю, но она не

получилась из-за сложностей в технологии изготовления (рис. 1, 4, 11).

Наличие петельчатых вислообушных топоров позволяет поднять проблему, связанную с генезисом данных форм вооружения в начале раннего железного века. Если связь развития форм втульчатых накопечников стрел скифо-сакского времени с изделиями подобного рода эпохи бронзы не вызывает особых сомнений [16. С. 168], то типологическая схема развития проушных топоров на начальном этапе периода ранних кочевников пока не столь очевидна. Находки петельчатых вислообушных топоров, относящихся к поздней бронзе, позволяют проследить поступательное развитие форм подобных изделий сначала в аржано-майэмйское, а потом и в скифо-сакское время. Вислообушные топоры с петлями, возможно, являются прототипами проушных топоров, относящихся к началу раннего железного века. На территории Алтая известны находки нескольких подобных изделий. С горной территории происходят случайные находки проушных топоров, относящиеся к началу скифского времени [17. Рис. 4, 7; 18. С. 56. Рис. 6, 1; 19. С. 108–110. Рис. 1, 2]. В тот же период проушные топоры бытовали и в лесостепной зоне. Подобное изделие найдено на комплексе памятников Ближние Елбаны [20. С. 88–89; Рис. 1]. Проушный топор со стержневидным оформлением бойка на обухе обнаружен при исследовании могильника Фирсово-14 [21. Рис. 135, 1]. На близких территориях находки подобных топоров известны в Восточном Казахстане, Синьцзяне, Монголии [22. С. 30; 23. Рис. III, 6; 24. С. 76–77. Рис. 21, 3].

Взаимосвязь петельчатых вислообушных топоров с петлями и проушных топоров, характерных для аржано-майэмйского времени, можно проследить и по изображениям на «оленных» камнях, где довольно детально представлены формы клинкового вооружения. В большинстве случаев на таких изваяниях присутствуют рисунки именно петельчатых изделий, подвешенных к поясу. Можно увидеть изображения, очень сильно напоминающие вислообушные топоры с гребнем [24. С. 58. Рис. 18, 34; 25. Рис. 89, 1], а также петельчатые проушные и втульчатые топоры [24. Рис. 18, 27–30; 25. Рис. 5, 3, 8, 2, 10, 14, 36, 1, 49, 59, 73].

Фиксируемые связи развития форм проушных топоров поздней бронзы в начале раннего железного века свидетельствуют об этапе преемственности традиций в вооружении населения скифо-сакского времени на юге Западной Сибири и сопредельных территориях.

При проведении дальнейшей работы, связанной с обозначенной темой исследования, необходимо привлечение результатов химического состава сплавов всех обнаруженных топоров. В настоящее время этому может способствовать широко применяемый рентгенофлуоресцентный анализ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент : Фан, 1991. 200 с.
2. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 256 с. (МИА; Вып. № 48).
3. Иванов Г.Е. К археологической карте верховьев Касмалы // Археология и этнография Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 24–52.
4. Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района. Мамонтово ; Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2000. 160 с.
5. Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е. Новые находки металлических изделий из Шипуновского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. Вып. VII. С. 81–88.
6. Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Грушин С.П. Случайные находки бронзовых предметов в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 45–53.
7. Левитский Л.П. О древних рудниках (в помощь первооткрывателю). М. ; Л. : Госгеоллиздат, 1941. 56 с.
8. Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Находки бронзовых предметов с территории Кулундинской степи // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 83–96.
9. Тишкин А.А., Фролов Я.В. Новая находка бронзового топора с территории Лесостепного Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2015. № 1 (11). С. 132–144.
10. Уманский А.П. Памятники андроновской культуры на Алтае // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово : КГПИ, 1967. Вып. I. С. 96–100.
11. Фролов Я.В. Случайные находки предметов из районов Восточного Казахстана // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. Вып. VII. С. 91–94.
12. Молодин В.И., Ермакова Н.В. Бронзовый вислообушный топор из Центральной Барабы // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. XV. С. 334–336.
13. Молодин В.И., Новиков А.В., Софеев О.В. Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области. Новосибирск : НППЦ по сохранению историко-культурного наследия, 2000. 224 с. (Свод памятников истории и культуры народов России; Вып. 4).
14. Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3. С. 48–62.
15. Бейсенов А.З., Дуйсенбай И.К., Ахияров И.К. Исследования в северной Бетпакале // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 28–31.
16. Чугунов К.В. К вопросу о формировании колчанного набора в восточных регионах скифского мира // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. Вып. XI. С. 165–168.
17. Грязнов М.П. Памятники майэмурского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. Вып. XVIII. С. 9–17.
18. Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадилов Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 52–77.
19. Трифанова С.В. Бронзовые топоры из Центрального Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2003. Вып. XIII. С. 108–110.
20. Фролов Я.В., Папин Д.В. Материалы переходного времени от поздней бронзы к раннему железному веку из коллекции Н.С. Гуляева, собранной у с. Большая Речка в 1903 г., хранящиеся в АКМ // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 88–91.
21. Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул : Азбука, 2008. 479 с.
22. Самашев З., Ермолаева А., Куш Г. Древние сокровища казахского Алтая. Алматы : Онер, 2008. 200 с.
23. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Восточного Туркестана в бронзовом и раннем железном веках // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1995. С. 5–25.
24. Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III в. до н.э.). СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; Нестор-История, 2011. 172 с.
25. Волков В.В. Оленные камни Монголии. М. : Научный мир, 2002. 248 с.

Tishkin Aleksey A. Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail tishkin210@mail.ru; *Frolov Yaroslav V.* Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail frolov_jar@mail.ru

EYED AXES OF THE OB-IRTYSH INTERFLUVE: TRENDS OF CHANGING FORMS OF THE LATE BRONZE AGE AND EARLY IRON AGE.

Keywords: metal axes; the Late Bronze Age; Scythian-Saka time; Ob-Irtysh interfluve.

The territory of the Ob-Irtysh interfluve is known for its 12 shaft-hole iron axes. The vast majority of these objects are found in the steppe part of the Ob plateau in the foothills of the Altai Mountains. In other regions of Western Siberia the similar products are represented by single specimens. In the Minusinsk Basin there were found shaft-hole axes with a weak ridge associated with the complexes of Andronovo archaeological culture. In the steppe and forest-steppe Altai, besides this type of axes, the most common are ridged shaft-hole axes with a pronounced ridge and edged rolls, typical for the Late Bronze period. The eastern boundary of their distribution is the Ob River. On the territory of Southern Siberia there are two regions where the given types of iron axes were wide-spread: western (the Ob-Irtysh interfluve) and eastern (Minusinsk Basin). Mapping of these products once again confirms the conclusions that shaft-hole axes are not generally typical for Irmen and Karasuk culture and mark the spread of Saraginsk-Alexeevsk and Begazinsk complexes which is confirmed by their finding on the relevant monuments. The Ob region in Altai acts as a contact zone of the two cultural areas of the Late Bronze – eastern and western. The presence of a looped shaft-hole axes allows the authors to identify the problem related to the genesis of the given forms of weapons at the beginning of the early Iron Age. The findings of looped shaft-hole axes relating to the Late Bronze Age, provide an opportunity to trace the gradual development of forms of such products in Argan-Mayemir time and Scythian-Saka period. So, shaft-hole axes with loops, might have served as a prototype of looped eyed axes related to the beginning of the early Iron Age. Some of such objects were found on the territory of Altai. The connection between looped shaft-hole and eyed axes could be traced through the images on the “deer” stones which give a detailed picture of the form of bladed weapons. In most cases, the sculptures of the Argan-Mayemir period contain drawings of looped product fixed to the belt. There you can see the pictures very much resembling shaft-hole axes with a ridge and also looped eyed and socketed axes. The stated connections in the development of the forms of eyed axes in the Late Bronze Age at the beginning of the Early Iron Age indicate the continuity in the traditions of the armament in the Scythian-Saka time.

REFERENCES

1. Avanesova, N.A. (1991) *Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzы Aziatskoy chasti SSSR* [The culture of shepherd tribes of the Bronze Age in the Asian part of the USSR]. Tashkent: Fan.
2. Gryaznov, M.P. (1956) *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka* [The history of the ancient tribes of the Upper Ob from excavations near the village Bolshaya Rechka]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
3. Ivanov, G.E. (1982) K arkheologicheskoy karte verkhov'ev Kasmaly [On the archaeological map of the Kasmaly headwaters]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Arkheologiya i etnografiya Altaya* [Archaeology and Ethnography of Altai]. Barnaul: Altai University. pp. 24-52.
4. Ivanov, G.E. (2000) *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Mamontovskogo rayona* [The collection of historical and cultural monuments of Mamontovo District]. Mamontovo; Barnaul: Altai Printing Plant.
5. Kiryushin, Yu.F. & Ivanov, G.E. (1996) [New finds of metal products from Shipunovsky District]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [The conservation and study of cultural heritage of the Altai Territory]. Proc. of the Research Conference. Barnaul: Altai State University. pp. 81-88.
6. Kiryushin, Yu.F., Shulga, P.I. & Grushin, S.P. (2006) Sluchaynye nakhodki bronzovykh predmetov v severo-zapadnykh predgor'yakh Altaya [Random finds of bronze objects in the northwestern foothills of the Altai]. In: Grushin, S.P. (ed.) *Altay v sisteme metallurgicheskikh provintsiy bronzovogo veka* [Altai in the system of metallurgical provinces of the Bronze Age]. Barnaul: Altai State University. pp. 45-53.
7. Levitskiy, L.P. (1941) *O drevnikh rudnikakh (v pomoshch' pervootkryvatelyu)* [On the ancient mines (discoverers' guide)]. Moscow; Leningrad: Gosgeolizdat.
8. Papin, D.V., Fedoruk, A.S. & Shamshin, A.B. (2006) Nakhodki bronzovykh predmetov s territorii Kulundinskoy stepi [The finds of bronze objects from the territory of the Kulunda Steppe]. In: Grushin, S.P. (ed.) *Altay v sisteme metallurgicheskikh provintsiy bronzovogo veka* [Altai in the system of metallurgical provinces of the Bronze Age]. Barnaul: Altai State University. pp. 83-96.
9. Tishkin, A.A. & Frolov, Ya.V. (2015) A new find of the bronze axe from the territory of forest-steppe Altai. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy – Theory and Practice of Archeological Research*. 1(11). pp. 132-144. (In Russian).
10. Umanskiy, A.P. (1967) Pamyatniki andronovskoy kul'tury na Altae [Monuments of the Andronovo culture in the Altai]. In: Martynov, A.I. (ed.) *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy* [The Bulletin of the Laboratory of Archaeological Research]. Kemerovo: Kemerovo State Pedagogical University. pp. 96-100.
11. Frolov, Ya.V. (1996) [Random finds of items in East Kazakhstan]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [The conservation and study of cultural heritage of the Altai Territory]. Proc. of the Research Conference. Barnaul: Altai State University. pp. 91-94. (In Russian).
12. Molodin, V.I. & Ermakova, N.V. (2009) Bronzovyy visloobushnoy topor iz Tsentral'noy Baraby [The bronze axe from the Central Baraba]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 334-336.
13. Molodin, V.I., Novikov, A.V. & Sofeykov, O.V. (2000) *Arkheologicheskie pamyatniki Zdvinskogo rayona Novosibirskoy oblasti* [Archaeological sites of Zdvinsk District of Novosibirsk Region]. Novosibirsk: SPC for Preservation of Historical and Cultural Heritage.
14. Molodin, V.I., Novikov, A.V. & Zhemerikin, R.V. (2002) Mogil'nik Staryy Tartas-4 (novye materialy po andronovskoy istoriko-kul'turnoy obshchnosti) [The Burial Staryy Tartas-4 (new materials for the Andronovo historical and cultural community)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 3. pp. 48-62.
15. Beysenov, A.Z., Duysenbay, I.K., & Akhiyarov, I.K. (2015) Issledovaniya v severnoy Betpakdale [The research in Northern Betpakdala]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Archaeology of Western Siberia and Altai: The experience of multi-disciplinary research]. Barnaul: Altai State University. pp. 28-31.
16. Chugunov, K.V. (2000) K voprosu o formirovani kolchannogo nabora v vostochnykh regionakh skifskogo mira [On the formation of the quiver set in the eastern regions of the Scythian world]. In: Kiryushin, A.F. & Tishkin, A.A. (eds) *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya* [Conservation and study of the Altai cultural heritage]. Barnaul: Altai State University. pp. 165-168.
17. Gryaznov, M.P. (1947) Pamyatniki mayemirskogo etapa epokhi rannikh kochevnikov na Altae [Monuments of the Maemir stage of the epoch of early nomads in Altai]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief reports of the Institute of History of Material Culture]. Issue 18. pp. 9-17.
18. Abdulganeev, M.T., Kiryushin, Yu.F. & Kadikov, B.Kh. (1982) Materialy epokhi bronzы iz Gornogo Altaya [Materials of the Bronze Age from Gorny Altai]. In: Lukina, N.V. (ed.) *Arkheologiya i etnografiya Altaya* [Archaeology and Ethnography of Altai]. Barnaul: Altai State University. pp. 52-77.
19. Trifanova, S.V. (2003) Bronzovye topory iz Tsentral'nogo Altaya [Bronze axes from Central Altai]. In: Demin, M.A. & Shcheglova, T.K. (eds) *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya* [Conservation and study of the Altai cultural heritage]. Barnaul: Altai State Pedagogical University. pp. 108-110.
20. Frolov, Ya.V. & Papin, D.V. (1995) [Materials of the transitional period from the Late Bronze Age to the Early Iron Age from N.S.Gulyaev's collection, collected near the village Bolshaya Rechka in 1903 and stored in the Altai Local Lore Museum]. *Problemy okhrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya* [Problems of preservation, study and use of Altai cultural heritage]. Proc. of the Conference. Barnaul: Altai State University. pp. 88-91. (In Russian).
21. Frolov, Ya.V. (2008) *Pogrebal'nyy obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n.e. – II v n.e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov)* [The funeral rite of the population of Barnaul Ob in the 6th century BC – 2nd century AD (According to ground burials)]. Barnaul: Azbuka.
22. Samashev, Z., Ermolaeva, A. & Kushch, G. (2008) *Drevnie sokrovishcha kazakhskogo Altaya* [The ancient treasures of the Kazakh Altai]. Almaty: Oner.
23. Khudyakov, Yu.S. (1995) Vooruzhenie kochevnikov Vostochnogo Turkestana v bronzovom i rannem zheleznom vekakh [The armor of the East Turkestan nomads in the Bronze and Early Iron Ages]. In: Martynov, A.I. (ed.) *Voennoe delo i srednevekovaya arkheologiya Tsentral'noy Azii* [The art of war and medieval archeology of Central Asia]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 5-25.
24. Khudyakov, Yu.S. & Erdene-Ochir, N. (2011) *Voennoe delo drevnikh kochevnikov Mongolii (II tysyacheletie – III v. do n.e.)* [The art of war of ancient nomads in Mongolia (II millennium – the 3rd century BC)]. St. Petersburg: St. Petersburg University, Nestor-Istoriya.
25. Volkov, V.V. (2002) *Olennye kamni Mongolii* [The deer stones of Mongolia]. Moscow: Nauchnyy mir.

П.В. Герман

ТАГАРСКИЙ СКЛЕП С ИЗДЕЛИЯМИ ИЗ ЗОЛОТОЙ ФОЛЬГИ В МАРИИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК 1969 г.)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-06-02325 А.

Приводятся материалы кургана 12 могильника Серебряково I. Памятник исследован в 1969 г. экспедицией КГПИ под руководством А.И. Мартынова. Большая часть материалов представлена в фондах музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Помимо многочисленных изделий из бронзы в коллекции сохранились обрывки изделий из золотой фольги, аналогии которым известны из элитных комплексов скифского времени Саяно-Алтая. На основании датирующих аналогий из бронзы комплекс кургана 12 отнесен к лепешкинскому типу памятников тагарской культуры. Отмечена уникальность комплекса с изделиями из золотой фольги в пределах северо-западной периферии тагарской культуры.

Ключевые слова: Мариинская лесостепь; курган; тагарская культура; золотая фольга.

Курганный могильник Серебряково I, расположенный в Тисульском районе Кемеровской области, был полностью раскопан в 1969 г. археологической экспедицией КГПИ под руководством А.И. Мартынова. Материалы памятника опубликованы [1]. Могильник состоял из 17 курганов тагарской культуры. Из публикации известно, что в склепе кургана 12 были обнаружены бронзовые предметы, обложенные золотой фольгой, и отдельные фрагменты изделий из золотой фольги [1. С. 82–88]. Предметы из комплексов Серебряковского могильника хранятся в фондах музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ (коллекция 61). В процессе работы над проектом по изучению бронз тагарского времени Мариинской лесостепи также была просмотрена коллекция золота из кургана 12. Всего в ней находится 121 кусочек фольги, большая часть которой была сильно деформирована (смята, скручена) и загрязнена. После распрямления и чистки некоторые из ранее не определенных фрагментов приобрели узнаваемые очертания¹.

В состав коллекции входят:

1) фигурка фантастического животного (1 экз.) (№ 465)² (рис. 1, 6) на прямых ногах с опущенной головой. Размер – 30×26 мм. Морда животного горбоносая, сохранился отчетливый отпечаток глаза в виде круга с выпуклым круглым зрачком в центре. Рог начинается с середины морды и заканчивается на крупе. Разрыв между передними и задними лапами образовался в результате деформации изделия;

2) фигурки кошачьих хищников (14 экз.) (№ 460, 466–475, 479, 484, 494) (рис. 1, 7–20). Средний размер – 25×16 мм. На разных фигурках возможно прочесть лишь отдельные объемные элементы, передающие образ животного. Все изделия схожи по размеру и, вероятно, вырезаны и сформованы по одному шаблону. Поэтому вполне уместно дать их обобщенное описание. Фигурки разной сохранности, от трех осталась только голова. Все обращены вправо. На прямой, «вытянутой», морде вы-

делены овальные глаз и ухо, пасть в виде короткой прямой линии. Переход от головы к передним лапам под прямым углом. Задние и передние лапы разделены только рельефом. Рельефно выделяется длинный, загнутый на конце к лапам хвост. Некоторые окончания лап напоминают кольчатые, на других просматриваются разделенные пальцы-когти. По краям фигурок складки от сжатия при формовке на жесткой основе;

3) привеска к сережке (1 экз.) (№ 489) (рис. 1, 25). Размер – 28×10 мм. По форме напоминает клык хищника с круглым отверстием вблизи широкого конца (основания);

4) фрагменты накладок с полукруглым выступом (2 экз.) (№ 456, 493) (рис. 1, 21, 22). Размер – 18×13 мм;

5) объемные накладки на полусферические бляшки диаметром 10–13 мм (11 экз.) (рис. 1, 23, 24, 32, 33) (№ 454, 455, 477, 497) [также см.: 1. Табл. 75, 8];

6) фрагменты от 3–5-й гирлянд из треугольников (№ 457, 490) (рис. 1, 26–31);

7) фрагменты длинных и узких (ширина 4–12 мм) накладок без рельефного орнамента (27 экз.) (№ 458, 461, 463, 485, 500, 501) (рис. 1, 36–38);

8) фрагмент (отросток рога (?)) бронзовой оленней бляшки, обложенной золотой фольгой (1 экз.) (№ 453);

9) пластина прямоугольной формы (1 экз.) (№ 451) (рис. 1, 34). Размер – 66×25 мм. Была сильно замята, рельефный орнамент не читается. Ближе к углам расположены квадратные отверстия (1 мм) для пришивания;

10) пластина прямоугольной формы (1 экз.) (№ 452) (рис. 1, 35). Размер – 36×27 мм. На сохранившемся крае ближе к углам круглые отверстия (1 мм) для пришивания. На поверхности просматриваются отпечатки в виде запятых, спиралей (?);

11) фрагментированные плоские и рельефные изделия (58 экз.) (№ 459, 462, 476, 478, 486, 487, 489, 491, 492, 495, 496, 502) [также см.: 1. Табл. 75, 7].

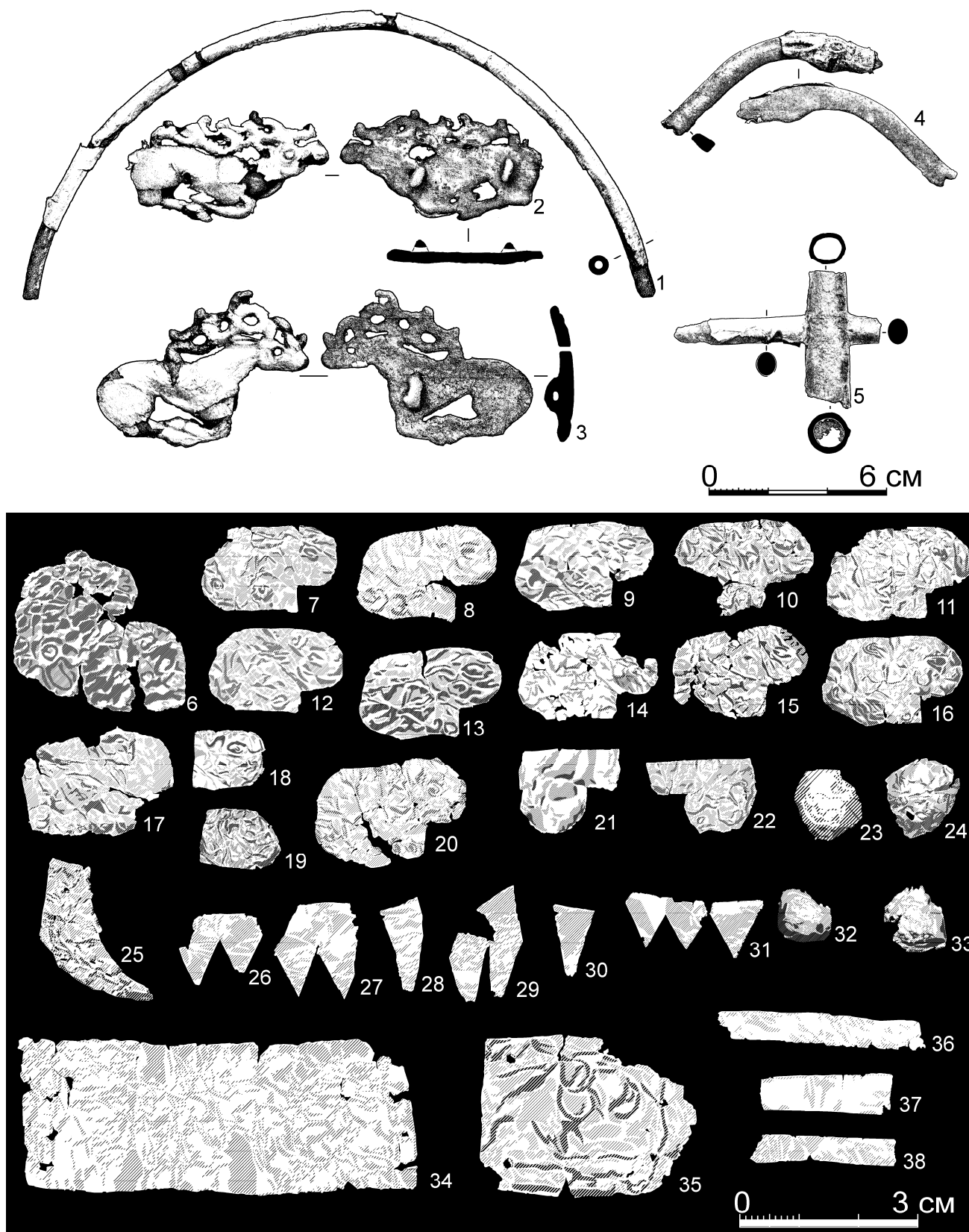

Рис. 1. Бронзовые изделия с золотой фольгой и аппликации из золотой фольгой из склепа кургана 12 могильника Серебряково I:
 1 – № 503; 2 – № 480; 3 – № 481; 4 – № 482; 5 – № 483; 6 – № 465; 7 – № 474; 8 – № 466; 9 – № 468; 10 – № 471; 11 – № 475; 12 – № 473;
 13 – № 472; 14 – № 460; 15 – № 484; 16 – № 470; 17 – № 467; 18 – № 498; 19 – № 494; 20 – № 469; 21 – № 456; 22 – № 493; 23 – № 454;
 24 – № 477; 25 – № 489; 26–30 – № 490; 31 – № 457; 32, 33 – № 455; 34 – № 451; 35 – № 452; 36–38 – № 464. 1–5 – бронза, золото;
 6–38 – золото

Кроме вышеперечисленного, отдельно хранятся или представлены в экспозиции музея следующие изделия из бронзы покрытые золотой фольгой:

1) чекан (№ 483) (рис. 1, 5) [1. Табл. 74, 1]. Боек не сохранился, но известен по публикации. Длина всего изделия – 156 мм (обух – 46 мм, боек – 96 мм), высота втулки – 45 мм, диаметр основания втулки – 13×15 мм. Сечение бойка и обуха овальное. Обух чекана обернут одним листом золотой фольги (33×22 мм);

2) оленняя бляшка (№ 480) (рис. 1, 2) [Там же. Табл. 74, 4]. Целая. Размер – 67×35×5 мм. Изображение оленя в лежащей позе с подогнутыми ногами. Голова запрокинута назад. На морде выделены рот и глаз животного. От уровня глаза отходят длинные выющиеся рога, заканчивающиеся на крупе. В задней части выступает короткий треугольный хвост. С тыльной стороны к туловищу припаяны две петельки (10×4 мм) в виде полукруглой арки, расположенные у основания шеи и на уровне окончания рогов. С лицевой стороны изделие обложено двумя листами золотой фольги: первый закрывает рога, голову и большую часть туловища, второй – ноги, часть шеи и незначительную заднюю часть;

3) оленняя бляшка (№ 481) (рис. 1, 3) [Там же. Табл. 74, 5]. Целая. Размер – 69×48×4 мм. Изображение оленя в лежащей позе с подогнутыми ногами. В отличие от предыдущего изделия, туловище животного приподнято, а голова незначительно наклонена вниз. На морде выделен глаз в виде круглого сквозного отверстия. От уровня глаза отходят выющиеся рога, заканчивающиеся на середине спины. От затылка, вдоль края, показано длинное семечковидное ухо. С обратной стороны к туловищу припаяна одна петелька (10×4 мм) в виде полукруглой арки. С лицевой стороны изделие обложено одним листом золотой фольги;

4) гривна (№ 503) (рис. 1, 1). Целая (диаметр – 214 мм), круглая в сечении – 5 мм. Изделие обложено как минимум четырьмя полосками золотой фольги длиной от 35 до 125 мм;

5) гривна в четырех фрагментах (№ 450). По диаметру и толщине обода аналогична предыдущей. На сломках видно, что гривна изготовлена из полой бронзовой трубки. Этот факт так же отражен и на рисунках в публикации [1. Табл. 75, 9]. Все фрагменты обложены листами золотой фольги;

6) ПНН (№ 482) (рис. 1, 4) [Там же. Табл. 76, 9]. Фрагмент с окончанием в виде головы животного (лошади (?)). Размер – 77×12×4 мм. На окончании сохранилась одна полоска обкладки из золотой фольги (длина 33 мм).

Курган 12 является вторым по величине в могильнике. Высота насыпи – 1,8 м, диаметр – 28 м. Под насыпью один сожженный склеп. Размеры по дну, соответствующие чертежу, приведены в полевом дневнике – 5×4,3 м. Конструктивные особенности погребальной камеры – сруб с тыном и перекрытие из двух рядов бревен, покрытое берестой. Могила ограблена. Среди

бронзового инвентаря склепа: уменьшенные ножи и кинжалы, втульчатые и проушные чеканы, дисковидные зеркала с петелькой и одно медалевидное, «факельница» с тремя фигурками козчиков, вток, трех- и четырехсоставные (по дневнику) полусферические бляшки [1. Табл. 74–76]. Отдельный интерес вызывает большое количество (около 55 по рисункам, 31 по тексту) керамической посуды с разнообразной орнаментацией [Там же. Табл. 76, 11–13, 77–79, 80, 1–7]. К сожалению, коллекция керамики не сохранилась, так же как фрагмент деревянного сосуда и берестяной туесок. Количество зафиксированных костяков на дне – 10, в заполнении – не определено. Судя по количеству бронзовых ножей (минимум 22 по тексту монографии и 19 по описи) в склепе было захоронено около 20 человек. Антропологический материал не сохранился. В публикации отмечено, что кости погребенных были плохой сохранности и частично обожжены в процессе горения склепа [Там же. С. 82–88].

По обряду погребения и большей части инвентаря курган 12 относится к лепешкинскому (позднесарагашенскому) типу памятников тагарской культуры. Об этом говорит сочетание типичных сарагашенских бронз (оленные бляхи, факельница, втульчатые чеканы) с изделиями раннетесинского времени (проушные чеканы, прямообушковые ножи, многосоставные полусферические бляшки). Близкий по составу бронз комплекс Серебряково I – курган 2, в котором, кроме прочего, обнаружена обоюдоострая проколка [1. Табл. 7, 8]. Такие проколки, по мнению Н.Ю. Кузьмина, бытуют непродолжительное время и характерны только для лепешкинских и раннетесинских комплексов [2. С. 31]. В этом отношении несколько выбиваются из хронологического контекста бронзовые медалевидные зеркала из курганов 2 и 12 [Там же. Табл. 8, 4, 76, 2], которые, по наблюдениям Н.Ю. Кузьмина, на Среднем Енисее впервые появляются в позднейших раннетесинских комплексах [2. С. 203]. Впрочем, такое сочетание не противоречит устоявшейся концепции, согласно которой сарагашенские традиции сохраняются в Ачинско-Мариинской лесостепи намного дольше, чем в Минусинской котловине [Там же. С. 110]. Поэтому появление бронз раннетесинского типа в лесостепных лепешкинских комплексах вполне ожидаемо. На основании предложенной Н.Ю. Кузьминым датировки лепешкинских и раннетесинских комплексов (конец III в. до н.э. – начало I в. до н.э.) [Там же. С. 219] курган 12 Серебряково I следует отнести к концу данного периода – I в. до н.э.

Изделия из золотой фольги встречены во многих комплексах лепешкинского и раннетесинского типа. С одной стороны, это дало основание исследователям определить присутствие в склепах декора из золота как широко распространенную практику того времени [Там же. С. 202; 3. С. 67], что, следовательно, не является признаком высокого статуса погребенных [3. С. 67–68]. А то обстоятельство, что в некоторых склепах золотой

фольги было обнаружено много, можно объяснить случайностью. Например, сохранность большого количества золотых изделий в раннетесинских курганах Целинный и Большой Новоселовский связана с обрушением стенок сруба до того, как туда проникли грабители [4. С. 121; 5. С. 28].

С другой стороны, есть примеры склепов и вовсе без золотой фольги. А если посчитать комплексы с «золотыми» зооморфными образами, то их не так много. Основные аналогии находкам из 12-го серебряковского кургана происходят из лепешкинских и раннетесинских склепов Назаровской котловины (Берешь к. 3), Чулым-Енисейской котловины (Целинный, Толстый Мыс V к. 2 (Большой Новоселовский)) и юга Минусинской котловины (Большой Табатский, Колок к. 3, Большой Полтаковский, Сабинка I к. 2, Степновка к. 2)³. Эти комплексы демонстрируют не просто отдельные элементы декорирования погребальной камеры или определенных предметов золотой фольгой, а сочетание разных изделий. Несмотря на ограбление всех перечисленных склепов, золотые аппликации сохранились в них в большом количестве. Поэтому ключевым для понимания статусности этих комплексов являются не просто наличие изделий из золотой фольги, а их серийность и, в то же время, разнообразие. Важный показатель – это наличие зооморфных образов, в первую очередь – кошачьих хищников, выполненных из фольги. Такие изделия в средне- и поздне-тесинских комплексах единичны и заметно отличаются по стилю [6. Рис. 15], в то время как накладки других типов (с геометрическим орнаментом или без такового)

встречаются в большинстве склепов. Кроме того, целые серии «золотых» зооморфных персонажей, выполненных в технике литья или штампования, известны среди материалов элитных погребений Саяно-Алтая, и это обстоятельство нельзя не учитывать.

Помимо кургана 12, еще в одном склепе Серебряково I обнаружены обрывки золотой фольги – курган 13. Этот комплекс также следует отнести к поздней (лепешкинской – раннетесинской) группе могильника. Изделия из фольги, найденные в этом кургане, не сохранились. Из текста монографии известно, что они были единичны [1. С. 92]. Среди тагарских погребальных памятников Мариинской лесостепи золото обнаружено в 11 склепах могильника Кондрашка I (Тисульский), трех склепах могильника Шестаково I, а также в одиночном кургане Алчедат. Сохранившиеся изделия были просмотрены нами в фондах музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ и Кемеровского областного краеведческого музея. Среди них нет зооморфных персонажей, а остальные аппликации единичны. Это позволяет говорить о том, что курган 12 могильника Серебряково I – пока единственный в Мариинской лесостепи, содержащий многочисленные золотые аппликации, включая фигурки животных. Следовательно, как минимум в пределах этой территории следует отметить уникальность рассматриваемого комплекса. Его исключительность может объясняться богатством, социальным статусом или происхождением группы людей, захороненных в склепе, а, по сути, всеми тремя факторами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор выражает благодарность профессору кафедры археологии КемГУ А.И. Мартынову, предоставившему разрешение на публикацию материалов, руководителю отдела археологии музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ Л.Ю. Бобровой за помощь в работе с коллекцией, ведущему художнику-реставратору ИАЭТ СО РАН О.Л. Швецу за консультации по первичной реставрации изделий из золотой фольги.

² Здесь и далее указан номер хранения в коллекции 61.

³ Раскопки С.В. Красниенко, Э.А. Севастьяновой, Г.Н. Курочкина, М.Н. Пшеницыной, А.С. Полякова, Е.Д. Паульса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартынов А.И., Бобров В.В. Серебряковский могильник. Кемерово, 1971. 132 с.
2. Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб. : Айсинг, 2011. 456 с.
3. Вадецкая Э.Б. Кара-Курген, Узун-Оба, Салбык, Большой Новоселовский (версии о курганах вождей тагарских племен) // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. Археологические изыскания. СПб., 1994. Вып. 18. С. 62–69.
4. Севастьянова Э.А. Новые данные по этнокультурным взаимосвязям в конце тагарской эпохи (материалы охранных раскопок 1973–1974 гг. на севере Хакасии) // Языки и топонимия. Томск, 1976. С. 119–122.
5. Курочкин Г.Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. Археологические изыскания. СПб., 1993. Вып. 7. 94 с.
6. Вадецкая Э.Б. Исследование коллективных могил позднетагарской культуры в верховьях Чулыма (раскопки кургана 2 у деревни Береш) // Археологические вести. СПб. : ИИМК РАН, 1995. Вып. 4. С. 96–122.

German Pavel V. The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russia). E-mail: lithos@mail.ru

TAGAR BURIAL VAULT WITH OBJECTS OF GOLDEN FOIL IN MARIINSK FOREST-STEPPE (MATERIALS FROM EXCAVATIONS OF 1969).

Keywords: Mariinsk forest-steppe; kurgan; Tagar culture; golden foil.

Work with museum collections of objects from past years excavations necessary for preparation of materials for publishing, taking specimens for tests and different kinds of precisions can sometimes lead to unexpected, sensational findings. Burial mound Serebriakovo I situated in Mariinsk forest-steppe (Tisul district, Kemerovo region) was examined in 1969 by the Kemerovo State Pedagogical Institute expedition under the direction of A.I. Martynov. 17 kurgans of the burial mound were excavated. According to the publication, in the

kurgan 12, many objects made from golden foil were found. Some representations given in the work did not give an idea about these objects. We examined this collection of golden foil in the holdings of the museum "Archaeology, Ethnology and Ecology of Siberia" of Kemerovo State University. After straightening and cleaning, some of fragments unclear before, showed distinctive outlines. Among them, there were some especially remarkable ones – a fantastic animal figurine (1 fragment) and feline figurines (14 fragments). Besides that, there were other recognizable objects: a pendant to an ear ring (1 fragment); relief rims for semi-spherical plate (11 fragments); a garland of triangles (3–5 fragments). In total 121 fragments of objects, and most of them were decoration elements for other objects (from bronze, wood, clay) or burial chamber hanging. Similar objects were found in elite complexes of Scythian Times in Sayan and Altai Mountains. Besides, bronze objects covered with golden foil are kept separately in the museum: a horseman's pick, two deer plates, two torcs and a fragment of an unknown object. The burial vault of the kurgan 12 was robbed and burnt in ancient time. Among the remained objects, there are small knives and daggers, shaft-hole and eye lug horseman's picks, disc-like mirrors with one loop and one medal-like one, a torch support with three goat figurines, a cap of a spear halt, three and four component semi-spherical plates. A lot of objects of ceramic ware were found in the burial mound (about 50 (?) vessels), a fragment of a wooden vessel and birch bark tussak. About 20 people were buried in the burial vault. According to the funeral rites and most of the tools, the kurgan 12 is of Lepeshkinsk (Late Saragashensk) type of Tagar culture sites – II–I centuries BC. Presence of a medal-like mirror allow to precise the date of Kurgan 12 – I century BC. The kurgan 12 of the burial mound Serebriakovo I is the only complex with many objects of golden foil in Mariinsk forest-steppe. This is the only place where golden feline figurines and a fantastic animal figurine have been found. This allows arguing about the unique character of the complex in the North-Western (forest-steppe) part of Tagar culture occurrence and exclusive status of the people buried there.

REFERENCES

1. Martynov, A.I. & Bobrov, V.V. (1971) *Serebryakovskiy mogil'nik* [The Serebryakovo burial]. Kemerovo: [s.n.].
2. Kuzmin, N.Yu. (2011) *Pogrebal'nye pamyatniki khunno-syan'biyskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya: Tesinskaya kul'tura* [The funerary monuments of the Hunno-Syanbi time in the steppes of the Middle Yenisei: Tesinskaya culture]. St. Petersburg: Aysing.
3. Vadetskaya, E.B. (1994) Kara-Kurgen, Uzun-Oba, Salbyk, Bol'shoy Novoselovskiy (versii o kurganakh vozhdoy tagarskikh plemen) [Kara-Kurgen, Uzun-Oba, Salbyk, Bolshoy Novoselovskiy (versions of the mounds of Tagar chiefs)]. In: *Elitnye kurgany stepey Evrazii v skifo-sarmatskuyu epokhu* [Elite mounds of Eurasian steppes in the Scythian-Sarmatian period]. St. Petersburg: RAS. pp. 62-69.
4. Sevastyanova, E.A. (1976) Novye dannye po etnokul'turnym vzaimosvyazyam v kontse tagarskoy epokhi (materialy okhrannykh raskopok 1973–1974 gg. na severe Khakasii) [New data on ethno-cultural relationships at the end of the Tagar era (materials of the salvage excavations of 1973–1974 in the north of Khakassia)]. In: *Yazyki i toponimiya* [Languages and toponymy]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 119-122.
5. Kurochkin, G.N. (1993) *Bogatye kurgany skifskoy znati na yuge Sibiri* [Rich mounds of the Scythian nobility in the south of Siberia]. St. Petersburg: RAS.
6. Vadetskaya, E.B. (1995) Excavations of the Late Tagar communal graves in the Upper Chulym Basin (Mound 2 at Beresh)]. *Arkheologicheskie vesti – Archeological News*. 4. pp. 96-122. (In Russian).

А.П. Бородовский

К ВОПРОСУ О ПОЗДНЕРИМСКОМ «ИМПОРТЕ» И ЕГО РЕПЛИКАХ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕЙ ОБИ

*Статья написана в рамках научного проекта № 8.1.19. 2016,
выполненного при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.*

Позднеримское культурное наследие имеет одно из ключевых значений для формирования транскультурного предметного комплекса Евразии первой половины I тыс. н.э. Масштабы такого влияния особенно отчетливо ощущаются далеко за пределами «римского мира», включая юг Западной Сибири. Одним из таких регионов является территория Верхней Оби. Целый ряд археологических материалов позволяет поставить вопрос об опосредованном присутствии на этой территории реплик изделий «римского круга» (поясные пряжки, полихромные украшения, утварь), включая сопроводительный инвентарь элитарных погребальных комплексов (Ивановка-6).

Ключевые слова: позднеримский импорт; реплики; Верхняя Обь.

Предметы импорта в вещевом комплексе играют ключевую роль при определении хронологии, а также векторов и характера взаимодействия различных культурных традиций. На территории Верхней Оби достаточно давно выявлен представительный корпус источников, включающий античную нумизматику [1. С. 360–363], ювелирные полихромные украшения, поясную фурнитуру и утварь, относящийся к началу второй половины I тыс. н.э. Особый интерес вызывают предметы, имеющие определенные параллели с позднеримскими образцами, возможно, представляющими опосредованный «импорт» в местную среду с последующей адаптацией в ней.

В качестве одного из примеров можно привести поясные пряжки как одну из наиболее динамично развивающихся категорий предметного комплекса, активно подверженного внешним заимствованиям. На сопредельной территории Северного Алтая (Майма-VII, Чултуков Лог-1) [2. С. 217. Рис. 124, 2, 7] выявлены аналогии железных пряжек позднеримских провинциальных форм с подвижным язычком, входивших первоначально в состав экипировки легионеров [3. С. 162]. Значение этих изделий учитывается при разработке современной классификации и типологии пряжек кочевников Алтая хуннского времени [4. С. 146].

Среди других примеров, прямо или косвенно демонстрирующих «позднеримские традиции», можно привести полихромные ювелирные изделия с кабошонами (рис. 1, 1, 2). В целом ряде могильников на севере Верхнего Приобья (Тимирязево-1, Крохалевка-16, Крохалевка-23, Ераска) [5. С. 90; 6. С. 117–119; 7. С. 77–80; 8. С. 222, рис. 155, 1] обнаружены бронзовые и серебряные медальоны с ложной зернью и вставками из полудрагоценных камней, восходящие к римским прототипам еще начала I тыс. н.э. (рис. 1, 1). Однако при этом кабошоны на предметах такого стиля из Горного Алтая (Аржан-Бугузун), из-

готовленные из полудрагоценных камней, происходящих из Монголии, скорее всего, производились в Центральной Азии [9. С. 31]. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что для «восточных» изделий полихромного стиля характерна явная неоднородность, что проявляется в стилистике их оформления. Например, для полихромных украшений восточного происхождения типично отсутствие орнаментальных комбинаций из треугольников, выложенных зернью [10. С. 16–24]. Тем не менее именно эта особенность присуща для серебряного предмета из Ивановки-6 [11. С. 573]. Ближайшей территориальной аналогией этого полихромного изделия является золотое украшение с сердоликовой вставкой из Тугозвоновского комплекса на р. Чарыш [12. Рис. 23]. По краям изделия также располагались на гофрированных цилиндрических трубочках пирамидки из зерни.

Пальчатая подвеска-фибула из Ивановки-6 с гранатовым кабошоном (рис. 1, 2), соотносится с изделиями из Центральной Азии, а также первой группой предметов полихромного стиля, типичного для Северного Причерноморья [13. С. 59]. Треугольники на украшениях разной величины выложены различным количеством зерни – от 3, 6 до 21, зернинки диаметром 0,3 мм. Для сравнения: у Тугозвоновского комплекса полихромных изделий характерно сочетание зернинок в треугольниках в несколько другой пропорции – от 3, 10 до 15. В целом на украшениях с кабошоном Ивановки-6 компоновка зерни в орнаменте «укладывается» в интервал от 15 до 55 зернинок. Такая особенность, по мнению И.П. Засецкой, для украшений полихромного стиля не встречается западнее г. Варны в Болгарии и с. Бэлтень в Румынии, что фактически совпадает с западными пределами варварского мира первой половины I тыс. н.э., когда он вступает в тесные и разноплановые контакты с позднеримской культурой.

Рис. 1. Пальчатая подвеска-фибула из Ивановки-6

Опосредованные «поздне римские влияния» нашли косвенное отражение в местной керамике Верхнего Приобья (рис. 1, 3–6). Широко известное в Восточной Европе сетчатое «рейнское» стекло [14. С. 522] (рис. 1, 7) и стеклянные кубки (Айсингс 44) [15. С. 80] (рис. 1, 9) на территории Верхней Оби имитировались в глине [11. S. 573, 577]. Подобная форма посуды и ее условно переданный орнамент эпизодически встречаются в материалах нескольких памятников от г. Томска (Тимирязевский курганный могильник-1), г. Новосибирска (могильник Ивановка-6) и до г. Бийска (второе Бийское городище) [16. С. 220], включая элитарные захоронения [11. S. 573, 577]. Немногочисленность этих глиняных реплик престижной стеклянной посуды на юге Западной Сибири не может являться основанием для их игнорирования. Поскольку и на территории Восточной Европы такие предметы крайне редки, но достаточно важны для датировки «волн» римского импорта в пределах рубежа III–IV вв. н.э., второй половины IV–V в. н.э. [15. С. 80–81].

Такая утварь, безусловно, относится к разряду статусных вещей, высокотехнологичных предметов. Это в первую очередь касается стеклянных кубков, изготов-

ленных в очень сложной технике сетчатого стекла. Производство такой утвари велось только в одной стеклодувной мастерской на Рейне, где были изготовлены лишь немногочисленные экземпляры этих предметов. В свою очередь, эксклюзивность изделий достаточно часто становилась «предметом» феномена моды как общекультурного явления. При этом социальный престиж на примере как отдельных вещей, так и моды в целом чаще всего проявлялся в «соотносительности оценки». В исторических условиях эпохи Великого переселения народов и Раннего Средневековья, связанных с очередным этапом становления ранней государственности, сравнения служили одним из важнейших средств оценивания для индивидов, социальных групп и обществ. На фоне прямого или опосредованного взаимодействия с главными культурными центрами своего времени это не могло не приводить к заимствованиям, особенно в элитарной среде «варварских обществ». Такие качества в полной мере свойственны и приему имитации, воплощающему знаковые предметы в более доступных и широко распространенных материалах.

Анализ предметного комплекса, связанного с римским импортом у сармат Северного Причерноморья,

демонстрирует несколько закономерностей [15. С. 158–160]. Во-первых, он формируется на протяжении определенного временного отрезка. Во-вторых, отчетливо прослеживается несколько различных «волн» импорта. В-третьих, очередная «порция» импорта обусловлена какими-то историческими событиями и может иметь определенную «этническую принадлежность». В-четвертых, общий комплект предметного комплекса, как правило, представлен определенной группой вещей (вооружением, украшениями, утварью, нумизматикой). В-пятых, в рамках предметного комплекса каждой из «волн» импорта представлены маркирующие предметы.

Однако, учитывая значительную удаленность и крайнюю опосредованность «контактов» Верхнего Приобья с позднеримским миром, вряд ли стоит рассчитывать на полный «список» указанных выше особенностей. Тем не менее ряд факторов, характерных для проникновения на сопредельные территории «римского импорта», вполне отчетливо представлены и для этого региона. Во-первых, несмотря на территориальный фактор, в Верхнем Приобье достаточно отчетливо представлены одни из основных категорий предметного комплекса, характерного для любого импорта, включающие украшения, поясную фурнитуру и посуду. Во-вторых, стилистические особенности некоторых из этих предметов либо соответствуют орнаментально-технологическим особенностям полихромных украшений из драгоценных металлов, характерных для восточных территорий интенсивных контактов римского и варварского миров, или являются достаточно точными репликами как формы, так и декора престижных римских изделий с широким территориальным распространением (Ивановка-6). В-третьих, общий предметный комплекс изделий, прямо или косвенно связанный с «римскими прототипами», соответствует заключительному периоду непосредственного влияния «римского мира» на его варварское окружение уже в эпоху великого переселения народов.

В это время по берегам р. Оби проживали носители верхнеобской археологической культуры, выделенной в 50-е гг. XX в. М.П. Грязновым. Этническая принадлежность этой культурно-территориальной общности пока не получила у исследователей однозначного толкования. В частности, древнее население верхнеобской культуры рассматривается в литературе как угорское, самодийское, угро-самодийское и угро-кыпчакское. Территория, занятая верхнеобской культурой, простиралась от окрестностей современного г. Новосибирска на севере до г. Бийска на юге, включая Северный Алтай. Отдельные находки погребений и вещей верхнеобского облика встречаются еще шире и захватывают некоторые районы горного Алтая, маркируя тем самым региональные контакты этой культуры. Не менее интересны случаи аналогий предметам и деталям погребальных обрядов (захоронения без черепов, повреждение конской упряжи огнем и т.д.) эпохи Раннего Средневековья на Верхней Оби с археологическими матери-

алами авар в Центральной Европе [17. С. 57; 18. С. 324]. Более того, ранний этап существования верхнеобской культуры совпадает по времени с появлением в Верхнем Приобье, как и по всей Евразии, богатых воинских погребений эпохи великого переселения народов. Особое место занимает княжеское захоронение у с. Тугозвонovo, описанное в свое время А.П. Уманским [12. С. 129–163].

Особенно интересна территориальная близость античной нумизматической выборки из Усть-Чарышской пристани с Тугозвоновским княжеским погребением, находящимся фактически на одной и той же реке с находками монет. Показательно и определенное хронологическое соответствие этих комплексов, особенно 1-й группы монет с. Чарыша. Они отчеканены в Северном Причерноморье, тесно связанным с сармато-аланским миром, в том числе и на его восточной периферии. В этой связи следует отметить и наличие вероятных связей с Северным Причерноморьем у ранее упоминавшейся серебряной подвески-фибулы с гранатовым кабошоном из Ивановки-6.

Наличие импортных изделий и их реплик в той или иной культурной традиции во многом обусловлено несколькими факторами. Среди них важную роль играет как местный экономический потенциал, так и территориальная близость к существующей и хорошо налаженной логистической структуре торгово-обменной и посреднической деятельности. Экономический потенциал носителей верхнеобской культуры в эпоху Раннего Средневековья был достаточно значителен. В пользу этого свидетельствует то, что в Новосибирском Приобье сформировался местный очаг пойменного земледелия [19], существенно отличающийся от орошаемого земледелия средневековой Хакасии.

Для Сибири такое своеобразие хозяйства предполагает мощную экономическую и культурную основу общества, что позволяет ему длительное время сохранять свою самостоятельность и самобытность и обеспечивает потенциалом для интеграции со своим окружением. Соседство Верхнего Приобья с «киргизским» шелковым путем [20. С. 8] обусловило проникновение и на эту территорию изделий (Крохалевка-13, Соколово-16) из импортного шелка-сырца (определения доктора исторических наук Т.Н. Глушковой). В Византии, прямой наследнице римской культуры, такой материал был известен как метакса [21. С. 71].

Наряду с этими импортными тканями и вещами могли циркулировать по направлению «Восток–Запад» как оригинальные изделия, так и их реплики, связанные с позднеримской традицией. Не менее важно и то, что в заключительный период эпохи Великого переселения народов типично западносибирские украшения появились далеко на западе, включая Центральную Европу.

В качестве одного из таких примеров можно привести серьги в виде знака вопроса с витым стержнем из бронзовой проволоки. Сохранение деревянного формо-

вочного стержня в бронзовой проволоочной серьге из Ивановки-6 однозначно свидетельствует о ее местном производстве. Любопытно, что местный характер этих украшений связан с традициями, восходящими еще к эпохе раннего железа. Древние прототипы этих изделий представлены в материалах культур Обь-Иртышья (большереченской – Милованово-2 и саргатской – Исаковка-3) с вероятной угорской этнической принадлежностью.

Предлагаемая Д.Г. Савиновым этническая атрибуция серег с витым стержнем в виде знака вопроса как черта раннесредневековой культуры кыпчаков не исключает влияния угорского компонента на бытование этого украшения. В эпоху Раннего Средневековья эти украшения получают широкое распространение от верховьев Оби до Центральной Европы (Словакии) [22]. При этом в основном они присутствуют в предметном комплексе замков как социально-значимых комплексов, в археологических материалах которых наиболее вероятно наличие импортных и этнокультурных изделий.

Однако если на западе такие серьги единичны и территориально разрозненны, то на востоке, в Верхнем Приобье, они локализируются достаточно компактно (Ближние Елбаны-3, Ивановка-6). Кроме того, здесь подобные украшения имеют самые ранние датировки (не позднее VII в.) в сравнении с Центральной Европой. В этой связи уместно вспомнить, что, в свою очередь, одна из «волн» римского импорта на восточные территории имела как раз центрально-европейский «словацкий» импульс [15. С. 158].

В целом римское культурное наследие имеет одно из ключевых значений для формирования транскультурно-

го предметного комплекса Евразии первой половины I тыс. н.э. При этом масштабы такого влияния особенно отчетливо ощущаются не только на фронтире «римского мира», но и далеко за его пределами, на востоке, включая юг Западной Сибири. Одним из таких регионов является территория Верхней Оби. На этой территории отсутствовала традиция широкого и непрерывного бытования предметов «римского» происхождения. Кроме того, для нее характерно полное отсутствие прямых контактов с носителями позднееримской провинциальной культуры и значительного количества импорта, непосредственно связанного с римским происхождением.

Тем не менее целый ряд археологических материалов позволяет поставить вопрос об опосредованном присутствии здесь реплик изделий «римского круга» (поясных пряжек, полихромных украшений и утвари). В рамках этой предметной среды особый интерес вызывают изделия, имеющие определенные параллели с позднееримскими образцами, возможно, представляющими опосредованный «импорт» в местную среду с последующей интеграцией в неё.

Последняя особенность явно связана с процессами активной адаптации инокультурных, престижных компонентов в местную среду. Реплики «позднееримского» предметного комплекса Верхнего Приобья, скорее всего, восходят к образцам изделий третьей группы римского импорта второй половины II – первой половины III в. н.э. в сарматскую культурную среду Восточной Европы. Присутствие этих вещей в элитарных верхнеобских захоронениях середины I тыс. н.э. (Ивановка-6) во многом обусловлено архаизмом их сопроводительного инвентаря, а также высоким статусом предметов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киселев С.В. Находка античных и византийских монет на Алтае // Вестник Древней истории. 1940. № 3–4. С. 330–363.
2. Бородавский А.П., Бородавская Е.Л. Археологические памятники горной долины нижней Катунки в эпоху палеометалла. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 220 с.
3. Труфанов А.А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // Российская археология. 2004. № 3. С. 160–170.
4. Матренин С.С., Тишкин А.А. Поясные пряжки кочевников Алтая хуннского времени: классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2015. № 3 (87). Т. 2. С. 143–152.
5. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. Томск, 1983. 244 с.
6. Троицкая Т.Н., Новиков А.А. Кохалевка-23 – памятник одиновского этапа верхнеобской культуры // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск, 1992. С. 116–119.
7. Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77–80.
8. Сумин В.А., Ефтеева Е.М., Ануфриев Д.Е., Росляков С.Г. Археологические памятники Коченевского района Новосибирской области // Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Новосибирск, 2013. Вып. 9. 272 с.
9. Кубарев Г.В. Уздечный набор в полихромном стиле из памятника Аржан-Бугузун (Юго-Восточный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул, 2010. С. 27–31.
10. Засецкая И.П. Классификация полихромных украшений гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982. С. 14–30.
11. Borodovskij A.P. Frühmittelalterliche Prunkbestattungen von Kindern am oberen Ob', Sibirien // Eurasia Antiqua. Berlin, 2001. Band 7. S. 569–584.
12. Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.
13. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994. 224 с.
14. Словарь Античности. М. : Эллис Лак, Прогресс, 1994. 704 с.
15. Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб. : Нестор-история, 2011. 154 с.
16. Казаков А.А., Кунгуров А.Л. Комплекс городищ около Бийска // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 219–231.
17. Археология Венгрии: Конец II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 1986. 350 с.
18. Эрдели И. Исчезнувшие народы. Авары // Природа. 1982. № 11. С. 50–58.
19. Бородавский А.П. Пойменное земледелие и расположение археологических памятников (по материалам исследований Обской поймы у р.п. Колывань) // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1994. С. 20–24.

20. Лубо-Лесниченко Е.И. «Уйгурский» и «киргизский» пути в Центральной Азии // Культура и искусство народов Востока. Л., 1989. Т. XXVII, вып. 9. С. 4–9.
21. Даркевич В.П. Византия и Восток // Советская археология. 1991. № 3. С. 69–83.
22. Бородовский А.П. Проблемы этнотерриториальной интерпретации некоторых раннесредневековых украшений Верхней Оби // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири // Тезисы докладов X Западносибирского археолого-этнографического совещания памяти В.Н. Чернецова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 29–31.

Borodovskiy Andrew P. Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: altaicenter2011@gmail.com

ON THE LATE ROMAN "IMPORT" AND ITS REPLICAS ON THE TERRITORY OF THE UPPER OB REGION.

Keywords: late Roman import; replicas; the Upper Ob.

The import items play the key role in the object complex by determining the chronology and vectors of interaction of various cultural traditions. On the territory of the Upper Ob region, one identified a representative set of sources including the antique numismatics, polychromic jewels, belt accessories and utensils referred to the second half of 1000 AD. One of such examples includes polychromic jewels with cabochons (Timiryazevo-1, Krokhavevka-16, Krokhavevka-23, Eraska, Ivanovka-6) dating back to the Roman prototypes of the beginning of 1000 AD. The mediated “late Roman effects” were indirectly reflected in the local ceramics of the Upper Ob region. The Rhenish reticular glass and glass cups, which were wide-spread in Eastern Europe (Icing 44), were imitated in clay on the territory of the Upper Ob region. Such a form of dishes and its conditionally transferred ornament are occasionally presented in the materials of several archeological monuments from Tomsk (Timiryazevo-1), Novosibirsk (Ivanovka-6) to Biisk (Biisk ancient settlements). On the whole, the Roman cultural heritage plays one of the key roles in forming a trans-cultural object set of Eurasia of the first half of 1000 AD. In this case, the scope of such an impact is especially clearly perceived far beyond the limits of the “Roman world”, including the south of Western Siberia. One of such regions is the territory of the Upper Ob region. On this territory, there was no tradition of any wide and continuous presence of objects of the “Roman” origin. Besides, it is characterized by complete absence of any direct contacts with the bearers of the late Roman provincial culture and a considerable volume of imported goods directly related to the Roman origin. Nevertheless, an entire set of archeological materials allows putting forward a question of mediated presence of the “samples” of the “Roman circle” objects (belt buckles, polychromic jewels) and their replicas in the local ceramics. Within the framework of this object environment, a special interest is evoked by items possessing certain parallels with the late Roman samples. They may represent the mediated “import” to the local environment, including subsequent adaptation in it. The latter is clearly determined by the processes of active integration of foreign, prestigious components into the local environment. The replicas of the “late Roman” object set of the Upper Ob region are likely to date back to the samples of those objects included into the third group of the Roman import of the second half of the 2nd century – first half of the 3rd century AD to the Sarmatian cultural environment. The presence of these objects in the elite Upper Ob graves of the middle of 1000 AD are mostly determined by archaism of their accompanying inventory.

REFERENCES

1. Kiselev, S.V. (1940) Nakhodka antichnykh i vizantiyskikh monet na Altae [The find of Ancient and Byzantine coins in the Altai]. *Vestnik Drevney istorii – Journal of Ancient History*. 3-4. pp. 330-363.
2. Borodovskiy, A.P. & Borodovskaya, E.L. (2013) *Arkheologicheskie pamyatniki gornoy doliny nizhney Katuni v epokhu paleometalla* [Archaeological sites of the mountain valley of the Nizhnyaya Katun in the Paleometal Age]. Novosibirsk: IAE SB RAS.
3. Trufanov, A.A. (2004) Early roman provincial buckles in the North Pontic Zone. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 3. pp. 160-170. (In Russian).
4. Matrenin, S.S. & Tishkin, A.A. (2015) Belt Buckles Used by the Altai Nomads in the Xiongnu Period: Classification and Typology. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiya – The News of Altai State University. Historical Sciences and Archeology*. 3(87). pp. 143-152. (In Russian).
5. Belikova, O.B. & Pletneva, L.M. (1983) *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv.* [Monuments in Tomsk Ob Region of the 5th – 8th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Troitskaya, T.N. & Novikov, A.A. (1992) Kokhavevka-23 – pamyatnik odintsovskogo etapa verkhneobskoy kul'tury [Kokhavevka-23 – a cultural monument of the Odintsovo stage of the Upper Ob culture]. In: *Etnicheskaya istoriya tyurkskikh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy (po dannym arkheologii)* [The ethnic history of the Turkic peoples of Siberia and adjacent territories (the archeological data)]. Omsk: Omsk State University. pp. 116-119.
7. Egorov, Ya.V. (1993) Novoe issledovanie pogrebeniya voina epokhi velikogo pereseleniya narodov na Altae [A new study of the warrior's burial era of the great migration of peoples in the Altai]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Kul'tura drevnikh narodov yuzhnoy Sibiri* [The culture of the ancient peoples of southern Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 77-80.
8. Sumin, V.A., Efteeva, E.M., Anufriev, D.E. & Roslyakov, S.G. (2013) Arkheologicheskie pamyatniki Kochenevskogo rayona Novosibirskoy oblasti [The archaeological sites of Kochenevsk District of Novosibirsk Region]. In: Borodovskiy, A.P. (ed.) *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury narodov Rossii* [The collection of historical and cultural monuments of Russia's peoples]. Novosibirsk: Nauka.
9. Kubarev, G.V. (2010) Uzdechnyy nabor v polikhromnom stile iz pamyatnika Arzhan-Buguzun (Yugo-Vostochnyy Altay) [The bridle set in the polychrome style from the Argens Buguzun monument (the South-Eastern Altai)]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Torevika v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Evrazii* [Toreutics in Eurasian Ancient and Medieval Cultures]. Barnaul: Azbuka. pp. 27-31.
10. Zasetskaya, I.P. (1982) Klassifikatsiya polikhromnykh ukrasheniy gunnskey epokhi po stilisticheskim dannym [The classification of polychrome decoration of the Hunnic era by the stylistic data]. In: Gatsak, V.M. (ed.) *Drevnosti epokhi velikogo pereseleniya narodov V–VIII vv.* [Antiquities of the era of the great migration of peoples of the 5th–8th centuries]. Moscow: Nauka. pp. 14-30.
11. Borodovskiy, A.P. (2001) Fruhmittelalterliche Prunkbestattungen von Kindern am oberen Ob', Sibirien [The early medieval pageantry of the child burials at the Upper Ob, Siberia]. *Eurasia Antiqua*. 7. pp. 569-584.
12. Umanskiy, A.P. (1978) Pogrebenie epokhi “Velikogo pereseleniya narodov” na Charyshe [The burial of the era of “Great Migration” on Charysh]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ancient cultures of the Altai and Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 129-163.
13. Zasetskaya, I.P. (1994) *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskey epokhu (konets IV–V vv.)* [The nomadic culture in the southern Russian steppes during the Hun era (the late 4th – 5th centuries)]. St. Petersburg: Ellips.
14. Kuzishchin, V.I. (ed.) (1994) *Slovar' antichnosti* [The Dictionary of Antiquity]. Moscow: Ellis Lak, Progress.
15. Simonenko, A.V. (2011) *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* [The Roman imports from the Sarmatian Pontic Zone]. St. Petersburg: Nestor-istoriya.

16. Kazakov, A.A. & Kungurov, A.L. (1993) Kompleks gorodishch okolo Biyska [The complex of fortifications around Biysk]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Kul'tura narodov evraziyskikh stepey v drevnosti* [The culture of the peoples of the Eurasian steppes in Ancient times]. Barnaul: Altai State University. pp. 219-231.
17. Titov, V.S. (ed.) (1986) *Arkheologiya Vengrii: Konets II tys. do n.e. – I tys. n.e.* [The archaeology of Hungary: The late 2nd century BC – the 1st century BC]. Moscow: Nauka.
18. Erdeli, I. (1982) Ischeznuvshie narody. Avary [The lost people. Avars]. *Priroda*. 11. pp. 50-58.
19. Borodovskiy, A.P. (1994) Poymennoe zemledelie i raspolozhenie arkheologicheskikh pamyatnikov (po materialam issledovaniy Obskoy poymy u r.p. Kolyvan') [The floodplain agriculture and the location of archaeological sites (based on research from the Ob floodplain near the Kolyvan)]. In: Tikhonov, S.S. (ed.) *Arkheologicheskie mikrorayony Zapadnoy Sibiri* [Archaeological districts of Western Siberia]. Omsk: Omsk State University. pp. 20-24.
20. Lubo-Lesnichenko, E.I. (1989) "Uygurskiy" i "kirgizskiy" puti v Tsentral'noy Azii [The "Uighur" and "Kyrgyz" ways in Central Asia]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. 27. pp. 4-9.
21. Darkevich, V.P. (1991) Vizantiya i Vostok [Byzantium and the East]. *Sovetskaya arkheologiya*. 3. pp. 69-83.
22. Borodovskiy, A.P. (1995) [The problems of ethno-territorial interpretation of some early medieval ornaments of the Upper Ob]. *Metodika kompleksnykh issledovaniy kul'tur i narodov Zapadnoy Sibiri* [Methodology of complex studies of cultures and peoples of Western Siberia]. Proc. of the Tenth Western Siberian Archeological and Ethnographic Meeting. Tomsk: Tomsk State University. pp. 29-31. (In Russian).

Н.П. Матвеева, Т.А. Алиева

**БАШНИ В ФОРТИФИКАЦИОННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
(САРГАТСКАЯ КУЛЬТУРА)**

Рассмотрены оборонительные сооружения Старо-Лыбаевского городища-1 близ Заводоуковска в Среднем Притоболье. Оно сооружено на останце террасы, имело пятиугольную форму, размеры 75х65 м, систему защиты вал-ров с двумя проездами. Площадка использовалась для обитания в раннем железном веке дважды. Первоначально была поставлена только деревянная ограда с наземными сторожевыми башнями размером 2,6х2,6 м. После пожара защитная линия была восстановлена в несколько усиленном виде – с башней размером 2,8х2,8 м, установленной в неглубокий котлован для устойчивости (вероятно, сделана выше), а также был вырыт ров. Датировка этого периода обитания – III–II вв. до н.э. Полагаем, что башни были срубными и использовались как дозорные вышки. Больших земляных работ не производилось из-за рельефа местности, который давал перепад высот в 2 м, а с учетом высоты деревянной стены и глубины рва обеспечивал 3,5–4-метровый рубеж обороны, типичный для саргатской культуры. Использовались ли описываемые сооружения для защиты от неприятеля, мы не установили, так как в следах пожара не было предметов вооружения.

Ключевые слова: археология; ранний железный век; саргатская культура; бревенчатые сторожевые башни.

Оборонительному зодчеству населения раннего железного века Западной Сибири посвящен ряд работ [1–8]. Однако поскольку из-за большой трудоемкости работ валы и рвы городищ исследовались преимущественно рекогносцировочными раскопками на малых площадях, то обсуждение характера и мощности укреплений велось в основном по вопросам реконструкции способов их строительства, высоты стен, устройства проездов и ворот, а также их использования в контексте палеоэкономического анализа [4; 9–10]. Такие сюжеты, как способ обстрела из-за стены и организация дозорной службы, мало изучены. В частности, М.К. Хабдулиной, по данным городища Актау, предложена замкнутая система частоколов, поставленных на тарасы с лабиринтной системой ворот. Обстрел осаждающих, по ее мнению, должен был вестись со стрелковой галереи, проложенной как перекрытие тарасов, вдоль частокола с бойницами, на высоте кровли соседних домов [1. С. 36–37].

В.Е. Стоянов обратил внимание на возникновение бастионов и барбаканов в раннем железном веке применительно к изучению топопланов городищ гороховской культуры, однако на тот момент ни один объект не был раскопан [11], в дальнейшем появились новые наблюдения по этой теме, расширившие круг источников территориально и хронологически – до начального периода раннего железного века в Приишимье по данным Лихачевского городища баитовской культуры [12]. В данном исследовании мы хотим вновь обратиться к вопросу об организации оборонительных действий защитников городищ по материалам раскопок памятника Старо-Лыбаевское-1.

Старо-Лыбаевское-1 городище является опорным памятником для изучения железного века, оно содержит стратифицированные материалы баитовской, саргатской и бакальской культур, население которых последовательно обитало на высоком останце левого берега р. Тобол в его Среднем течении [13]. Фортифика-

ции визуально состояли из одной линии рва и вала замкнутой пятиугольной формы с двумя проездами.

При рекогносцировочных раскопках оборонительной линии Старо-Лыбаевского-1 городища на северо-западном углу его, на стороне, обращенной к водной преграде (старице) и противоположной въезду, в 2015 г. нами были выявлены три разновременных рва: ров 2 – ранний, был узким – 1,45–1,5 м и углублен до уровня 370–384 см; ров 1, поздний, был широким (около 3,2 м по верху и 2,5 м по дну) и мелким – проходил поверх раннего; ров 3 – это следы подновления рва 1, канавка шириной 1,2 м, глубиной 0,15–0,2 м в материке. Два последних рва относятся к Средневековью. Внутри тела вала обнаружили следы подсыпок и остатки разновременных башен.

Сначала была обнаружена относительно поздняя постройка, потом ей предшествовавшая. Остатки сгоревшей постройки 2 (рис. 1, а) зафиксированы на фоне самого нижнего слоя в стратиграфии вала – светлого серо-коричневого песка. По расположению вытянутых от 0,4 до 1 м пятен черного цвета от горелой древесины шириной 0,15–0,2 м можно заключить, что форма была прямоугольная, ширина составляла около 2,6 м. Небольшая узкая линза выброса из раннего рва примыкала к сгоревшей конструкции сооружения, ее размеры составили 0,75х0,1 м. Ниже зарегистрированы слои насыпи вала с включениями золы и прокалов от пожара на этом месте. Еще на 40 см ниже тело вала из светлого серо-коричневого песка является предматериковым слоем и заполняет слабое углубление – около 0,2 м – котлован для фундамента башни 2 (рис. 1, б), поверх его заполнения обнаружена линза желтого выброса от раннего эпизода в строительстве рва. Скорее всего, жители городища разравнивали остатки сгоревшей башни 2 по поверхности.

В руинах башни 2 были находки только раннего железного века: обломки баитовских и саргатских горшков, а также бусина из голубого стекла с глазча-

тым орнаментом. Со стороны площадки городища на материке читается ряд ям от столбов, связанных с конструкцией оборонительной линии близ башни 2. По поздним вещам относим строение к саргатской культуре.

На 50–60 см глубже и в 3 м западнее от остатков башни 2 в материке обнаружился мешанный с оранжевым светло-серый золистый слой, который по периметру очерчивала полоска древесного тлена и угля. Причем контуры его имели правильную квадратную форму размером 2,6х2,6 м. Складывается впечатление, что это остатки самой ранней постройки 1 (башня 1), вокруг них к северу и югу также видны полосы пожарища, так что, видимо, она была вписана в линию бревенчатой стены меридионального направления (рис. 1, в). Обращает на себя внимание отсутствие хозяйственных ям и котлованов жилищ на протяжении 6 м от башни 1 до восточного борта раскопа. Из этого следует, что изначально здесь были какие-то укрепления.

Сверив планиграфические наблюдения со стратиграфией, мы можем констатировать, что сначала сгорела башня 1. На ее пепелище сверху лег полосой выброс из

рва, зафиксированный на глубинах 155–165 см. Находок здесь не было, но поскольку выше залегали находки только раннего железного века, это та же эпоха. Следы другой башни 2 перекрыты горизонтальным выбросом песка на глубине 120–130 см. Выброс этого же происхождения зафиксирован в северном борту раскопа, лежащем почти горизонтально. В южном борту такой же выброс лежит с прогибом, спускаясь в заполнение башни 2 из однородного светлого серо-коричневого слоя, глубина фиксации его здесь 130–140 см.

Саргатская культура так же имеет широкий хронологический диапазон существования, но если принять во внимание находку бусины, то датировку этого комплекса можно сузить до III–II вв. до н.э.

Относительную хронологическую позицию рва 2 реконструируем умозрительно, поскольку на дне его нет находок, но виден песчаный выброс узкой лентой на глубине 115–165 см, сделанный оттуда и одновременный башне 2. В следах золы в подошве вала есть бакальские черепки, т.е. разровняли руины предшествующего времени, видимо, насельники Раннего Средневековья.

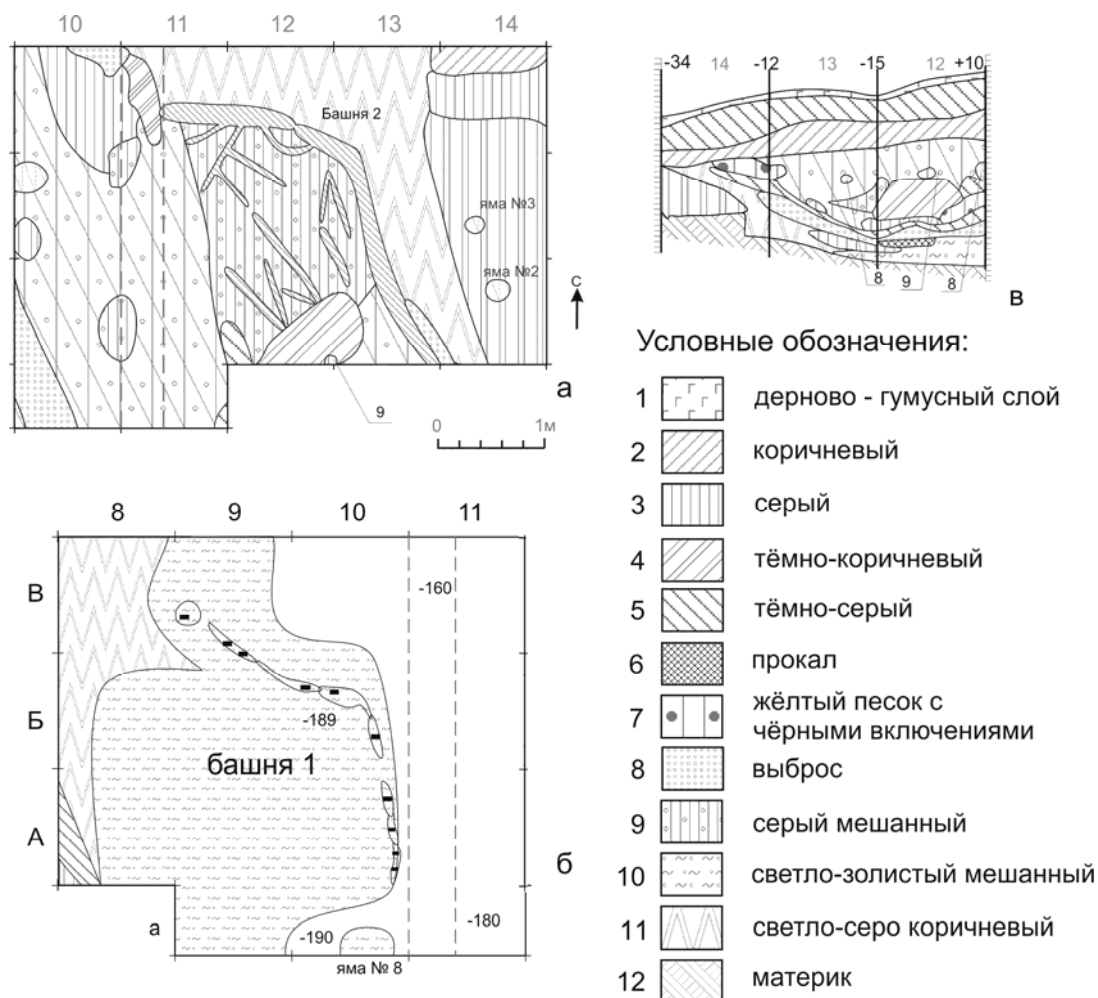

Рис. 1. Остатки башен в раскопе на оборонительных сооружениях Старо-Лыбаевского-1 городища

Таким образом, последовательное строительство двух башен почти на одном и том же месте следует относить к раннему железному веку, так как по стратиграфическим разрезам видно, что более поздний средневековый вал накрывает остатки башни 2 со следами горелого дерева в квадратах 11–13. Башня 1 была сооружена на участке квадратов 8–10 тогда, когда ранний вал еще не насыпали. Эту сгоревшую постройку, т.е. квадратную линзу мешаного с оранжевым светло-серого золистого слоя, засыпали светлым серо-коричневым валом также в раннем железном веке. Башня 1, судя по планиграфии на глубине 190 см, частично и симметрично выступала за линию стен, поэтому считать ее просто вышкой нет оснований.

Итак, квадратные постройки на валу оставлены саргатским населением. Поскольку никаких ям от столбов под ними не прослежено, а только зола и остатки горелого дерева, то предполагаем их срубную конструкцию. Башни в оборонительной традиции этой культуры практически не изучены, но упоминания о них в литературе имеются. Так, на городище Батаково-ХІХ в Омской области обнаружено две башни, но они не раскапывались [10. С. 46]. В других культурах раннего железного века Западной Сибири они также известны. На иткульском Зотинском городище-2 изучена башня на стыке двух стен, а также на Алтен-Тау в Приуралье [3. С. 79, 90]. Доказано укрепление въездных ворот симметричными башнями в лесостепной зоне Приишимья анализом баитовских материалов Лихачевского городища. Причем там южная башня была существенно углублена в материк и имеет размеры 3,2х3,2 м [12. С. 57], одна из стадий ее перестройки представлена сооружением в котловане 2,8х2,8 м глубиной 0,7 м,

что довольно близко зарегистрированным нами размерам.

В средневековый период башни и вышки в оборонительном зодчестве населения Западной Сибири использовались более широко. Постройка, могущая трактоваться как наблюдательная вышка, открыта на Криволукском городище [14. С. 110]. Городище Ласточкино гнездо-1 в Нижнем Приишимье имеет две башни, одна из которых исследована. Ее остатки представляли собой горелые жерди и бревна толщиной 15 см, расположенные параллельно и перпендикулярно линии вала, с фрагментами прокаленной обмазки и глиняного крошева. Реконструирована башня как срубная с глиняной обмазкой [15. С. 71].

Полагаем, что в раннем железном веке башни являлись обязательным элементом фортификации даже самых небольших по площади городищ (100х90 м, 100х150 м и т.п.). Они встраивались в линию стены на ее повороте либо приставлялись к углу стены изнутри укрепления и использовались как сторожевые вышки для целей дозорной службы и обстрела всей прилегающей наружной и, в случае необходимости, жилой площадок. Для ликвидации «мертвых зон» при обстреле необходимы были как минимум две диагонально расположенные вышки либо надвратная башня (парные привратные башни). Предполагаем, что при дальнейшем изучении памятников саргатской культуры таковые будут обнаружены, поскольку традиция их строительства в предшествующий саргатскому период уже существовала. Установка вышек в небольшой котлован, тогда как для фундамента стены углубления не было сделано, как нам кажется, указывает на то, что они по высоте значительно превышали линию стен и строились первыми в ходе мероприятий по укреплению поселения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алма-Аты : Гылым, 1994. 170 с.
2. Борзунов В.А., Новиченков Н.Н. Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск : УрГУ, 1988. С. 88–102.
3. Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // Российская археология. 2002. № 3. С. 79–97.
4. Матвеева Н.П. Фортификационное строительство у населения саргатской культуры: социальный аспект // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье) : материалы Всерос. конф. Кемерово : КеМГУ, 2003. С. 91–95.
5. Матвеева Н.П. Фортификации саргатской культуры (по материалам Рафайловского городища) // Российская археология. 2005. № 3. С. 25–35.
6. Берлина С.В. Реконструкция трудозатрат на сооружение оборонительных линий Коловского городища // Источники по истории Сибири : материалы регион. научной конф. Сургут, 2003. Ч. I. С. 66–71.
7. Берлина С.В. Реконструкция типов фортификационных сооружений и их оборонительных возможностей // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. : ИА РАН, 2008. Т. 2. С. 152–154.
8. Берлина С.В. Жилая и оборонительная архитектура населения западносибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 18 с.
9. Матвеева Н.П. Некоторые модели интерпретации саргатских городищ Западной Сибири // Комплексные общества Евразии в III–I тыс. до н.э. : материалы Междунар. конф. Челябинск : ЧелГУ, 1999. С. 226–230.
10. Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке // Новосибирск : Наука, 2000. 399 с.
11. Стоянов В.Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. 1969. Вып. 119. С. 52–61.
12. Цембалюк С.И., Берлина С.В. Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. 2014. № 3 (26). С. 55–65.
13. Овчинникова Б.Б. Старо-Лыбаевское поселение // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск : УрГУ, 1988. С. 141–152.

14. Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н. Новые данные о юдинской культуре (по материалам Криволукского городища) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 105–116.
15. Рафикова Т.Н., Берлина С.В. Фортификации городища Ласточкино гнездо-1 эпохи Средневековья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4 (27). С. 69–76.

Matveeva Natalia P. Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru ; Allilyeva Tatyana A. Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: agapetova@mail.ru

THE WATCH-TOWERS OF THE DEFENSIVE STRUCTURES IN EARLY IRON AGE (CULTURE OF SARGATKA).

Keywords: archaeology; Early iron age; culture of Sargatka; wooden watch-towers.

The article presents the data on the defensive structures of the Staro-Lybaevskoye-1 fortified settlement near Zavodoukovsk. It is placed on the terrace of Middle Tobol River in the forest-steppe zone of Western Siberia. It has the 5-angle form, size 65x75 meters and a simple rampart and ditch line with two approach gates. It was surrounded by more than 500 dwellings on the unfortified part. The settlement was explored by several excavation expeditions by B. Ovchinnikova in 1969 and defensive line was recognized by authors in 2015. This square was used for habitation twice in Early Iron age. In the beginning the wooden wall was stayed with wooden towers. The remains of coal, ashy layers and burned sand were saved only on the subject 1 place. It's size was defined as 2,6x2,6 meters. After fire the fortified line was reconstructed in III–II centuries BC. At the second time line was reinforced because the tower was stayed in not deep foundation pit and was dug a narrow ditch, then size of tower reached 2,8x2,8 meters (subject 2). People did not make big earth works because of a local relief, which has given heightening of two meters, it has been got 3,5–4 meters of height of an early defense line with the wooden wall and deeping of the ditch. It was a typical system for Sargatka culture population. We have not defined whether described buildings were used or not in military conflict because there were not samples of weapons into remains of fire. We have concluded the watch-towers were regular elements of fortification of even small settlements in the Early Iron Age (the bigger sizes 100x90, 100x150 meters and other are known). They were built on wall line on the corner or were made near the corner inside of a rampart. People used them like watch-towers for purposes of a patrol service and shooting by archers all outside and inside squares in chance of military conflict. Two diagonal stayed watch-towers or corner and gate-towers were necessary for deleting dead points during shooting. Remains of wooden towers were discovered in sites of other cultures of Western Siberia in Early Iron age. For example, on the Zotinskoye, Alten-Tau, Likhachevo settlements in former period. We have exposed the continuity and the tendency of arising of labor expenditure on the fortified constructions and stereotypical forms of their creation, characterizing for Sargatka culture.

REFERENCES

1. Khabdulina, M.K. (1994) *Stepnoe Priishim'e v epokhu rannego zheleza* [The steppe area near the Ishym in the early Iron Age]. Alma-Aty: Gylm.
2. Borzunov, V.A. & Novichenkov, N.N. (1988) Rannie ukreplennyye poseleniya finno-ugrov Urala [Early fortified settlements of the Finno-Ugric peoples in the Urals]. In: Kovaleva, V.T. (ed.) *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri* [The material culture of the ancient population of the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 88–102.
3. Borzunov, V.A. (2002) Gorodishcha s bastionno-bashennymi fortifikatsiyami rannego zheleznogo veka v lesnom Zaural'e [Ancient towns with bastion-tower fortifications in the early Iron Age in the forest Trans-Urals]. *Rossiyskaya arkhologiya – Russian Archeology*. 3. pp. 79–97.
4. Matveeva, N.P. (2003) [Fortifications in the Sargatka culture: The social aspect]. *Sotsial'no-demograficheskie protsessy na territorii Sibiri (drevnost' i srednevekov'e)* [Socio-demographic processes on the territory of Siberia (the Ancient Time and the Middle Ages)]. Proc. of the All-Russian Conference. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 91–95. (In Russian).
5. Matveeva, N.P. (2005) Fortifikatsii sargatskoy kul'tury (po materialam Rafaylovskogo gorodishcha) [Fortifications in the Sargatka culture (Rafaylovo settlement)]. *Rossiyskaya arkhologiya – Russian Archeology*. 3. pp. 25–35.
6. Berlina, S.V. (2003) [Reconstruction of the labor for the construction of defensive lines of Kolovskoe settlement]. *Istochniki po istorii Sibiri* [Sources on the History of Siberia]. Proc. of the Regional Research Conference. Surgut. pp. 66–71. (In Russian).
7. Berlina, S.V. (2008) Rekonstruktsiya tipov fortifikatsionnykh sooruzheniy i ikh oboronitel'nykh vozmozhnostey [Reconstruction of fortifications and their defensive capabilities]. In: Derevyanko, A.P. & Makarov, N.A. (eds) *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkhologicheskogo s'ezda v Suzdale* [Proceedings of the Second (18) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal]. Vol. 2. Moscow: Institute of Archeology RAS. pp. 152–154.
8. Berlina, S.V. (2010) *Zhilaya i oboronitel'naya arkhitektura naseleniya zapadnosibirskoy lesostepi v rannem zheleznom veke (po materialam sargatskoy kul'tury)* [Residential and defensive architecture of the population of the West Siberian forest-steppe in the early Iron Age (the Sargatka culture)]. Abstract of History Cand. Diss. Tyumen.
9. Matveeva, N.P. (1999) [Some models of interpretation of Sargatka settlements in Western Siberia]. *Kompleksnye obshchestva Evrazii v III–I tys. do n.e.* [Complex societies in Eurasia in the 3rd – 1st millennia BC]. Proc. of the International Conference. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. pp. 226–230. (In Russian).
10. Matveeva, N.P. (2000) *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom vek* [The socio-economic structure of the population of Western Siberia in the early Iron Age]. Novosibirsk: Nauka.
11. Stoyanov, V.E. (1969) Zaural'skie lesostepnye poseleniya rannego zheleznogo veka [Trans-Ural steppe settlements of the Early Iron Age]. In: Passek, T.S. (ed.) *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii Akademii nauk SSSR* [Brief reports of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences]. Vol. 119. Moscow: Nauka. pp. 52–61.
12. Tsembalyuk, S.I. & Berlina, S.V. (2014) A complex of the early Iron Age from Likhachevo settlement in the Low Ishym basin. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 3(26). pp. 55–65. (In Russian).
13. Ovchinnikova, B.B. (1988) Staro-Lybaevskoe poselenie [The Old-Lybaevskoe settlement]. In: Kovaleva, V.T. (ed.) *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri* [The material culture of the ancient population of the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 141–152.
14. Matveeva, N.P. & Rafikova, T.N. (2005) Novye dannye o yudinskoy kul'ture (po materialam Krivolukskogo gorodishcha) [New data on Yudinskoy culture (Krivolukskoe settlement)]. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 6. pp. 105–116.
15. Rafikova, T.N. & Berlina, S.V. (2014) Fortifications of the medieval hillfort of Lastochkino Gnezdo 1: On the problem of cultural contacts. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 4(27). pp. 69–76. (In Russian).

Л.М. Плетнёва

БРОНЗОВЫЕ «СКИФСКИЕ» КОТЛЫ ИЗ с. ДЗЕРЖИНСКОЕ (ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ)

В научный оборот вводятся находки двух бронзовых «скифских» котлов из с. Держинское. На основании их формы, расположения ручек, орнаментации делается вывод об их отнесении к минусинскому типу, распространённому далеко за пределами территории тагарской культуры. В Томском Прибые бронзовый котёл происходит с ритуального места, который вместе с другими предметами датируется примерно VI–IV вв. до н.э. Если время употребления котлов из с. Держинское не ясно, то благодаря присутствию котла на ритуальном месте сделан вывод об употреблении бронзовых котлов томским населением в эпоху раннего железа.

Ключевые слова: археологическая культура; бронзовые «скифские» котлы; хронология; типология; ритуальное место; скифо-сибирский мир.

Одним из знаковых предметов скифо-сибирского мира является бронзовый котёл. Котлы найдены на всём его пространстве и далеко за его пределами: в лесной зоне Евразии, на Кавказе и Киргизии.

В Западной Сибири котлы происходят с территорий гороховской, саргатской, большереченской (каменской), шеломокской и кулайской культур [1–9]. Котлы¹ встречаются на поселениях², в погребениях³, на писаницах⁴, ритуальных местах⁵. Но большинство их происходит не из археологических комплексов, а найдено случайно⁶.

Цель данной статьи – ввести в научный оборот находки скифских котлов из с. Держинское Томского района Томской области. Два котла были найдены на усадьбе Д.Ф. Смирнова на глубине 40 см при проведении сельскохозяйственных работ. Впоследствии были переданы в Томский областной краеведческий музей, где хранятся в настоящее время [10. № 1139. С. 104]. Дадим их описание.

1. Бронзовый котёл на поддоне в форме усечённого сфероиды с отогнутым наружу краем венчика, который утолщён в нижней части и срезан внутрь. Вертикальные ручки в форме вытянутого овала наполовину возвышаются над краем котла. Первоначально ручки, видимо, были отлиты сразу с корпусом, так как следов прилива на тулове котла в месте отломленной сейчас ручки нет. Вторая ручка, которая сейчас на котле, была отломлена когда-то и прилита, видимо, позже. Ручки украшены двумя желобками. Сверху на них по три грибовидных выступа. Тулово котла украшено тремя рядами валиков. В настоящее время котёл имеет повреждения: отломаны одна ручка и поддон, тулово деформировано, есть трещины и три заплатки. На одной ручке средний выступ одет на ручку с помощью муфты, отлит был, видимо, отдельно, так как на муфте нет орнамента – желобков. На тулове прослеживаются два вертикальных литейных шва, один из которых виден хорошо, второй – частично. Размеры котла: диаметр устья: 18,5–24,5 см (за счёт деформации), высота котла с ручкой 24,7 см, высота ручки от края венчика 11,6 см, высота выступа на ручках 2,15 см, диаметр шляпки

3 см. Диаметр по внешнему краю конического полого поддона 10,5 см, диаметр в месте крепления к тулову 6,6 см, высота поддона 8,2 см. На поддоне зафиксированы четыре вертикальных валика, два из них имеют продолжение на тулове (рис. 1, 1, 2, ТОКМ, кол. № 3824/11).

2. Бронзовый котёл на коническом поддоне. Целый, но на тулове имеются 10–11 заплаток, наложенных как с внешней, так и внутренней стороны. Край венчика немного отогнут наружу и срезан внутрь. Тулово котла имеет форму усечённого сфероиды. В верхней части оно украшено шнуром в виде перевитой верёвочки в два оборота. Шнур заканчивается петлёй. Вертикальные ручки подковообразной формы с одним выступом – отростком посередине. Верх у них отломлен. Размеры котла: диаметр тулова по внешнему краю 21 см, диаметр поддона по внешнему краю 9,5–10 см, высота котла с ручками 28,5 см, высота ручек 5,4 см, высота поддона 6,8 см. На тулове котла в нижней части прослеживаются следы горизонтального литейного шва. При соединении тулова котла с поддоном отлиты три клина, видимо, для усиления крепления поддона к тулову (рис. 2, 1, 2; ТОКМ. № 3824/12).

О технологии изготовления котлов. Технология изготовления котлов не так часто попадала в поле исследований учёных [16, 17]. По форме котлов и их деталей выделено несколько районов их основного распространения: Причерноморье, Кавказ, поволжские и приуральские степи, Средняя Азия, Семиречье, Минусинская котловина. В части из них было самостоятельное производство котлов. Одним из таких районов являлась Минусинская котловина. Ю.С. Гришин, описывая производство тагарской культуры в целом, рассматривал технологию производства котлов. Изготовление котлов из с. Держинское хорошо прослеживается по способам, описанным Ю.С. Гришиным. Он выделил две группы. При изготовлении формы для котлов первой группы сначала делали тулово, затем часть дна с поддоном и присоединяли к основной форме. Двустворчатые литейные формы для ручек делали отдельно и также присоеди-

няли к основной форме, что прослеживается по литейным швам на наружной поверхности котла около ручек и на венчике [17. С. 169–170]. На внешней стороне тулова котла, отлитого по описанной форме, есть горизонтальный шов, располагающийся внизу тулова. Внутри котла швы прослеживаются очень редко⁷.

Ко второй группе относятся котлы, имеющие вертикальный литейный шов снаружи, отлитые иногда вместе с поддоном. Он делит котёл на две симметричные части. В месте соединения тулова и поддона есть горизонтальный литейный шов. Около ручек на тулове котла нет следов литейных швов [Там же. С. 170]. Один котел из с. Дзержинское отлит первым способом (рис. 2), другой – вторым способом (рис. 1).

На многих котлах есть заплаты. Большинство исследователей считают их следами починки в ходе использования котлов. Ю.С. Гришин отмечает, что в процессе отливки могли образоваться пустоты. В этом случае литейщики, чтобы не изготавливать котёл заново (особенно трудоёмким был процесс изготовления формы), приливали заплаты [Там же. С. 171].

Классификация и хронология. Н.Л. Членова разделила бронзовые котлы тагарской культуры на два типа. Тип А – на полом коническом поддоне, тип В – без поддона или на ножках. Тип А делится на две разновидности: А/І – без носика, А/ІІ и А/ІІІ – с носиком.

А/І – ручки бывают кольцевидные, подковообразные или в виде фигурок стоящих животных.

Далее ей выделены группы: группа А І/1 с кольчатыми ручками, нижняя половина их укреплена на тулове, украшены 1–2 концентрическими желобками или одним или тремя грибовидными выступами. Форма тулова полуяйцевидная или близкая к полушару. В верхней части тулово украшено двумя кольцевидными поясками, иногда с косыми насечками, имитирующими шнур [18. С. 93]. Котлы из с. Дзержинское относятся к группе А І/1.

По хронологии котлы с кольцевидными ручками с желобками группы А І/1 отнесены Н.Л. Членовой к наиболее ранним тагарским котлам. Такие котлы появились в VIII – начале VII в. до н.э., но бытовать они могли и позднее [Там же. С. 95]. Котлы с подковообразными ручками с выступами на них появляются в начале VI в. до н.э. Котлы из с. Дзержинское датируются, видимо, раннетагарским временем (по времени их появления, но не употребления).

В статье Н.А. Боковенко [19] приведена типология бронзовых котлов в азиатских степях, данные объединены в рис. 1. К сожалению, этим рисунком трудно воспользоваться, так как не дана расшифровка аббревиатуры музеев: например, ТКМ, что это – Томский краеведческий музей, или Тобольский краеведческий музей, или Тюменский краеведческий музей? Из всех котлов, обозначенные как хранящиеся в ТКМ (а их 5 экз.), можно соотнести с Томским краеведческим музеем только номера 26 и 27, обозначенных как д. Степа-

новка. Речь, видимо, идёт о колоколовидной подвеске из Степановской коллекции, собранной у пос. Степановка в пределах г. Томска. Но в коллекции только одна подвеска и котлов нет.

Условно котёл из с. Дзержинское (рис. 1) по типологии Н.А. Боковенко можно отнести к типу І, подтипу С. Второй котёл (рис. 2) относится также к типу І, подтипу Д⁸. Н.А. Боковенко не согласен с хронологией котлов минусинского типа, предложенной Н.Л. Членовой, на том основании, что котлы с разным оформлением ручек встречаются на писаницах. Следовательно, по его мнению, в момент нанесения их на писаницы они сосуществовали [19. С. 46–47]. Котлы І типа с разными типами ручек (у Н.Л. Членовой именно по этому признаку дана хронология) он датирует временем появления их в VIII–VII вв. до н.э., а возможно и раньше, и временем прекращения их изготовления из бронзы. В целом Н.А. Боковенко заключает: «Пока ещё котлы не могут служить датирующим материалом, и поэтому устанавливать их абсолютную хронологию рано» [Там же. С. 49].

Котёл из с. Дзержинское, описанный под № 1 по хронологии Н.Л. Членовой отнесён нами по дате появления таких котлов к VIII–VII вв. По технологии изготовления он относится ко II типу (по Ю.С. Гришину), наиболее трудоёмкому, как отмечает Ю.С. Гришин, и, возможно, появившемуся позднее. Если это так, то этот котёл мог быть изготовлен в более позднее время, чем VIII–VII вв. до н.э. Котёл № 2 изготовлен менее трудоёмким способом, но по форме ручек он отнесён к более позднему времени. Данный факт (если придерживаться хронологии Н.Л. Членовой) может говорить о длительности изготовления котлов с ручками, украшенными желобками, что, соответственно, не противоречит позиции Н.А. Боковенко.

На котле, украшенном двумя рядами перевитой верёвочки (рис. 2, 1), нижний ряд верёвочки заканчивается петлёй. На бронзовых котлах такая деталь встречается довольно редко. Как пример можно назвать котёл из МАЭС ТГУ. Он очень большой: диаметр устья 38 см, высота без ручек 42 см, с ручками – 49 см, высота поддона 7 см. Орнаментирован двумя рядами верёвочки, нижняя из них заканчивается петлёй. Котёл происходит из Минусинского округа, найден близ дер. Табатской⁹. Нами найден рисунок глиняного сосуда, у которого к нижнему ряду шнура примыкает петля [21. Рис. 4, 3]. Сосуд происходит из таштыкского могильника Барсучиха II. Л.Л. Баркова приводит мнение Л.Р. Кызласова о том, что спиральный орнамент не характерен для тагарской культуры, в таштыкской культуре он был только на её первом тапе [Там же. С. 172]. Автор этой статьи не склонен ставить знак равенства между петлёй на бронзовом котле и спиралькой на глиняном сосуде, но, возможно, это указывает на более позднее изготовление котла из с. Дзержинское, чем в раннетагарское время.

Рис. 1. Котел из пос. Дзержинского (колл. ТОКМ № 3824/11)

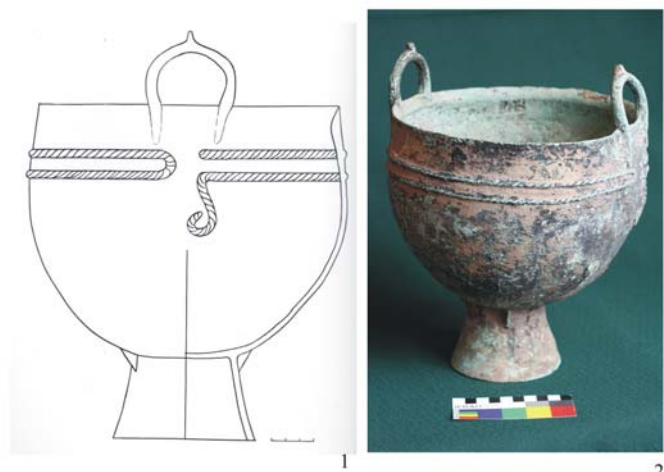

Рис. 2. Котел из пос. Дзержинского (колл. ТОКМ № 3824/12)

Оба котла были найдены вместе, в котле с овальной ручкой с грибовидными тремя выступами были помещены следующие железные предметы (гарпун, наконечник стрелы, два ножа, тесло; бронзовые предметы: антропоморфная личина, две бронзовые пластинки). В этом случае котлы были использованы вторично, так как железные предметы относятся к Средневековью. Видимо, поэтому в «Археологической карте Томской области» дзержинские находки II вслед за Ю.И. Ожередовым и Я.А. Яковлевым Л.М. Сыркиной атрибутированы как клад, но названы «скифским» кладом, или «скифской» коллекцией, что противоречит датировке предметов, найденных в одном из котлов [10. С. 104]. Определение «скифская», утвердившееся за коллекцией, Л.А. Чиндина считает неудачным. Данные котлы, использовавшиеся чрезвычайно долго в культовых целях, содержали предметы, относящиеся к раннему Средневековью [22. Рис. 12, 24, 8. С. 36].

Таким образом, установить, когда появились описанные котлы в Томском Приобье, не представляется возможным. Но о том, что в эпоху раннего железа население Томского Приобья было знакомо со скиф-

скими бронзовыми котлами, говорит находка котла в составе других предметов на ритуальном месте эпохи раннего железа, обнаруженного при раскопках курганного могильника у устья М. Киргизки [7, 9].

О назначении котлов. Ю.В. Балакин выделил несколько функций котлов: 1) репродуктивная, 2) связь котла с идеей плодородия, 3) котёл как транспортное средство, 4) котёл выполняет посреднические функции между людьми и духами, 5) котёл – заменитель шаманского бубна у некоторых народов (нганасаны, ханты), 6) котёл участвует в установлении связи между мирами, 7) космический статус котла (ханты называют созвездие Большой медведицы котлом), 8) охранительные, защитные функции [23. С. 198–208].

Для нашей статьи следует обратить внимание на связь котла с идеей плодородия, благополучия. Если мы обратимся к котлу, найденному на ритуальном месте у устья М. Киргизки, где он выполнял главную функцию в ритуале, то высказанная ранее авторами публикации мысль о том, что ритуалы, проводимые здесь, связаны с испрашением благополучия для данного коллектива, подтверждается на многих других примерах.

Во время ритуалов котёл выполнял посреднические функции между людьми и духами (божествами), осуществляя в этот момент связь между мирами. М.А. Дэвлет, приводя пример использования сосудов на якутских праздниках «ысыах» (весеннем и осеннем), которые были связаны с идеей плодородия, отмечала: «Нельзя настаивать на прямых параллелях с наскальными рисунками и данными этнографии. Всё же есть основания полагать, что на Большой Боярской писанице представлен ирреальный, идеальный посёлок в момент традиционного календарного праздника. Древние художники... ставили себе целью обеспечить при помощи этих рисунков материальное благополучие, изобилие и процветание реального населения» [12. С. 11].

Исходя из расположения котлов на писанице, не опровергая мнение М.А. Дэвлет, попробуем определить как один из вариантов трактовки функций котлов их защитную функцию. Так, на части Большой Боярской писаницы изображён посёлок в два ряда [Там же. Табл. VI, 1]. В верхнем ряду слева изображены пять скифских котлов, затем идут постройки, животные, человек с луком и копьём, постройка и животные. Во втором ряду выбиты постройки, животные, всадник, человек (?) между ними и рядами, заканчивается ряд изображением трёх котлов. Один котёл помещен между первым и вторым рядом изображений. В нижнем, третьем, ряду слева направо движутся животные и всадники. Котлы как бы огораживают посёлок, защищая его.

Об использовании котлов в похоронных ритуалах свидетельствуют котлы, найденные в могильнике Си-

доровки. Так, в кургане 1, могиле 2, «большой котёл был накрыт шкурой коровы или лошади. Внутри котла обнаружены кости лошади (крестец, грудина, часть лопатки) и коленная чашечка особи крупного рогатого скота» [5. С. 11]. В кургане 5, могиле 1, по мнению авторов: «Вероятно, котёл был поставлен на возвышении с имитированным костром» (под котлом найдены три полена длиной 15 см) [Там же. С. 28]. В кургане 7, погребении 2 Савинского могильника, в котле были остатки черепа молодой лошади [3. С. 36]. Возможно, наличие в котлах костей животных также указывает на связь миров (подношения из Среднего мира в Верхний или Нижний миры).

Котлы из погребений определяют социальный статус погребённого: чаще всего это погребения знати [24].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Бронзовые «скифские» котлы из пос. Дзержинское по форме тулова, поддона и ручек относятся к котлам Минусинского типа.
2. Время попадания котлов из пос. Дзержинское в Томское Приобье определить невозможно.
3. Население Томского Приобья в эпоху раннего железа пользовалось бронзовыми котлами, о чём свидетельствуют котёл, найденный на ритуальном месте, а также бронзовая подвеска в форме котла из Степановской коллекции.
4. По своему назначению котлы являются символом единения какого-то коллектива, с их помощью обращались к богам, испрашивая благополучия, защиты и здоровья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В статье привлечены в основном западно- и южносибирские материалы.

² Например, поселения в Томской области: Заречная Горка и Красногоркинское [10. № 1009, 1012], в Кемеровской области поселение Шабаново VI [11].

³ Например, в Западной Сибири: в могильниках Богдановка I, II, III, Савинском, Красногорском, Сидоровка [4. С. 302].

⁴ Большая Боярская писаница [12].

⁵ Ритуальный комплекс эпохи раннего железа на Малой Киргизке [7].

⁶ Мною просмотрена коллекция котлов в Музее археологии и этнографии Сибири ТГУ (МАЭС ТГУ), состоящая из 20 единиц хранения (целые и фрагменты). Только один из них найден на ритуальном месте, отмеченном выше. Коллекция котлов из Томского областного краеведческого музея насчитывает пять целых и фрагменты ещё от пяти котлов. Все котлы, за исключением одной подвески в форме котла и фрагментов котла с ритуального места у горы Кулайка (Томская область), найдены случайно. Из опубликованных 26 котлов и их фрагментов, хранящихся в Центральном музее Казахстана, все – случайные находки [13]. Большинство их ранее было опубликовано Е.Ю. Спасской [14], Ф.Х. Арслановой, А.А. Чариковым [15] и другими авторами.

⁷ Нами обнаружен такой котёл в МАЭС ТГУ, кол. 6272, № 801.

⁸ Варианты не определены, так как даны в рис. 1 далеко не все, и установить их для котлов из с. Дзержинское затруднительно.

⁹ Флоринский В.М. Второе приращение к каталогу Археологического музея Томского университета, № 4691 [20]. Под этим номером он значится и в настоящее время, выставлен в экспозиции МАЭС ТГУ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мошинская В.И. Городище и курганы Потчеваш // Материалы и исследования по археологии СССР. 1953. Вып. 35. С. 189–220.
2. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск, 1988. 240 с.
3. Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск : Наука, 1993. 173 с.
4. Могильников В.А. Ранний железный век лесостепи Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР. М. : Наука, 1992. С. 274–283.
5. Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск : Наука, Сиб. предприятие РАН, 1997. 198 с.
6. Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск : Наука, 1994. 184 с.
7. Плетнева Л.М., Мец Ф.И. Ритуальный комплекс эпохи раннего железа в Томском Приобье // Приобье глазами археологов и этнографов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 145.
8. Мец Ф.И. «Скифский» котёл с зооморфными ручками из Томского Приобья // Российская археология. 2000. № 4. С. 128–136.
9. Плетнева Л.М. Предметы скифо-сибирского звериного стиля из Томского Приобья. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. 190 с.
10. Ожеревдов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. Т. II. 208 с.

11. Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Итоги исследования древностей раннего железного века Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. С. 60–64.
12. Дэвлет М.А. Большая Боярская писаница. М. : Наука, 1976. 20 с.
13. Культура ранних кочевников Казахстана: археологические коллекции. Научный каталог. Алматы, 2009. 430 с.
14. Спасская Е.Ю. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии // Учёные записки Алматинского гос. пед. ин-та им. Абая. Алма-Ата, 1956. Т. XI (I). С. 155–169.
15. Арсланова Ф.Х., Чариков А.А. Бронзовые котлы из музеев Восточно-Казахстанской области // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово : Кем. гос. ун-т, 1980. С. 147–155.
16. Гришин Ю.С. Производство в тагарскую эпоху // Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. Вып. 90. С. 167–172.
17. Минасян Р.С. Литьё бронзовых котлов у народов степей Евразии (VII в. до н.э. – V в. н.э.) // «Археологический сборник» Государственного Эрмитажа. 1986. № 27. 208 с.
18. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М. : Наука, 1967. С. 67–78.
19. Боковенко Н.А. Бронзовые котлы ранних кочевников в азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск : Наука, 1981. С. 42–52.
20. Флоринский В.М. Второе прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета. Томск, 1898. 173 с.
21. Баркова Л.Л. Таштыкский могильник Барсучиха II // Первобытная археология Сибири. Л. : Наука, 1975. С. 165–173.
22. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху Раннего Средневековья. Томск : Изд-во ТГУ, 1991. 184 с.
23. Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литьё в мифе и ритуале. Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. 288 с.
24. Кузнецова Т.М. О подвеске «в форме котла» из кургана Аржан-2 // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. : ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 258–261.

Pletneva Lyudmila M. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia). E-mail: tspu_kae@mail.ru

BRONZE “SCYTHIAN” CAULDRONS FROM THE VILLAGE OF DZERZHINSKOYE (TOMSK REGION).

Keywords: archaeological culture; bronze “Scythian” cauldrons; chronology; typology; ritual place; Scythian-Siberian world.

Bronze cauldrons are one of the most significant artifacts of the Scythian-Siberian world. In Western Siberia, they are known in the areas of Gorokhovo, Sargat, Bolsherechye (Kamenka), and Kulay cultures. They were found in settlements, burial and ritual sites. However, most of them were found by chance. Two cauldrons were found in a garden in the village of Dzerzhinskoye. The aim of this article is to introduce these findings into scientific use. Both cauldrons are on a conical tray, with vertical handles, with ornaments on their bodies: three rows of rollers on one of them and two rows of a twisted cord ending with a loop on the other one. One of the cauldrons has a horizontal casting seam, the other one – a vertical seam. The described features suggest that both cauldrons are of the Minusinsk type and were cast within the Tagar culture. These cauldrons were found together. Inside the cauldron with an oval handle were several iron items: an arrow head, two knives, a share, and adze. There also were three bronze items: anthropomorphous image and two plates. Both iron and bronze things belong to the Middle Ages. The cauldrons were used a second time. The time when they were delivered to the Tomsk Ob Region is unknown, mainly due to the fact that one of the cauldrons contained some iron objects dated back to the Middle Ages. The fact that the population of the Tomsk Ob Region used bronze cauldrons is supported by the finding from a ritual site at the mouth of the Malaya Kirgizka River. Here, the cauldron was the key object for ritual actions. Researchers made several assumptions about the purpose of cauldrons in the early Iron Age. We believe that Yu. V. Balakin has provided the most complete answer to this question. With regard to the early Iron Age, the following functions of bronze cauldrons can be noted: they often determine the social status (when found in burial sites), are associated with the idea of fertility, act as a mediator in ritual actions, act as a link between humans and spirits, help to establish links between the worlds, have the cosmic status and protective functions.

REFERENCES

1. Moshinskaya, V.I. (1953) Gorodishche i kurgany Potchevash [The site of ancient settlement and mounds Potchevash]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 35. pp. 189–220.
2. Koryakova, L.N. (1988) *Ranniy zheleznyy vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura)* [The Early Iron Age of Trans-Urals and Western Siberia (the Sargat culture)]. Sverdlovsk: Ural State University.
3. Matveeva, N.P. (1993) *Sargatskaya kul'tura na Srednem Tobole* [The Sargat culture in the Middle Tobol]. Novosibirsk: Nauka.
4. Mogilnikov, V.A. (1992) Ranniy zheleznyy vek lesostepi Zapadnoy Sibiri [The Early Iron Age of the Western Siberian forest-steppe]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Stepnaya polosа Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time]. Moscow: Nauka. pp. 274–283.
5. Matyushchenko, V.I. & Tataurova, L.V. (1997) *Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e* [The burial Sidorovka in the Omsk Irtysh]. Novosibirsk: Nauka.
6. Troitskaya, T.N. & Borodovskiy, A.P. (1994) *Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya* [The Bolsherechye culture of the forest-steppe Ob]. Novosibirsk: Nauka.
7. Pletneva, L.M. & Mets, F.I. (1999) Ritual'nyy kompleks epokhi rannego zheleza v Tomskom Priob'e [The ritual complex of the Early Iron Age in the Tomsk Ob Area]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Priob'e glazami arkheologov i etnografov* [The Ob Area as viewed by archeologists and ethnographers]. Tomsk: Tomsk State University. p. 145.
8. Mets, F.I. (2000) The “Scythian” cauldron with zoomorphic handles from the Ob basin near Tomsk. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 4. pp. 128–136. (In Russian).
9. Pletneva, L.M. (2012) *Predmety skifo-sibirskogo zverinogo stilya iz Tomskogo Priob'ya* [Objects of Scytho-Siberian zoomorphic style art from the Ob basin near Tomsk]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
10. Ozheredov, Yu.I. & Yakovlev, Ya.A. (1993) *Arkheologicheskaya karta Tomskoy oblasti* [The archaeological map of Tomsk Region]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
11. Ilyushin, A.M. & Kovalevskiy, S.A. (1999) Itogi issledovaniya drevnostey rannego zheleznoogo veka Kuznetskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsiy [The results of the study of the Early Iron Age antiquities by Kuznetsk complex archaeological and ethnographic expedition]. In: Kiryushin, Yu.F. & Tishkin, A.A. (eds) *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy* [The results of the study of the Scythian period in Altai and adjacent territories]. Barnaul: Altai State University. pp. 60–64.
12. Devlet, M.A. (1976) *Bol'shaya Boyarskaya pisanitsa* [Petroglyphs at Boyary mountain range]. Moscow: Nauka.
13. *Kul'tura rannikh kochevnikov Kazakhstana: arkheologicheskie kollektsii* [The culture of the early nomads of Kazakhstan: archaeological collections]. (2009) Almaty: TsGM RK.

14. Spasskaya, E.Yu. (1956) Mednye kotly rannikh kochevnikov Kazakhstana i Kirgizii [The copper cauldrons of the early nomads in Kazakhstan and Kyrgyzstan]. *Uchenye zapiski Almatinskogo gos. ped. in-ta im. Abaya*. 9(1). pp. 155-169.
15. Arslanova, F.Kh. & Charikov, A.A. (1980) [Bronze pots from the museums of the East Kazakhstan]. *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo* [The Scythian-Siberian cultural and historical unity]. Proc. of the 1st All-Russian Archeological Conference. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 147-155. (In Russian).
16. Grishin, Yu.S. (1960) Proizvodstvo v tagarskuyu epokhu [Manufacture in Tagar era]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 90. pp. 167-172.
17. Minasyan, R.S. (1986) Lit'e bronzovykh kotlov u narodov stepey Evrazii (VII v. do n.e. – V v. n.e.) [Bronze cauldron casting among the peoples of the Eurasian steppes (the 7th century BC – the 5th century AD)]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*. 27.
18. Chlenova, N.L. (1967) *Proiskhozhdenie i rannaya istoriya plemen tagarskoy kul'tury* [The origin and early history of the Tagar tribes]. Moscow: Nauka.
19. Bokovenko, N.A. (1981) Bronzovye kotly rannikh kochevnikov v aziatskikh stepyakh [Bronze cauldrons of the early nomads in Asian steppes]. In: Troitskaya, T.N. (ed.) *Problemy zapadnosibirskoy arkheologii. Epokha zheleza* [Problems of the West Siberian archeology. The Iron Age]. Novosibirsk: Nauka. pp. 42-52.
20. Florinskiy, V.M. (1998) *Vtoroe pribavlenie k katalogu Arkheologicheskogo muzeya Tomskogo universiteta* [The second addition to the catalog of the Tomsk University Archaeological Museum]. Tomsk: P.I. Makushin.
21. Barkova, L.L. (1975) Tashtytskiy mogil'nik Barsuchikha II [The Tashtyk burial Barsuchikha II]. In: Mandelstam, A.M. (ed.) *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri* [The prehistoric archeology of Siberia]. Leningrad: Nauka. pp. 165-173.
22. Chindina, L.A. (1991) *Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego srednevekov'ya* [The history of the Middle Ob in the early Middle Ages]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Balakin, Yu.V. (1998) *Uralo-sibirskoe kul'tovoe lit'e v mife i rituale* [Ural-Siberian cult casting in the myth and ritual]. Novosibirsk: Nauka.
24. Kuznetsova, T.M. (2012) O podveske “v forme kotla” iz kurgana Arzhan-2 [About the pendant “in the form of the cauldron” from Arzhan-2]. In: Alekshin, V.A. et al. (eds) *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami* [Cultures of the Eurasian steppe and their interaction with the ancient civilizations]. St. Petersburg: Institute of Material Culture History RAS, Periferiya. pp. 258-261.

Л.В. Панкратова

АЖУРНАЯ ОРНИТОМОРФНАЯ МЕТАЛЛОПЛАСТИКА КУЛАЙСКОГО И САРОВСКОГО СВЯТИЛИЩ: К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА КУЛАЙСКОГО СТИЛЯ

Исследуется бронзовая орнитоморфная металлопластика из Саровского и Кулайского святилищ кулайской культуры. На основе анализа стандартных блоков бронзовых изображений, выполненных в технике плоского ажурного и плоского с элементами рельефа литья, выделены стилистические признаки кулайской изобразительной традиции. Высказана гипотеза о том, что формирование кулайского изобразительного стиля базировалось на автохтонной энеолитической, сейминско-турбинской и самусьской традициях эпохи бронзы при участии скифского компонента.

Ключевые слова: ранний железный век; кулайская культура; бронзовая металлопластика; изобразительный стиль; изображения птиц.

Плоская ажурная, в том числе с элементами рельефа, орнитоморфная металлопластика кулайской историко-культурной общности происходит преимущественно из Среднего Приобья, включая Сургутский, Нарымский и Томский участки водосбора, а также из Обь-Енисейского междуречья и Приирты-

шья. По количеству мест обнаружения изделий данной группы лидирует Нарымское Приобье (рис. 1). Основной массив находок выявлен на Саровском и Кулайском культовых местах, анализу стилистических признаков птичьих образов которых посвящена публикация.

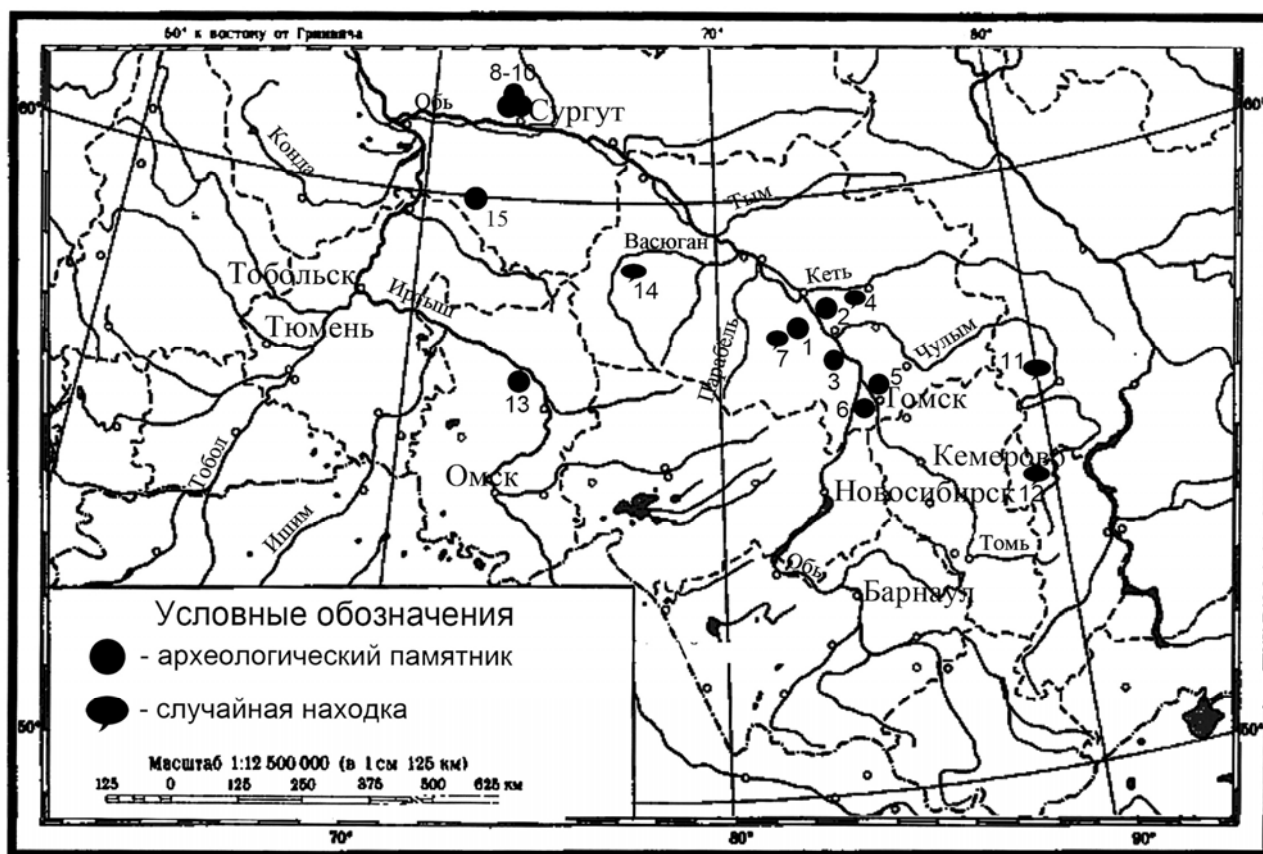

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников и мест случайного обнаружения бронзовой орнитоморфной металлопластики кулайской историко-культурной общности, выполненной в технике ажурного и плоского с элементами рельефа литья: 1 – Кулайское культовое место; 2 – Саровское культовое место; 3 – Кривошеинское культовое место; 4 – Рыбинские находки; 5 – поселение Самусь-IV; 6 – Тимирязевское поселение; 7 – находка на р. Нюrsa; 8 – городище Барсов городок I/8; 9 – Барсовский III могильник; 10 – Барсовский VII могильник; 11 – находки у д. Ишимка; 12 – находки на р. Белый Июс; 13 – Богочановское городище; 14 – находка на р. Васюган; 15 – Саровское 22–23с культовое место

Изображения птиц представлены в двух ракурсах – в профиль и анфас. *Профильные изображения* выявлены на Саровском культовом месте (рис. 2, 1). Аналоги обнаружены в окрестностях д. Ишимки, на поселениях Тимирязевское и Самусь-IV, на Богочановском городище (рис. 2, 2–5). Профильные птички персонажи встречаются и в многофигурных сценах, организованных как геральдические композиции с центральным элементом в виде мирового древа или антропоида. Многофигурные композиции с птицами известны в кулайской и рыбинской коллекциях (рис. 2, 6–9).

Бронзовые *изображения птиц в геральдической композиции с развернутыми крыльями в анфас* выявлены в Саровском и Кулайском культовых комплексах (рис. 2, 10–15). Аналоги обнаружены на Кривошеинском святилище, в долине р. Васюган, на городище Барсов городок I/8, в погребениях Барсовского III и VII могильников, на Саровском 22–23с культовом месте (рис. 2, 16–18; рис. 3, 1–3). Известны также многофигурные отливки, включающие птиц с развернутыми крыльями. В материалах нарымских святилищ представлены два способа организации многофигурных композиций. Первый упорядочивает орнитоморфные персонажи в последовательности фризового типа. Такие композиции декорируют бронзовые рамки-«очелья» из Саровского и Кулайского комплексов и изделие, обнаруженное в долине р. Нюры (рис. 3, 4–11). Второй организует персонажи в трехчленные геральдические композиции, в которых фигуры птиц с развернутыми крыльями фланкированы парой голов зверей. Изделия известны по коллекциям из Саровского, Кулайского, Кривошеинского святилищ, а также комплекса находок из Хакасии (р. Белый Июс) (рис. 3, 12–16).

Несмотря на то что фигурки птиц показаны в разных ракурсах, они имеют общие признаки трактовки образов. Сравнение проводилось по признакам, характеризующим такие стандартные блоки изображений, как голова, клюв, глаза, корпус, крылья, лапы, хвост [1. С. 10].

В технике плоского литья головы птиц преимущественно развернуты в профиль (рис. 2, 1–10, 13–15, 17, 18; рис. 3, 2, 4–11, 13–16). Семантику образов конкретизирует клюв. Нередко голова с клювом передана схематично в виде Г-образной фигуры (рис. 2, 1, 2, 5–9, 13–15, 17, 18; рис. 3, 5–11, 13, 15). Приемы моделирования узнаваемой головы в анфас на плоских изделиях не были выработаны (рис. 2, 12). Однако уже очевидны попытки решить проблему моделирования клюва за счет рельефа (рис. 2, 16; рис. 3, 1, 3, 12).

Глаза часто оформлены сквозными округлыми или овальными отверстиями (рис. 2, 2–4, 6, 10; рис. 3, 14, 16), рельефными валиками (рис. 2, 7, 14; рис. 3, 5) и реже – полусферами (рис. 2, 15). Известны также изделия без глаз (рис. 2, 1, 5, 8, 9, 12, 13, 17, 18; рис. 3, 2, 4, 6–8, 10–13, 15).

Тела птиц имеют геометрические очертания: в виде прямоугольника (рис. 2, 1, 2, 4, 7–12, 15, 16, 18; рис. 3, 2), ромба (рис. 2, 17, рис. 3, 12, 16), трапеции (рис. 2, 14, рис. 3, 15), треугольника (рис. 2, 13; рис. 3, 1, 3, 9), овала (рис. 2, 3, рис. 3, 14). Большую вариативность демонстрируют изделия, выполненные в технике ажурной отливки посредством контурной моделировки корпуса. Ярким стилистическим элементом является узор внутри контура корпуса или на плоской поверхности тела, а также шеи и крыльев птиц (рис. 2, 1, 7, 8, 10–12, 14, 15, 18; рис. 3, 2, 14–16).

Узкие развернутые крылья нередко покрыты короткими зубцами-выступами (рис. 2, 2, 4, 8, 12–18; рис. 3, 1, 6, 11, 14–16). Выступами-отростками (рис. 2, 2, 3, 5, 7, 8, 14–18; рис. 3, 3, 15), реже параллельными валиками обозначен хвост (рис. 2, 12, 13). Лапы – обязательный элемент иконографии профильных изображений (рис. 2, 1–5, 7–9), в то время как у анфасных – не регулярный (рис. 2, 12, 13, 16; рис. 3, 3, 16). Они схематично обозначены выступами и лишь иногда детализированы изображением пальцев (рис. 2, 3, 5, 16; рис. 3, 16).

Стилистический прием изображения головы птицы в виде Г-образной фигуры восходит к древней традиции, фиксируемой рисунками на энеолитической керамике региона [2. С. 175. Рис. 65, 3, 4]. Сохраняется он и на посуде раннееловской и самусьской культур развитой бронзы Приобья [Там же. С. 232, 272–273. Рис. 122, 1, 4; рис. 200, 201] (рис. 4, 1–3). Ромбовидная форма корпуса (рис. 4, 2, 4) и короткие в виде отростков приподнятые над телом крылья (рис. 4, 2, 3) отмечены у птичьих образов на керамике развитой бронзы Васюганья [Там же. С. 232. Рис. 122, 1]. С самусьской стилистикой сопоставимы такие признаки кулайских орнитоморфных изображений, как пара параллельных линий на стыке головы и шеи (рис. 4, 6, 10, 11); поперечные параллельные линии по всей длине шеи (рис. 4, 5, 6); узкие дугообразные крылья и крыло, приподнятое над телом (рис. 4, 6, 7); линии внутри корпуса, соединяющие внутренний овал с абрисом тела (рис. 4, 6, 10). Обозначенные соответствия позволяют говорить о преемственности между самусьской и кулайской изобразительными традициями.

Глаза у орнитоморфных отливок выполнены как в традиционной кулайской манере (в виде сквозных отверстий или рельефного валика), так и в нетипичной – полусферами-«жемчужинами» (рис. 4, 9). Глаза-полусферы, наряду с поперечными рельефными валиками на поверхности отливок, характеризуют иткульскую изобразительную традицию (рис. 4, 8). Не исключая возможности определенного воздействия иткульской культуры на кулайскую, заметим, что глаза-полусферы являются одним из стилистических признаков предшествующей обоим культурам сейминско-турбинской изобразительной традиции, а рельефные валики – элементами воспроизводимых в этой стилистике образов животных (рис. 4, 12, 12а).

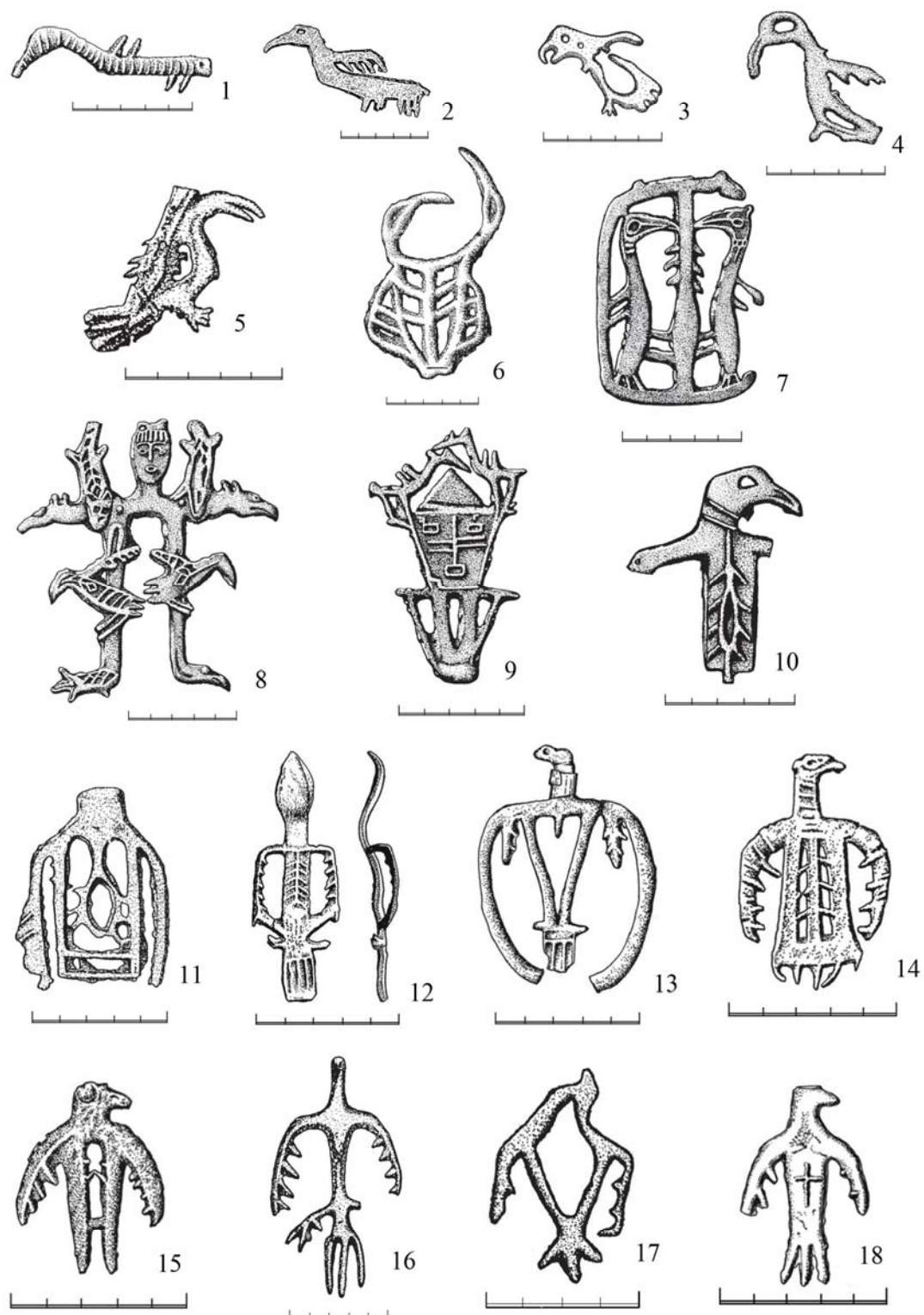

Рис. 2. Орнитоморфная металлопластика кулайской историко-культурной общности:
 1, 6, 12–15 – Саровское культовое место; 2 – поселение Самусь-IV; 3 – Тимирязевское поселение;
 4 – находка у д. Ишимка; 5 – Богочановское городище; 7, 8, 10, 11 – Кулайское культовое место;
 9 – Рыбинские находки; 16 – Кривошеинское культовое место;
 17 – находка на р. Васюган; 18 – городище Барсов городок I/8.
 1 – 18 – [по 7]

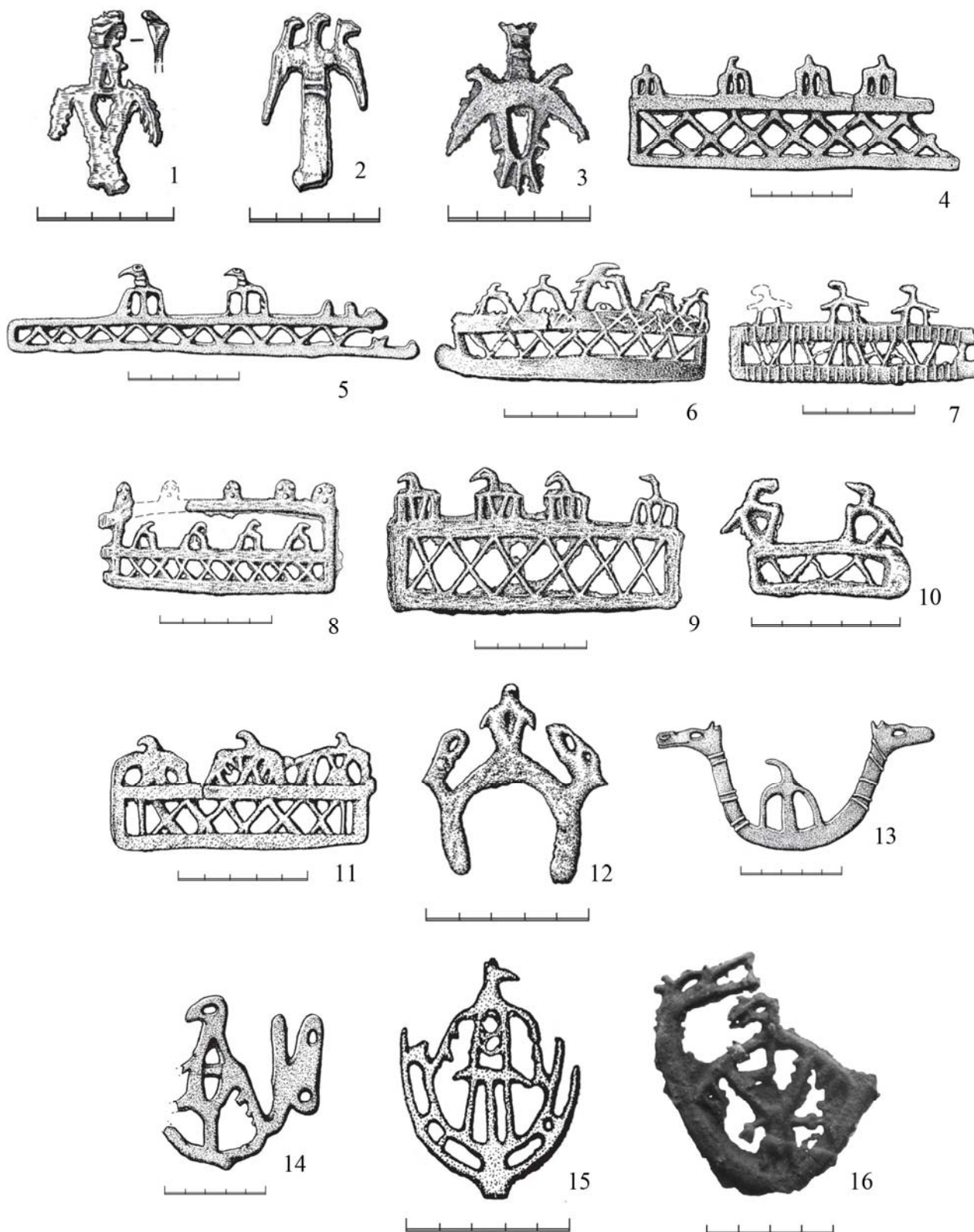

Рис. 3. Орнитоморфная металлопластика кулайской историко-культурной общности:
 1 – Барсовский III могильник; 2 – Барсовский VII могильник; 3 – Саровское 22–23с культовое место;
 4, 13, 14 – Кулайское культовое место;
 5 – находка на р. Нюursa, 6–12 – Саровское культовое место, 15 – Кривошеинское культовое место;
 16 – находки на р. Белый Июс. 1–15 – [по 7], 16 – [по 8]

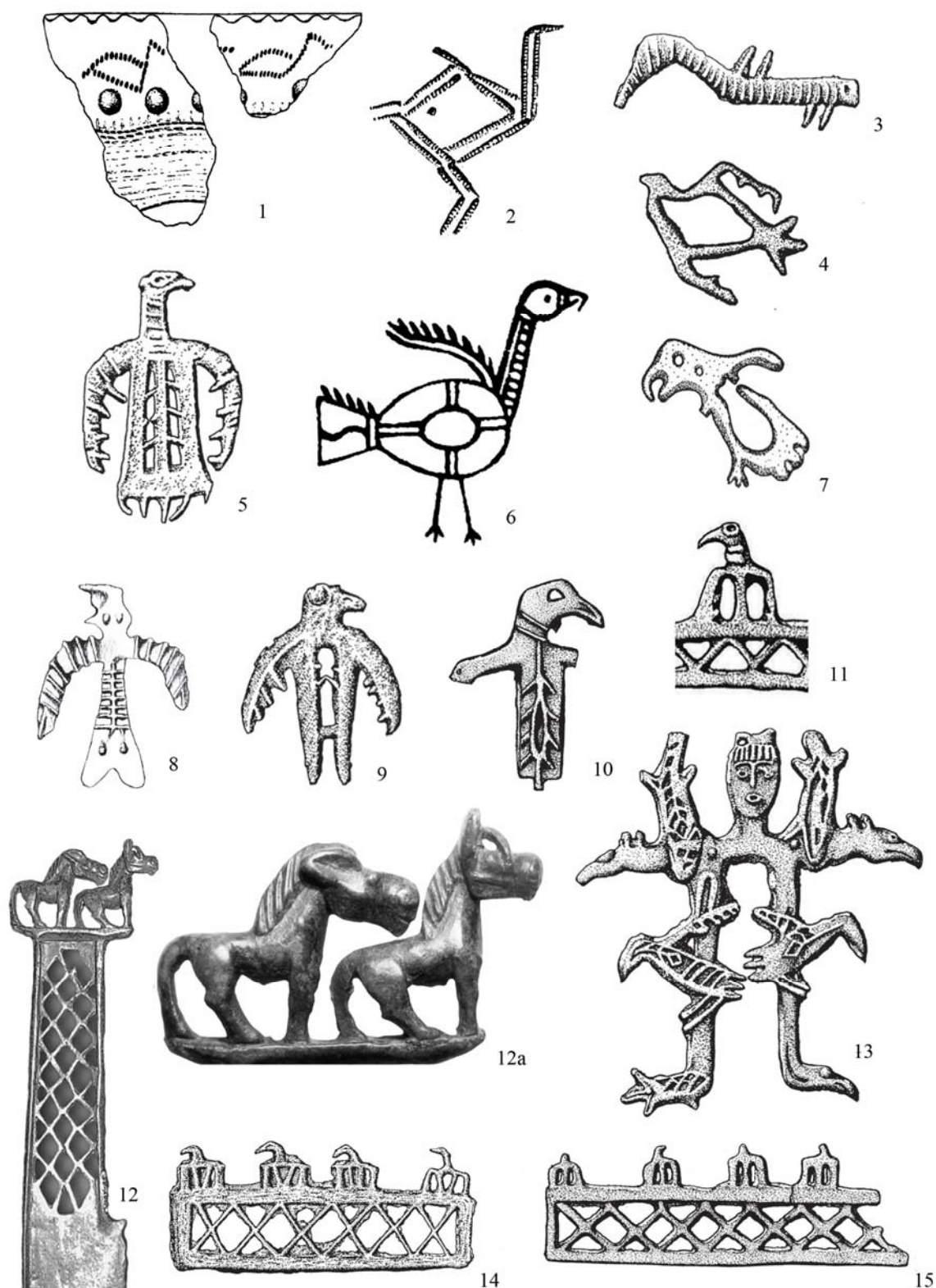

Рис. 4. Реминисценции изобразительных стилей энеолита, развитой бронзы и скифской эпохи в орнитоморфной металлопластике кулайской историко-культурной общности (без масштаба):

1 – поселение Тух-Сигат IV, керамика; 2 – поселение Тух-Сигат IV, изображение на керамическом сосуде;

3, 5, 9, 14 – Саровское культовое место, металл; 4 – находка на р. Васюган, металл;

6 – поселение Самусь-IV, изображение на керамическом сосуде; 7 – Тимирязевское поселение, металл; 8 – Урал, случайная находка, металл;

10, 13, 15 – Кулайское культовое место, металл; 11 – находка на р. Нюrsa, металл; 12, 12a – могильник Сейма, металл.

1, 2, 6 – [по 2], 3–5, 7–11, 13–15 – [по 7], 12, 12a – [по 9]

В то же время такие признаки, как:

– контур глаза, примыкающий к линии лба у птиц из Саровского святилища, у птиц на «очелье» и у животных на отливке с горы Кулайки (рис. 4, 5, 9, 11, 13);

– ухо, примыкающее к линии глаза у птицы/грифона (?) из Саровского святилища (рис. 4, 5), могут рассматриваться не только как признаки скифского звериного стиля [3. С. 243], но и, учитывая локализацию и форму глаз (в виде полусфер) у птиц и животных (рис. 4, 9, 13), как признаки, восходящие к сейминско-турбинской стилистике.

Ажурные рисунки внутри корпуса птицы и на других частях тела представлены: орнаментальными мотивами из поперечных линий (рис. 3, 14); параллельных линий, расположенных под углом друг к другу с пересекающей их продольной линией (рис. 4, 5). Корпус птиц, смоделированный в виде контура, может быть и не заполнен декором, что в орнаментике соотносится с «минус»-признаком или свободной от орнамента зоной (рис. 4, 4, 7).

Перечисленные элементы являются синтагматическими единицами кулайских бордюров с окаймлением, украшавших сакральные предметы, в частности бронзовые рамки-«очелья» [4]. Декор последних, состоящий из решетчатого орнамента с редуцированными и полнофигурными изображениями птиц и антропоидов, может являться реминисценцией сейминско-турбинской изобразительной традиции в кулайском

искусстве (рис. 4, 12, 14, 15). Аналогичные явления в раннем железном веке зафиксированы в зверином стиле тагарской культуры [5].

Вероятно, к эпохе бронзы восходит и такой стилистический признак, как «петля» («линия жизни») на корпусе (см. рис. 2, 8, 10, 11). Генезис изобразительного знака мог происходить на «местной основе, посредством заимствования и переработки трансформированных стереотипов самусьской орнаментации» [1. С. 48].

Такие признаки кулайских орнитоморфных образов, выполненных в технике плоского ажурного литья, как Г-образная форма головы, изображение глаза в виде полусферы, рельефные валики и орнаментальные знаки на корпусе и других частях тела птицы, выражая кулайскую традицию, могут рассматриваться как реминисценции изобразительных стилей эпохи энеолита и бронзы. В то же время крылатые персонажи обнаруживают признаки скифских изображений. Представляется, что на основе сочетания автохтонной энеолитической, самусьской, сейминско-турбинской и скифской изобразительных традиций происходило формирование изобразительного стиля кулайской культуры. Ажурная кулайская металлопластика отражает первый этап его становления. В дальнейшем в рамках кулайской изобразительной традиции будут выработаны новые приемы стилизации, которые выйдут за рамки культурного явления, став основой изобразительного пласта, не ограниченного эпохой [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковтун И.В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1993. 140 с.
2. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. 295 с.
3. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. : Наука, 1980. 328 с.
4. Панкратова Л.В. «Заслоняющий от бед и дающий изобилие...» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2013. № 1 (20). С. 24–33.
5. Бобров В.В., Моор Н.Н. Реминисценции изобразительной традиции сейминско-турбинской эпохи в тагарском искусстве // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011. Вып. VII. С. 70–76.
6. Савинов Д.Г. Изобразительный пласт как форма существования и изучения наскального искусства (по материалам Центральной Азии и Сибири) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. : ИА РАН, 2008. Т. III. С. 73–74.
7. Чемякин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири (лесная и лесостепная зоны) // Тверской археологический сборник. Тверь : Триада, 2011. Вып. 8, т. II. С. 43–74.
8. Филин Д. Кулайский комплекс из Хакасии // Домонгол – альманах древней культуры и искусства. М. : Форум «Домонгол»; ООО «Альфа 2002», 2011. Вып. 2. С. 44–54.
9. Ковтун И.В. Предыстория арийской мифологии. Кемерово : Азия-Принт, 2013. 702 с.

Pankratova Lyudmila V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: solomila@mail.ru

OPENWORK ORNITHOMORPHIC REPOUSSAGE OF KULAI AND SAROVKA SACRED SITES: PROBLEM OF THE GENESIS OF KULAI STYLE.

Keywords: the early Iron Age; the Kulai culture; bronze repoussage; iconic style; images of birds.

Flat openwork and flat ornithomorphic repoussage with relief elements of Kulai culture is original from Middle Ob, Ob-Yenisei inter-fluves and Irtysh territory. The most part of the artifacts was found in Naryn territory near Ob River at Kulai and Sarovka Sacred Sites. Analysis of images of birds from these sacred sites allowed to reveal some elements of Kulai style and to identify their genesis. The birds' images are made in profile and full-face. There are single object-images, and multi-shaped frieze and heraldic compositions. These artifacts have a number of common elements in image interpretation. They have profile turned Г-shaped heads. Their eyes were made in the form of hole-like elements, relief ridges, and less often hemispheres. Bodies have a geometric shape. On the narrow wings there are triangular-like feathers. A pattern inside the enclosure contour or on the bird's body is stylistic element. The Г-shaped head goes back to the Eneolithic traditions of the region. The same form we can see in Early Elovka and Samus cultures of the developed Bronze Age in the territory near Ob River. Other decoration elements as a pair of parallel lines at the junction of the head and neck, parallel lines on the neck, narrow arcuate-shape wings raised over the body, and lines inside the body, connecting the inner oval and contours, also go back to Samus style. The way to image the eyes in the form of hemispheres and relief ridges, covering the surface, dates back to Seima-Turbino style. While the eye contour adjoining to forehead line and the bird's ear located next to its eyes (griffin) from Sarovka Sacred Sites are signs of the Scythian animal style. The genesis of such decoration elements as a "loop" on the bird's body

may have come to Kulai style after rethinking and restyling of Samus symbols. The combination of images of birds with lattice patterns in decoration of bronze “diadems”, found at sacred sites, may be a reminiscence of Seima-Turbino style in Kulai arts. Similar phenomena are identified in the animal style Tagar culture. We may assume that combinations of Samus, Seima-Turbino and Scythian styles became a basis for Kulai iconic style. Openwork repoussage art reflects the first stage of Kulai style development. Further we can observe development of the new decoration methods, which moved beyond the cultural phenomenon and became the basis for fine arts not limited by epoch.

REFERENCES

1. Kovtun, I.V. (1993) *Petroglify Visyashchego Kamnya i khronologiya tomskikh pisanits* [Petroglyphs Of the Hanging Stone and the chronology of Tomsk Neolithic Drawings]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1993. 140 s.
2. Kiryushin, Yu.F. (2004) *Eneolit i bronzovyy vek yuzhno-taehnoy zony Zapadnoy Sibiri* [Chalcolithic and Bronze Age the southern taiga zone of Western Siberia]. Barnaul: Altai State University.
3. Sher, Ya.A. (1980) *Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii* [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moscow: Nauka.
4. Pankratova, L.V. (2013) “Protecting from troubles and bringing wealth . . .”. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 1(20). pp. 24-33. (In Russian).
5. Bobrov, V.V. & Moor, N.N. (2011) Reministsentsii izobrazitel'noy traditsii seyminsko-turbinskoy epokhi v tagarskom iskusstve [Reminiscences of the pictorial tradition of the Seima-Turbinsky era in the Tagar art]. In: Bobrov, V.V., Sovetova, O.S. & Miklashevich, E.A. (eds) *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii* [The ancient art reflected in archeology]. Issue 7. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 70-76.
6. Savinov, D.G. (2008) Izobrazitel'nyy plast kak forma sushchestvovaniya i izucheniya naskal'nogo iskusstva (po materialam Tsentral'noy Azii i Sibiri) [Art as a form of existence, and the study of rock art (a case study of Central Asia and Siberia)]. In: Derevyanko, A.P. & Makarov, N.A. (eds) *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale* [Proceedings of the Second (18) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal]. Vol. 3. Moscow: Institut of Archeology RAS. pp. 73-74.
7. Chemyakin, Yu.P. & Kuzminykh, S.V. (2011) Metallicheskie ornitomorfnye izobrazheniya rannego zheleznogo veka Vostochnoy Evropy, Urala i Zapadnoy Sibiri (lesnaya i lesostepnaya zony) [Metal ornithomorphic images of the Early Iron Age in Eastern Europe, the Urals and Western Siberia (forest and steppe zones)]. In: Chernykh, I.N. (ed.) *Tverskoy arkheologicheskoy sbornik* [Tver archaeological collection]. Vol. 8(2). Tver: Triada. pp. 43-74.
8. Filin, D. (2011) Kulayskiy kompleks iz Khakasii [The Kulay complex of Khakassia]. In: Troshin, A.N. & Stanyukovich, A.K. (eds) *Domongol. Al'manakh drevney kul'tury i iskusstva* [Domongol. The almanac of ancient culture and art]. Moscow: Domongol, Al'fa 2002. pp. 44-54.
9. Kovtun, I.V. (2013) *Predystoriya ariyskoy mifologii* [The pre-history of Aryan mythology]. Kemerovo: Aziya-Print.

Д.Ю. Рыбаков

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ГОРОДИЩА ТИМИРЯЗЕВО III И ЕГО КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Статья написана в рамках научного проекта № 8.1.19. 2016, выполненного при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

Городище раннего железного века Тимирязево III расположено на левобережье Нижней Томи в пределах Томского Приобья. В результате его исследований 2009, 2013 гг. был получен керамический комплекс, включающий фрагменты от 267 сосудов. Проведен статистический анализ отдельных морфологических признаков керамики, а также ее орнаментации. Установлено что, несмотря на ряд локальных особенностей, она соотносится с керамикой фоминской культуры, входящей в кулайскую культурно-историческую общность, и привносится на территорию Томского Приобья уже в сформировавшемся виде в результате миграции фоминцев с южных территорий в период III–IV вв. н.э. Одной из причин миграции являются климатические изменения.

Ключевые слова: ранний железный век; городище Тимирязево III; статистический анализ керамики; фоминская культура; кулайская культурно-историческая общность; климатические изменения; миграция населения.

Городище Тимирязево III выявлено В.И. Матющенко в ходе разведочных работ 1954 г. В 1973 г. Л.М. Плетневой на городище был заложен раскоп площадью 363 кв. м, в результате исследовано 4 жилищных западины [1. С. 98]. В 2009 г. исследования на памятнике продолжены Д.Ю. Рыбаковым. В результате были проведены раскопки на внутренней площадке памятника, которые включали часть межжилищного пространства и визуально фиксируемую западину № 19. В 2013 г. проведены раскопки, в результате которых были исследованы часть внутренней площадки памятника, а также участок системы фортификации в западной части памятника [2. С. 87–89].

По материалам раскопок 2009, 2013 гг. был получен керамический комплекс, который включает венчики от 267 сосудов. Полностью форма сосудов восстановлена в одном случае, это чаша со слегка уплощенным дном,

имеющая ладьевидную форму. Среди керамического комплекса городища Тимирязево III отсутствуют фрагменты донца и придонных частей от плоскодонных сосудов. На всех сосудах отсутствует заглаживание стенок зубчатым предметом, часто используется лощение. По профилю и форме венчика наибольшее распространение в керамическом комплексе городища Тимирязево III получают сосуды, имеющие прямую форму венчика: с округлым срезом (81 сосуд – 30,3%) и скошенным внутрь срезом (48 сосудов – 17,9%), горизонтальным срезом (22 сосуда – 8,2%) и приотстренным срезом (20 сосудов – 7,5%). Значительно меньше сосудов с отогнутым наружу венчиком (всего 19,5%) и вогнутым внутрь (15%). Обращает на себя внимание факт практически полного отсутствия сосудов со скошенным внутрь срезом венчика с карнизиком (1 сосуд – 0,37%) (табл. 1).

Таблица 1

Морфология верхних частей сосудов городища Тимирязево III

Форма венчика	Срез венчика						Всего, %
	приостренный	округлый	уплощенный				
			скошенный внутрь с кар- низиком	скошенный внутрь	горизон- тальный	скошенный наружу	
Вогнут внутрь	1	22	–	9	8	–	40 (14,98)
Прямой	20	81	1	48	22	3	175 (65,54)
Отогнут наружу	10	13	–	21	6	2	52 (19,47)
Всего (%)	31 (11,61)	116 (43,44)	1 (0,37)	78 (29,21)	36 (13,48)	5 (1,87)	267 (100)

При декорировании сосудов использовалось 20 элементов орнамента, выполненных в технике штампования, накола, протаскивания, налепа. Следует заметить, что сосуды, орнаментированные в технике штампования, абсолютно преобладают. Орнаментальная композиция располагается в верхней части сосуда.

В среднем число строк составляет 3,9 на один сосуд. Без орнамента отмечено 2 сосуда (0,7% от общего количества). По иерархии встречаемости (более 3%), от наиболее частых к наименее частым, элементы орнамента располагаются следующим образом: ямки – 129 сосудов (48,7%); гребенчатый штамп – 121 (45,7%);

треугольный – 64 (24,1%); печатный гребенчатый – 36 (13,6%); полуовальный – 32 (12,1%); гладкая уточка – 18 (6,8%); гребенчатая уточка – 11 (4,1%); лопатка –

8 сосудов (3%). Особенностью орнамента керамического комплекса городища Тимирязево III является полное отсутствие жемчужника (табл. 2).

Таблица 2

Частота встречаемости элементов орнамента на сосудах городища Тимирязево III

Элемент орнамента	Техника нанесения	Количество сосудов	%	Число строк	%
Ямки	Штампование	129	48,67	136	13,06
Гребенка	Штампование	121	45,66	279	26,8
	Проташенная	1	0,37	4	0,38
Лопатка	Штампование	8	3,01	16	1,53
	Накольчатая (уголок)	5	1,88	20	1,92
Палочка	Штампование	2	0,75	9	0,86
Гладкая уточка	Штампование	18	6,79	60	5,76
Гребенчатая уточка	Штампование	11	4,15	27	2,59
Струйчатый	Штампование	4	1,5	5	0,48
S-образный	Штампование	4	1,5	9	0,86
Печатный гребенчатый	Штампование	36	13,58	89	8,54
Треугольный	Штампование	64	24,15	209	20,07
Полуовальный	Штампование	32	12,07	84	8,06
Ромбовидный	Штампование	6	2,26	15	1,44
Шеврон	Штампование	5	1,88	19	1,82
Двусоставной	Штампование	2	0,75	5	0,48
Трехсоставной	Штампование	1	0,37	2	0,19
Серповидный	Штампование	6	2,26	20	1,92
Круглый	Штампование	5	1,88	12	1,15
Овальный	Штампование	4	1,5	8	0,76
Прочие штампы	Штампование	5	1,88	11	1,05
Валик	Налепная, штампование	5	1,88	5	0,48

Элементы орнамента образуют 40 орнаментальных мотивов. Все они имеют горизонтальное расположение. К наиболее часто встречаемым орнаментальным мотивам относятся: горизонтальный ряд ямок – 97 сосудов (36,6%); горизонтальный ряд взаимопроникающего треугольного штампа – 59 сосудов (22,3%); горизонтальный ряд наклонного гребенчатого штампа – 49 сосудов (18,5%); горизонтальный ряд вертикального гребенчатого штампа – 44 сосуда (16,6%); горизонтальный ряд сгруппированных ямок – 31 сосуд (11,7%); горизонтальный ряд взаимопроникающего полуовального штампа – 22 сосуда (8,3%); горизонтальный ряд гладкой уточки – 19 сосудов (7,2%); горизонтальный ряд наклонной печатной гребенки – 18 сосудов (6,8%); горизонтальный ряд вертикальной печатной гребенки – 17 сосудов (6,4%); горизонтальный ряд горизонтально-гребенчатого штампа – 15 сосудов (5,7%); горизонтальный ряд треугольного штампа вершинами вниз – 13 сосудов (5%); горизонтальный ряд гребенчатой уточки – 11 сосудов (4,1%); горизонтальный ряд полуовального штампа вершинами вниз – 9 сосудов (3,4%); горизонтальный ряд елочки из оттисков гребенчатого штампа – 9 сосудов (3,4%) (табл. 3).

Мотивы орнамента образуют 66 орнаментальных композиций. Для орнамента сосудов одним элементом орнамента используется 18 мотивов. Число таких

сосудов с композицией, состоящей из одного элемента орнамента, составляет 110 сосудов – 41,5% от всего керамического комплекса. Два элемента орнамента с применением 31 мотива используется на 106 сосудах – 40%. Три элемента орнамента с применением 15 мотивов используется лишь на 47 сосудах – 17,8% керамического комплекса. С использованием четырех элементов орнамента выявлено всего два сосуда с оригинальными мотивами – 0,75% комплекса.

Впервые керамика городища Тимирязево III была рассмотрена Л.М. Плетневой. Для статистического исследования ею была привлечена выборка от верхних частей 1 022 сосудов. Согласно полученным ею результатам большая часть сосудов городища имеет прямой венчик – 899 сосудов (88%), отогнутый наружу венчик – 70 сосудов (6,8%) и вогнутый внутрь – 53 (5,2%). Данные по морфологии верхних частей сосудов хорошо согласуются со статистическими показателями 2009 и 2013 гг. Отличие заключается лишь с некоторым завышением показателя по сосудам с прямым венчиком в материалах раскопок 1973 г. Л.М. Плетневой также была проведена и первая классификация керамики по композиции орнамента. Была выделена группа А (ямочно-гребенчатая, в различных сочетаниях) – 305 сосудов (42±17,4%) и группа Б (фигурно-штамповая – кроме уточки) – 420 сосудов (58,2±2,3%). Керамика с уточкой была выделена

в отдельную группу, ее количество составило 93 сосуда (12,9±3,5%) [3. С. 52–53]. Данные по орнаментации также хорошо согласуются с имеющимися, по материалам раскопок 2009 и 2013 гг. Так, количественный показа-

тель керамики с ямочно-гребенчатой орнаментацией (группа А) составляет 93 сосуда (35,1%), фигурно-штамповой – 139 сосудов (52,4%), керамики со штампом «уточка» – 28 сосудов (10,6%).

Таблица 3

Частота встречаемости орнаментальных мотивов на сосудах городища Тимирязево III

Орнаментальный мотив	Количество сосудов	%
Горизонтальный ряд ямок	97	36,6
Горизонтальный ряд сгруппированных ямок	31	11,69
Два чередующихся горизонтальных ряда ямок	3	1,13
Горизонтальный ряд ямок, разделенных вертикальными оттисками S-образного штампа	1	0,37
Горизонтальный ряд вертикального гребенчатого штампа	44	16,6
Горизонтальный ряд наклонного гребенчатого штампа	49	18,49
Горизонтальный ряд горизонтального гребенчатого штампа	15	5,66
Горизонтальный зигзаг из оттисков гребенчатого штампа	7	2,64
Горизонтальный ряд елочки из оттисков гребенчатого штампа	9	3,39
Горизонтальный ряд протасенной гребенки	1	0,37
Горизонтальный ряд гладкого шеврона	3	1,13
Горизонтальный ряд гребенчатого шеврона	2	0,75
Горизонтальный ряд вертикальной печатной гребенки	17	6,41
Горизонтальный ряд наклонной печатной гребенки	18	6,79
Горизонтальный ряд горизонтальной печатной гребенки	6	2,26
Горизонтальный ряд елочки из оттисков печатной гребенки	4	1,5
Горизонтальный ряд оттисков палочки	1	0,37
Горизонтальный ряд вертикально поставленной лопатки	3	1,13
Горизонтальный ряд наклонно поставленной лопатки	4	1,5
Зигзаг из оттисков лопатки	2	0,75
Горизонтальный ряд гладкой уточки	19	7,16
Горизонтальный ряд гребенчатой уточки	11	4,15
Горизонтальный ряд S-образного штампа	3	1,13
Горизонтальный ряд струйчатого штампа	4	1,5
Горизонтальный ряд двусоставного штампа	2	0,75
Горизонтальный ряд трехсоставного штампа	1	0,37
Горизонтальный ряд треугольного штампа вершинами вверх	3	1,13
Горизонтальный ряд треугольного штампа вершинами вниз	13	4,9
Горизонтальный ряд взаимопроникающего треугольного штампа	59	22,26
Горизонтальный ряд полуовального штампа вершинами вверх	4	1,5
Горизонтальный ряд полуовального штампа вершинами вниз	9	3,39
Горизонтальный ряд взаимопроникающего полуовального штампа	22	8,3
Горизонтальный ряд серповидного штампа вершинами вверх	1	0,37
Горизонтальный ряд серповидного штампа вершинами вниз	2	0,75
Горизонтальный ряд взаимопроникающего серповидного штампа	5	1,88
Горизонтальный ряд ромбовидного штампа	5	1,88
Горизонтальный ряд круглого штампа	5	1,88
Горизонтальный ряд овального штампа	4	1,5
Горизонтальный ряд прочих штампов	5	1,88
Валик, орнаментированный наклонными рядами гребенчатого штампа или лопатки	5	1,88

По материалам раскопок Л.М. Плетневой, городище было отнесено к кулайской культуре и датировано IV–V вв. н.э. [1. С. 98; 3. С. 57]. Позднее керамика городища Тимирязево III была отнесена Л.А. Чиндиной к 8-й и 9-й группам керамики саровского этапа кулайской культуры. Группа 8 имеет широкий хронологический диапазон, включающий I в. до н.э. – IV в. н.э., группа 9 датируется II–IV вв. н.э. [4. С. 104–106]. В конце 1970-х гг. по материалам Верхнего Приобья

Т.Н. Троицкая выделила фоминский этап новосибирского варианта кулайской культуры, характеризующийся распространением керамики с фигурно-штамповой орнаментацией, который датировался концом I – III в. н.э. [5. С. 49–50]. Впоследствии Ю.В. Шириным была выделена отдельная фоминская культура, хронология которой укладывается в рубеж II/III–IV вв. н.э. [6]. Впоследствии Т.Н. Троицкая присоединилась к датировке, предложенной Ю.В. Шириным [7. С. 133].

В целом, керамика городища Тимирязево III близка фоминской, но имеет и некоторые отличия. Так, в грунтовом могильнике Ближние Елбаны-VII большая часть сосудов имеет скошенный внутрь срез, а у 9,5% имеется карнизик [5. С. 41; 8. Табл. XLVIII–LII]. Похожие морфологические особенности отмечены и на поселении Ближние Елбаны-IV – большинство венчиков имеют скошенный внутрь срез, карнизики присутствуют на 8% сосудов. Часть сосудов в Верхнем Приобье имеет уплощенное дно [9. С. 4]. Некоторые сосуды заглажены изнутри зубчатым предметом [5. С. 43; 8. Табл. XLIX, 1–5]. В Новосибирском Приобье из 30 сосудов городища Ивановка-4 у 2 (6,6%) имеется карнизик [5. С. 38]. Есть и некоторые частные различия. В Барнаульском Приобье известен один сосуд на поддоне. В материалах городища Тимирязево III таких сосудов нет, зато имеются один ладьевидный сосуд и один сосуд с ушком. Различия касаются и орнаментации. Очевидно, что Томское, Новосибирское и Барнаульское Приобье имеют ряд локальных особенностей в морфологии и орнаментации керамики фоминского типа. При данных отличиях не вызывает сомнения однокультурность этой керамики.

Как считает Л.А. Чиндина, появление в Верхнем Приобье саровской керамики связано с началом второй миграционной волны из Среднего Приобья в конце II – I в. до н.э. Она связывается с носителями переходной васюганско-саровской керамики (группа 6 по классификации Л.А. Чиндиной) и саровской керамики (группы 7, 8 по классификации Л.А. Чиндиной) [4. С. 161–162]. Присутствие лишь незначительного числа сосудов, соотносимых с 7-й и 8-й группами по классифика-

ции Л.А. Чиндиной, в более ранних поселенческих комплексах Томского Приобья (городище Мурашка, поселение Мурашка IV), а также генетическая преемственность этих комплексов с кулайскими памятниками конца IV – II в. до н.э. данного региона свидетельствуют о том, что керамика фоминского типа (группы 8, 9 по классификации Л.А. Чиндиной) попадает на территорию Томского Приобья, в целом, уже в сформировавшемся виде. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что в период III–IV вв. н.э. происходит миграция фоминцев в северном направлении, которая в итоге охватывает Томское Приобье. Этому могло способствовать установление аномально теплого периода между 228–327 гг. н.э. [10. С. 17–25]. В результате происходит осушение аридной зоны северного полушария [11. С. 268–270; 12. С. 20]. Именно эти климатические изменения, которые Л.Н. Гумилев называет «великой засухой III века», приводят к обезлюдению северных степей в III в. н.э. [13. С. 60–61].

С III в. н.э. Томское Приобье оказывается прочно втянутым в сферу южного влияния. Данная точка зрения не вполне укладывается в концепцию о территориальных рамках локальных групп кулайской культурно-исторической общности, когда Нарымское и Томское Приобье прежде всего соотносятся с ареалом распространения саровской керамики, а Новосибирское и Барнаульское – с фоминской. Новые данные позволяют говорить о том, что все Верхнее Приобье в III–IV вв. н.э. представляет собой территорию, где происходили схожие культурно-исторические процессы. Прежде всего, это выражено в сходстве керамических комплексов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 244 с.
2. Рыбаков Д.Ю. Городище Тимирязево III – памятник позднекулайской эпохи (некоторые результаты исследований последних лет) // Достопримечательное место «Тимирязевский археологический комплекс: итоги изучения и перспективы использования». Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 87–98.
3. Плетнева Л.М. Томское Приобье в кулайское время // Ранний железный век Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 51–58.
4. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа (кулайская культура). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 255 с.
5. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Наука, 1979. 122 с.
6. Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
7. Троицкая Т.Н. К вопросу о переходе от кулайской культуры к верхнеобской // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 133–140.
8. Грязнов М.П. История древнейших племен Верхней Оби // Материалы Института археологии. М. ; Л., 1956. Вып. 48. 159 с.
9. Ширин Ю.В. Источники по погребально-поминальной обрядности позднекулайской общности на юге Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1994. 19 с.
10. Наурзбаев М.М., Сидорова О.В., Ваганов Е.А. История климата позднего голоцена на востоке Таймыра по данным сверхдлинной древесно-кольцевой хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3 (7). С. 17–25.
11. Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Записки Географического общества СССР. 1957. Т. LXV, вып. 5. 337 с.
12. Кесь А.С. Аральское море в голоцене // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 19–21.
13. Гумилев Л.Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. 1967. № 1. С. 53–66.

Rybakov Dmitry Yu. Laboratory of archaeological and ethnographic research of Western Siberia, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: dima0183@yandex.ru

STATISTICAL ANALYSIS OF TIMIRYAZEVO III HILLFORT'S POTTERY COMPLEX AND ITS CULTURAL AND CHRONOLOGICAL CONTEXT.

Keywords: the Early Iron Age; hillfort Timiryazev III; statistical analysis of pottery; Fominskaya culture; climate change; migration. In 2009 and 2013 according to the materials of excavations of hillfort Timiryazev III located in Tomsk Ob region was obtained ceramic assemblage which includes rims of 267 vessels. In the result of statistical analysis were revealed basic morphological features of ceramics and its decoration. The greatest distribution in pottery complex of hillfort Timiryazev III got round bottom vessels having a straight

shape rim: with rounded cut; beveled inward horizontal cut and sharp cut. During the decoration of vessels were used 20 ornamental elements executed in the technique of stamping (punching) dimple. The number of vessels without ornament was lowest. The elements of the ornament formed 40 decorative motives. They all had a horizontal position. The most frequent ornamental motives are: horizontal rows of pits, interpenetrating triangular stamp, inclined vertical and horizontal comb stamp, interpenetrating semi-oval stamp, smooth ducks. The motives of ornament formed 66 decorative compositions. In spite of differences, pottery found in hillfort Timiryazevo III has the closest analogy in the materials of Fominskaya cultural monuments (III–IV centuries AD) which are located in south areas of Barnaul and Novosibirsk Ob region. The lack of genetic continuity of pottery in hillfort Timiryazevo III in the earlier settlement complexes of Ob region indicates that Fominsk type pottery appeared in the Tomsk Ob region in the crystallized form. This shows that in III–IV centuries AD the migration of Fominsk population occurred in a north direction, which covers the Tomsk Ob region. According to the author's opinion, the reason of migration was the establishment of abnormally warm period between 228–327 years AD, as a result was drying up of arid zones of the northern hemisphere. Archaeological evidences suggest that since III century AD Tomsk Ob region was strongly drawn into the sphere of south influence. This conclusion does not quite fit into the concept of the territorial framework of local groups of Kulai cultural and historical community when Narym and Tomsk Ob regions primarily relate to the distribution area of Sarov ceramics, and Novosibirsk and Barnaul Ob regions with Fominsk ceramics. New data suggest that Upper Ob region in the III–IV centuries AD was a territory where were similar cultural and historical processes. First of all, it is expressed in the similarity of ceramic complexes.

REFERENCES

1. Belikova, O.B. & Pletneva, L.M. (1983) *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e.* [Monuments of the Tomsk Ob of the 5th – 8th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Rybakov, D.Yu. (2014) Gorodishche Timiryazevo III – pamyatnik pozdnekulayskoy epokhi (nekotorye rezul'taty issledovaniy poslednikh let) [The mound Timiryazevo III – a monument of the Late Kulai (some result of the past research)]. In: Berezovskaya, N.V. (ed.) *Dostoprimechatel'noe mesto "Timiryazevskiy arkhologicheskiy kompleks: itogi izucheniya i perspektivy ispol'zovaniya"* [Timiryazevo archaeological complex: The study of the results and prospects]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 87-98.
3. Pletneva, L.M. (1978) Tomskoe Priob'e v kulayskoe vremya [The Tomsk Ob in the Kulai time]. In: Matyushchenko, V.I. (ed.) *Ranniy zheleznyy vek Zapadnoy Sibiri* [The Early Iron Age in Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 51-58.
4. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza (kulayskaya kul'tura)* [The ancient history of the Middle Ob in the Iron Age (the Kulai culture)]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Troitskaya, T.N. (1979) *Kulayskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [The Kulai culture in the Novosibirsk Ob]. Novosibirsk: Nauka.
6. Shirin, Yu.V. (2003) *Verkhnee Priob'e i predgor'ya Kuznetskogo Alatau v nachale I tysyacheletiya n.e. (pogrebal'nye pamyatniki fominskoy kul'tury)* [The Upper Ob and the foothills of the Kuznetsk Alatau in the beginning of the I millennium BC (Funerary monuments of Fominsk culture)]. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost'.
7. Troitskay, T.N. (1997) K voprosu o perekhode ot kulayskoy kul'tury k verkhneobskoy [On the transition from the Kulai to the Upper Ob culture]. In: Bobrova, I.A. (ed.) *Aktual'nye problemy drevney i srednevekovoy istorii Sibiri* [Topical problems of ancient and medieval history of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 133-140.
8. Gryaznov, M.P. (1956) *Istoriya drevneyshikh plemen Verkhney Obi* [The history of the ancient tribes of the Upper Ob]. *Materialy instituta arkhologii*. 48.
9. Shirin, Yu.V. (1994) *Istochniki po pogrebal'no-pominal'noy obryadnosti pozdnekulayskoy obshchnosti na yuge Zapadnoy Sibiri* [Sources on burial and memorial rites of the Late Kulai community in the south of Western Siberia]. Abstract of History Cand. Diss. Kemerovo.
10. Naurzbaev, M.M., Sidorova, O.V. & Vaganov, E.A. (2001) *Istoriya klimata pozdnego golotsena na vostokey Taymyra po dannym sverkhdlinnoy drevnesno-kol'tsevoy khronologii* [History of the Late Holocene climate in the east of Taimyr according to the super-long tree-ring chronology]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 3(7). pp. 17-25.
11. Shnitnikov, A.V. (1957) *Izmenchivost' obshchey uvlazhnennosti materikov severnogo polushariya* [Variability of the total moisture of the continents of the Northern Hemisphere]. *Zapiski geograficheskogo obshchestva SSSR*. LXV(5).
12. Kes, A.S. (1979) *Aral'skoe more v golotsene* [The Aral Sea in Holocene]. In: Tolstov, S.P. & Vinogradov, A.V. (eds) *Etnografiya i arkheologiya Sredney Azii* [Ethnography and archeology of Central Asia]. Moscow: Nauka. pp. 19-21.
13. Gumilev, L.N. (1967) *Ro' klimaticheskikh kolebaniy v istorii narodov stepnoy zony Evrazii* [The role of climate variability in the history of the peoples of the Eurasian steppe zone]. *Istoriya SSSR*. 1. pp. 53-66.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/19988613/42/29

С.Ю. Иерусалимская, Ю.Ю. Иерусалимский

РЕЦЕНЗИЯ: СЫСОЕВА Е.К. ШКОЛА В РОССИИ. XVIII – НАЧАЛО XX в.: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО. М. : НОВЫЙ ХРОНОГРАФ, 2015. 512 с.

В 2015 г. вышла в печать фундаментальная монография Евгении Константиновны Сысоевой, посвященная актуальной проблеме, имеющей важное значение для науки и общественной практики – роли народной школы в России XVIII – начала XX в. Автор на обширном источниковом материале и с привлечением широкого круга историографических работ по теме исследования анализирует деятельность всех типов начального, повышенного начального и среднего образования в стране. Характер изложения материала свидетельствует об отличном владении автором источниками и глубоком знании соответствующей исторической и специальной литературы.

Монография Е.К. Сысоевой не ограничивается сугубо историко-педагогическим ракурсом рассматриваемых вопросов, в центр изучения школьного дела автор ставит более широкие проблемы историко-культурного звучания. Состояние и преобразование системы отечественного просвещения на протяжении исследуемого периода коррелируются с политическими событиями, требованиями жизни, отношением власти и общества к проблемам народной школы. Исследователь справедливо отмечает, что в отличие от сухих цифр создаваемая многоцветная картина во всем разнообразии ее явлений поможет расставить необходимые акценты, представить реальный процесс формирования культурного потенциала российского общества, его уровень во время переломных моментов в истории страны.

Композиционно работа состоит из введения, четырех глав и заключения. Список рекомендованной литературы, иллюстраций и указатель имен облегчают работу с монографией и поиском нужного материала. Структурно каждая глава выделена по проблемно-хронологическому принципу: XVIII в.; начало – вторая четверть XIX в.; пореформенный период; конец XIX – начало XX в. С вышеприведенным делением на главы стоит согласиться, так как каждая эпоха, выделенная автором, имела свою специфику в становлении и развитии школьного дела. Каждая из глав основной части, в свою очередь, состоит из нескольких – от трех до пяти – разделов, имеющих свое функциональное назначение в историко-культурном исследовании системы общеобразовательной школы России, а в ком-

плексе позволяющих автору ставить и решать сложные научные задачи, связанные с воссозданием и исследованием взаимосвязи реформ народного образования с политикой государственных кругов и общественным мнением.

Уместно выглядит иллюстративный ряд монографии, где собраны наиболее показательные для избранной темы материалы: гравюры, картины, рисунки, фотографии городских и сельских школьных зданий, учителей и учащихся, обложки Уставов образовательных учреждений, учебной литературы, портреты известных на ниве просвещения государственных деятелей и выдающихся педагогов. Все они исполняют роль своего рода зрительного воплощения представлений об отечественной школе и могут быть полезны тем, кто интересуется темой народного образования Российской империи.

Во введении (С. 10–28) выделена постановка проблемы, специальный раздел посвящен историографии темы и анализу источников. Е.К. Сысоевой использованы обширные неопубликованные материалы из фондов Государственного архива Российской Федерации и Центрального исторического архива г. Москвы. Территориальные рамки монографии охватывают шесть учебных округов, включающих территории центрально-европейской части и юга России, Поволжье, Зауралье и Западную Сибирь. В то же время для обоснования своей позиции автор широко использует общероссийские статистические данные.

В первой главе «Век Просвещения» (С. 29–83) речь идет о развитии народного образования в XVIII в. – первом шаге в создании системы светской школы, без которого реформы XIX столетия в этой области были бы невозможны. Последовательно освещены попытки становления общеобразовательной школы в России, связанные с деятельностью Петра I, Екатерины II, М.В. Ломоносова, И.И. Шувалова, А.Я. Поленова, В.В. Крестинина, Н.И. Новикова, П.В. Завадовского и др., дана оценка результатов работы Уложенной Комиссии, указано на принципиальную позицию государственной власти: образование народа (куда входило и финансирование школ) – дело общества.

Вторая глава «От века просвещения к Великим реформам» (С. 84–201) поднимает вопросы реформирова-

ния народного образования в начале XIX в., положительно характеризует институт визитаторства и эффект его воздействия на работу школ и учителей, отмечает влияние Отечественной войны 1812 г. на русское общество и образовательную политику правительства. Следует согласиться с выводом Е.К. Сысоевой о том, что во второй четверти XIX столетия в основе курса правительства лежало стремление наиболее полно реализовать принцип сословности образования, о чем свидетельствует устав 1828 г. Говоря о принятии школы населением в 1850-х гг., автор выделяет осознание обществом необходимости образования и важности его регулярного характера. Очень интересен раздел, посвященный учительским будням: работе педагога, его авторитету, профессионализму и обратной связи: общество – педагог.

В третьей главе «Реформа народного образования. Школа в пореформенной России» (С. 202–360) последовательно и подробно рассмотрены подготовка, реализация, положительный итог школьной реформы 1864 г., открывшей путь для развития общеобразовательной школы без жесткого административного регулирования. Специальные разделы главы посвящены женскому образованию и частным школам. Отдельно охарактеризованы учительские кадры (профессиональная подготовка, социально-гендерный состав и пр.) и общественно-педагогическое движение в России (Петербургское педагогическое общество, комитеты грамотности).

Е.К. Сысоева справедливо отмечает противостояние общества и власти в оценках пути дальнейшего развития образования в период контрреформ начиная с 1866 г., а также возвращение сословности в среднем образовании. Несомненной заслугой автора являются масштабные статистические подсчеты количества учебных заведений разных типов, сведения о численности педагогов, учащихся и пр. в абсолютных числах и процентном соотношении, детализация числа выпускников и не окончивших полный курс училища, анализ источников финансирования и размера содержания учебных заведений.

Завершающая, четвертая, глава книги посвящена вопросам реорганизации общеобразовательной школы в условиях отечественной модернизации конца XIX – начала XX в. (С. 361–491). Этот процесс удачно показан исследователем как логичное завершение преобразований пореформенного периода.

Автор четко раскрыла позицию власти и общества по поводу внедрения всеобщего обучения в стране: общественность – «за», благодаря ее активности Министерство народного просвещения разработало, а Государственная дума одобрила 3 мая 1908 г. законопроект о введении всеобщего обучения в Российской империи.

Однако данная законодательная инициатива, как и другие проекты школьных преобразований начала XX в., не получила одобрения императора и Государственный совет не утвердил ее в качестве закона.

Вместе с тем в книге аргументированно, основываясь на надежных статистических источниках, показаны успехи отечественной народной школы к 1917 г.: грамотные горожане составляли 69,4%, сельские жители – 37,1%.

Именно это поколение, получившее начальное и среднее образование в начале XX в., вступило во взрослую жизнь в период глубоких революционных потрясений, ему выпала сложнейшая задача переустройства страны в 1920–1930-е гг., эти люди и их дети победили фашизм. Однако Е.К. Сысоева справедливо подчеркнула, что многие проблемы народного образования не были полностью решены и при смене общественно-политического строя.

Работа отличается точностью изложения, оригинальными и обоснованными выводами. Монография Е.К. Сысоевой – многоплановое исследование. Автору удалось показать не только чисто профессиональные моменты деятельности педагогов и учащихся. Он стремится выявить идеологические и психологические аспекты их работы, оценить влияние общественного мнения на развитие школьного дела России избранного периода. Так, учителя и представители общественно-педагогического движения предстают на страницах исследования не просто заурядными исполнителями, но образованными людьми, творчески подходящими к порученному делу. Они остро чувствовали насущные потребности своего времени, стремились внести посильный вклад в процветание России, осознавали необходимость трансформации сословного общественного строя.

Книга написана хорошим языком – легко, красочно, просто и вместе с тем сугубо научно. Перед нами тот редкий случай, когда академичная монография изложена настолько блестяще и в научном, и в литературном плане, что ее содержание будет доступно и интересно широкой читательской аудитории – от научных работников до школьников и всех, кому небезразлична история народного образования в России.

Рецензируемая монография будет востребована в наши дни не только среди специалистов-историков, но и среди представителей власти и общества, так как учет почти двухвекового опыта школьного строительства в Российской империи по-прежнему остается актуальным благодаря большому хронологическому периоду, охваченному исследованием, и масштабности задач, стоявших перед народной школой XVIII – начала XX в.

Ierusalimskaya Svetlana Ju. Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia). E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru; *Ierusalimskij Jurij Ju.* Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia). E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

REVIEW : SYSOEVA E.K. "SCHOOL IN RUSSIA. XVIII – EARLY XX CENTURIES: GOVERNANCE AND SOCIETY". M., 2015. 512 p.

УДК 930+316.6
DOI: 10.17223/19988613/42/30

Н.Н. Родигина

**РЕЦЕНЗИЯ: ЧЕЛОВЕК В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ
И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ :
СБ. НАУЧ. СТ. ТОМСК : ИЗД-ВО ТОМ. УН-ТА, 2015. 296 с.**

Проблемы идентичности и социальной адаптации на протяжении последних десятилетий являются предметом напряженного внимания исследователей социального: социологов, социальных антропологов, этнографов, историков и др. Представляется продуктивным стремление организаторов международной научной конференции «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования», проходившей в Томске в октябре 2014 г., одним из результатов которой является рецензируемый сборник, организовать диалог ученых, работающих не только в рамках разных дисциплин, но представляющих различные национальные, тематические, методологические традиции.

Первый тематический раздел сборника объединяет статьи, посвященные анализу процесса формирования территориальных и национальных, гражданских идентичностей (условиям, институтам формирования, символам идентификации и механизмам их трансформации). Н.И. Наумова показывает, как в условиях Гражданской войны изменялись разные виды социальных идентичностей бурят (этнической, надэтнической, региональной, гражданской), какие национальные лидеры и структуры повлияли на эти процессы, как менялась в них роль бурятской интеллигенции и каковы собственно основные характеристики этнической идентификации.

Свой вариант интерпретации городской идентичности жителей современного Норильска предлагает Н.В. Гонина, основываясь на публицистических и мемуарных текстах, фотографиях, материалах устных интервью. Автор выделяет критерии анализа городской идентичности, раскрывает разноплановые условия, оказавшие влияние на ее содержание, приводит словемаркеры, описывающие отношение горожан к своему городу. На мой взгляд, исследование было бы более завершенным в случае сопоставления репрезентаций городской идентичности в разных видах текстов (публицистика, визуальные источники, интервью, воспоминания и пр.) и выявления ее исторической (а возможно, и поколенческой) динамики.

Мне показался спорным замысел любопытной и по сути постановочной статьи М.А. Воскресенской об идентичности творцов Серебряного века. О какой особой идентичности идет речь? Людей, осознававших,

что они «творят Серебряный век»? Автор в качестве критерия использует противопоставление «культурной элиты» и «общей разночинской массы». Какая «общая разночинская масса» имеется в виду, учитывая достаточно большое количество описанных в историографии идеологических, социокультурных, поколенческих, профессиональных сообществ русской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в. и соответствующих им идентичностей? Насколько те, кого автор называет «культурной элитой» (в данном случае не хватает определения этого понятия), осознавали свое групповое единство, имея в виду многочисленные кружки, общества, творческие группы, о которых упоминает и сама исследовательница? Как соотносятся между собой используемые в статье категории «культурная элита» и «творцы Серебряного века»? Исключительно как синонимы?

Интерес для специалистов по национальной идентичности и широкого круга читателей, равнодушных к этносоциальным проблемам современности, представляют статьи Д.А. Аманжоловой, Л.В. Дериглазовой, Г.С. Климовой, А. Верцинской. Исследователи на примере конкретных этнических, гражданских, цивилизационных общностей актуализируют сюжеты о критериях и уровнях национальной идентичности, их иерархии, методологических подходах к их изучению, факторах, влияющих на их конструирование в исторической динамике, формы репрезентации этнического.

В историографической статье В.В. Агеевой раскрыты основные направления, тематические и методологические приоритеты изучения постсоветской национальной идентичности англо-американскими специалистами в области Russian Studies двух последних десятилетий, убедительно аргументирована авторская версия причин «застывания» современного российского общества на проблемах «постидентичности», кризиса «постсоциалистического» состояния национального самосознания; выявлены мнения зарубежных исследователей об условиях, предопределивших особенности национальной идентичности современных россиян; показана связь исследований гендера, гражданственности и империализма.

Во втором тематическом разделе собраны публикации о сибирской региональной идентичности в ее исторической ретроспективе. Продуктивной и неожиданной представляется идея Н.Г. Суворовой – выяснить, как

преломлялись конкурирующие проекты конструирования «русскости» и «сибирскости» в практике управления крестьянами на уровне волостных правлений и судов, охарактеризовать собственно крестьянские представления о территориальной идентификации. Автор выделяет этапы, механизмы и факторы формирования идентичности крестьянского населения региона, выявляет номинации сельского населения в документах официального делопроизводства, определяет реакцию крестьянского сообщества на процессы конструирования «полезных» идентичностей «сверху» различными акторами процесса научной и административной колонизации Сибири. Выводы статьи провоцируют на вопросы о том, насколько властью (на разных уровнях), областниками, политическими ссыльными и другими претендентами на роль демиургов территориальной идентичности сибирских крестьян учитывалось мнение сельских жителей по этому поводу, как именно данное мнение репрезентировалось в других видах источников. К примеру, в письмах (не только «во власть», но и в периодические издания, родственникам и т.д.), в этнографических описаниях современников и пр.

Статья В.В. Шевцова о репрезентации Сибири и сибиряков на страницах губернских ведомостей расширяет существующие в историографии областничества и истории региональной журналистики представления о роли неофициальных отделов ведомостей в конце 1850-х – начале 1860-х гг. в формировании региональной повестки дня, в актуализации «сибирских вопросов». Исследование побуждает задуматься, насколько перечень злободневных проблем Сибири и путей их решения совпадал с областнической программой и что в нем было типичного для «пробуждающегося» территориального самосознания других провинций / окраин Российской империи. Иначе говоря, насколько собственно самобытно-сибирским, судя по региональной официальной периодике, было областничество, или справедливо утверждение литературоведа Г.А. Бялого, понимавшего под областничеством интерес к провинции, культурническую деятельность народнической интеллигенции по ее изучению и просвещению, своеобразную замену «хождения в народ» [1. С. 95].

Практической реализации либеральных проектов мобилизации населения Сибири по территориальному принципу в годы Первой мировой войны посвящена работа О.А. Харусь. Историк акцентирует внимание на факторах и, что особенно важно, мотивах процесса актуализации региональной идентичности в условиях общероссийского патриотического подъема 1914–1916 гг.; приводит примеры попыток институализации регионального самосознания; рассматривает причины неэффективности деятельности местной либеральной интеллигенции по консолидации населения по терри-

ториальному признаку. Представляется удачным исследовательский фокус статьи, дающий возможность понять, как именно события, актуализирующие национальную и гражданскую идентичность, влияют на конструирование регионального самосознания. Однако это акцентирует и вопрос о преемственности и разрывах в деятельности либералов в данном направлении в сравнении с предшествующим мирным периодом начала XX столетия.

Авторы многочисленных исследований этнической идентичности современных сибиряков М.А. Жигунова, А.А. Анисимова, О.Г. Ечевская на разноплановых источниках и при помощи разных исследовательских стратегий описывают варианты репрезентации своей «сибирскости» нашими современниками и земляками, выявляют место региональной идентичности в иерархии других «принадлежностей», определяют маркеры, фиксирующие специфику сибирского регионального самосознания.

В третьем разделе обсуждаются сюжеты, связанные с адаптацией «принимающего общества» и мигрантов. В методологической статье В.И. Дятлова поставлены вопросы о правомерности употребления для современной России понятия «принимающего общества», использовании подходов безопасности и развития в понимании трансграничной миграции в научном, масс-медиа, властном и других дискурсах, о причинах и формах мигрантофобии в контексте современного нациестроительства. Л.А. Кутилова, Г.Н. Алишина, А.Н. Алексеенко, Е.П. Зимовина, Н.П. Погодаев, Е.А. Омельченко на конкретно-исторических примерах рассматривают связь миграции с процессами формирования и трансформации национальной идентичности.

Самый скромный по объему тематический блок посвящен разным вариантам корпоративной идентичности: университетскому преподавательскому сообществу (М.В. Грибовский), региональной корпорации сибирских историков 1930–1940-х гг., этическому кодексу университета как инструменту самоидентификации (Т.В. Трубникова, Н.С. Гулиус).

Замысел сборника, подобно пазлу, объединил статьи о разных видах идентичности (национальной, профессиональной, территориальной, профессиональной), потенциале разных методологических, тематических подходов и источников исследований идентичности и адаптации. К сожалению, вне поля зрения авторов остались сословная, поколенческая, гендерная идентичности, что дает основания надеяться на новые конференции и публикации по названной проблематике. Сборник представляет несомненный интерес не только для академических исследователей, но и для студентов гуманитарных специальностей, всех, кто интересуется проблемами идентичности и социальной адаптации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бялый Г.А. В.Г. Короленко. Л., 1983.

Rodigina Nataliya N. Tobolsk complex scientific station of the Ural Branch of RAS (Tobolsk, Russia); Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia). E-mail: natrodigina@list.ru

REVIEW : MAN IN A CHANGING WORLD. IDENTITY AND SOCIAL ADAPTATION IN HISTORY AND MODERNITY: METHODOLOGY, METHODS AND PRACTICES OF RESEARCH: COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES. TOMSK : TOMSK UNIVERSITY PRESS, 2015. 296 p.

REFERENCES

1. Byalyy, G.A. (1983) *V.G. Korolenko*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.

Л.А. Чиндина, В.И. Молодин, М.П. Рыкун, М.П. Чёрная

**«ВСЕМ НАШИМ ВСТРЕЧАМ РАЗЛУКИ, УВЫ, СУЖДЕНЫ...».
ПАМЯТИ ЛЕОНИДА ТЕОДОРОВИЧА ЯБЛОНСКОГО (1950–2016)**

«Умирают все – и люди,
мучительно думающие о жизни и смерти,
и те, кто избегает таких мыслей.
Различаются они тем, что по-разному живут...»
В.А. Дрёмов¹

14 июня 2016 г. внезапно ушёл из жизни Леонид Теодорович Яблонский – широко известный археолог и антрополог, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом скифо-сарматской археологии Института археологии РАН.

Леонид Теодорович родился в 1950 г. в Москве. В 1973 г. закончил исторический факультет МГУ. В 1969–1989 гг. работал в Институте этнографии АН СССР. В 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию «Население средневековых городов Поволжья (по материалам мусульманских могильников)» под руководством Г.А. Фёдорова-Давыдова. Принимал активное участие в археологических экспедициях в Нижнем Поволжье и Центральной России, в 1979–1989 гг. работал в составе знаменитой Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. С этого времени начинаются его самостоятельные многолетние исследования некрополей скотоводческого населения пустынь и полупустынь, которые привели к серии важных открытий памятников сакской культуры на границах Хорезмского оазиса.

В 1990 г. Леонид Теодорович переходит на работу в Институт археологии АН СССР. Здесь в 1991 г. защищает докторскую диссертацию на тему «Население Южного Приаралья в раннем железном веке (археология и антропология могильников)». В диссертации, а также в более поздних публикациях рассматривались результаты археологического и палеоантропологиче-

ского исследования могильников раннесакского времени, что позволило расширить границы культур сакского типа, уточнить хронологию памятников древнейших скотоводов Арало-Каспийского региона. На основе междисциплинарного подхода сделана этногенетическая реконструкция скотоводческого населения данного региона. По мнению Л.Т. Яблонского, территория степных и лесостепных скотоводов представляла историко-этнографическую зону, где обитали различные по происхождению этносы, взаимодействовавшие как постоянно через механизм культурной и биологической диффузии, так и периодически – через механизм миграций. Выявленные по археологическим данным внутри историко-этнографических зон локальные группы он предлагал связать с различными археологическими культурами, коллективы которых могли быть этнически гетерогенны и представлены протоевропеоидным, уральским, средиземноморским, центрально-азиатским типами популяций [2].

С 2002 г. Л.Т. Яблонский возглавил Отдел скифо-сарматской археологии. Новым регионом, с которым была связана его экспедиционная деятельность, стало Южное Приуралье. Многолетние раскопки элитного раннесарматского Филипповского могильника завершились серией блестящих открытий, без преувеличения пополнивших золотой фонд отечественной археологии [3].

Л.Т. Яблонский провёл множество экспедиций в Центральной России, Нижнем Поволжье, Южном Приуралье, Северном Кавказе, Средней Азии и Казахстане, оставил десятки пластических реконструкций лица по черепу представителей разных культур и народов. Плотный экспедиционный график Леонид Теодорович сочетал с упорной работой над статьями, монографиями. Им опубликовано более 260 печатных работ по археологии и антропологии, более десятка монографий, чаще междисциплинарного характера (см., напр.: [4–14]). Это сухие цифры, но за ними – большой кропотливый труд увлеченного ученого.

Разносторонние интересы Леонида Теодоровича определяли основные направления его творческой деятельности – это краниология, палеоантропология, расоведение, этногенез, восстановление лица по черепу, археология. Не замыкаясь на одном хронологическом этапе, он оставил научный задел по различным направлениям археологии и антропологии – от неолита до средневековья степной полосы Евразии. Глубокие

профессиональные знания принесли заслуженное уважение и авторитет не только российского (лауреат стипендии Президента РФ для выдающихся ученых – 1999), но и мирового научного сообщества (лауреат стипендии Фулбрайта – США, 2001–2002)².

В своих исследованиях ученый особое значение придавал вопросам методологии и теории. Методологической основой палеоисследований он считал применение системного подхода с привлечением максимального количества источников из смежных дисциплин, что может обеспечить даже возможность и методическую оправданность лингвистической ретроспекции [2. С. 11]. Пристальное внимание Л.Т. Яблонский уделял проблеме корректного использования фундаментальных понятий «популяция», «раса», «расогенез», «этнос», «этногенез», «археологическая культура», необходимости их рассмотрения в пространственно-временной системе координат. Свою позицию по проблеме контрастных подходов к фундаментальным понятиям в мировой антропологической науке Леонид Теодорович обозначил в докладе «Внимание: этническая антропология!» на V Бунаковских чтениях (Москва, ноябрь 2001 г.). Будучи сторонником классической «физической» антропологии, он предостерегал от поспешной этнической интерпретации археологических материалов и необоснованного использования «этнической» терминологии. «Если мы хотим удерживать высокие позиции отечественной исторической антропологии в мировой науке, нам придется подумать о замене (без ущерба для собственных идей) некоторых терминов, которые стали одиозными. Следует также избегать фраз, в контексте которых содержится даже намек на прямые (а не опосредованные географической территорией) взаимосвязи между такими явлениями, как этнос и популяция, этнос и раса» [17. С. 34–35].

Скифская тематика связала творческую судьбу Л.Т. Яблонского с Сибирью и сибиряками, наверное, это также естественно, как связь европейской и азиатской степи. Закономерно, что Леонид Теодорович как ведущий скифолог был участником международных симпозиумов «Terra Scythica» в 2011 г. и «Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы» в 2015 г., которые проходят по инициативе и на базе Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН совместно с Евразийским отделением Германского археологического института (г. Берлин). Симпозиумы являются площадкой, где обсуждаются новейшие достижения в области археологии Евразии, происходит обмен мнениями по насущным проблемам, в том числе скифо-сибирского круга. Л.Т. Яблонский представлял на симпозиумах блестящие результаты своих исследований, собственные взгляды по ключевым вопросам скифологии и свое видение ее перспектив.

Для томских археологов, антропологов и этнографов чрезвычайно важно, что Леонид Теодорович своим

участием поддерживал замечательную традицию активных связей ведущих отечественных научных центров с Томском.

Основой контактов стали фонды Музея археологии и этнографии Сибири (МАЭС ТГУ) и кабинета антропологии (КА ТГУ) Томского государственного университета – первого университета Сибири. Формирование фондов, благодаря научной прозорливости В.М. Флоринского, Н.М. Малиева, С.М. Чугунова, С.К. Кузнецова, началось ещё до открытия университета в 1888 г. С тех пор собрания археологических, антропологических и этнографических коллекций превратились в крупнейшие хранилища разнообразных, порой уникальных, материалов, происходящих из Сибири, Средней Азии, Монголии, Китая, Японии и других стран мира. Сегодня МАЭС ТГУ и КА ТГУ занимают лидирующие места в России.

Другим объектом внимания учёных к научной жизни Томска являются Западносибирские археолого-этнографические конференции (ЗСАЭК), которые проводятся на базе Томского государственного университета с 1970 г. За 46 лет работы конференции проведено 17 форумов, которые давно приобрели всероссийский и международный статус. Территория и население России и Сибири на протяжении тысячелетий были вплетены в мировой контекст исторических процессов, чем обусловлено широкое представительство на ЗСАЭК ученых из ведущих отечественных и зарубежных центров. Это предоставляет возможность удовлетворить взаимную заинтересованность в обмене накопленным опытом и, несомненно, повышает значимость этого многолетнего форума. Научная тематика конференции охватывает проблемы теоретико-методологического и концептуального характера, изучение в общероссийском и мировом контексте опыта социобиологического и этнокультурного взаимодействия населения Северной Евразии, центральную часть которой занимает Западная Сибирь, актуальные вопросы, значимые результаты и перспективы исследования культуро-, расо- и этногенеза народов региона от древности до современности.

Деятельность ЗСАЭК основана на междисциплинарном принципе работы и проведении общих заседаний, объединяющих археологов, этнографов, антропологов, лингвистов. Объективным основанием для совместной работы специалистов всех направлений является включение исследований в исторический контекст взаимодействия народов и культур. Такое сотрудничество служит надёжным основанием плодотворного решения поднимаемых проблем. На ряде конференций были организованы круглые столы для обсуждения наиболее острых и спорных вопросов специалистами разного профиля. С 2013 г. в практику проведения конференции внедрена новая форма работы – сопутствующий семинар, где можно заслушать лекции ведущих специалистов с последующим обсуждением поднятых проблем. Ярким примером ра-

боты в междисциплинарном ключе стала XVII Международная ЗСАЭК, посвященная юбилеям замечательных учёных, творчество которых охватывает широкий спектр научных направлений: 110-летию В.Н. Чернецова, 110-летию Г.Ф. Дебеца, 115-летию А.П. Дульзона.

Присутствие антропологического направления на конференции закономерно, поскольку позволяет рассматривать многоплановое и динамичное взаимодействие коренного и пришлого населения Северной Евразии как историческую константу через призму социобиологического опыта народов. Творческое сотрудничество с Томском развивает широкая плеяда антропологов не только Сибири, но и всей России. Работать с материалами, почитать лекции, провести консультации, выступить с докладом в Томск неоднократно приезжали мэтры отечественной антропологии – Г.Ф. Дебеч, В.П. Алексеев. На XVII ЗСАЭК приехала М.М. Герасимова, давно мечтавшая попасть в Томск – на родину своей мамы. Маргарита Михайловна не только прочитала пленарный доклад (соавтор М.С. Великанова), вместе с ней приехали ее талантливые ученики, один из которых – Д.В. Пежемский – стал членом оргкомитета XVII ЗСАЭК, автором доклада, лектором семинара.

Поддерживал творческие контакты с Томском и Л.Т. Яблонский – блестящий ученик и последователь выдающихся учёных М.М. Герасимова, М.М. Герасимовой, В.П. Алексеева, под началом которых он постигал глубину и широту знаний физической антропологии и неоспоримость значения палеоантропологии в изучении культурно-исторических процессов человеческих сообществ. Леонид Теодорович дважды посещал Томск. Первый раз в 1990 г. на VIII ЗСАЭК, откликнувшись на предложение Л.А. Чиндиной прочитать теоретико-методологический доклад по скифской тематике. Второй раз – в 2016 г. на XVII ЗСАЭК. Как потом рассказывал Леонид Теодорович, он думал над вопросом поездки в Томск «ровно 30 секунд». На приглашение ответил сразу и по-деловому конкретно: «Уважаемая Г-жа Черная, спасибо за приглашение. Предлагаю две темы лекций: 1) Скифо-сибирский мир: проблемы содержания понятия. 2) Сокровища сарматских вождей как отражение субкультуры ранних кочевников на востоке Евразийских степей (по материалам Филипповских могильников). Готов обсуждать и другие варианты по Вашему усмотрению».

История и культура кочевников – тема, получившая постоянную прописку на ЗСАЭК, она объединяет коллег из России, Казахстана, Монголии, Польши, Венгрии – как Великая степь, на тысячелетия ставшая пространственным континуумом для кочевников.

На нынешней конференции Леонид Теодорович вернулся к проблеме, впервые обозначенной им для сибирской аудитории на VIII ЗСАЭК: правомерности использования некогда введённых терминов «скифо-сибирский мир» и «скифо-сибирское единство». Подоб-

ные словосочетания, широко используемые прежде всего археологами, он считал искусственными, «поскольку существование единства никем не доказано, да и вряд ли может быть доказано вообще даже теоретически», это «отражение терминологической путаницы, которая, к сожалению, всё ещё существует в современной скифологии». Применение к сообществам степных скотоводов скифо-сакского времени термина «единство» невозможно в силу этнокультурной и генетической разнородности локальных групп населения на огромной территории Евразийских степей, а также того, что тренды их исторического развития далеко не одинаковы. Попытку объяснить сложение «единства» «взрывным» повсеместным распространением «скифской триады» – своеобразного этнокультурного индикатора принадлежности археологических культур к этому «единству» – исследователь считал недостаточно аргументированной. По его мнению, «скифская триада» имела престижно-знаковый, социальный смысл. Она характеризовала надэтническую культуру субсоциумов [18. С. 14–16].

Тему статусности как проявление социальной иерархии и сложения субкультуры элиты кочевых обществ по материалам Филипповских курганов Леонид Теодорович представил на семинаре, сопровождавшем конференцию. Принципиально важно, что интерпретация «сокровищ сарматских вождей» вписана исследователем в исторический контекст, рассматривается в рамках общих проблем скифологии, формирования и развития степных культур сарматской эпохи, их хронологии и периодизации. На основе наиболее многочисленных и ярких, ныне всемирно известных, вещевых комплексов «царских» курганов 1-го и 4-го Филипповского могильника уточнена нижняя абсолютная дата (вторая половина V–IV в. до н.э.). Установлено, что могильник характеризует переходный период от савроматской к собственно сарматской эпохе и относится к её первому (прохоровскому) этапу. Особенности погребального обряда, очевидность дисбаланса в ценности и количестве сопроводительного инвентаря по сравнению с подобными погребениями исследователь не без основания объяснял выделением особой социальной прослойки – субкультуры сарматских вождей.

Лекции Л.Т. Яблонского, сопровождаемые очень содержательной презентацией, вызвали неподдельный интерес и удовлетворение, проявив такую черту творческой личности Леонида Теодоровича, как умение передавать свой опыт и знания разным по уровню подготовки слушателям. Высокий уровень и познавательное значение лекций подчёркивает то обстоятельство, что они читались на следующий день после конференции. Леонид Теодорович опасался: «Два-три человека, может быть, и придут...». Однако аудитория была заполнена специально оставшимися участниками конференции, заинтересованными студентами и преподавателями двух томских университетов. Внимание не спало все 4 часа, аплодисментов было не меньше, чем

лекторам на первых занятиях. А сколько было вопросов! Успех превзошёл ожидания.

Леонид Теодорович активно использовал и другие формы научных контактов с томичами: оппонирование диссертаций, рецензирование монографий, консультации, беседы, создание на местном материале пластических реконструкций лица по черепу.

Известная требовательность Л.Т. Яблонского к «терминологической грамотности», умение вычленив наиболее важные актуальные проблемы в современной палеоантропологии и археологии степной и лесостепной части Евразии проявились при обсуждении и оппонировании кандидатской диссертации М.П. Рыкун «Палеоантропология Верхнего Приобья в эпоху раннего железа (по данным краниологии)» (2005) и рецензировании ее монографии [19]. В своих оценках, определяя направление научных изысканий в конкретных регионах, Л.Т. Яблонский исходил из того, что культурный и антропологический облик регионального населения скифской эпохи формировался на основе постоянного взаимодействия западного и восточного компонентов, соотношение которых менялось в зависимости от специфических для каждого хронологического отрезка тенденций исторического развития. Поэтому исследование этногенеза отдельных групп, составлявших это гетерогенное население, должно проводиться не на уровне «скифо-сибирского мира» с его мифическим «единством», а на узко-региональном и, по возможности, узко-хронологическом уровне.

Как известно, скульптурная иллюстративность облика предков, созданная профессионалом-антропологом, бесценна. Л.Т. Яблонский воссоздал облик древнего населения Томской земли от неолита до XVII в. Самые древние скульптурные реконструкции мужчин из неолитических могильников Усть Иша и Иткуль (Большой Мыс), во внешности которых просматривается монголоидный компонент палеосиби́рского облика, – свидетельство того, что в формировании древнего населения Верхнего Приобья участвовали различные по происхождению этнические компоненты [20. С. 167]. Череп из могильника Еловка II

(рубеж II–I тыс. до н.э.) представлял тип, в котором сказалась смесь пришлых с юга европеоидов с местными лесными монголоидами. На черепе из могильника Рёлка (VI–VIII вв.) сохранились черты смешения, характерные для уральской расы, и присутствуют особенности, сближающие его с селькупским этносом XVII в. С рёлкинскими материалами связан случай, иллюстрирующий остроту взгляда профессионального антрополога. В беседе с Л.А. Чиндиной, увидев объёмное бронзовое изображение личины «рёлкинца», Леонид Теодорович воскликнул: «Какое поразительное знание антропологических особенностей своих сородичей и искусная их передача!» Череп эуштинца из Тояновского могильника XVII в. в Томском Приобье содержит черты раннего пласта (южного) тюркского, смешанного с селькупам [21. С. 12–14]. Скульптурные реконструкции Л.Т. Яблонского служат наглядным материалом в работах научного, учебного, экскурсионного характера.

Горько сознавать, что полёт научной мысли превратился преждевременно. Последние письма, в которых мы обменялись благодарностями: с нашей стороны за его приезд и участие, что придало конференции и семинару научный вес и вызвало живой отклик, с его стороны – за фотографии, теплую встречу и добрые слова о том, что в Томске ему всегда рады и ждут. Доклад и лекции в Томске стали последними публичными выступлениями Л.Т. Яблонского. Их научный уровень и мастерство подачи делают честь самому Леониду Теодоровичу и нам – его коллегам, получившим возможность вживую услышать мэтра науки и пообщаться с человеком глубокой души и обширных знаний.

Мы ждали его статью в сборник по теме доклада... но приходится публиковать тезисы. Однако собранные Леонидом Теодоровичем богатейшие источники, поднятые проблемы, многочисленные разработки и обобщения по истории ранних кочевников Великих степей будут служить фундаментом и путеводителем для дальнейших дискуссий и возникновения новых идей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ [1. С. 198].

² Биографические данные мемориального очерка взяты из справочников [15. С. 106–107; 16. С. 80–81].

ЛИТЕРАТУРА

- Багашев А.Н. В.А. Дремов и сибирская антропология. Приложение: Дремов В.А. Неоконченная книга (выдержки из личного дневника) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск : Изд-во ТГУ, 2000. Т. X. С. 186–205.
- Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М. : Институт археологии РАН, 1996. 185 с.
- Яблонский Л.Т. Сокровища сарматских вождов (Материалы раскопок Филипповских курганов). Каталог. Оренбург : Димур, 2008. 143 с.
- Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи (археолого-палеоантропологические исследования) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М. : Наука, 1986. Т. XV. 200 с.
- Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М. : Наука, 1987. 253 с.
- Davis-Kimball J., Yablonsky L.T. Kurgans on the left bank of the Ile: excavations at Pokrovka, 1990–1992. Berkeley, Calif.: Zinat Press, 1995. 159 p.: ill., maps.
- Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников) / Ин-т археологии РАН; Ин-т этнологии и антропологии РАН. М. : Тимп, 1996. 185 с.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М. : РОССПЭН, 1997. 186 с.
- Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников). М. : Вост. лит., 1999. 326 с.

10. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискаена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М. : Вост. лит., 2001. 294 с.
11. Проблема расы в российской физической антропологии / ред. Т.И. Алексеева, Л.Т. Яблонский. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. 150 с.
12. Антропологический словарь / отв. ред. Л.Т. Яблонский. М. : Классик Стиль, 2003.
13. Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10). М. : Вост. лит., 2008. 366 с.
14. Яблонский Л.Т. Саки в дельте Окса. М. : Новое время, 2015.
15. Институт археологии сегодня. Сборник научных биографий. М. : ИА РАН, 2000.
16. Институт археологии Российской академии наук. М. : ИА РАН, 2007.
17. Яблонский Л.Т. Внимание: этническая антропология! // Теория антропологии и ее методы: истоки и развитие. К 110-летию В.В. Бунака. В Бунаковские чтения : тез. докл. М. : Старый Сад, 2001. Ч. 2. С. 34–35.
18. Яблонский Л.Т. «Скифская триада» и проблема этничности археологических признаков // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири : тез. докл. VIII ЗСАЭК. Томск : Изд-во ТГУ, 1990. С. 14–16.
19. Рыкун М.П. Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по данным материалам каменной культуры). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 284 с.
20. Дрёмов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997.
21. Яковлев Я.А., Дрёмов В.А. Лицом к лицу с предками // Сибирская старина (краеведческий альманах). Томск : Красное знамя, 1993. № 3. С. 12–14.

Chindina Lyudmila A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: chindina37@mail.ru; Molodin Vyacheslav I. Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russia). E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; Rykun Marina P. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: m_rykun@mail.ru; Chernaya Maria P. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: mariakreml@mail.ru

"TO ALL OUR MEETINGS OF SEPARATION, ALAS, SUZHDENA..." LEONID TEODOROVICH YABLONSKY'S MEMORIES (1950–2016).

The article is dedicated to the analysis of the heritage and foundations of the methodological research on ethnic and cultural history of the Ural and Siberian peoples by the prominent scientist V.N. Chernetsov. There is a brief overview of the researcher's way to humanitarian scientific sphere; unknown facts of his life are given. The main directions and milestones of his scientific activity are shown. The first direction was the conduction of numerous archaeological and ethnographic expeditions in the forest regions of Western Siberian Arctic, Ural and Trans-Ural, Lower Ob-river and Lower Irtysh-river basins. The second was the creation of strong generalizing territorial and chronological scheme of the cultural and historical development of Ural and Siberian peoples from the Neolith to the Middle Ages. He set priorities for Ust-Poluy and Potchevash cultures, considering them as the basis for Ugriic peoples of Western Siberia (Khanty, Mansi, partly Hungarians). Detecting ethnic and cultural areas the scientist considered them as large ethnic and linguistic communities (the Ugriic, Samoyed and Paleoasian ones). He had been most consistently elaborating the Ugriic constituent of the cultural and historical processes. Methodologically the researcher started from the paleoethnologic school of the Russian science. He considered culture as the main object of study and as a dynamic diverse system developing under the effect of natural and social environment. The main V.N. Chernetsov's principles of scientific work were historicity, interdisciplinary (including physical anthropology, archaeology, ethnography, linguistics and geography) approach, system analysis of historical and cultural processes, cultures and communities. His basic method was the comparative-historical one, which includes detection of ethnic and cultural specifics in ornamental designs, art activity (bronze molding, bone and clay sculpture, specificity in construction, technology, artifacts, dressing etc.). The most important culture defining sign perceived by him were ornamental designs as the semantic indicator passing from generation to generation and becoming a tradition. Basing upon genetic and retrospective analysis the researcher studied the dynamics of ethnic and cultural development. Methodological approaches of Valery N. Chernetsov have not lost their actuality, in spite of revision of a number of specific historical hypotheses (chronology and ethnic attribution of Ust-Poluy and Potchevash cultures at Zelyonaya Gora stage).

REFERENCES

1. Bagashev, A.N. (2000) V.A. Dremov i sibirskaya antropologiya. Prilozhenie: Dremov V.A. Neokonchennaya kniga (vyderzhki iz lichnogo dnevnika) [V.A. Dremov and Siberian anthropology. Appendix: Dremov V.A. An Unfinished book (excerpts from the personal diary)]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Trudy Tomskogo oblasnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of Tomsk Local Lore Museum]. Vol. 10. Tomsk: Tomsk State University. pp. 186–205.
2. Yablonskiy, L.T. (1996a) Saki Yuzhnogo Priural'ya (arkheologiya i antropologiya mogil'nikov) [Saki of the Southern Aral Sea (archeology and anthropology of burials)]. Moscow: Institute of Archaeology RAS.
3. Yablonskiy, L.T. (2008) *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdov. (Materialy raskopok Filippovskikh kurganov) Katalog* [Treasures of Sarmatian chiefs. (Materials from excavations of the Filippovka mounds). Catalog.]. Orenburg: Dimur.
4. Vinogradov, A.V., Itina, M.A. & Yablonskiy, L.T. (1986) *Drevneyshee naselenie nizoviy Amudar'i (arkheologo-paleoantropologicheskie issledovanie)* [The oldest population the Lower Amu Darya (archaeological and paleoanthropological research)]. Moscow: Nauka.
5. Gerasimova, M.M., Rud, N.M. & Yablonskiy, L.T. (1987) *Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniya Vostochnoy Evropy* [Anthropology of ancient and medieval population of Eastern Europe]. Moscow: Nauka.
6. Davis-Kimball, J. & Yablonskiy, L.T. (1995). *Kurgans on the left bank of the Ile: excavations at Pokrovka, 1990–1992* [Kurgans on the left bank of the Ile: Excavations at Pokrovka, 1990–1992]. Berkeley: Zinat Press.
7. Yablonskiy, L.T. (1996b) *Saki Yuzhnogo Priural'ya (arkheologiya i antropologiya mogil'nikov)* [Saki of the Southern Aral Sea (archeology and anthropology of burials)]. Moscow: Institute of Archaeology RAS, Institute of Ethnology and Anthropology RAS.
8. Itina, M.A. & Yablonskiy, L.T. (1997) *Saki Nizhney Syrdar'i (po materialam mogil'nika Yuzhnyy Tagitsken)* [Saki of the Lower Syr Darya (based on the South Tagitsken burial)]. Moscow: ROSSPEN.
9. Yablonskiy, L.T. (1999) *Nekropoli drevnego Khorezma (arkheologiya i antropologiya mogil'nikov)* [The necropolis of ancient Khorezm (archeology and anthropology of burials)]. Moscow: Vostochnaya literatura.
10. Itina, M.A. & Yablonskiy, L.T. (2001) *Mavzolei Severnogo Tagiskena. Pozdnyy bronzovyy vek Nizhney Syrdar'i* [The Mausoleum of Northern Tagiskena. The Late Bronze Age of the Lower Syr Darya]. Moscow: Vostochnaya literatura.
11. Alekseeva, T.I. & Yablonskiy, L.T. (2002) *Problema rasy v rossiyskoy fizicheskoy antropologii* [The problem of race in the Russian physical anthropology]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS.
12. Yablonskiy, L.T. (2003) *Antropologicheskiy slovar'* [The Dictionary of Anthropology]. Moscow: Klassiks Stil'.
13. Malashev, V.Yu. & Yablonskiy, L.T. (2008) *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya (po materialam mogil'nika Pokrovka 10)* [The steppe population of Southern Urals in the Late Sarmat period (a case study of Pokrovka 10)]. Moscow: Vostochnaya literatura.

14. Yablonskiy, L.T. (2015) *Saki v del'te Oksa* [Saki in the delta of the Oksa]. Moscow: Novoe vremya.
15. Kashkin, A.V. (ed.) *Institut arkheologii segodnya. Sbornik nauchnykh biografii* [Institute of archeology today. The collection of biographies]. Moscow: Institute of Archeology RAS.
16. *Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [The Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Institute of Archaeology RAS.
17. Yablonskiy, L.T. (2001) [Attention: Ethnic anthropology!]. *Teoriya antropologii i ee metody: istoki i razvitie. K 110-letiyu V.V. Bunaka* [The theory of anthropology and its methods: The origins and development. To the 110th anniversary of V.V. Bunak]. Proc. of the 5th Bunakov REadings. Moscow: Staryy Sad. pp. 34-35. (In Russian).
18. Yablonskiy, L.T. (1990) ["Scythian triad" and the problem of ethnicity of archaeological features]. *Problemy istoricheskoy interpretatsii arkheologicheskikh i etnograficheskikh istochnikov Zapadnoy Sibiri* [The problems of historical interpretation of archaeological and ethnographic sources of Western Siberia]. Proc. of the 8th West Siberian Archeological and Ethnographic Conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 14-16. (In Russian).
19. Rykun, M.P. (2013) *Paleoantropologiya Verkhnego Priob'ya epokhi rannego zheleza (po dannym materialam kamennoy kul'tury)* [Paleoanthropology of the Upper Ob in the Early Iron Age (according to the materials of the Stone culture)]. Barnaul: Altai State University.
20. Dremov, V.A. (1997) *Naselenie Verkhnego Priob'ya v epokhu bronzy (antropologicheskii ocherk)* [The population of the Upper Ob in the Bronze Age (An anthropological essay)]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Yakovlev, Ya.A. & Dremov, V.A. (1993) *Litsom k litsu s predkami* [Face to face with the ancestors]. *Sibirskaya starina*. 3. pp. 12-14.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

А.ЛИЕВА Татьяна Александровна, эксперт II категории научно-исследовательской лаборатории археологии и этнографии Института истории и политических наук Тюменского государственного университета. E-mail: agapetova@mail.ru

БАГАШЕВ Анатолий Николаевич, доктор исторических наук, директор Института проблем освоения Севера СО РАН (г. Тюмень). E-mail: bagashev@mail.ru

БАРАНОВА Светлана Измайловна, доктор исторических наук, хранитель Московского государственного объединенного музея-заповедника, доцент кафедры музеологии Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). E-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

БЕЛЯЕВ Леонид Андреевич, доктор исторических наук, заведующий отделом археологии Московской Руси Института археологии РАН, главный редактор журнала «Российская археология» (г. Москва), ведущий научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета. E-mail: labeliaev@bk.ru

БОБРОВ Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии Кемеровского государственного университета, заведующий отделом гуманитарных исследований Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН (г. Кемерово). E-mail: klae@kemsu.ru

БОРОДОВСКИЙ Андрей Павлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), старший научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета. E-mail: altaicenter2011@gmail.com

ВАСИЛЬЕВ Евгений Алексеевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой археологии и исторического краеведения Томского государственного университета. E-mail: eavasilev@mail.ru

ВЕЛИКАНОВА Марина Святославовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва). E-mail: info@iea.ras.ru

ГЕРАСИМОВА Маргарита Михайловна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая кабинетом-музеем антропологии им. акад. В.П. Алексеева Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва). E-mail: gerasimova.margarita@gmail.com

ГЕРМАН Павел Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН (г. Кемерово). E-mail: lithos@mail.ru

ГОЛОВНЁВ Андрей Владимирович, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург). E-mail: andrei_golovnev@bk.ru

ИЕРУСАЛИМСКАЯ Светлана Юрьевна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

ИЕРУСАЛИМСКИЙ Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

КИТОВА Людмила Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии Кемеровского государственного университета. E-mail: lyudmila.kitova@mail.ru

КОВТУН Игорь Вячеславович, доктор исторических наук, заведующий лабораторией археологии Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН (г. Кемерово). E-mail: ivkovtun@mail.ru

КОРОБЕЙНИКОВ Илья Николаевич, аспирант исторического факультета, младший научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета. E-mail: russianViking@yandex.ru

КРЮКОВА Елена Александровна, кандидат филологических наук, и.о. заведующего кафедрой языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета. E-mail: elenakrjukova@tspu.edu.ru

МАКАРОВ Николай Поликарпович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом археологии и этнографии Красноярского краевого краеведческого музея (г. Красноярск). E-mail: mnp@kkkm.ru

МАРОЧКИН Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН (г. Кемерово). E-mail: comcon@yandex.ru

МАТВЕЕВА Наталья Петровна, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков Тюменского государственного университета. E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru

МОЛОДИН Вячеслав Иванович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск). E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

ОКТЯБРЬСКАЯ Ирина Вячеславовна, доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск). E-mail: siem405@yandex.ru

ОЛЬШЕВСКИ Войцех (Wojciech Olszewski), доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии и культурной антропологии Университета Николая Коперника (г. Торун, Польша), член Комиссии исследования востока в Комитете этнологических наук Польской академии наук, ведущий научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета. E-mail: wojol@umk.pl

ПАНКРАТОВА Людмила Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, директор Экскурсионно-просветительского центра музеев Томского государственного университета. E-mail: solomila@mail.ru

ПЛЕТНЕВА Людмила Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета. E-mail: tspu_kae@mail.ru

РОДИГИНА Наталия Николаевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН, профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: natrodigina@list.ru

РЫБАКОВ Дмитрий Юрьевич, старший научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета. E-mail: dima0183@yandex.ru

РЫКУН Марина Петровна, кандидат исторических наук, заведующая кабинетом антропологии исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: m_rykun@mail.ru

САВИНОВ Дмитрий Глебович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Германского археологического института, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: lazarevskaya_n@mail.ru

САМУШКИНА Екатерина Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск). E-mail: Khakassie@yahoo.com

ТИШКИН Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия). E-mail: tishkin210@mail.ru

ФРОЛОВ Ярослав Владимирович, кандидат исторических наук, докторант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, директор Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (г. Барнаул) E-mail: frolov_jar@mail.ru

ЧЁРНАЯ Мария Петровна, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета, заведующая лабораторией археологических и этнографических исследований Западной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск). E-mail: mariakreml@mail.ru

ЧИНДИНА Людмила Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета. E-mail: chindina37@mail.ru

ШЕРСТОВА Людмила Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sherstova58@mail.ru

ЯБЛОНСКИЙ Леонид Теодорович, доктор исторических наук, заведующий отделом скифо-сарматской археологии Института археологии РАН (г. Москва). E-mail: yablonsky.leonid@yandex.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

2016. № 4 (42)

Редактор К.В. Полькина
Оригинал-макет А.Н. Воробьевой
Редакторы-переводчики Н.А. Глущенко, В.Н. Скок
Дизайн обложки Яна Якобсона (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано к печати 05.09.2016 г. Формат 60x84¹/₈.

Гарнитура Times.

Печ. л. 21,7; усл. печ. л. 20,2.

Тираж 60 экз. Заказ № 2031.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28